

**УПОЛНОМОЧЕННЫЙ ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА
в Российской Федерации**

**Государственный архив
Российской Федерации**

**Фонд «Президентский центр Б.Н. Ельцина»
Издательство
«Российская политическая энциклопедия»**

**Международное историко-просветительское,
благотворительное и правозащитное
общество «Мемориал»**

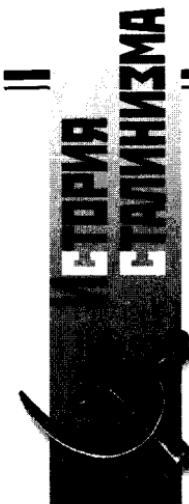
**Институт научной информации
по общественным наукам РАН**

Редакционный совет серии:

Й. Баберовски (*Jörg Barberowski*),
Л. Виола (*Lynn Viola*),
А. Грациози (*Andrea Graziosi*),
А. А. Дроздов,
Э. Каррер Д'Анкосс (*Hélène Carrère D'Encausse*),
В. П. Лукин,
С. В. Мироненко,
Ю. С. Пивоваров,
А. Б. Рогинский,
Р. Сервис (*Robert Service*),
Л. Самуэльсон (*Lennart Samuelson*),
А. К. Сорокин,
Ш. Фицпатрик (*Sheila Fitzpatrick*),
О. В. Хлевнюк

ВЛАДИМИР ИЛЬИНЫХ

ХРОНИКИ ХЛЕБНОГО ФРОНТА

**ЗАГОТОВИТЕЛЬНЫЕ
КАМПАНИИ КОНЦА
1920-Х ГГ. В СИБИРИ**

Москва
2010

УДК 94(47)(082.1)

ББК 63.3(2)714

И46

*Монография подготовлена в Институте истории
Сибирского отделения Российской академии наук*

Ильиных В. А.

- И46 Хроники хлебного фронта (заготовительные кампании конца 1920-х гг. в Сибири) / В. А. Ильиных. — М. : Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН) ; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. — 343 с. : ил. — (История сталинизма).

ISBN 978-5-8243-1406-9

В монографии анализируется хлебозаготовительная политика большевистского режима в конце 1920-х гг., в рамках которой был осуществлен переход от изповских методов регулирования аграрной экономики к чрезвычайным. На основе широкого комплекса источников проведена детальная реконструкция хода заготовительных кампаний 1927/28, 1928/29 и 1929/30 гг. в одном из основных зернопроизводящих регионов страны — Сибири. Особое внимание автор уделяет рассмотрению поездки И. В. Сталина в Сибирь в начале 1928 г., генезису урало-сибирского метода хлебозаготовок, поведенческим стратегиям крестьянства.

УДК 94(47) (082.1)

ББК 63.3(2)714

ISBN 978-5-8243-1406-9

© Ильиных В. А., 2010

© Российская политическая
энциклопедия, 2010

*Моему деду, сибирскому крестьянину
Федору Герасимовичу Ильиных, посвящается*

ВВЕДЕНИЕ

Проблема взаимоотношений крестьянства и государственной власти является одной из ключевых для понимания российской специфики. В ее рамках особую актуальность приобретает исследование отношений государства и сельского населения в переломные периоды отечественной истории. В конце 1920-х гг. в России был осуществлен переход от нэповских методов регулирования аграрной экономики к чрезвычайным и подготовлена политическая, правовая, организационно-экономическая, социальная, психологическая и кадровая база для проведения форсированной коллективизации. Выработка и апробация механизмов «чрезвычайщины» в первую очередь осуществлялись в сфере хлебозаготовок, которые представляли собой арену наиболее острых противоречий между правящим режимом и крестьянством.

Целостную картину функционирования и развития хлебозаготовительной системы невозможно реконструировать без детального изучения региональной специфики. Одним из важных хлебопроизводящих районов СССР в конце 1920-х гг. оставалась Сибирь¹. Роль сибирского хлеба традиционно возрастала в условиях неурожая в европейской части страны². Принципиальное значение для исследования хлебозаготовок имеет и такая специфическая черта аграрных отношений, как более высокая степень товарности зернового хозяйства сибирских крестьян. В регионе более ярко проявлялись многие особенности и противоречия как отдельных заготовительных кампаний, так и хлебозаготовок конца 1920-х гг. Край был своеобразным полигоном, где внедрялись новые методы заготовок. В начале 1928 г. Сибирь стала первым районом СССР, в котором с санкции И. В. Сталина началось уголовное преследование крестьян, не желающих продавать свое зерно государству по низким, по их мнению, ценам. В начале второй декады марта 1929 г. руководителям Сибирского края и Казахстана было предложено вслед за Уралом перейти к подворной разверстке «твёрдых» заготовительных заданий. Существенно доработанный в Сибири «новый» метод хлебозаготовок (позднее получивший название «урало-сибирского» или «завьяловского») в мае того же года распространили на другие районы СССР.

Изучение хлебозаготовительной политики советского государства в исследуемый период началось по горячим следам событий. Данной проблеме посвящалось множество статей и обзоров как в центральной, так и в региональной периодике, в которых подводились итоги очередной кампании или освещались отдельные аспекты реализации государственной политики в данной сфере. Проблемы проведения хлебозаготовок затрагивались в выступлениях на различных форумах лидеров большевистской партии и советского государства, региональных руководителей. По мере накопления исходного материала появлялись работы, в которых обобщался опыт нескольких заготовительных кампаний. В конце 1920 – начале 1930-х гг. была издана серия фундаментальных статистических ежегодников, содержащих детальную информацию по каждой заготовительной кампании³. Составной частью ежегодников являлась серия аналитических статей по проблемам хлебозаготовок и зернового производства.

На данном этапе развития историографии проблемы сделаны имеющие концептуальный характер выводы о восстановлении к 1927 г. отмененной в начале нэпа государственной монополии на оптовые хлебозаготовки, вытеснении частного капитала с хлебного рынка, централизации государственно-кооперативного заготовительного аппарата и переходе от рыночного механизма ценообразования к директивному (плановому). Данную точку зрения не оспаривал никто. Разница в позициях заключалась в том, что лидеры большевистского режима и руководящие работники государственных регулирующих органов оценивали победу над «рыночной стихией» однозначно положительно⁴, а специалисты, принадлежащие к либеральной экономической школе, считали, что подобная победа приведет к восстановлению «военно-коммунистических» методов хозяйствования⁵.

Значительно большую дискуссию в 1920-е гг. вызвала трактовка причин возникновения хлебозаготовительных кризисов периода нэпа. По мнению большинства аналитиков, включая сибирских, кризис 1925/26 г. возник из-за нежелания крестьянства продавать значительную часть произведенного зерна. Стимулы к его реализации снизились, поскольку увеличившемуся платежеспособному спросу деревни не было противопоставлено соответствующее предложение промтоваров. Л. Д. Троцкий, Е. А. Преображенский, В. Г. Громуан видели причины сложившейся ситуации в том, что развитие промышленности в целом отставало от сельского хозяйства⁶, Н. Д. Кондратьев – в том, что форсирование капиталовложений в производство средств производства происходило в ущерб производству средств потребления⁷, А. Л. Вайнштейн в своих выводах исходил из проводившегося на практике одновременного и не соответствующего возможностям экономики увеличения фондов накопления (капиталовложения в

индустриализацию) и фондов потребления (рост доходов городского и сельского населения)⁸. Лидеры «новой оппозиции» (Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Г. Я. Сокольников), признавая наличие диспропорций в народном хозяйстве, тем не менее расценивали задержку реализации хлеба как акт вполне осознанного сопротивления со стороны численно возросшей и материально окрепшей сельской буржуазии. Л. Б. Каменев на XIV съезде ВКП(б) в связи с этим говорил, что в ее руках* «сосредотачивается сравнительно большее по сравнению с прошлыми годами количество хлеба. <...> Опираясь на это, кулацкая верхушка получает сравнительно с прошлым большую возможность влиять в отрицательном, конечно, смысле на ход выполнения общегосударственных планов и пытается использовать подъем производительных сил в деревне в капиталистическом направлении»⁹.

Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, И. В. Сталин были с данной точкой зрения категорически не согласны. Задержку реализации зерна они справедливо расценивали как естественную позицию большинства крестьянства. И. В. Сталин на том же XIV съезде заявлял: «Не учили мы того, что мужик умеет маневрировать, что он откладывает свой валютный товар – пшеницу – для будущего, в ожидании дальнейшего подъема цен и предпочитает пока что выходить на рынок с другими, менее ценными, хлебами»¹⁰. При объяснении причин кризиса лидеры партийного большинства делали упор на ошибки в планировании, неблагоприятную конъюнктуру и несовершенство заготовительного аппарата¹¹. Однако вскоре их позиция изменилась. В резолюции апрельского (1926 г.) пленума ЦК заявлялось, что хозяйственные затруднения текущего года вызваны опережающими темпами развития сельского хозяйства по сравнению с промышленностью¹².

Различные точки зрения высказывались и по поводу причины хлебного кризиса 1927/28 г. Для представителей либеральной экономической школы они заключались в замене рыночных механизмов регулирования экономики на директивные¹³. Л. Д. Троцкий по-прежнему видел их в отставании темпов развития промышленности¹⁴,

* Здесь и далее в монографии курсивом выделены цитаты из источников и научной литературы. При этом все языковые погрешности и стилистические особенности цитируемого текста передаются дословно, без исправлений. Исправляются лишь явные ошибки (опечатки), допущенные при машинописном наборе текста. Дописанный автором текст (предположительное чтение утраченных или неразборчивых мест, пропущенные в источнике слова, буквы и цифры, раскрытие непринятых сокращений) приводится в квадратных скобках. Многоточия в квадратных скобках ставятся в местах нечитаемых фрагментов источника или его собственных лакун. Многоточия в угловых скобках означают пропуски в тексте при его неполном цитировании. Воспроизводятся авторские подчеркивания или иные формы выделения (заглавные буквы, жирный шрифт).

Н. И. Бухарин и А. И. Рыков — в нарушении рыночного равновесия и ошибках в планировании¹⁵. И. В. Сталин в январе 1928 г. основным виновником кризиса назвал кулачество, которое сознательно, из антисоветских побуждений, развязало «хлебную стачку», втянув в нее и часть среднего крестьянства¹⁶.

Позиция генерального секретаря (особенно по вопросу «вины» кулачества в кризисе) разделялась далеко не всеми руководителями Коммунистической партии. Борьба мнений внутри партийного руководства нашла свое отражение в официальных документах ВКП(б). В резолюции апрельского (1928 г.) пленума «О хлебозаготовках текущего года и об организации хлебозаготовительной кампании на 1928/29 год» было достаточно четко сказано, что «в основе этих [хлебозаготовительных] затруднений лежало резкое нарушение рыночного равновесия». Правда, при этом было найдено и социально-классовое содержание возникшего хлебного кризиса. Едва ли не цитируя выступления на XIV съезде видных деятелей левой оппозиции, резолюция заявляла: «Эта экономическая обстановка неразрывно была связана со своим социально-классовым выражением. В связи с дальнейшим расслоением деревни она дала возможность кулачеству, удельный хозяйственный вес которого вырос, хотя главная масса хлеба и не находится у него в руках, использовать свои позиции на рынке и оказать вместе с частником довольно значительное влияние на всю рыночную конъюнктуру»¹⁷.

На июльском (1928 г.) пленуме ЦК ВКП(б) произошло смешение акцентов. В резолюции пленума «Политика хлебозаготовок в связи с общим хозяйственным положением» указывалось, что базовой причиной «затруднений на хлебном фронте» является отсталость мелкотоварного крестьянского хозяйства, его неспособность в полной мере обеспечить быстро растущие в связи с развернувшейся индустриализацией потребности страны в хлебе. Что же касается неблагоприятной рыночной конъюнктуры и ошибок, допущенных при планировании кампании, то они лишь способствовали возникновению заготовительного кризиса. Эти же факторы были использованы «капиталистическими элементами деревни (кулаки, спекулянты) для подрыва хлебозаготовок»¹⁸. Тем не менее в резолюциях апрельского и июльского пленумов ЦК, в отличие от концепции И. В. Сталина, позиция кулачества рассматривалась как вторичная в ряду более общих причин возникновения кризиса хлебозаготовок.

Руководители властных структур Сибири при объяснении фактов хлебного кризиса 1927/28 г. в целом повторяли выводы документов центральных органов Коммунистической партии, хотя акценты в их статьях и выступлениях в большей степени были смешены на показ возросшего сопротивления кулачества¹⁹.

В начале 1929 г. компромиссы между группой так называемых правых и сталинским большинством в ЦК ВКП(б) ушли в прошлое. Н. И. Бухарин на апрельском (1929 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК заявил, что затруднения, возникшие в сфере хлебозаготовок, связаны с диспропорциями в народном хозяйстве. «*Огромные затраты на капитальное строительство*» оказали неблагоприятное влияние на развитие сельского хозяйства и, прежде всего, зернового производства. В условиях диспаритета цен на продукцию промышленности и сельского хозяйства, на зерновые и другие продукты аграрного производства *«началась известная перебежка производительных сил из области зернового сектора.* Крестьянин либо не расширял так, как он мог расширить, свои посевы; либо скармливал зерно скоту, не обращая его на посев; либо в той или другой степени переходил на другие культуры». Примененные в начале 1928 г. чрезвычайные меры привели к сокращению посевных площадей. «*Новое применение экстраординарных мер (в том числе и фактически принудительная разверстка по отношению к середняку)*» сказалось на перспективах восстановления зернового хозяйства еще более негативно²⁰.

И. В. Сталин определил утверждения оппонентов о «деградации» сельского хозяйства как необоснованные, заявив, что посевные площади сокращаются лишь в районах, охваченных неурожаем, а в других регионах посевы «систематически» растут. Указал и на то, что неурожай в степной полосе Украины, на Северном Кавказе и в ЦЧО снизил объемы поступления зерна. Однако главную причину заготовительных затруднений Stalin видел в «*сопротивлении кулацких и зажиточных элементов деревни политике советской власти по хлебозаготовкам*». Кулачество задерживает реализацию зерна, «заряжая этим держателей хлеба вообще»²¹.

С поражением так называемых правых в трактовке факторов, вызвавших заготовительные кризисы конца 1920-х гг., безраздельно восторжествовала точка зрения И. В. Сталина. Эта концепция была окончательно оформлена в «Кратком курсе истории ВКП(б)», ставшем своеобразным нормативным документом для советских историков; она воспроизвилась в немногочисленных работах 1930 — первой половины 1950-х гг.²² При этом в них повторялись выводы о монополизации (в новой трактовке — обобществлении) хлебооборота и замене рыночного механизма ценообразования на плановый; сопротивление кулачества тесно увязывалось с «вредительством» партийных оппозиционеров; арендой ожесточенной классовой борьбы назывались заготовительные кампании не только конца, но и середины 1920-х гг.

Количество работ, в которых затрагивались вопросы хлебозаготовительной политики советского государства в конце 1920-х гг., суще-

ственно увеличилось во второй половине 1950 – 1980-х гг. Проблемы ее осуществления, как правило, рассматривались в отдельных разделах коллективных или индивидуальных трудов, которые имели более широкие тематические рамки²³. Специальный анализ темы провели Г. А. Конюхов, Ю. А. Мошков, Л. Я. Фридберг²⁴. Определенный вклад в разработку темы внесли сибирские историки²⁵.

Основное внимание ученых было сосредоточено на освещении хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. Большинство авторов при объяснении его причин исходили из концепции «Краткого курса». Показателен в этом отношении вывод, сделанный в обобщающем труде «История советского крестьянства», который явился своеобразным завершением постсталинского этапа развития отечественной аграрной историографии: «*Кулачество, чувствуя неминуемую гибель, ожесточенно сопротивлялось наступлению социализма в деревне. Оно хотело саботажем хлебозаготовок вынудить партию и государство отказаться от проведения классовой линии в деревне, от социалистических преобразований в сельском хозяйстве <...> Кулак саботировал хлебозаготовки и подбивал на это середняка, который, глядя на кулака, отказывался продавать хлеб государству*»²⁶. Аналогичную позицию занимали и авторы 3-го тома «Истории крестьянства Сибири»²⁷. Вкладом сибирских историков в разработку официозной доктрины стал вывод о более высокой степени сопротивления местного кулачества как следствия его многочисленности и состоятельности²⁸.

Определенный интерес у исследователей вызывал урало-сибирский метод хлебозаготовок. Его инициаторами считали крестьян с. Завьялово Новосибирского округа, а причиной появления «урало-сибирского», или «завьяловского», метода называлась очередная кулацкая «хлебная стачка». Она вызвала «гневное возмущение» бедняцко-середняцких слоев деревни, требующих от властей «принятия строгих административных мер к злостным кулакам и спекулянтам». На фоне этого «возмущения» и возникла «завьяловская инициатива». Она была поддержана и распространена на Сибирский край в целом, затем на Урал и Казахстан, а летом на всю страну²⁹. «Кулацкий саботаж» хлебозаготовок, по мнению советских историков, продолжался и во второй половине 1929 г.³⁰

Попытки избежать одномерную трактовку были предприняты лишь в очень немногих работах. Так, концептуальный подход, заложенный в материалах июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б), был реализован в порожденной «оттепелью» монографии Ю. А. Мошкова «Зерновая проблема в годы сплошной колLECTivизации сельского хозяйства СССР» (М., 1966).

К проблеме хлебозаготовительной политики советского государства активно обращались и зарубежные исследователи (М. Левин,

А. Ноув, Р. Дейвис, Дж. Хьюз и др.³¹). Некоторые специалисты в своих работах использовали сибирский материал. Трактуя заготовительный кризис 1927/28 г., большинство из них основывались на концептуальных построениях 1920-х гг., называя в качестве главных причин его возникновения низкую товарность зернового хозяйства как следствие аграрной революции, замену рыночного механизма регулирования экономики на директивный, особенности конъюнктуры и неблагоприятное для производства и продажи хлеба соотношение цен. При этом полностью отрицалась концепция «кулацкой хлебной стачки». В обострении классовой борьбы в деревне, по их мнению, были виновны не кулаки, а И. В. Сталин, который во время поездки в Сибирь в январе 1928 г. дал санкцию на развязывание антикрестьянского террора. Анализируя заготовительную кампанию 1928/29 г., иностранные историки сделали вывод о том, что Урало-сибирский метод представлял собой закамуфлированную разновидность чрезвычайных методов, инициировался большевистским режимом, а его основной задачей являлось разжигание классовой борьбы в деревне.

Принципиальные изменения в отечественной историографии начались в конце 1980-х гг., когда исследователи получили возможность выйти за рамки официозной исторической парадигмы. Более доступными стали архивные фонды в центре и на местах. Началась публикация новых документальных материалов³², появились аналитические работы, в которых пересматривались традиционные догмы и выдвигались новые концепции³³. При этом, прежде всего, произошел всеобщий и достаточно безболезненный отказ от концепции «кулацкой хлебной стачки» как первопричины хлебного кризиса 1927/28 г. При анализе предпосылок возникновения заготовительных трудностей конца 1920-х гг. был выявлен и введен в научный оборот факт предшествующего им хлебозаготовительного кризиса 1925/26 г.³⁴ Ряд исследователей при освещении советской экономики и экономической политики большевистского режима в период нэпа значительное место уделили анализу конъюнктуры сельскохозяйственного рынка³⁵. Детальный анализ государственного регулирования хлебного рынка в условиях нэпа в Сибири и в стране в целом проведен в наших работах³⁶. Репрезентативную источникющую базу для анализа хлебозаготовительной политики советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. создал одноименный хроникально-документальный сборник³⁷.

Несмотря на расширение тематических рамок изучения проблемы государственного регулирования сельскохозяйственного рынка, в центре исследовательских интересов постсоветской историографии нэпа по-прежнему находился хлебозаготовительный кризис 1927/28 г. Анализ его причин присутствует практически во всех

статьях и монографиях, посвященных теме свертывания нэпа. Естественным представляется появление большого количества работ, в которых затрагиваются вопросы, связанные с поездкой И. В. Сталина в Сибирь и особенностями проведения хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. в сибирской деревне³⁸.

При этом некоторые сибирские историки пришли к выводу о неслучайности поездки Сталина именно в Сибирь. В. И. Шишkin определяет как «наивно-простодушную» позицию коллег, воспроизведяющих официальную версию, в соответствии с которой И. В. Сталин был вынужден поехать в Сибирь вместо внезапно заболевшего С. Орджоникидзе. Он полагает, что в Сибирь генсек поехал для того, чтобы оценить свой реальный политический вес в ВКП(б) и возможности единолично принимать и проводить в жизнь любые решения³⁹. По мнению И. П. Иконниковой и А. П. Угроватова, генсек, во-первых, избрал «для проведения своих взглядов в жизнь» регион, находящийся «подальше» от центральных органов власти и, прежде всего, от Бухарина, Рыкова и Томского, поскольку считал, что предлагаемые им меры преодоления кризиса не встретят у последних «сочувствия». Во-вторых, он «хотел посмотреть, как отреагирует на чрезвычайные меры в большинстве своем крестьянская по составу сибирская партийная организация»⁴⁰.

И. В. Павлова, напротив, считает, что именно в Сибири Сталину было «проще начать наступление на крестьянство, проще начать применение чрезвычайных мер в качестве основного средства разрешения хлебозаготовительного кризиса», поскольку он знал, что край возглавляют чиновники, отличавшиеся приверженностью к административным методам реализации аграрной политики, а социальные низы сибирского села являются надежной опорой для развязывания гражданской войны в деревне⁴¹.

Итоги поездки Сталина в Сибирь для дальнейшей истории страны очевидны. Рассуждения о том, что она являлась заранее просчитанной комбинацией, выглядят логичными. Однако полностью исключить версию случайности из этой истории, как и из истории вообще, нельзя. Не стоит также забывать о том, что Сибирь была самым крупным на востоке страны зернопроизводящим регионом, значительная часть хлеба в котором, в отличие от европейской части страны, реализовывалась во второй половине заготовительного года. Более высокой в регионе была товарность зернового производства.

Не в полной мере мы разделяем и позицию И. В. Павловой о сибирской бедноте. Вряд ли она была более агрессивной, чем в других регионах страны. На Дону, например, градус социальных претензий «иногородних» бедняков к своим более состоятельным соседям из казаков был достаточно высоким. Сибирская деревня была разделена

не столько по социальному, сколько по этнотERRиториальному признаку. Массовое аграрное переселение в начале XX в. привело к тому, что большинство сел региона населяли обособленные группы, самоидентифицирующиеся по времени вселения в Сибирь и месту выхода, в том числе представители различных субэтносов и даже этносов. Каждая группа обладала своим набором традиций, специфическими чертами менталитета. Их абсорбция еще не была завершена⁴². Подобного рода разобщенность сибирского крестьянства существенно облегчала большевистскому режиму проведение хлебозаготовительных кампаний конца 1920-х гг., а затем и форсированной колLECTивизации.

Ретроспективно определяя специфику социальных отношений в 1920-е гг., мы не беремся оценивать глубину их осознания Сталиным. Материалы комплексных обследований сибирской деревни, которые проводились Сибкрайкомом ВКП(б) в 1926–1927 гг., он изучал по дороге в Сибирь⁴³. В то же время можно с полным основанием утверждать, что генсек хорошо знал об антирыночных настроениях сибирского руководства и его приверженности к административным методам реализации аграрной политики.

Интенсивную дискуссию на современном этапе развития отечественной историографии вызвала рассматриваемая в контексте противоречий нэпа трактовка базовых причин возникновения хлебных кризисов середины и конца 1920-х гг. и кризиса 1927/28 г. в частности. По мнению Ю. П. Бокарева и Н. С. Симонова, причины нэповских кризисов заключались в объективно существовавших противоречиях между индустриальным и мелкотоварным крестьянским укладами. О. Р. Лацис зафиксировал противоречия между хозяйственными устремлениями крестьян и задачей создания накоплений для индустриализации. Г. А. Бордюгов и В. А. Козлов видели причины хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. в несоответствии возможностей сельского хозяйства задачам создания фондов накоплений, необходимых для проведения индустриализации страны. Ю. М. Голанд, Г. И. Ханин, Б. С. Пинскер и другие выводили этот и другие кризисы нэпа из противоречий между авторитарным режимом и рыночными методами регулирования экономики, В. П. Дмитренко — из противоречий между объективными закономерностями экономического роста и доктринальными политическими программами преобразования страны. М. М. Горинов и И. Б. Орлов указали на противоречия в самой экономической системе нэпа, в рамках которой не были решены основные проблемы дореволюционной Российской экономики.

В наших работах высказана точка зрения о том, что причины заготовительных кризисов периода нэпа заключаются в объективно существующих противоречиях между крестьянством и государством по поводу уровня и соотношения сельскохозяйственных и промыш-

ленных цен. Подобные противоречия присущи не только Советской России. Однако они усиливаются в том случае, если крестьянство противостоит государство, ставящее своей целью проведение модернизации экономики на нерыночной основе. Задержка реализации сельхозпродукции ее производителями, непосредственно вызывающая кризисы заготовок, является средством давления на государство, наиболее массовой и единственной формой классовой борьбы крестьянства.

Несмотря на различия в трактовке фундаментальных оснований хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г., абсолютное большинство исследователей, в той или иной мере затрагивающих данную проблему, считают, что его непосредственной причиной стало связанное с конъюнктурными особенностями года сокращение крестьянами реализации произведенного ими зерна. Однако наряду с данной позицией существует не столь распространенная точка зрения о том, что причиной кризиса являлось не нежелание крестьян продавать свой хлеб по низким закупочным ценам, а отсутствие у них запасов зерна, необходимых для удовлетворения запросов страны или правящего режима.

Так, В. П. Данилов, который первоначально занимал общепринятую позицию⁴⁴, в конце 1990-х гг. пришел к выводу о том, что кризис был спровоцирован путем сознательной фальсификации данных о товарных запасах зерна в крестьянских хозяйствах и принятия в связи с этим завышенного заготовительного плана. По его мнению, «миф о хлебном изобилии, созданный посредством немыслимых в статистике преувеличений, должен был убедить правящие верхи (а тем самым и возглавляемую ими главную общественную силу – большевистскую партию) в возможности получения такого количества зерна, которое обеспечивало, наконец, решение проблемы средств для ускоренной индустриализации, для укрепления обороны». При этом «сталинское руководство» стремилось «убедить партийно-государственные верхи в необходимости реализовать эти возможности и любыми средствами взять у крестьянства хлеб в объеме, достаточном для решения «очередных задач»⁴⁵.

Еще один исследователь, И. В. Кочетков, продолжая линию июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б), выводит причины заготовительного кризиса 1927/28 г. из «глубокого кризиса» зернового производства, который стал «частью общего упадка мелкого крестьянского земледелия»⁴⁶. По его мнению, «крестьянские хозяйства, производившие зерно, в целом не располагали производственным потенциалом, достаточным хотя бы для удовлетворения собственных продовольственных потребностей»⁴⁷. Непосредственной же причиной хлебозаготовительного кризиса он считает неурожай 1927 г.

Мы полагаем, что причины кризиса не сводились к ошибкам в планировании. Заготовительный план на год, безусловно, оказался преувеличенным. Однако этим нельзя объяснить тот факт, что в декабре 1927 г. хлеба в централизованном порядке в стране в целом заготовили на 0,6 %, а в Сибири на 7,4 % меньше, чем в декабре 1924 г. При этом следует учесть, что в 1927 г. и в СССР, и в Сибири зерновых засеяли больше, их урожайность была выше, а недород в европейской части СССР было гораздо менее масштабным, чем в 1924 г.⁴⁸ Кроме того, более высокой в 1927 г. была и степень монополизации рынка государственно-кооперативным заготаппаратом. В 1924 г. значительно большую часть хлеба приобрели частные скопщики⁴⁹.

В то же время выводы В. П. Данилова можно с полным основанием отнести к двум последующим заготовительным кампаниям. В 1928/29 г. заготовительные затруднения были связаны не столько с позицией крестьянства, сколько с гораздо более сильным, чем в 1927 г., неурожаем, затронувшим Северный Кавказ и Украину, а также с завышенностю планов для восточных регионов страны. Хлеба там в 1928/29 г. заготовили больше, чем в 1927/28 г. (см.: Приложение, табл. VIII), а показатели выполнения годовых заданий при этом оказались более низкими. В 1929/30 г. государство смогло взять в деревне хлеба столько, сколько сочло необходимым, не считаясь с последствиями сверхнормативного отчуждения для развития крестьянских хозяйств.

Основой для пересмотра принятой в советской историографии концепции возникновения «урало-сибирского» метода хлебозаготовок стало введенное в научный оборот в 1996 г. Ю. Таниучи⁵⁰ постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 20 марта 1929 г. о переходе на территории Сибири, Урала и Казахстана к разверстке заготовительных заданий до отдельных деревень, а затем дворов, с возложением большей части поселенного плана на «кулацкую верхушку». Данную процедуру следовало изображать как инициативу со стороны бедняцко-середняцкого актива и утверждать на сходе. Затем документ был опубликован в примечаниях к 1-му тому «Трагедии советской деревни»⁵¹. По мнению И. В. Павловой, данное постановление сделало более понятной «кухню» подготовки «завьяловской инициативы», «которая скорее всего осуществлялась в секретариате Сталина»⁵².

Проведенный нами поиск новых документов в архивах Новосибирска, Екатеринбурга и Москвы позволил детально реконструировать процесс становления урало-сибирского метода, а также установить, что данный метод был не просто «спущен сверху», а стал результатом своеобразного диалога между центром и регионами. Его основы были разработаны и впервые применены на Урале. Участие в выработке его окончательной идеологии принял Л. М. Каганович.

Сибкрайком ВКП(б) дополнил новый метод эффективным инструментарием, необходимым для его реализации⁵³.

Обзор литературы по истории хлебозаготовительных кампаний в конце 1920-х гг. показывает, что многие аспекты данной темы исследовались интенсивно. На данном этапе развития историографии возникла необходимость создания обобщающего труда по данной проблематике.

Предметом исследования, проведенного в настоящей монографии, является хлебозаготовительная политика советского государства в конце 1920-х гг., а основная задача заключается в выявлении тенденций, этапов, результатов, общих закономерностей и региональных особенностей деятельности центральных и краевых структур партийного, советского и хозяйственного управления по реализации государственной политики в данной сфере в Сибири. Для достижения поставленной задачи в монографии осуществляется детальная реконструкция хода заготовительных кампаний 1927/28, 1928/29 и 1929/30 гг. Разделам, посвященным перечисленным кампаниям, предшествует глава с изложением особенностей централизованных коммерческих хлебозаготовок начала и середины 1920-х гг., без исследования которых невозможно понять алгоритм трансформации заготовительной политики сталинского режима в конце десятилетия. Подробный анализ хода хлебозаготовок в Сибири сочетается с описанием ситуации в других зернопроизводящих регионах СССР и в стране в целом.

Основная цель хлебозаготовительной политики в рассматриваемый период состояла в мобилизации в централизованный фонд максимально возможных объемов хлебопродуктов, а базовым инструментом ее реализации оставались проводимые от имени государства заготовки. В широком смысле заготовки — сегмент хлебооборота, в рамках которого осуществляется отчуждение продукции зернового производства для ее последующего распределения между потребителями. Под заготовками в узком значении понимается непосредственное приобретение зерна у производителей. В источниках конца 1920-х гг. называются отдельные виды заготовок, которые дифференцируются по разным основаниям: методам отчуждения и сбора продукции, формам собственности заготовителей и производителей, типам внешней организации.

В 1927/28 и 1928/29 гг. и в предшествующий период основным способом сбора хлеба заготовительными организациями являлись так называемые рассевые закупки, под которыми понималось приобретение хлебопродуктов у производителей непосредственно на селе или на специально оборудованных заготовительных (сыпных) пунктах, расположенных в городах, на пристанях и железнодорож-

ных станциях. В 1928/29 г. в качестве метода отчуждения зерна стали применяться поставки в рамках выполнения договоров контрактации, заключенных между крестьянскими или коллективными хозяйствами и сельскохозяйственной кооперацией. В 1929/30 г. сбор хлеба по контрактационным договорам по своим объемам превзошел размеры «рассевых» закупок⁵⁴.

Специфической формой отчуждения хлебопродуктов в исследуемый период являлся гарнцевый сбор, представляющий собой сдаваемую государственным или кооперативным заготовителям натуральную оплату за помол зерна, переработку его в крупу и переработку семян масличных культур. От собственно хлебозаготовок сбор гарнца отличало то, что в его рамках осуществлялось не непосредственное отчуждение хлебопродуктов у производителей, а опосредованное. Производители вносили свою продукцию в качестве оплаты услуг перерабатывающих предприятий, а владельцы последних затем сдавали собранный гарнец со соответствующим заготорганизациям по государственным закупочным ценам.

Хлебозаготовками от имени государства занимались как государственные, так и кооперативные заготорганизации. Удельный вес кооперативных заготовителей в централизованных заготовках постоянно увеличивался⁵⁵, что, прежде всего, связывалось с реализацией партийного курса на развитие сельской кооперации. При этом следует иметь в виду, что кооперация к этому времени была фактически огосударствлена, а кооперативные организации представляли собой неотъемлемую составную часть государственно-кооперативного заготаппарата.

По типам внешней организации заготовки определялись как плановые или внеплановые, централизованные или децентрализованные, государственные или местные. Те из них, которые проводились по общегосударственному заданию (плану) уполномоченными на то заготовительными организациями (основными плановыми заготовителями), относились к государственным плановым заготовкам; проводимые же по региональному заданию местными плановыми заготовителями — к местным плановым. Годовые планы государственных заготовок разверстывались по территориям, заготорганизациям, календарным срокам и культурам⁵⁶.

Выделение централизованных заготовок в первую очередь подразумевало факт поступления собранных хлебопродуктов в централизованные фонды (общегосударственный или региональные). Но поскольку централизованные заготовки проводились по плану, а собранный в ходе плановых заготовок хлеб также поступал в централизованные фонды, то данные определения часто использовались как синонимические. Несмотря на то, что с 1928/29 г. гарнцевый сбор

стал осуществляться по разверстываемому на регионы государственному плану, а его абсолютно большая часть поступала в централизованные фонды, в статистических источниках конца 1920-х гг. данный вид заготовок к плановым или централизованным не относился и учитывался отдельно. В настоящей монографии с целью соблюдения единства под централизованными заготовками понимаются все виды поступления хлебопродуктов в централизованные фонды, за исключением гарнцевого сбора, а в государственные плановые заготовки гарнец включается.

Децентрализованными заготовками первоначально назывались инициативные закупки хлебопродуктов местными потребительскими кооперативами для удовлетворения нужд собственных членов (горожан, промысловиков и т. п.). В конце 1920-х гг. децентрализованные заготовки приобрели плановый характер и стали осуществляться по заданиям региональных торготделов (в 1927/28 и 1928/29 гг.) или Наркомторга СССР (в 1929/30 г.).

В конце 1920-х гг. масштабы внепланового хлебооборота, который формировали закупки хлеба частными предпринимателями и его непосредственное приобретение потребителями (в рамках внутридеревенского оборота или на базарах), были незначительными и имели тенденцию к сокращению. Государство, сведя частные заготовки пределами местного оборота и мелкого опта, монополизировало хлебный рынок еще в предыдущий период⁵⁷. С начала 1928 г. деятельность частных скопщиков стала квалифицироваться как спекуляция со всеми вытекающими отсюда последствиями. Проведение децентрализованных заготовок разрешалось в районах, в которых план централизованных заготовок был выполнен, либо таковые вообще не велись. А поскольку географические рамки централизованных заготовок постоянно расширялись, а их планы постоянно не выполнялись, то размеры децентрализованного хлебозакупа были минимальными. Ограничивались и возможности непосредственного приобретения зерна. Местные власти шли на запрет внутридеревенской купли-продажи хлеба, закрывали базары, выставляли заградотряды. Крестьянам, продававшим свое зерно на рынке, могло грозить уголовное преследование, объявление «общественного бойкота», индивидуальное обложение сельхозналогом.

Внутреннее хронологическое структурирование предмета исследования связано с его вполне определенной цикличностью. Для заготовок полный цикл укладывался в рамки заготовительного года, для заготовительной политики — в кампанию. Статистический заготовительный год в СССР начинался в июле текущего года, когда начиналась уборка зерновых в основных производящих районах европейской части страны, и завершался в июне следующего года.

В Сибири в связи с более поздними сроками созревания зерновых хлеб нового урожая поступал на рынок в сентябре. В связи с этим в 1922/23–1926/27 гг. сдвигалось на сентябрь и официальное начало регионального заготовительного года. Однако процесс централизации хлебооборота привел к тому, что с 1927/28 г. хронологические рамки заготовительного года в Сибири были приведены в соответствие с общесоюзными стандартами. Кампании с заготовительным годом могли не совпадать. Так, кампания 1929/30 г. завершилась в конце декабря 1929 г. К этому времени разверстанный на Сибирский край план централизованных хлебозаготовок был практически выполнен, а продолжающийся сбор гарнца не требовал особых политических усилий. Кроме того, в январе 1930 г. началась многократно более значимая для правящего режима кампания — массовая коллективизация.

Преобладающую часть источникового корпуса составляют архивные документы, извлеченные из фондов Государственного архива Новосибирской области (ГАНО), Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ), Российского государственного архива экономики (РГАЭ), Государственного архива Иркутской области (ГАИО), Центра документации общественных организаций Свердловской области (ЦДООСО), Центра хранения архивного фонда Алтайского края (ЦХАФАК), Центра хранения и использования документации новейшей истории Красноярского края (ЦХИДНИКК). Их дополняют материалы, опубликованные в законодательных сборниках и кодексах 1920-х гг. (СЗ СССР, СУ РСФСР, УК РСФСР), периодической печати того времени, сборниках документов.

Опорные источники исследования — директивно-распорядительные, нормативные и законодательные акты тех центральных и региональных органов государственного, партийного и отраслевого управления, которые формировали хлебозаготовительную политику большевистского режима, а также осуществляли руководство ее реализацией; документы справочно-аналитического и информационного характера, представляющие различный уровень анализа; оперативная и итоговая заготовительная, конъюнктурная и сельскохозяйственная статистика. На основе разнообразных статистических источников с учетом сопоставимости данных в работе составлен ряд таблиц, позволяющих показать динамику хлебозаготовок. Таблицы, имеющие обобщающий характер, составляют Приложение к монографии.

Основным методом выявления полноты и достоверности используемых источников являлся совокупный сравнительный анализ. При

этом учитывались: методика сбора и обработки положенных в основу источника материалов; их репрезентативность; происхождение документов, в том числе деление государственной информации на открытую и секретную, цель создания и ведомственная принадлежность; место авторов и составителей документов в идеино-политической борьбе исследуемого периода.

Разнообразный документальный материал с учетом его внутренней и внешней критики создал надежную базу для достоверного изображения исследуемого процесса.

В качестве иллюстраций к книге использованы карикатуры конца 1920-х гг. из сибирских краевых газет «Советская Сибирь» и «Сельская правда».

Примечания

¹ Доля Сибири в посевах зерновых по СССР в целом составляла в 1927 г. 7,7 %, в 1928 г. – 8,4, в 1929 г. – 8,9 %; в посевах пшеницы – 13,1 %, 16,0 и 16,8 % соответственно // Приложение, табл. I, II.

² В неурожайном для основных хлебопроизводящих регионов СССР (Украины, ЦЧО, Северного Кавказа) 1928 г. удельный вес Сибири в общесоюзном валовом сборе зерновых составил 10,2 %, в государственных централизованных заготовках хлебопродуктов 1928/29 г. (без учета гарнцевого сбора) – 19,8 % // Приложение, табл. I, II, VIII.

³ Ежегодник хлебной торговли. № 1: 1925/26 и 1926/27 гг. М., 1928; № 2: 1927–28. М., 1929; Ежегодник хлебооборота. № 3: За 1928/1929 г. М., 1931.; № 4–5: За 1929/30 и 1930/31 гг. М., 1932.

⁴ Бухарин Н. И. Партия и оппозиция на пороге XV партсъезда: Доклад на собрании актива Ленинградской организации ВКП(б) 26 октября 1927 г. // Бухарин Н. И. Избр. произв. М., 1988. С. 326; Контеев К. Н., Бердяев Г. С. Пять лет хлебной торговли в СССР (1922–1927 гг.) // Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 21–22. С. 32; Второй краевой съезд Советов Сибири (1–6 апреля 1927 г.): Газетные репортажи и документы. Новосибирск, 1991. С. 112–114 (доклад зав. сибкрайторготделом А. Н. Злобина); и др.

⁵ Вайнштейн А. Л. Хозяйственные затруднения 1926/27 г. // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1927. № 11–12. С. 154.

⁶ Правда. 1925. 15 дек.; Социалистическое хозяйство. 1925. № 6. С. 46.

- ⁷ Кондратьев Н. Д. Современное состояние народнохозяйственной конъюнктуры в свете взаимоотношений индустрии и сельского хозяйства // Социалистическое хозяйство. 1925. № 6.
- ⁸ Вайнштейн А. Л. Итоги и конъюнктура 1925/26 хозяйственного года // Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1926. № 11–12. С. 9.
- ⁹ XIV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М.; Л., 1926. С. 264.
- ¹⁰ Там же. С. 39.
- ¹¹ Там же. С. 39, 417; Бухарин Н. И. «Доклад на XXIII чрезвычайной ленинградской губернской конференции ВКП(б) 10–11 февраля 1926 г.» // Бухарин Н. И. Избр. произв. С. 233.
- ¹² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. М., 1984. Т. 4. С. 11.
- ¹³ Экономический бюллетень Конъюнктурного института. 1928. № 1. С. 2.
- ¹⁴ См.: Бухарин Н. И. Избр. произв. С. 400–401.
- ¹⁵ XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1962. Ч. 2. С. 859–860; Бухарин Н. И. Заметки экономиста. К началу нового хозяйственного года // Бухарин Н. И. Избр. произв. С. 403–405.
- ¹⁶ Сталин И. В. Соч. М., 1953. Т. 11. С. 2.
- ¹⁷ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 315, 316.
- ¹⁸ Там же. С. 351.
- ¹⁹ Сыровцов С. И. Некоторые итоги хлебозаготовок (Из доклада на собрании Новосибирской организации 17 февраля 1928 г.) // За четкую классовую линию. Новосибирск, 1929; Эйхе Р. И. О недочетах и извращениях в хлебозаготовках (Из доклада на мартовском (1928 г.) пленуме крайкома) // Там же.
- ²⁰ Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. С. 168–171.
- ²¹ Там же. С. 490–491.
- ²² 10 лет на хлебном фронте: «Хлебопродукт» — Союзхлеб. М.; Л. 1932; Сточик Я. И. Плановый хлебооборот в 1929/30 и 1930/31 гг. // Ежегодник хлебооборота. № 4–5; Чернов М. А. Как разрешена зерновая проблема (1929/30–1930/31 гг.) // Там же; Краев М. А. Победа колхозного строя в СССР. М.; Л., 1954; СССР в период восстановления народного хозяйства (1921–1925 гг.). М., 1955; Мусеев М. И. Экономические основы государственных заготовок сельскохозяйственных продуктов. М., 1955; и др.

²³ Лященко П. И. История народного хозяйства СССР. Т. III: Социализм. М., 1956; Трапезников С. П. Ленинизм и аграрно-крестьянский вопрос. Т. II. М., 1967; Ивницкий Н. А. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса (1929–1932 гг.). М., 1972; История советского крестьянства. М., 1986. Т. 2: Советское крестьянство в период социалистической реконструкции народного хозяйства. Конец 1927–1937; и др.

²⁴ Конюхов Г. А. КПСС в борьбе с хлебными затруднениями в стране (1928–1929 гг.). М., 1960; Мошков Ю. А. Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966; Фридберг Л. Я. Государственный хлебный фонд СССР и финансово-экономические рычаги его образования (1921–1929 годы): Исторический очерк. М., 1976. (Рукопись деп. в ИНИОН РАН).

²⁵ Леонова В. И. Из истории деятельности сибирской партийной организации по усилению роли бедноты в борьбе с кулацким хлебным саботажем в 1928–1929 гг. // Из истории партийных организаций Западной Сибири. Омск, 1967; Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973; Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983; Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.) Новосибирск, 1987; Угроватов А. П. Борьба коммунистов органов юстиции Сибири с кулачеством в хлебозаготовительную кампанию 1929/30 г. // Деятельность партийных организаций Сибири по социалистическому преобразованию и развитию деревни. Новосибирск, 1982; и др.

²⁶ История советского крестьянства. Т. 2. С. 32.

²⁷ Крестьянство Сибири в период строительства социализма. С. 210.

²⁸ См.: Пестриков Ф. С. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя (1927–1937 гг.). Новосибирск, 1966. С. 7, 15; Степичев И. С. Победа ленинского кооперативного плана в восточносибирской деревне. Иркутск, 1966. С. 75, 260, 367; История Сибири. Л., 1968. Т. 4: Сибирь в период строительства социализма. С. 228, 235; и др.

²⁹ См.: Пестриков Ф. С. Партийные организации Западной Сибири в борьбе за победу колхозного строя. С. 19; Гущин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.): Курс лекций. Новосибирск, 1972. С. 176.

- ³⁰ Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 194; Иваницкий Н. А. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса. С. 109.
- ³¹ Hoye A. Новая экономическая политика. НЭП (отрывки из книги A Nove. An Economic History of the USSR. Middesex. 1982) // Проблемы Восточной Европы. N.Y., 1987; Davies R. W. Socialist Offensive. Collectivization of the Soviet Agriculture. 1929–1930. L., 1980; Davies R. W., Wheatcroft S. G. Further Thoughts on the First Five-Year Plan // Slavic Review. 1975. December; Karcz J. F. The Economics of Communist Agriculture. Bloomington, 1979; Littlejohn G. The Agrarian Marxist Research in Its Political Context; State Policy and the Development of the Soviet Rural Class Structure in the 1920 s // J. of Peasant Studies. 1984. № 2; Lewin M. Russian Peasants and Soviet Power. A Study of Collectivization. L., 1968; Millar J. R. The ABCs of Soviet Socialism. Urbana; Chicago; L., 1981; Hughes J. Stalin, Siberia and the Crisis of the New Economic Policy. Cambridge, 1991; и др.
- ³² Документы свидетельствуют: Из истории деревни накануне и в ходе коллективизации. 1927–1932 гг. М., 1989; 1928 год. Поездка И. В. Сталина в Сибирь: Документы и материалы // Известия ЦК КПСС. 1991. № 5, 6, 7; Трагедия советской деревни. Т. 1; Как ломали нэп. Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б) 1928–1929 гг.: В 5 т. М., 2000. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г.; Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г.; Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г.; Аграрное развитие и продовольственное обеспечение населения Урала в 1928–1934 гг.: Сб. док. и мат-лов. Оренбург, 2005. Т. 1; и др.
- ³³ «Круглый стол»: Советский союз в 20-е годы // Вопросы истории. 1988. № 9; Бордюгов Г., Козлов В. Время трудных вопросов (история 20–30-х годов и современная общественная мысль) // Урок дает история. М., 1989; Лацис О. Перелом // Суровая драма народа. Ученые и публицисты о периоде сталинизма. М., 1989; Симонов Н. С. В преддверии «великого перелома» (Причины «свертывания» новой экономической политики) // Вопросы истории КПСС. 1990. № 3; Пинскер Б. Накануне второй гражданской войны. Как плановое регулирование цен привело к коллективизации // Знание – сила. 1990. № 1; Гущин Н. Я. Коллективизация в Сибири (некоторые проблемы и уроки) // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1991; Данилов В. П. Коллективизация сельского хозяйства СССР // История СССР. 1990. № 5; он же. Введение (Истоки и начало деревенской трагедии) // Трагедия со-

ветской деревни. Т.1; *Кочетков И. В.* К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса 1927/28 г. // Общество и власть. СПб., 2001. Ч. 1.; и др.

³⁴ *Голанд Ю. М.* Эффект чрезвычайных мер. Кризисы 1925–1928 гг. // ЭКО. 1990. № 2; *Ильиных В. А.* Генеральная репетиция «хлебной стачки», или кампания несбытий надежд (хлебозаготовки в 1925/26 г.) // Советская история: проблемы и уроки. Новосибирск, 1992.

³⁵ *Бокарев Ю. И.* Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е годы. М., 1989; *Голанд Ю. М.* Кризисы, разрушившие нэп. М., 1991.

³⁶ *Ильиных В. А.* Коммерческие хлебозаготовки в 1921–1927 гг.: от отмены к восстановлению хлебной монополии // Развитие форм социалистической собственности в сибирской деревне: исторический опыт и современность. Новосибирск, 1991. С. 4–27; *он же*. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992; *он же*. Государственное регулирование заготовительного хлебного рынка в условиях нэпа (1921–1927 гг.) // НЭП: приобретения и потери. М., 1994. С. 164–175; *он же*. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005.

³⁷ Хлебозаготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Новосибирск, 2006.

³⁸ *Демидов В. В.* Хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. в сибирской деревне // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990; *Иконникова И. П., Угроватов А. П.* Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1; *Курилов И., Михайлов Н.* Секретная командировка вождя (Зачем Сталин ездил в Сибирь в 1928 г.) // Тайны специального хранения. М., 1992; *Демидов В. В., Угроватов А. П.* Неизвестный визит // Земля Сибирь. 1992. № 1; *Белковец Л. П.* «Большой террор» и судьбы немецкой деревни в Сибири. Конец 1920-х – 1930-е годы. М., 1995; *Павлова И. В.* Поездка Сталина в Сибирь. Почему в Сибирь? // ЭКО. 1995. № 2; *она же*. Механизм власти и строительство сталинского социализма. Новосибирск, 2001; *Гущин Н. Я.* Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996; *Безруков Г. Н.* Приезд И. В. Сталина на Алтай. Барнаул, 1997; *Панков С. А.* Стalinский террор в Сибири. 1928–1941. Новосибирск, 1997; *Угроватов А. П.* Нэп и законность (1921–1929). Новосибирск, 1997; *Коса-*

- чев В. Г. Накануне коллективизации. Поездка И. В. Сталина в Сибирь // Вопросы истории. 1998. № 5; Дроздков А. В. Хлебозаготовительный кризис в Сибири в 1927/28 г. Омск, 2001; Познанский В. С. К истории поездки И. В. Сталина в Сибирь // Урал и Сибирь в сталинской политике. Новосибирск, 2002; и др.
- ³⁹ Шишкин В. И. Поездка И. В. Сталина в Сибирь (15 января – 6 февраля 1928 г.) // Проблемы аграрного и демографического развития Сибири в XX – начале XXI вв.: Материалы всерос. науч. конф. Новосибирск, 2009. С. 44.
- ⁴⁰ Иконникова И. П., Угроватов А. П. Стalinская репетиция... С. 72; Угроватов А. П. Нэп и законность. С. 76.
- ⁴¹ Павлова И. В. Механизм власти... С. 74–97.
- ⁴² Об этом подробнее см.: Ильиных В. А. Социальные аспекты миграционных процессов в Сибири первой трети XX века // Миграционные процессы в Азиатской России в XIX – начале XXI в. Новосибирск, 2009. С. 44–52.
- ⁴³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 2.
- ⁴⁴ См., например: Урок дает история. М., 1989. С. 143.
- ⁴⁵ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 21.
- ⁴⁶ Кочетков И. В. К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса... С. 131, 133.
- ⁴⁷ Кочетков И. В. Зерновое производство в годы нэпа: действительность и возможности // Экономическая история России XIX–XX вв.: современный взгляд. М., 2000. С. 102.
- ⁴⁸ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте. С. 216, 220. По «освобожденным от статистических манипуляций» данным Кочеткова, зерновых в СССР в 1927 г. засеяли на 9,6 % больше, чем в 1924 г. // Кочетков И. В. Зерновое производство в годы нэпа... С. 89; он же. К вопросу о причинах хлебозаготовительного кризиса... С. 131.
- ⁴⁹ См.: Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте. С. 95, 172.
- ⁵⁰ Таниучи Ю. К истории коллективизации в СССР: государство и община // Россия в XX веке. Судьбы исторической науки. М., 1996. С. 367–368.
- ⁵¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 805.
- ⁵² Павлова И. В. Механизм власти и строительство сталинского социализма. С. 100. И. В. Павлова, которая воспроизвела на страницах своей монографии (с. 100–101) текст постановления Политбюро от 20 марта из работы Ю. Таниучи, указала на то, что в сб. «Трагедия советской деревни» приводится «несколько иная» его редакция

(с. 108). Имеющиеся у Ю. Таниучи разнотечения с первоисточником связаны с тем, что в его статье осуществлен обратный перевод документа с английского на русский язык, в результате чего, например, «хлебозаготовки» были однозначно переведены как «grain collection», а затем буквально как «зернозаготовки».

⁵³ Ильиных В. А. Урало-сибирский метод хлебозаготовок: поиски оптимального варианта // Гуманитарные науки в Сибири. 2006. № 2; он же. Хлебозаготовки 1928/29 г. на Урале: инициатива нового метода // Уральский исторический вестник. 2008. № 2.

⁵⁴ В 1929/30 г. удельный вес «рассевых» заготовок в проводимых в Сибирском крае централизованных заготовках (без учета гарнцевого сбора) составил 21,2 % // Рассчитано: Хлебозаготовительная политика советского государства... С. 238.

⁵⁵ Удельный вес кооперативных заготов организаций в проводимых в Сибирском крае централизованных хлебозаготовках (без учета гарнцевого сбора) составлял в 1927/28 г. 75,1 %, в 1928/29 г. – 86,5, в 1929/30 г. – 94,9 % // Приложение, табл. VII.

⁵⁶ До 1928/29 г. включительно в планы централизованных хлебозаготовок включалось задание по заготовкам маслосемян.

⁵⁷ В 1926/27 г. удельный вес централизованных закупок в СССР в общем объеме товарного хлеба составлял по разным оценкам от 76 до 81 %. Еще 5–6 % хлеба закупили неплановые государственные и кооперативные организации // Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте. С. 172. В Сибири плановые заготовители в 1926/27 г. сняли около 90 % всего вывезенного на рынок зерна // Советская Сибирь. 1927. 7 апр.

ГЛАВА I

1921–1927 гг.: ОТ ДЕМОНОПОЛИЗАЦИИ ХЛЕБНОГО РЫНКА К ВОССТАНОВЛЕНИЮ ГОСУДАРСТВЕННОЙ МОНОПОЛИИ

1. Март 1921 г. – 1921/22 г.: по усеченной формуле

Процесс монополизации хлебного рынка в Сибири начался в период Первой мировой войны и завершился в 1920 г.¹ С июня этого года все произведенное зерно стало рассматриваться как собственность государства и практически безвозмездно в принудительном порядке отчуждаться (за исключением исчисленного по так называемому классовому принципу потребительского и производственного минимума) в соответствии с разверсткой, доведенной до каждого села, а затем и двора. Однако госмонополия на хлебопродукты как способ решения продовольственной проблемы в стране оказалась неэффективной. Перманентный голод в городах, падение аграрного производства, активное сопротивление крестьянства политике продразверстки — от повседневных экономических его форм до массовых вооруженных выступлений — вынудили большевистский режим пойти на ее отмену.

Переход от продразверстки к продналогу был декларирован 15 марта 1921 г. в известной резолюции X съезда РКП(б)², а затем законодательно оформлен декретом ВЦИК РСФСР от 21 марта «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом». В соответствии с этим документом государственная монополия на сельскохозяйственную продукцию и разверстка как способ ее осуществления отменялись. Государство становилось собственником не всей произведенной крестьянами продукции, а только ее части, отчуждаемой в форме строго фиксированного натурального налога. Остальное количество продовольствия и сырья оставалось в полном распоряжении крестьянина и могло быть использовано им «для улучшения и укрепления своего хозяйства, для повышения личного потребления и для обмена на продукты фабрично-заводской и кустарной промышленности и сельскохозяйственного производства»³.

28 марта 1921 г. СНК РСФСР принимает декрет «О свободном обмене хлеба, зернофуража, картофеля и сена в губерниях, закончивших разверстку»⁴. Исходя из его основных положений, Сибревком постановлением от 30 марта разрешил обмен, продажу и покупку хлеба лишь в уездах, выполнивших проразверстку не менее чем на 75 %. Переход к обмену и торговле на остальной территории региона увязывался с результатами сбора проразверстки, который фактически завершился с наступлением весенней распутицы⁵.

Однако свобода хлебооборота ограничивалась и в тех районах, в которых проразверстка отменялась. Покупка хлебопродуктов в них частным лицам разрешалась лишь в пределах местного оборота и для удовлетворения местных нужд, перевозка по железным дорогам допускалась только с санкции соответствующих государственных органов. Частным лицам разрешалось перевозить хлеб в пределах багажных или пассажирских норм. Монополия на вненалоговый межрайонный оборот сельхозпродукции передавалась в руки потребительской кооперации. Рабочие кооперативы и государственные учреждения, нуждавшиеся в дополнительных, помимо получаемых через систему госснабжения, объемах продовольствия, обязывались заключать договоры на его поставку с Центросоюзом или — с санкцией последнего — с областными и губернскими потребительскими обществами. В соответствии с декретом СНК от 25 мая 1921 г. губпродкомам предоставлялось право в случае непоступления продуктов по продналогу приостанавливать свободное обращение того или иного вида сельскохозяйственной продукции по отдельным уездам или районам⁶.

Хлебопродуктов по первому продналогу в целом по стране предполагалось собрать в половинном объеме от фактически собранной разверстки. Возместить разницу между потребностями государства и объемами получаемой по натуральному налогу продукции планировалось за счет ее приобретения у крестьян. Вненалоговые заготовки для государственных нужд предполагалось наладить не путем покупки за деньги, а при помощи непосредственного обмена промышленной продукции на сельскохозяйственную.

Отчасти проведение подобного эксперимента было связано с хозяйственной разрухой и расстройством денежной системы. Однако основной причиной попытки введения товарообмена было отрицательное отношение руководителей советского государства к торговле вообще. Торговля, имеющая для них каинову печать, оставлялась частникам. Государственные органы и фактически подчиненная государству кооперация должны были осуществлять оборот товаров исключительно путем их обмена. Развитие товарообмена, по мнению теоретиков большевистской партии, включая В. И. Ленина, в буду-

щем должно было привести, минуя стадию торговли, к всеобщему коммунистическому распределению.

С целью налаживания вненалоговых централизованных заготовок путем обмена был создан государственный товарный фонд из предметов ширпотреба и сельхозинвентаря, распоряжение которым передавалось в руки местных органов Наркомата продовольствия. На них же первоначально планировалось возложить и проведение государственных товарообменных операций. Однако затем в связи с неприспособленностью продорганов к подобным функциям, а также естественному недоверию и даже враждебности к ним со стороны крестьянства было решено обязать потребительскую кооперацию проводить заготовку продовольствия и сырья для государства путем товарообмена.

26 мая 1921 г. между Наркомпродом и Центросоюзом был подписан генеральный договор, в соответствии с которым право на централизованные заготовки сельскохозяйственной продукции предоставлялось Центросоюзу, а за Наркоматом продовольствия закреплялись общее руководство и контроль за этими заготовками на всех стадиях. Наркомпрод передавал в распоряжение потребкооперации предназначенные для целей товарообмена товарные фонды. Низовые звенья потребкооперации должны были в первую очередь выполнять спущенное сверху государственное задание, а затем с разрешения губсоюза вести заготовку для других организаций.

Кооперация с первых дней нэпа рассматривалась руководством страны как один из наиболее действенных рычагов недопущения роста частного капитала. Так, в письме ЦК РКП(б) ко всем организациям РКП «О кооперации» от 9 мая 1921 г. заявлялось: «*Задачей кооперации является вырвать мелкого производителя из цепких лап спекулянтов, освободить потребителей и производителей от эксплуатации скупщиков, направить главный приток излишков мелкого хозяйства в руки Советской власти, а не в руки возрождающегося мелкого капиталиста*»⁷. Не была свободна потребкооперация и в установлении товарообменных эквивалентов (цен). Эта функция стала прерогативой специальных центральной и губернских комиссий. Последние лишь приспосабливали спущенные сверху эквиваленты к местным условиям.

В целом по стране до нового урожая планировалось в порядке централизованного товарообмена заготовить около 32 млн пудов хлебопродуктов. Сбор более чем третьей части от этого объема — 12 млн пудов — возлагался на Сибцентросоюз и подчиненные ему губернские союзы потребительской кооперации⁸. Запланированных к заготовке объемов хлеба было достаточно для удовлетворения государственных нужд. Однако против ожиданий монополия потребкооперации

на товарообмен оказалась крайне неэффективной. В РСФСР вненалоговые заготовки хлеба в июне составили всего около 30 тыс. пудов, в июле — 58 тыс., в августе — 548 тыс. пудов. Сибцентросоюз до 1 сентября получил 222 тыс. пудов хлебопродуктов, что составляло 1,9 % от запланированного⁹.

Причин этого провала было несколько. Принятый заготовительный план был завышен. Имеющиеся в деревне излишки продукции оказались невелики, да и те придерживались в связи с угрозой неурожая. Аппарат потребкооперации, потерявший в годы «военного коммунизма» свою коммерческую направленность и занимающийся исключительно распределением товаров, не был готов к столь быстрой смене функций. Материально-технические возможности кооперации не позволяли ей стать заготовителем-монополистом. Промышленных товаров было недостаточно для ведения товарообменных операций. Ассортимент и качество товаров, предлагаемых потребкооперацией в обмен на продовольствие, не соответствовали крестьянским нуждам. Тех промышленных товаров, в которых сельские жители особенно нуждались, не хватало.

Непосредственные товарообменные операции сопровождались необычайной волокитой. Для того чтобы сдать продукцию и получить за нее товар, крестьянин должен был обойти не менее четырех контор. Нередко подобное «удовольствие» растягивалось на целый день. Не удовлетворяли сельских жителей и обменные эквиваленты, которые для сельскохозяйственной продукции были занижены, а для промтоваров завышены. Государство при их установлении основывалось на необходимости максимального покрытия закупаемого продовольствия имеющимся весьма скучным запасом и ограниченной номенклатурой товаров. В связи с этим было принято решение исходить из средних довоенных цен для продовольственных товаров, а цены на промтовары увеличить против довоенных в три раза. Подобная пропорция не соответствовала реально складывающемуся соотношению цен на сельскохозяйственную и промышленную продукцию. Но главная причина провала товарообмена заключалась в том, что он не смог охватить всю гигантскую совокупность меновых отношений между городом и деревней.

Параллельно с попытками государства организовать непосредственный товарообмен чрезвычайно быстрыми темпами развивалась купля-продажа на вольном рынке. В годы Гражданской войны черный рынок имел исключительно товарообменный характер. Крестьяне предпочитали получать за свою продукцию не бумажки, именуемые деньгами, а товары. Непосредственный обмен был возможен и в силу его преимущественно розничных масштабов. Небольшое количество продуктов питания менялось на конкретную вещь. Угроза конфиска-

ции не позволяла вывозить на базар значительные объемы продукции. Однако уже в первые месяцы нэпа ситуация изменилась. Размеры предложения как сельхозпродукции, так и фабрикатов на рынке резко увеличились и стали носить мелкооптовый характер. В этих условиях непосредственный товарообмен становился слишком громоздким и для покупателя, и для продавца. И они тут же восстановили классическую формулу Т–Д–Т. И лишь руководители большевистской партии по-прежнему пытались наладить обмен по усеченной формуле: Т–Т.

Крестьяне предпочитали рынок товарообменному пункту не только в силу его оперативности. Здесь отсутствовал контроль за ценообразованием, и цены формировались в зависимости от спроса и предложения. Спрос же на сельхозпродукцию в этот период значительно превосходил предложение; цены на нее на рынке, в отличие от государственно-кооперативной системы, постоянно росли и существенно превосходили цены на промтовары. Более разнообразным на вольном рынке был и выбор. В этих условиях уже с апреля 1921 г. начинает расти реализация сельскохозяйственной продукции за деньги. Основная ее часть, минуя кооперацию, продавалась на рынках.

В качестве покупателей сельхозпродукции первоначально выступали легализовавшиеся теневики и так называемые мешочники. Однако в новых условиях характер мешочничества постепенно меняется. Если в годы Гражданской войны оно имело преимущественно розничный и мелкооптовый характер, то теперь наряду с горожанами и крестьянами из потребляющих и неурожайных районов, приобретавших хлеб для себя и частично для продажи, на сцену выходят уже оптовые скупщики. Многие из них оперировали на рынке «под крышей» всевозможных кооперативных организаций. Мелким и крупным частным скупщикам удалось приобрести и вывезти из Сибири сотни тысяч пудов хлеба, которые поглотили львиную долю товарных излишков¹⁰.

Чтобы ограничить мешочничество, Сибревком 4 июня самовольно ограничил провоз так называемых нормированных грузов двумя пулдами на пассажира, а 18 июня запретил свободный въезд во все уезды Алтайской губернии, Омский и Славгородский уезды Омской губернии, Каинский и Новониколаевский уезды Томской губернии, Ачинский, Канский и Минусинский уезды Енисейской губернии. Помимо этого нередкими были случаи полного запрета пассажирского сообщения на отдельных участках железной дороги. На крупных станциях выставлялись заградительные отряды. Подобные меры ослабили волну мешочничества, но полностью остановить этот процесс не смогли. Так, часть относительно крупных скупщиков переориентировалась на гужевой транспорт. В регионе были зарегистрированы обозы из 20–30 подвод, вывозящие хлебопродукты за его пределы¹¹.

Дестабилизировала государственный товарообмен и деятельность рабочей кооперации, организовавшей массовый поход за хлебом. Представители многих рабочих кооперативов, игнорируя местные губсоюзы, вели заготовку продовольствия либо самостоятельно, либо через частных лиц и были готовы заплатить любую цену за столь необходимое им продовольствие (нормы выдачи по карточкам в этот период были уменьшены). В результате возникающей между ними конкуренции цены на сельскохозяйственные продукты росли головокружительными темпами.

Следует назвать еще одно обстоятельство, мешавшее товарообменным заготовительным операциям. Крестьяне, имея излишки продовольствия, образовавшиеся в результате утайки от продразверстки, не желали их сдавать кооперации, опасаясь конфискации. А многие комячейки, сельсоветы и волисполкомы продолжали реквизировать у крестьян зерно, которое они могли вывезти. Подобные действия местных властей приобрели столь широкие масштабы, что Сиббюро ЦК РКП(б), Сибревком и Сибпродком в середине июля 1921 г. были вынуждены специально обратиться к губкомам компартии, губисполкамам и губпродкомам с требованием добиться прекращения их деятельности по вывозу хлеба¹².

Таким образом, в первые месяцы нэпа попытки организации товарообмена закончились неудачей. В связи с провалом товарообменных операций СНК в наказе «О проведении в жизнь начал новой экономической политики» от 9 августа разрешил, «где это возможно и выгодно», переходить к денежной форме обмена¹³. В то же время товарообмен как одна из форм деятельности кооперации и госторговли сохранялся еще достаточно долго.

В конце лета 1921 г. план товарообменных операций по Сибири был несколько снижен. На Сибцентросоюз в порядке комиссионного поручения была возложена заготовка 9 млн пудов хлеба¹⁴. Разрешение на проведение денежных операций несколько улучшило ситуацию с обменом хлеба. С 10 сентября по 1 октября товарообмен в Сибири дал 419 тыс. пудов, а с 1 по 20 октября – 527 тыс. пудов. Однако до выполнения кооперацией своих обязательств было еще далеко. К 1 ноября 1921 г. заготовки Сибцентросоюзом хлеба по товарообмену составили 1657 тыс. пудов, или 18,4 % нового плана¹⁵.

На результаты заготовок кооперации осенью 1921 г. повлияла изменившаяся под влиянием катастрофического неурожая в Поволжье рыночная конъюнктура. Рост цен на продовольствие в неурожайном регионе распространился и на другие районы страны, включая Сибирь. Цены вольного рынка оставили заготовительные цены кооперации далеко позади. По-прежнему конкурентную борьбу с кооперацией выигрывали, в отличие от нее, не связанные ценовыми

ограничениями частники. По подсчетам В. И. Дудукалова, неконтролируемый частный вывоз хлеба из Сибири до октября 1921 г. составил 3,5–4 млн пудов, тогда как централизованный товарообмен в крае за тот же период не дал и одного миллиона пудов¹⁶. Неудовлетворительный ход продовольственных заготовок потребкооперации был также связан с выжидательной позицией крестьян, которые, имея излишки зерна, задерживали его реализацию, надеясь на дальнейший рост цен.

Не выполняя обязательства перед продорганами, потребкоопeração не выполняла и договоры на поставку продовольствия с рабочей кооперацией. Рабкоопы, которые отдали свои товары и деньги Центросоюзу, Сибцентросоюзу и губсоюзам, остались ни с чем перед лицом надвигающегося голода. Монополия потребительской кооперации на продовольственные заготовки себя не оправдала.

Декретом СНК от 4 октября 1921 г. всем государственным учреждениям и кооперативам было дано право в случае невозможности заключения договоров с потребительской кооперацией вести самостоятельные заготовки на вольном рынке (по рыночным ценам в пределах установленных смет расходов) или обращаться к другим контрагентам и даже к частным лицам¹⁷. Естественно, что многие из них, стремясь избавиться от навязываемого сверху, но ненадежного партнера, заявили о «невозможности» заключения с ним договоров и о «крайнем случае». Помимо этого 26 октября было отменено обязательное соотношение обменных эквивалентов, и потребкоопération как в центре, так и на местах получила право устанавливать заготовительные цены по соглашению с заказчиками, учитывая при этом среднерыночные цены соответствующих районов¹⁸.

Избавив организации, нуждавшиеся в продовольствии, от необходимости заключения договоров с потребкоопération, власти не освободили последнюю от обязательств перед государством. Постановлением СНК от 5 ноября на Центросоюз было возложено задание «в боевом порядке» заготовить на территории республики 15 млн пудов зерна. В это количество засчитывалась значительная часть хлеба из уже приобретенного в течение лета и осени. Исходя из соглашения Центросоюз дал Сибцентросоюзу «ударное» задание на заготовку для продорганов 7 млн пудов хлебопродуктов¹⁹.

Для обеспечения указанного объема заготовок Сибпродком обязывался передать потребкоопération необходимое количество денежных средств и промышленных товаров. Закупочные цены устанавливались особыми соглашениями Наркомпрода и Центросоюза 25-го числа каждого месяца на месяц вперед. Все заключенные Сибцентросоюзом и губсоюзами договоры на поставку хлеба вплоть до выполнения государственного задания приостанавливались. Заключение

новых договоров запрещалось. Весь собранный в порядке кооперативного как межрайонного, так и местного обмена хлеб потребкооперация была обязана немедленно сдать в заготконторы губпродкомов. Для удовлетворения особо важных потребителей разрешалось использовать до 35 % от общей суммы заготовок того или иного губсоюза. Однако в будущем это количество хлеба должно быть заготовлено в обязательном порядке в счет государственного задания. Сибцентросоюз к этому времени заключил договоры на поставку 2,5 млн пудов зерна и муки различным государственным и кооперативным учреждениям и организациям. Этот объем был включен в его заготовительное задание, составившее, таким образом, 9,5 млн пудов. Выполнить его следовало до 15 апреля²⁰.

Гарантией выполнения государственного «ударного» задания в условиях падения зернового производства в регионе должно было стать ограничение свободы торговли и бронирование до 1 апреля 1922 г. исключительно для заготовок потребительской кооперации наиболее хлебных губерний Сибири: Алтайской и Омской. Закупки или обмен зерна и муки в этих губерниях иным организациям запрещались. Железнодорожные и водные пути сообщения контролировались заградотрядами. Местным властям разрешалось закрывать рынки и базары²¹.

Несмотря на принимаемые меры, централизованные вненалоговые заготовки проходили неудовлетворительно. С 1 сентября 1921 г. по 1 апреля 1922 г. Сибцентросоюз приобрел 4151 тыс. пудов хлеба, реализовав свою заготовительную программу на 44 %. За первые три месяца 1922 г. Сибцентросоюз заготовил еще 1119 тыс. пудов хлебопродуктов, доведя выполнение плана до 55 %²².

На слабые темпы заготовок в первую очередь влияли особенности продналоговой кампании 1921/22 г. По Сибири в целом сумма первого продналога составляла примерно 58 % к фактически выполненной продразверстке 1920/21 г. Несмотря на это, уровень обложения сибирского крестьянства не только не уменьшился, но даже несколько увеличился. Посевные площади зерновых в регионе в 1921 г. сократились на 21 %, что в сочетании с низкой урожайностью привело к 27 %-ному уменьшению валового сбора зерновых (см.: Приложение, табл. II). В итоге среднее обложение десятины посева в целом по региону увеличилось с 11 условных ржаных единиц по разверстке до 12 единиц по продналогу. В наиболее хлебородных районах норма отчуждения была еще выше. В Алтайской губернии объем натурального хлебного налога лишь на 4 % уступал разверстке. По налогу в губернии изымалось 30 % валового сбора, в среднем по Сибири — 20, по стране в целом — 12–15 %²³. Следует также учитывать, что сибирские крестьяне в ходе разверстки сдавали хлеб, накопленный ими за

предыдущие годы. В 1921/22 г. такой возможности они уже не имели. Естественно, что после уплаты налога у производителей оставались лишь минимальные товарные излишки.

Для выполнения завышенного налогового задания во многих районах Сибири вводился распространяемый в том числе и на потребкооперацию запрет на рыночную торговлю сельхозпродукцией — до полного выполнения продналога. Исключение не составляли и районы, забронированные для заготовок потребкооперации. С декабря 1921 г. по январь 1922 г. для всех форм обмена официально закрыли наиболее урожайные районы: Славгородский, Каменский и Калачинский уезды, всю Акмолинскую и часть Енисейской губернии²⁴. Кроме того, местные продорганы практиковали самоуправный запрет товарообмена и даже конфискацию закупленного кооперацией хлеба.

Неудовлетворительно проходили вненалоговые заготовки и в районах, в которых они были официально разрешены. Острый недостаток продовольствия на внутреннем рынке предопределил галопирующий рост цен на него. В создавшихся условиях имеющиеся у потребкооперации денежные средства и товары быстро обесценивались. Поскольку выдавались они на месяц вперед, то рост заготовительных цен учитывался не в полной мере. Поскольку уровень закупочных кооперативных цен постоянно отставал от рыночных, крестьяне стремились продать свои небольшие товарные излишки частникам либо задерживали их реализацию в надежде на дальнейший рост цен.

Сибцентрсоюз не мог выделять продовольствие и прежде всего хлеб для рабочей кооперации. Последняя в создавшихся условиях стала добиваться разрешения ведения самостоятельных заготовок, причем в наиболее хлебных забронированных районах. В конце января 1922 г. СТО принял решение разбронировать с 15 февраля, т. е. значительно раньше намеченного ранее срока, всю Сибирь для хлебозаготовок крупным государственным и кооперативным организациям из других регионов. 8 февраля было заявлено, что разбронирование распространяется и на крестьян из неурожайных районов, приобретающих семена для посева²⁵.

В начале февраля 1922 г. Президиум ВСНХ в связи с тяжелым продовольственным положением промышленных предприятий и отсутствием у государства ресурсов, необходимых для их снабжения, принял решение снять большую часть фабрик и заводов (за исключением оборонных) с гособеспечения, предоставив им право стопроцентной реализации произведенной продукции на рынке по свободным ценам с целью ее обмена на продукты питания²⁶. Реализация вышеуказанных решений означала радикальную демонополизацию сельскохозяйственного рынка.

В рамках этого процесса весной 1922 г. началось разгосударствление пищевой и перерабатывающей промышленности, значительная часть ранее национализированных мелких предприятий которой (в том числе мельниц) передавалась кооперации, исполкомам местных Советов и частично возвращалась прежним владельцам. Многие из них сдавались в частную аренду. Предприятия, оставшиеся в ведении государства, а также государственные заготовительные организации переводились на хозрасчет. Была осуществлена децентрализация кооперативной системы, взаимоотношения внутри которой стали строиться не на приказной, а на коммерческой, договорной основе. Воссоздавалась специализированная сельскохозяйственная кооперація, ранее включенная в потребительскую. В мае 1922 г. произошла законодательная легализация частного капитала.

Сразу же после разрешения свободной торговли в ранее закрытых районах туда устремились из потребляющих и неурожайных губерний представители множества государственных и кооперативных организаций и учреждений — главков, трестов, губсовнархозов, губсоюзов потребкооперации, рабочих кооперативов, профсоюзов, земотделов. Все они везли с собой имеющиеся у них запасы товаров и денег с единственной целью — не останавливаясь ни перед какими ценами, приобрести продовольствие для своих работников. В деревне были практически израсходованы излишки сельхозпродукции, падала покупательная способность крестьянства. В этих условиях промышленность с тем, чтобы взять продовольствие, вынуждена была продавать промтовары ниже себестоимости. Естественно, что цены на хлеб при этом росли с головокружительной быстротой.

Потребительская кооперація оказалась неконкурентоспособной, тем более что способная дать оборотные средства рыночная реализация заготовленных продуктов ей была запрещена вплоть до 20 апреля 1922 г. Все закупленное зерно следовало сдавать продорганам в счет выполнения «ударного» задания или рабочим кооперативам по договорам, заключенным до 1 февраля²⁷.

В создавшихся условиях представители губсоюзов, собравшиеся в начале марта 1922 г. на совещание, приняли решение о снижении хлебозаготовительной программы Сибцентрросоюза до 7 млн пудов²⁸. Однако и это задание выполнено не было. К 1 августа 1922 г. Сибирское отделение Центрросоюза и подчиненные ему губернские союзы довели общий объем приобретенных хлебопродуктов до 5275 тыс. пудов, что составляло около 40 % от всех хлебозаготовок российской потребкооперации²⁹. Из этого количества 4862 тыс. пудов было передано продорганам (70 % «ударного» задания)³⁰. По нашим оценкам, частные, децентрализованные государственные и кооперативные закупки и непосредственное приобретение хлеба населением в

1921/22 г. составили в Сибири не менее 4 млн пудов. Общий объем вненалоговых хлебозаготовок всех видов кооперации и государственных учреждений на территории РСФСР в 1921/22 г. достиг 24 млн пудов. По продналогу в РСФСР собрали 116 млн пудов, в Сибири — 35 млн пудов³¹.

2. 1922/23–1923/24 гг.: парадоксы конъюнктуры

Ускорившийся зимой — весной 1922 г. процесс демонополизации заготовительного рынка завершен не был. Значительная часть произведенного крестьянами зерна продолжала отчуждаться государством по натуральному налогу. Более того, с лета 1922 г. наметились некоторые тенденции к ремонополизации рынка. На базе торгово-закупочного отдела Наркомпрода была создана крупная государственная заготовительная организация — акционерное общество «Хлебопродукт», призванное удовлетворить нужду в хлебе госучреждений и рабочей кооперации потребляющих районов страны. Помимо «Хлебопродукта» и Центросоюза достаточно крупные закупки зернофуражного производили Госбанк, Российский союз сельскохозяйственной кооперации (Сельскосоюз), Украинские союзы потребительской (Вукоспилка) и сельскохозяйственной (Сельгospодарь) кооперации, Московский (МСПО) и Петроградский (ПеПО) потребсоюзы, Мельотдел Наркомпрода РСФСР. Эти заготовительные организации должны были укрепить позиции государства на рынке и ограничить развитие частного хлеботоргового капитала. В то же время борясь с частниками предполагалось преимущественно экономическими методами, административные ограничения их деятельности были сняты.

Для координации работы государственных и кооперативных заготовительных организаций и общего регулирования рынка в мае 1922 г. Совет труда и обороны учреждает Комиссию по внутренней торговле (Комвнутторг СТО). На местах ее функции первоначально возлагаются на областные и губернские экономические совещания. В январе 1923 г. создаются областные и губернские комиссии по внутренней торговле. Вопросами регулирования хлебного рынка должен был заниматься особоуполномоченный СТО по реализации урожая, а с апреля 1923 г. — Особая полномочная комиссия по восстановлению и развитию хлебной торговли (Осполком СТО)³².

Осенью 1922 г. в европейской части страны был собран хороший урожай. По самым минимальным подсчетам, валовой сбор зерновых по СССР в целом был почти на треть больше, чем в 1921 г.³³ Ситуация на хлебном рынке стабилизировалась. Рыночные цены начали снижаться.

Накануне заготовительной кампании 1922/23 г. ЦК РКП(б) сформулировал следующие цели государственной политики на хлебном рынке: «*Увеличенное производство хлебных продуктов в этом году должно быть использовано в смысле увеличения хлебных ресурсов в первую очередь в руках государства. Развитием государственных хлебных заготовок, успехами государственной закупки хлеба по сравнению с частными скопщиками будут измеряться успехи социалистического строительства и упрочения Советской власти*»³⁴. Кроме того, ставилась задача поддержания закупочных цен на низком уровне. 24 августа 1922 г. И. В. Сталин в шифротелеграмме предписал губкомам РКП(б): «*Вести политику на понижение цен на хлеб, помятуя, что высокие цены на хлеб грозят сокращением будущего хлебного фонда в руках государства и понижением жизненного уровня рабочего класса*»³⁵.

В начале сентября участники совещания при особоуполномоченном СТО по реализации урожая выработали меры воздействия на нежелательное повышение цен. Было принято решение о распределении полномочий между Госбанком, «Хлебопродуктом» и кооперацией заготовительных районов. На местах крупные заготовители должны были договариваться о предельных ценах. В случае достижения данного уровня они обязаны были прекратить покупку зерна, а при достижении 90 % от предельной цены Госбанк должен остановить финансирование хлебозакупа. На рынки потребляющих районов в моменты повышения продажных цен предписывалось выпускать большие партии хлеба, собранного по натуральному налогу, для реализации его по дешевым ценам³⁶.

Таким образом, центральные регулирующие органы приняли решение воздействовать на рынок преимущественно экономическими методами. Местные власти, напротив, предпочитали административные меры регулирования. Примером подобного подхода являлась Сибирь.

Состоявшееся в конце августа 1922 г. в Новониколаевске совещание по вопросу реализации урожая призвало все выступающие на региональном рынке государственные и кооперативные организации к созданию «единого фронта». Для урегулирования и согласования вопросов, связанных с заготовками хлеба, была создана сибирская «пятерка» по реализации урожая, в состав которой вошли председатель Сибревкома и по одному представителю от сибирской конторы Госбанка, Сибцентросоюза, «Сибхлебопродукта» и Сиббюро ВСНХ. Аналогичные «пятерки» учреждались при губернских и уездных исполкомах³⁷.

Во исполнение рекомендаций совещания Сибревком 5 сентября 1922 г. разослал губисполкомам циркуляр, в соответствии с которым

всем государственным и кооперативным организациям и учреждениям, нуждающимся в хлебе, предписывалось приобретать его у «Сибхлебопродукта» или потребкооперации, отказавшись от создания своего заготовительного аппарата и тем более не прибегая к услугам частных посредников. Преимущественное право на предоставление вагонов под хлебные грузы получали те организации, которые исполняли указанное предписание³⁸.

Кроме того, президиум Сибревкома принял постановление об обязательной регистрации прибывающих из других районов покупателей зерна и муки. На заседании «сибпятерки» 7 сентября было принято решение о введении на территории региона предельных заготовительных цен на хлебопродукты (лимитов). На местах вводились лимиты не только закупочных, но и продажных цен. Для того чтобы сибконтора «Хлебопродукта» смогла удовлетворить запросы нуждающихся в хлебе организаций, СТО 11 сентября по просьбе Сибревкома разрешил передачу ей 500 тыс. пудов продналогового зерна³⁹.

Решение о запрете самостоятельных заготовок вызвало сопротивление организаций и учреждений, считающих, что закупки через «Сибхлебопродукт» и потребкооперацию обойдутся им значительно дороже и займут более длительное время. Многие из них стали вести заготовки сами, игнорируя директиву об обязательной регистрации. Главным саботажником решений сибирских властных структур выступила областная контора Госбанка. Получив из Центра денежные средства для финансирования заготовок, она в широких масштабах занялась организацией собственного хлебозакупа. Не имея заготовительного аппарата, Госбанк вел закупки хлеба на комиссионных началах, используя при этом услуги частных торговцев. Подобное поведение вызвало крайне отрицательную реакцию властей региона. Ведение самостоятельного хлебозакупа губернским конторам Госбанка было категорически запрещено⁴⁰.

С целью предотвращения самостоятельного выхода на рынок были ужесточены меры административного воздействия на нарушителей введенных запретов. Право на преимущественное предоставление вагонов под хлебные грузы для «Сибхлебопродукта» и потребкооперации очень часто превращалось в исключительное. В борьбе с частным капиталом местные власти шли даже на нарушение закона, подвергая арестам частных хлеботорговцев⁴¹.

Цель, поставленная центральными регулирующими органами на кануне заготовительной кампании 1922/23 г., была достигнута. Закупочные цены на зерно и муку стали снижаться. Среднезаготовительные цены АО «Хлебопродукт» на основные зерновые культуры в целом по стране в октябре 1922 г. составляли (в золоте) 62 коп., тогда как в сентябре они достигали 1 руб. за пуд⁴². Падение цен было свя-

зано не только с установлением понижающих лимитов и иных мер воздействия на рынок. Прежде всего этому способствовали конъюнктурные особенности года, которые заключались в общем превышении предложения хлебопродуктов над спросом. Экспорт хлеба еще не развернулся. Покупательная способность разоренного многолетней войной городского населения была минимальной. Многие снабжались продовольствием централизованно. К тому же, государство могло вообще не покупать хлеб, необходимый для городского населения и армии. Зерна, изъятого у крестьян по натуральному налогу, для этой цели вполне хватало. Продовольственными органами за 1922/23 г. в счет натурального налога было собрано 361 млн пудов хлебопродуктов⁴³. Государственная вненалоговая, кооперативная и частная заготовительная сеть (сыпные пункты, складские помещения, мощности по переработке и перевозке) в этот период только разворачивалась и не была готова принять предлагаемые объемы зерна.

Конъюнктурные особенности 1922/23 сельскохозяйственного года в Сибири имели свою специфику по сравнению с районами европейской части страны. Если для последних этот год явился первым годом восстановления аграрного производства, то в Сибири его падение продолжалось. Посевные площади под зерновыми в регионе в 1922 г. снизились по сравнению с предыдущим на 25 %. При этом больше всего пострадали посевы основных товарных культур — пшеницы и овса, соответственно сократившиеся на 39 и 32 %. Осенью 1922 г. в регионе было собрано на 15 % хлеба меньше, чем в предыдущем году⁴⁴.

В итоге излишки хлеба для свободной продажи у сибирских крестьян после сдачи продналога были сравнительно небольшими. Несмотря на это, начиная с сентября как закупочные цены основных заготов организаций, так и цены вольного рынка стали резко падать. В Новониколаевской, Омской, Томской, Енисейской и Иркутской губерниях рыночные цены на рожь в ноябре были ниже августовских соответственно в 4,7; 3,6; 3,1; 3,7 и 2,6 раза, на пшеницу — в 3,7; 3,1; 2,6; 2,7 и 1,8 раза⁴⁵. При этом закупочные цены АО «Хлебопродукт» в Сибири в ноябре были меньше, чем в хлебозбыточных регионах европейской части СССР⁴⁶.

Объяснение этого парадокса заключается в следующем. Несмотря на значительное уменьшение валового производства зерна, его вполне хватало для удовлетворения внутренних потребностей региона. Более того, имелись излишки. Необходимости в их вывозе в европейскую часть страны не было. Там не знали, куда деть свой хлеб. Потребности весьма небольшого по численности городского населения Сибири во многом удовлетворялись за счет натурального налога.

Кроме того, зерно и мука отпускались в распоряжение губисполкомов для покрытия расходов, отнесенных к их компетенции. Подоб-

ная форма бюджетного финансирования местных органов власти позволяла несколько уменьшить темп инфляции. Специально для этих целей постановлением СТО от 30 сентября 1922 г. был создан фонд натуральных дотаций. Советские органы Сибири получили из дотационного фонда 2300 тыс. пудов ржаных единиц⁴⁷.

В силу своих низких технических возможностей сибирские государственные и кооперативные заготовители не могли взять тот минимум хлеба, который мог быть потенциально предложен на рынке. Особенно это касалось сибирской глубинки. Заготовительных пунктов там было мало, а самостоятельный вывоз крестьянином своей продукции в ближайший город затруднен из-за расстояний и состояния дорог.

Наиболее негативно на возможности сибирских заготовителей влияло хроническое отсутствие у них денежных средств для закупки зернофуража. «Хлебопродукт» и Центросоюз, используя выделенные им кредиты в первую очередь для хлебозакупа в европейской части РСФСР, практически не снабжали деньгами свои отделения и конторы в Сибири.

Непосредственное кредитование сибирских заготорганизаций со стороны Госбанка было минимальным в связи с конфликтом между его центральным правлением и Сибревкомом. Как указывалось выше, сибирские власти запретили заготовительную деятельность Госбанка на территории региона. В ответ центральное управление Госбанка существенно сократило снабжение Сибири дензнаками, поставив под угрозу срыва не только проведение хлебозаготовок, но и функционирование финансовой системы региона вообще. Сибревком опротестовал данное решение в СТО. То же по отношению к решению Сибревкома сделал и Госбанк. Началась длительная тяжба, закончившаяся победой Сибревкома. Однако на время проведения разбирательства в высших инстанциях закупки хлеба в крае были практически парализованы⁴⁸.

Таким образом, спрос на хлеб в Сибири осенью 1922 г. был минимальным. И на тот же период пришелся резкий рост его предложения. Понижение цен стимулировало крестьян быстрее реализовывать запасы зерна. Толкала крестьян на рынок и постоянно увеличивающаяся нужда в деньгах, требующихся как для покупки остро необходимых промтоваров, так и для уплаты введенных в 1922/23 г. местных денежных налогов. Да и постоянное удорожание промтоваров вынуждало сельского жителя вывозить на рынок все возрастающие объемы продукции.

Предложение хлеба на рынке не ограничивалось крестьянским зерном. Советские органы, которым хлебопродукты выдавались в качестве бюджетных ассигнований, переводили их в деньги, реализуя

на рынке. При этом острая нужда в деньгах заставляла советские органы с целью ускорения оборота продавать зерно и муку по демпинговым ценам.

Резкое снижение цен на хлеб подрывало стимулы к восстановлению сельскохозяйственного производства и вызывало недовольство крестьянства. С целью изменения конъюнктуры СТО принял решение увеличить финансирование государственно-кооперативной торговли, а также принять меры к налаживанию хлебного экспорта. В ноябре 1922 г. за границу было вывезено 2 тыс. пудов ржи и пшеницы, а в мае 1923 г. — уже 5190 тыс. пудов⁴⁹.

Кроме того, местные власти лишились права самостоятельно устанавливать предельные закупочные цены, а уже введенные лимиты отменялись. Впредь предельные цены разрешалось применять лишь в крайнем случае («при наличии, — как указывалось в постановлении СТО, — ненормального и не соответствующего объективным условиям данного района роста цен, вызванного усиленной и неорганизованной скупкой хлеба частными, кооперативными и государственными заготовителями») в виде временной меры и только с санкции особоуполномоченного СТО по реализации урожая⁵⁰.

Однако принятые меры на движение цен в масштабах всей страны существенного влияния не оказали. Объемы экспорта оставались незначительными⁵¹. Конъюнктурные особенности кампании действовали на протяжении всего года, и закупочные цены на зерно, хотя и с некоторыми колебаниями, продолжали снижаться⁵².

Вненалоговая заготовительная кампания 1922/23 г. закончилась в июне. К этому времени наиболее крупные заготовители в целом по стране заготовили 85 318 тыс. пудов зерна и муки. 31 % данного объема было получено из государственных натуральных дотаций. Через частных лиц государственные и кооперативные заготовители приобрели от 15 до 19 млн пудов. Удельный вес частного капитала в первичном приобретении хлеба (без учета продналога) составлял от 66 до 73 % его рыночного предложения.

В Сибири государственные и кооперативные заготовители закупили 6448 тыс. пудов хлеба, в том числе 4142 тыс. пудов (включая 1012 тыс. пудов из дотационного фонда) «Сибхлебопродукт», 1982 тыс. пудов — Сибцентрсоюз и губернские союзы потребкооперации, 177 тыс. пудов — мельотдел Сибпродкома. В счет натурального налога сибирские крестьяне сдали 31,7 млн пудов хлебопродуктов и маслосемян⁵³. Присутствие частника на сибирском хлебном рынке было минимальным. Председатель Сибревко-ма М. М. Лашевич на страницах газеты «Экономическая жизнь» 26 октября 1922 г. заявил: «Частной оптовой хлебной торговли в Сибири почти нет».

Падение закупочных хлебных цен в течение 1922/23 г., по мнению специалистов, создавало угрозу снижения посевных площадей под зерновыми культурами. Однако эти опасения не оправдались. Восстановительный потенциал крестьянского хозяйства оказался велик. Наиболее мощным стимулом для его развития являлась появившаяся впервые за много лет возможность свободного выхода на рынок с произведенной продукцией. Общая площадь посевов зерновых культур в целом по стране в 1923 г. по сравнению с 1922 г. выросла почти на 19 % (см.: Приложение, табл. I). Несмотря на несколько меньшую урожайность хлебов, их валовой сбор увеличился. Исходя из увеличения производства зерна, осуществлялась подготовка соответствующих органов государственного управления к кампании 1923/24 г.

Основной ее задачей было расширение хлебного рынка и хлебной торговли. Этому должен был способствовать переход к денежно-натулярной форме взимания сельскохозяйственного налога. Таким образом, доля сельхозпродукции, предлагаемой крестьянами на рынке, увеличивалась. Чтобы значительная часть рыночного хлеба попала в руки государства, предполагалось существенно увеличить торГОВО-ЗАКУПЧНУЮ деятельность государственных и кооперативных заготовительных организаций.

Осполком СТО разработал общегосударственный план централизованных закупок зерновых культур, распределенный по территориям, организациям и срокам. Большую часть закупленного основными заготовлениями хлеба предполагалось вывезти из страны. Внутреннее снабжение страны возлагалось частично на продналог, а также на закупки губсоюзов потребкооперации и частных хлеботорговцев. Каких-либо ограничений в деятельности последних на хлебном рынке не предусматривалось. В то же время основным государственным и кооперативным заготовлениям рекомендовалось по возможности избегать сотрудничества с частником⁵⁴.

Накануне кампании было признано нежелательным дальнейшее понижение закупочных цен на зерно. Однако каких-либо чрезвычайных мер, направленных на это, принимать не планировалось. Для увеличения спроса на хлеб было признано достаточным расширить объемы хлебозакупа. При этом повышение цен, по мнению руководителей советской экономики, должно было иметь свои пределы, так как относительная дешевизна хлеба позволяла повысить доходность его экспорта и снизить темпы инфляции⁵⁵.

Однако ожидаемой стабилизации цен в начале кампании не произошло. Среднемесячные закупочные цены АО «Хлебопродукт» в целом по стране снизились в сентябре по сравнению с июлем за один пуд ржи с 45 до 30 коп., а за один пуд пшеницы — с 68 до 55 коп.⁵⁶ Предложение зерна в этот период существенно превышало спрос на

него. На осень были назначены обязательные сроки уплаты сельскими жителями денежных налогов. Тогда же в стране появилась новая денежная единица — червонец, заменяющая обесцененный совзнак. Высокая покупательная способность новой валюты определила значительный спрос на нее со стороны крестьян, которые были вынуждены выбросить на рынок львиную долю произведенной продукции осенью. В то же время спрос на хлеб удовлетворялся и продналогом. В самом начале кампании на рынок давили все еще нереализованные остатки натурального налога 1922/23 г. А тут еще и новый налог, собранный, к тому же, в предельно сжатые сроки. Заготовительные организации вновь на справились со своей задачей не в последнюю очередь из-за острой нехватки денежных средств вследствие проведения денежной реформы.

Одновременно с падением сельскохозяйственных цен происходил рост цен на промтовары (в Сибири к октябрю 1923 г. цены на сельхозпродукцию составляли 58 %, а на промтовары — 162 % от довоенного уровня)⁵⁷. Возникшие «ножницы» цен вызывали существенное падение покупательной способности деревни. Приобретение необходимых промышленных товаров для абсолютного большинства сельского населения стало невозможным. Это повлекло за собой кризис сбыта промышленной продукции. Таким образом, третий год нэпа явил миру два парадокса: кризис сбыта промтоваров при чрезвычайно сокращенном производстве против довоенного и острой в них потребности со стороны населения; «перепроизводство» хлеба в недавно пережившей катастрофический голод и далеко еще не восстановившей довоенный уровень питания стране.

За возникшим кризисом сбыта фабрикатов последовали перебои в выдаче зарплаты рабочим, закрытие некоторых предприятий, усиление безработицы. Все это вызывало недовольство рабочих, порождало острые трудовые конфликты. Резко ухудшилось отношение к советской власти и со стороны крестьянства. В связи с этим необходимо было срочно принимать меры для сближения промышленных и сельскохозяйственных цен.

Если цены на фабрикаты начиная с октября 1923 г. снижались преимущественно директивным образом, то при повышении сельскохозяйственных цен власти сочетали административные и экономические методы воздействия на рынок. С целью увеличения спроса на хлеб со стороны заготовительных организаций было увеличено их финансирование. Принимались меры по форсированию экспорта. В районах с крайне низким уровнем хлебных цен практиковалось принудительное увеличение натуральной части сельскохозяйственного налога за счет денежной, что снижало уровень рыночного предложения хлебопродуктов⁵⁸.

Одновременно с активно проводимой политикой стимулирования заготовительного спроса на хлеб с октября 1923 г. на рынке стали действовать факторы, снижающие его предложение. Потребность крестьян в деньгах уменьшилась, так как большая часть сельхозналога была выплачена. Не стали крестьяне покупать слишком дорогие промтовары. Дешевизна зерна сделала невыгодной его реализацию, оно стало использоваться для откорма скота и птицы. В результате уже в октябре 1923 г. наступило равновесие между спросом и предложением, снижение хлебных цен прекратилось, а затем начался их рост⁵⁹.

Несколько иной была ситуация в Сибири. В 1923 г. в регионе прекратилось падение сельхозпроизводства и начался его рост. Посев зерновых культур увеличился по сравнению с предыдущим годом на 22 %, а их валовое производство — на 34 %. Тем не менее положение дел в зерновом хозяйстве региона все еще оставалось неблагополучным. Показатели его развития существенно уступали довоенному уровню. Прирост посевной площади обеспечивался в основном за счет имеющей преимущественно потребительский характер ржи (+38 %). Посевы пшеницы выросли всего лишь на 3 % (см.: Приложение, табл. II). Рост производства зерна по Сибири в целом был получен, главным образом, за счет восточной ее части. В ряде же уездов Западной Сибири засуха свела на нет весь годовой труд землепашцев. Доля товарного зерна в крае была низка и составляла всего лишь 2 % от общего его объема в целом по стране⁶⁰.

В условиях, когда в европейской части страны зерна в руках заготовителей было в избытке, государственно-кооперативные заготоворганизации и частные скупщики проигнорировали сибирский хлебный рынок. Сибирь была исключена из общесоюзного плана хлебозаготовок и их финансирования. Функционирующие в крае загтоорганизации обратили все свое внимание на закупки пушнины и масла, составив хлебные планы из расчета обеспечения зерном и мукой обменных пушных и масляных операций. Общий хлебозаготовительный план на год наиболее крупных государственных и кооперативных загторганизаций составил 4,2 млн пудов, в то время как рыночное предложение хлебопродуктов в регионе в 1923/24 г. могло составить не менее 30 млн пудов⁶¹.

Сложившаяся на краевом хлебном рынке ситуация была рассмотрена на заседании Сибревкома. Приоритетной задачей органов государственного управления края было названо создание на сибирском рынке нормальных условий для реализации урожая, построенных «на принципе здоровой конкуренции государственных организаций и кооперации с частным капиталом, без применения каких-либо административных мер воздействия, давших в прошлую кампанию в Сибири отрицательные результаты»⁶².

Для разрешения вопросов, связанных с реализацией урожая, Сибревком создал специальную финансовую комиссию, которая в первую очередь озабочилась изысканием денежных средств для кредитования хлебозакупа, а также своим решением увеличила план централизованных хлебозаготовок в регионе и осуществила его принудительное размещение по основным заготовщикам. В соответствии с этим планом Сибцентрсоюз обязан был закупить 5,25 млн пудов, «Сибхлебопродукт» — 4 млн и Сибсельскосоюз — 1,4 млн пудов зерна⁶³.

Закупочные цены на хлебопродукты в регионе в конце лета — начале осени 1923 г. держались на стабильном и относительно высоком уровне, что было связано с отсутствием прошлогодних запасов и поздней уборкой урожая. В октябре — ноябре предложение зерна на рынке увеличилось. Тем не менее за счет выделенных в октябре кредитов основные государственные и кооперативные заготовители смогли закупить значительную часть вывезенного на рынок хлеба. В октябре ими было приобретено 1070 тыс. пудов (в сентябре — только 600 тыс.). В начале ноября темпы заготовок еще более увеличились. Однако во второй половине месяца они застопорились. В декабре централизованный хлебозакуп в регионе составил 1581 тыс. пудов против 3388 тыс. в ноябре⁶⁴.

В то же время предложение хлеба со стороны крестьянства в декабре еще более увеличилось, что в первую очередь было связано с установлением стабильного санного пути. Финансирование же хлебных операций со стороны государства, напротив, существенно сократилось. Внутренние кредитные ресурсы в крае были к этому времени практически исчерпаны, а денег под хлебозаготовки из Центра по-прежнему не поступало.

Соответственно с ноября 1923 г. в регионе началось падение хлебных цен. Среднезаготовительные цены «Хлебопродукта» на рожь снизились с 70 коп. в октябре до 54 коп. за пуд в декабре, на пшеницу — с 87 коп. до 75 коп. за пуд. В ноябре по сравнению с октябрем уменьшились и цены на вольном рынке. На наиболее низком уровне они держались в Томской и Енисейской губерниях, что было связано со сбором достаточно высокого урожая, на который не было соответствующего спроса. В начале декабря в Томской губернии пуд пшеницы стоил в среднем 60 коп., пуд ржи — 32 коп. В Енисейской губернии — соответственно 58 и 36 коп. В ряде же районов этих губерний стоимость ржи опускалась до 25 коп. за пуд⁶⁵.

В начале 1924 г. в СССР произошли принципиальные изменения в организации хлебооборота. Если в предыдущий период часть произведенной продукции отчуждалась у производителей безвозмездно, то с 1 января 1924 г. натуральный налог был отменен, и заготовки хле-

ба и других сельхозпродуктов стали осуществляться исключительно коммерческим путем.

С началом 1924 г. было связано и изменение конъюнктуры хлебного рынка в Сибири, которая в ноябре – декабре 1923 г. характеризовалась превышением предложения над спросом и снижением закупочных цен. В январе 1924 г. было возобновлено кредитование заготовительной деятельности. Одновременно уменьшился подвоз крестьянского хлеба на рынок. Сельские жители сдали большую часть налога и удовлетворили свои самые насущные потребности в промтоварах, причем большая часть запасов хлеба в деревне оставалась к этому времени у наиболее зажиточных крестьян, которые имели возможность придерживать его реализацию, твердо надеясь на весеннеое повышение цен.

Спрос при уменьшившемся предложении со стороны городского населения оставался стабильным и даже начал расти в связи с постепенным улучшением материального положения. Превышение спроса над предложением вызвало рост хлебных цен. В феврале средние закупочные цены «Хлебопродукта» в целом по региону составляли: на рожь – 69 коп., на пшеницу – 1 руб. 11 коп., средние рыночные цены – соответственно 83 коп. и 1 руб. 23 коп. за пуд. В январе цены были следующими: 63 коп., 79, 70 и 1 руб. 2 коп. соответственно⁶⁶.

Продолжался рост хлебных цен и в европейской части страны. Среднезаготовительная цена АО «Хлебопродукт» в целом по СССР на рожь в феврале 1924 г. была выше, чем в сентябре 1924 г. в 2,4 раза, на пшеницу – в 2,3. Увеличение рыночных цен на рожь с октября по февраль составило 210 %, на пшеницу – 216 %⁶⁷. Причины непрерывного пятимесячного роста цен были такими же, как и в Сибири – превышение спроса над предложением.

Вслед за заготовительными ценами росли и продажные цены на хлебопродукты. Кроме того, в конце февраля – начале марта 1924 г. произошло падение курса иностранной валюты по отношению к червонцу. В результате цена вывозимого из страны зерна оказалась фактически равной его реализацией цене за границей. Экспорт зерновых, таким образом, становился убыточным⁶⁸. Нерентабельность экспорта могла подорвать устойчивость червонца, а высокие продажные цены на хлеб вызывали социальную напряженность в городе. В связи с этим советским руководством был принят курс на снижение закупочных цен. Был сокращен хлебный экспорт. В промышленных центрах вводились предельные цены на печенный хлеб для государственной и кооперативной торговли, которые были ниже рыночных.

Государственным и кооперативным заготовительным организациям на местах были даны директивы о снижении закупочных цен

до уровня, соответствующего установленным предельным ценам на печёный хлеб (ориентировочные лимиты). Выше этих цен вести заготовки не рекомендовалось. На частных торговцев эти цены официально не распространялись, однако частники были предупреждены, что если они «добровольно» не будут следовать установленным ценам, то к ним будут применены принудительные меры. Одновременно в города и потребляющие районы страны форсированным порядком перебрасывались зерно и мука из государственных запасов с целью их массового предложения на рынке⁶⁹.

В соответствии с рекомендациями Центра мероприятия по снижению хлебных цен стали проводиться и в Сибири. Однако речь здесь шла уже не об ориентировочных лимитах, а о жестких предельных ценах. Для проведения «хлебной интервенции» в Омской губернии, в которой цены были самыми высокими, Сибкомвнугторг рекомендовал заготовителям перебросить туда все свободные излишки зерна. Сибконтора Госбанка, в свою очередь, прекратила кредитование заготовок, а чтобы ускорить реализацию уже заготовленного хлеба, потребовала от финансируемых ею организаций скорейшего погашения кредитов⁷⁰.

Помимо ограничительных мер административного характера, на снижение цен влияла изменившаяся конъюнктура. В то время как государственные и кооперативные заготовительные организации по указанию сверху сокращали объемы хлебозакупа, предложение зерна на рынке увеличивалось. Связано это было с возросшей потребностью в деньгах со стороны крестьян. На март приходился обязательный срок сдачи оставшейся части сельхозналога, который уплачивался теперь только деньгами. Снижение с помощью директивных методов оптовых и розничных цен на промтовары привело их в соответствие с покупательными возможностями сельского населения и усилило спрос на них. Прибавился и сезонный фактор: приближалась распутица, во время которой реализация сельхозпродукции становилась невозможной.

В результате воздействия со стороны государства и благоприятной рыночной конъюнктуры хлебные цены в конце февраля стабилизировались, а с марта началось их постепенное снижение по большинству производящих районов. В Сибири среднезаготовительные цены АО «Хлебопродукт» на пшеницу составляли в марте 98 коп. против 1 руб. 11 коп. за пуд в феврале⁷¹.

Однако вместе со снижением закупочных цен уменьшались объемы заготовок как в целом в стране, так и в ее отдельных регионах⁷². В Сибири централизованный хлебозакуп в апреле составил 433 тыс. пудов против 871 тыс. пудов в феврале⁷³. Для того чтобы в этих условиях полностью удовлетворить городской спрос, приходилось доста-

точно широко привлекать зерно и муку из государственных запасов, размеры которых к концу кампании 1923/24 г. оказались ниже оптимальных.

В целом за год централизованный хлебозакуп в Сибири (т. е. закупки трех наиболее крупных заготовительных организаций — Сибкрайсоюза, «Сибхлебопродукта» и Сибсельскосоюза) составил 10 081 тыс. пудов, или 94,6 % от годового плана. Кроме того, губсоюзами потребкооперации и другими более мелкими государственными и кооперативными заготовительными организациями было закуплено 5,2 млн пудов. На долю юго-западных губерний приходилось 43 % коммерческих хлебозаготовок, северо-восточных — 56 %. Удельный вес частного капитала в хлебной торговле края по-прежнему был невелик. Закупки частников, по различным данным, составляли от 1 до 3 млн пудов. В счет натуральной части сельскохозяйственного налога до 1 января 1924 г. сибирские крестьяне сдали 6371 тыс. пудов зерна⁷⁴.

В целом по стране за год 16 государственными и кооперативными заготовительными организациями, участвующими в централизованном хлебозакупе, было приобретено 325,1 млн пудов хлебопродуктов и маслосемян. Экспорт основных зерновых культур увеличился по сравнению с предыдущим годом в 4,4 раза и составил 27,5 % от уровня 1913 г. Больше всего хлеба было закуплено на Украине — 37 %. Удельный вес производящих районов европейской части РСФСР (ЦЧО и Поволжье) составил 24,3 %, Северного Кавказа — 19,1 %. На зернопроизводящие районы востока страны (Урал, Казахстан и Сибирь) приходилось всего лишь 5,1 % от общего хлебозакупа, доля Сибири равнялась 3,1 %. Из всего закупленного в централизованном порядке хлеба не менее 25 % приходилось на приобретение на комиссионных началах у частных хлеботорговцев. Удельный вес частного капитала в первичном приобретении рыночной продукции составлял в 1923/24 г. от 47 до 54 %⁷⁵.

3. 1924/25 г.: в условиях ажиотажного спроса

Подготовка к хлебозаготовительной кампании 1924/25 г. началась в условиях продолжающегося восстановления зернового производства. Увеличившиеся размеры посевных площадей и состояние посевов к концу весны 1924 г. позволяли ожидать, что осенью в стране может быть собран неплохой урожай. Однако в середине лета ситуация коренным образом изменилась. Установившаяся со второй декады июня сухая жаркая погода привела к недороду в Нижнем Поволжье, на части территории Северного Кавказа и Среднего Поволжья, в ряде районов Дона, ЦЧО и Восточной Украины. Неурожай создал угрозу непредсказуемого роста сельскохозяйственных цен, способного

поколебать госбюджет, понизить уровень жизни горожан и, прежде всего, рабочих. В связи с этим остро всталася проблема выработки соответствующей государственной политики.

Прежде всего, была реорганизована система управления заготовительным рынком. Непосредственное руководство централизованными государственными заготовками было возложено на образованные в мае 1924 г. Наркомат внутренней торговли СССР и наркомвнутторги союзных республик с их местными органами (в Сибири — Сибкрайвнутторг). В функции Наркомвнутторга СССР, в составе которого создавалось хлебоффуражное управление, входило регулирование закупочных цен, разработка и распределение общегосударственных заготовительных планов. В подготовке кампании участвовал Осполком СТО. Однако затем существование двух параллельных органов, в ведении которых находилось регулирование хлебного рынка, было признано нецелесообразным, и Осполком СТО 23 ноября 1924 г. был ликвидирован.

Сокращалось число государственных и кооперативных организаций, на которые развертывался общегосударственный план закупок. Только организации, получившие статус основных плановых заготовителей, должны были в предстоящую кампанию финансировать себя государством. В РСФСР в их число вошли АО «Хлебопродукт», Госбанк, Госторг, Центросоюз и Селькосоюз. Перед основными заготоворганизациями была поставлена задача закупок максимально возможного количества хлеба, с тем чтобы удовлетворить внутренние потребности страны и предотвратить перебои в снабжении. Регулирующие органы на местах не должны были допустить чрезмерного усиления позиции частного хлеботоргового капитала. В соответствии с принятым в начале августа планом хлебозакупа государство предполагало получить в свои руки в течение года около 400 млн пудов хлебопродуктов⁷⁶.

Для предотвращения неконтролируемого роста цен решено было применить практику лимитирования закупочных цен, предписываемых к исполнению основным государственным и кооперативным заготовителям. Местным внутторгам давалось право вводить обязательные лимиты и для неосновных государственных и кооперативных заготоворганизаций. На частных хлеботорговцев лимиты не распространялись. По мнению руководителей советской экономики, возможности частников были ограничены, и сорвать выполнение плана централизованных хлебозаготовок они не могли.

С точки зрения экспертов, определенной гарантией успеха предстоящей кампании являлся хороший урожай, собранный в Волжско-Камском районе, на Урале, в Казахстане и Сибири, тем более что в этих регионах хлебные цены в 1923/24 г. держались на относительно

низком уровне. В Сибири в 1924 г. площадь посева ржи выросла почти на 22 %, пшеницы — на 21, овса — на 9 %. Значительно выше прошлогодней была и урожайность. В результате валовой сбор зерновых увеличился в регионе на четверть (пшеницы на 61 %) (см.: Приложение, табл. II). Кроме того, в северо-восточных производящих районах края имелись достаточно солидные запасы зерна, нереализованные в прошедшем году.

В связи с этим Центром первоначально был предложен заготовительный план для Сибири в размере 50 млн пудов. Сибревком и Сибкрайвнутторг считали, что этот план значительно превосходит возможности края и предложили свой вариант в 34 млн пудов⁷⁷. В конечном итоге был принят компромиссный вариант, оценивающий заготовительные возможности региона в 44,3 млн пудов⁷⁸.

Выполнение государственного плана по Сибири было объявлено ударной задачей. Чтобы иметь возможность закупить планируемое количество хлеба, в регионе началось интенсивное развертывание ссыпных пунктов, укомплектование их штатами. В качестве основных плановых заготовителей на сибирский рынок допускались «Сибхлебопродукт», Сибкрайсоюз, Сибселькосоюз, региональные конторы Госторга РСФСР (Сибгосторг), Госбанка и Росмасложирсиндикута, а также местная организация Сибторг, в задачи которой входило снабжение хлебом потребляющих районов Сибири. Кроме того, на всей территории региона допускались заготовки железнодорожной потребительской кооперации (Сибтпо), призванной удовлетворить потребности в хлебопродуктах рабочих и служащих сибирских железных дорог⁷⁹.

Хлебозаготовки иных местных и инорайонных организаций и учреждений, частных лиц официально не запрещались. Однако Сибревком 30 июля 1924 г. принял постановление, в соответствии с которым инорайонные государственные и кооперативные заготовители допускались на сибирский хлебный рынок только с разрешения Сибкрайвнутторга, причем последний по возможности должен был передавать их средства и планы хлебозакупа основным заготорганизациям. Кроме того, основным государственным и кооперативным заготовителям запрещалось использование частных контрагентов⁸⁰.

Как указывалось выше, главным средством предотвращения чрезмерного роста хлебных цен на 1924/25 г. в масштабах всей страны были признаны максимальные лимиты. В начале августа были введены лимиты на рожь и пшеницу. Однако в течение этого месяца они практически не соблюдались, так как необходимо было срочно снабжать семенами озимых зерновых культур районы, пострадавшие от засухи. В распоряжении же государства имелись лишь незначительные запасы семенного зерна, оставшиеся от ликвидированного

Наркомпрана. Следовательно, требовалось срочно закупить большое количество семян и отправить их на места.

Естественно, жесткое ограничение закупочных цен для основных государственных и кооперативных заготовителей могло помешать им взять на рынке необходимые объемы зерна. Государство было вынуждено щедро финансировать эти заготовки и в соответствии с конъюнктурой увеличивать лимиты хлебных цен. Среднемесячные закупочные цены 1 пуда ржи, предлагаемые «Хлебопродуктом», которые составляли в июне в среднем по СССР 67 коп., выросли в августе до 90 коп.⁸¹

Таким образом, страна вступала в хлебную кампанию с повышенным уровнем закупочных цен. Стабильное превышение спроса над предложением могло вызвать их дальнейший рост. Исходя из этого было принято решение об их существенном снижении. Распоряжением Наркомвнутторга СССР 29 августа на всей территории страны лимиты на заготовительные цены на пшеницу и рожь резко уменьшились. В Сибири лимиты на пшеницу 29 августа были установлены в размере 80 коп. за пуд, на рожь — 55 коп. 6 сентября их снизили до 65–70 коп. на пшеницу и до 45–50 коп. на рожь⁸². В результате среднемесячные заготовительные цены основных кооперативных и государственных заготовительных организаций на пшеницу снизились в регионе с 1 руб. 10 коп. за пуд в августе до 87 коп. в сентябре и 70 коп. в октябре; на рожь — с 67 коп. до 50 и 47 коп. за пуд⁸³.

Резкое снижение заготовительных цен практически парализовало государственные заготовки в европейской части страны. Большая часть предложенного хлеба закупалась частными хлеботорговцами, которые, избавившись от конкуренции связанных лимитами государственных и кооперативных заготовителей, только выиграли. Предлагаая теперь за зерно сравнительно невысокие, но все-таки превосходящие лимитный уровень цены, они приобретали львиную долю его рыночного предложения. В связи с этим планы централизованного хлебозакупа систематически не выполнялись. В условиях недостаточных объемов заготовок не удалось создать резервный фонд, необходимый как для снабжения потребляющих районов весной, так и для регулирования рынка. Весь скрупляемый основными заготовительными организациями хлеб тут же шел в продажу, но он с трудом покрывал предъявляемый на него спрос.

Не имея возможности бороться с частным капиталом экономическими способами, государство переходит к административным методам его ограничения. Уже 26 сентября был введен запрет на выдачу Госбанком СССР кредитов под хлеб частным лицам, а Народный комиссариат путей сообщения (НКПС) получил задание установить такую очередность погрузки хлебопродуктов на железной дороге, ко-

торая бы способствовала быстрейшему продвижению государственного и кооперативного хлеба в ущерб частному⁸⁴.

Важное значение для исправления положения на хлебном рынке страны центральные государственные органы отводили увеличению заготовок на Урале и в Сибири, товарные запасы хлеба в которых были достаточно велики⁸⁵. В Сибири в начале кампании заготовки проходили достаточно сложно. В сентябре привоз зерна на рынок был незначительным. Октябрь дал некоторое увеличение хлебозакупа, однако месячное задание было выполнено лишь наполовину (табл. 1.1).

Таблица 1.1

Ход централизованных закупок хлебопродуктов и маслосемян в Сибири в 1924/25–1926/27 гг.

Месяц / годы	Объем заготовок, тыс. пудов			Выполнение месячного / годового плана, %		
	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сентябрь	1699	1529	1524	91	60	293
Октябрь	1824	5621	9918	48	136	234
Ноябрь	3936	5028	14 658	52	77	240
Декабрь	10 644	8184	15 295	97	49	136
Январь	8074	5431	9866	101	52	107
Февраль	6612	5192	11 052	74	45	121
Март	5205	5874	6038	104	49	99
Апрель	4191	4239	4372	168	71	74
Май	909	3173	1659	121	123	38
Июнь	1698	4400	2798	131	134	114
Июль	1461	2431	2089	97	82	113
Август	1165	1057	1074	93	57	172
Итого	48 603	52 157	80 244	98	61	130

Источники: ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1458. Л. 6 об.; Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 174. Л. 280; Д. 78. Л. 90; Д. 33. Л. 162; Д. 246. Л. 140–170; Оп. 2. Д. 26. Л. 90; Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 6. Л. 32; Жизнь Сибири. 1926. № 2–3. С. 89; № 4. С. 84; Сибирский торговый бюллетень. 1926. 6 июня; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 6 нояб.

Примечания: 1) В 1924/25 г. с сентября по май в объемы заготовок не включена часть закупок Сибсельскосоюза. 2) Выполнение годового плана за 1925/26 г. указано от первоначального плана. 3) За 1926/27 г. приведены оперативные данные.

Причины слабого хода заготовок в Сибири были разными. Такого большого количества хлеба, как было запланировано на 1924/25 г., в

регионе в период нэпа еще не закупалось. Сибирские заготовители не имели достаточного опыта работы. В крае (в первую очередь это относится к восточным губерниям) не была до конца развернута заготовительная сеть. Распутица и вековечное сибирское бездорожье мешали равномерному подвозу зерна на рынок.

Но главная причина заключалась в нежелании крестьян продавать свой хлеб основным государственным и кооперативным заготорганизациям по низким ценам, тем более что значительная часть из них имела реальную возможность реализовывать произведенный хлеб, минуя основных региональных заготовителей. На Урале и в Казахстане уровень хлебных цен был выше, и жители близлежащих районов (Омской и Алтайской губерний) предпочитали вывозить зерно туда. Председатель Рубцовского уездного исполкома сообщал в письме в Алтайский губисполком, что зажиточные крестьяне вывозят зерно в Семипалатинск и продают его на вольном рынке по цене 1 руб. 30 коп. за пуд, тогда как в Рубцовске пуд стоил 80 коп. Помимо продажи своего хлеба, зажиточные крестьяне сбывали в Казахстане хлеб, скупленный в уезде⁸⁶.

Дороже реализовать зерно можно было и в самой Сибири. Введение лимитных цен разделило хлебный рынок на два: государственный – с жесткими и строго контролируемыми низкими ценами, и вольный – с более высокими ценами, диктуемыми соотношением спроса и предложения. Естественно, более выгодной была реализация зерна на вольном рынке, на котором оперировали частные и не связанные с лимитами местные и инорайонные государственные хлеботоргующие организации.

Частники особенно интенсивно работали в Алтайской и Омской губерниях, которые, во-первых, являлись наиболее хлебными, во-вторых, находились ближе к основным потребляющим районам. Базой для деятельности частников на омском рынке были сосредоточенные здесь крупные товарные частные мельницы. Их владельцы скупали у крестьян зерно по ценам несколько выше лимитных, перемалывали его и вывозили на Запад, где цены на муку были чрезвычайно велики, получая таким образом значительную прибыль при невысоких затратах. В отдельные периоды осени 1924 г. к частным хлеботорговцам в Омской губернии попадало до половины и более рыночного предложения хлеба. Доля частного капитала в заготовках хлебопродуктов до января 1925 г. составляла в целом по Сибири от 15 до 20 %⁸⁷.

Хлебный рынок западных губерний региона привлекал также представителей государственных и кооперативных заготорганизаций, не входящих в число основных. Большинство из них прибыли в Сибирь из остро нуждающихся в хлебе районов потребляющей по-

лосы и имели задачу взять необходимое количество хлебопродуктов во что бы то ни стало. Чаще всего, не располагая возможностями для развертывания собственной заготовительной сети, они пользовались услугами частных хлеботорговцев. Продавать закупленный хлеб по более высоким ценам, минуя основные заготорганизации, предполагали не только крестьяне, но и низовые кооперативы и их районные объединения, которые не выполняли договоры по поставкам со своими центрами или государственными организациями. Так, Омский райсоюз потребительских обществ, сккупив до 1 декабря 600 тыс. пудов хлебопродуктов, передал Сибкрайсоюзу только 10 % от этого объема. Остальное было продано частным и инорайонным заготовителям по коммерческим ценам⁸⁸.

В тех же районах Сибири, где частников и инорайонных заготовителей было мало, крестьяне вообще воздерживались от продажи зерна. Это во многом объяснялось существующими в условиях рынка закономерностями. Наиболее массовое предложение хлеба со стороны его производителей наблюдалось, как правило, осенью, в момент, когда нужда в деньгах после летнего периода была особенно велика, а время для реализации технических культур и продуктов животноводства еще не наступило. Поэтому осенние цены были наиболее низкими за сезон. По мере уменьшения предложения и возрастания спроса цены начинали расти, достигая максимальных величин к весне. Большой доход от продажи хлебопродуктов мог получить тот производитель, который сумел придержать их до весны. Отказаться от продажи хлеба до весны мог только достаточно состоятельный крестьянин.

В 1924 г. в результате анализа опыта проведения коммерческих хлебозаготовок как в первые годы нэпа, так и в дооктябрьский период была установлена применительно к основным хлебопроизводящим районам европейской части СССР следующая закономерность реализации зерна в зависимости от имущественной категории продавца. Бедняки $\frac{3}{4}$ произведенного хлеба продавали в августе – октябре и еще $\frac{1}{4}$ – в ноябре – декабре; середняки половину своего зерна вывозили в августе – октябре и оставшуюся половину – в ноябре – январе; зажиточные крестьяне – четверть в августе – октябре, четверть – в ноябре – декабре и еще половину – после нового года⁸⁹. В Сибири в связи с более поздней уборкой урожая эти сроки сдвигались – продажа хлеба начиналась в сентябре – октябре.

Сроки реализации хлеба могли сдвигаться в зависимости от экономических, политических и даже погодных условий. Конъюнктурные особенности года могли способствовать тому, чтобы производители хлеба как можно дольше воздерживались от его продажи. Именно такие условия сложились осенью 1924 г. Хотя закупочные цены в этот период были выше средних за предыдущий год, крестьяне тем

не менее не считали их справедливыми. Во-первых, потому что в конце августа — начале сентября они были искусственно и очень резко снижены; во-вторых, такие цены не соответствовали предъявленному спросу. Доказательством этого были более высокие цены вольного рынка. Убеждала крестьян в этом и конкуренция между основными государственными и кооперативными заготовлениями, представители которых с помощью разъездных агентов убеждали крестьян сдавать хлеб только им, устраивали за пределами отведенных базаров так называемые выдвижные амбары, угощали крестьян чаем, а то и водкой, выплачивали им небольшие надбавки за несуществующую на самом деле партионность поставки, подвозку, погрузку и разгрузку, мешки. Дело иногда едва не доходило до драк между заготовителями за право купить привезенный крестьянином хлеб.

Задержка реализации хлеба его производителями осенью 1924 г. была характерна для всех регионов Союза. Однако в Сибири эта позиция выдерживалась крестьянством наиболее последовательно. Способствовала этому и большая зажиточность местного крестьянства, которая позволяла уплачивать значительную часть сельхознаго без продажи зерна. Фактически подобное поведение являлось формой давления на государство, формой борьбы крестьянства за свои интересы, через два года после этого получившей определение «хлебной стачки». При этом основными ее участниками были середняки. Беднота не могла воздерживаться от продажи хлеба достаточно долго и была вынуждена продавать его по низким ценам. Время для продажи зерна зажиточным крестьянством еще не наступило.

Слабый ход заготовок в Сибириставил под угрозу снабжение потребляющих районов страны и поэтому как центральными, так и местными органами был признан недопустимым. Главными виновниками подобного состояния дел на хлебном рынке края были названы частные и инорайонные заготовители. Именно на их максимально возможное ограничение и даже вытеснение с рынка были направлены основные организационные меры местных властей.

Применительно к инорайонным государственным и кооперативным заготовителям Сибревкомом была установлена разрешительная система допуска к закупкам. Прежде всего, запрещался выход на рынок тем организациям, для которых хлебная торговля не являлась их основной функцией. Те же организации и учреждения, которые занимались ею официально, должны были получить на это разрешение Сибкрайвнутторга, а затем зарегистрироваться в соответствующем губвнутторге, который устанавливал для них определенный район заготовок. При этом из 53 инорайонных заготовителей, обратившихся в крайвнутторг за соответствующим разрешением, получили отказ 47. Инорайонным организациям, все-таки получившим допуск на регио-

нальный рынок, разрешался только партионный хлебозакуп у основных заготовителей. Вагоны для вывоза закупленной ими продукции предоставлялись с разрешения губернского отдела внутренней торговли. При установлении превышения лимитов или других нарушений правил торговли хлеб, закупленный инорайонной организацией, поступал по определению губвнутторга одному из основных заготовителей, который расплачивался за него по лимитным ценам.

Закупка зерна местными торговыми учреждениями разрешалась или для последующей его перепродажи основным заготовителям, или для местного снабжения. Продажа частникам, инорайонным хлебозаготовителям и самостоятельный вывоз хлеба за пределы края местным организациям была запрещена. Низовая кооперация также имела право закупать зерно исключительно для основных заготовителей или кооперативных объединений. Последним в случае невыполнения ими договоров на поставку хлеба основным заготорганизациям не подавались вагоны⁹⁰.

Каких-либо законных оснований для подобных решений применительно к частным хлеботорговцам не существовало. Однако местных властей это не останавливало. Губернские и уездные внутторги также запрещали им закупки хлеба без соответствующей регистрации, в ходе которой частникам определялись для заготовок наименее хлебные и наиболее удаленные от железной дороги районы. Центральные сибирские органы не только не хотели замечать подобных нарушений закона, но даже провоцировали их. Так, Сибкрайвнутторг в ответ на запрос Бийского уездного отдела внутренней торговли о том, имеет ли он право под видом регистрации отказывать частным лицам проводить в уезде закупки хлеба, отметил, что юридических оснований для этого нет. Однако рекомендовал идти на нарушение закона, так как волокита с рассмотрением принесенного частниками протеста на действия местных властей затянет время и будет одним из способов вытеснения частного капитала с рынка⁹¹. Нарушали законы и превышали свои полномочия и сами краевые органы. В ответ на поручение Осполкома СТО от 22 октября ввести в Сибири меры по организации первоочередной погрузки для основных заготовителей Сибревком разослал на места секретный циркуляр, вообще запрещающий подачу вагонов под частные хлебные грузы⁹².

Поощряемые либо прямыми указаниями, либо попустительством руководящих органов местные власти были неистощимы в своем «законотворчестве». Частник ставился под гласный контроль милиции и негласный ГПУ, которые были призваны отслеживать любые, самые малейшие нарушения правил торговли с его стороны. Применительно к частным хлеботорговцам ужесточались санитарные нормы. В ряде мест закрывались базары, на них до 12 часов дня запрещалась

скупка хлеба частными лицами⁹³. За малейшее нарушение местных «законов» следовали крупные штрафы, а то и аресты.

Кое-где доходило даже до заградотрядов. Иркутский губвнутторг запретил деятельность частных хлебозаготовителей на всей территории губернии⁹⁴. Не менее жесткие меры воздействия — от штрафов до привлечения к судебной ответственности — применялись к государственным и кооперативным заготовителям, нарушающим лимитные цены или не выполняющим циркуляры органов управления.

Помимо давления на частных и внеплановых государственных и кооперативных заготовителей с целью увеличения предложения зерна, несколько видоизменилась и ценовая политика. Расширилось количество культур, на которые распространялись лимитные цены. Распоряжением Сибревкома от 12 декабря устанавливались ценовые лимиты на рожаную и пшеничную муку. Подобные меры должны были выбрать основу для спекуляции на разнице цен между различными культурами, зерном и мукой, а также сделать для крестьян более выгодной продажу основных зерновых культур, тем более что лимиты на последние постоянно повышались. Еще 18 сентября Наркомвнутторг СССР разрешил до 5 коп. за пуд превышать лимитные цены на зерно при его закупке на ссыпных пунктах, удаленных от железных дорог более чем на 50 км. 17 декабря лимиты на пшеницу в Сибири с санкции Центра были увеличены в среднем на 10 %, а 23 декабря в край пришло распоряжение Наркомвнутторга, обязывающее местные органы повысить лимитные закупочные цены на рожь и пшеницу на 25 %⁹⁵.

Принятые меры позволили увеличить объемы централизованного хлебозакупа. В ноябре его увеличение по сравнению с октябрем составило на западе региона 150 %, на востоке — 180 %. Тем не менее месячное задание на ноябрь в целом по краю было выполнено немногим более чем наполовину. И лишь в декабре практически удалось выполнить достаточно напряженное календарное задание в 11 млн пудов⁹⁶. Несмотря на успех декабрьских заготовок, календарное задание первых шести месяцев кампании в Сибири выполнить не удалось. На 1 января 1925 г. выполнение годового плана в регионе составило 40,9 %, тогда как к этому времени предполагалось заготовить 55 % от запланированного на год.

По результатам первой половины хлебозаготовительной кампании Сибрайвнутторг с санкции Сибревкома несколько увеличил годовой региональный заготовительный план (до 44,8 млн пудов), а также скорректировал его по губерниям и культурам⁹⁷. Увеличение годового плана является свидетельством того, что руководящие органы Сибири смотрели на перспективы кампании вполне оптимистично. Подтверждением подобного оптимизма стали результаты заготовок в январе, месячный план закупок в котором был даже несколько пере-

выполнен. В связи с этим сибирские власти оставили неизменными общие принципы регулирования рынка. В циркуляре Сибревкома от 21 января губисполкомы края обязывались продолжать жесткий контроль за соблюдением лимитов и исполнением договоров на поставку хлеба низовыми кооперативами.

В том же циркуляре с целью ускорения вывоза закупленного основными заготовщиками зерна из Сибири изменились правила отправки хлебных грузов по железной дороге. Согласно существующим нормам транспортные органы относили все грузы либо к внеочередной, либо к одной из последующих четырех категорий очередности погрузки. Все хлебоффужные грузы, отправляемые мелкими партиями, относились ко второй категории, а все хлебные грузы повагонной отправки — к третьей категории. Существовала также возможность переводить мелкие партии хлеба во внеочередную категорию в случае их отправки так называемой большой или спецскоростью. Но этими видами услуг ввиду их дороговизны практически никто не пользовался. В случае необходимости срочной доставки хлеба в какой-либо остро нуждающийся регион страны НКПС имел право переводить его в более высокую категорию погрузки, причем делалось это для всех групп отправителей, в том числе и для частных фирм. Сибревком собственным решением обязал местные железнодорожные органы перевести из третьей категории погрузки во вторую все хлебные грузы основных заготовителей. Остальные заготовители оставались в третьей категории. Кроме того, Сибревком в очередной раз подтвердил запрет на подачу вагонов под частные хлебные грузы⁹⁸.

С целью ограничения частных заготовок, помимо неподачи вагонов, на местах (Томская и Алтайская губернии) вводилась обязательная регистрация частных хлеботорговцев во внутторгах. При этом, обратившись за регистрацией, частники либо получали документально оформленный запрет на хлеботорговые операции, либо обязывались (под расписку) соблюдать лимиты, обязательные лишь для основных заготовительных организаций.

Однако оборотистые частники большинство запретов успешно преодолевали. Отказываясь от регистрации, они продолжали работать в «подполье» и тем самым скрывали от планово-регулирующих органов свои доходы, истинные размеры хлебооборота и уровень закупочных цен. Свои хлебные грузы представители частного капитала отправляли под видом инорайонных организаций или через них. Через инорайонных заготовителей они получали и банковские кредиты. Ни к чему не привело и установление первоочередности погрузки для основных заготовительных организаций. Вагонов было достаточно для того, чтобы хлеб отправлялся без всякой очередности⁹⁹.

Чувствуя свое бессиление ограничить частный закуп экономическими методами, сибирские власти пошли на крайние меры. Сибревком дал директиву местным органам ОГПУ под любыми предлогами произвести аресты наиболее крупных хлеботорговцев, что и было сделано, — арестовали 14 человек. Жалобы на незаконность подобных действий в конечном счете дошли до председателя СНК А. И. Рыкова, который 23 января 1925 г. в шифротелеграмме на имя председателя Сибревкома М. М. Лашевича потребовал срочно выслать объяснительную записку «о целесообразности и необходимости этой меры».

В ответной объяснительной записке Сибревкома сообщалось, что «аресты крупных частных хлебозаготовителей действительно имели место в Сибири, хотя формально эти аресты произведены под другими предлогами вне связи с хлебозаготовками. По существу же аресты произведены с целью предупреждения окончательного срыва заготовок хлеба основными хлебозаготовителями»¹⁰⁰.

Причины недовольства Центра действиями сибиряков заключались в следующем. Успешный ход заготовок в большинстве зернопроизводящих районов страны, включая Сибирь, позволил несколько стабилизировать положение на хлебных рынках СССР. Однако уже в январе ситуация вновь резко ухудшилась: крестьяне практически всех регионов европейской части страны значительно снизили подвоз зерна на рынки. В результате хлеба в целом по СССР было закуплено почти наполовину меньше, чем в декабре 1924 г.¹⁰¹ Столь существенная разница в заготовках не покрывалась оставшимися от декабря запасами. Все это не могло не сказатьсь на снабжении потребляющих районов, которые стали испытывать острый недостаток в муке. Вместе с тем частник, который мог бы восполнить эту недостачу, из межрайонного оборота изгонялся. Значительное превышение спроса над предложением вызвало повсеместный бурный рост продажных цен на хлеб.

В связи с этим в правящих кругах постепенно созревало мнение о том, что единственным способом спасения центральных районов от продовольственной катастрофы может быть либерализация хлебного рынка, одним из направлений которой стало снятие ограничений с деятельности частного капитала. Помимо этого делалась ставка на повышение или даже отмену (по отдельным регионам и культурам) лимитов закупочных цен.

Эта политика Центра противоречила установкам сибирских властей, считавших единственно правильными административные методы регулирования, и встретила их активное противодействие. Так, в Сибири не было выполнено датированное концом декабря указание Наркомвнуготорга о повышении лимитов на 25 %. 15 января Наркомвнугторг предоставил право низовым ссыпным пунктам само-

стоятельно превышать лимиты на 5–10 коп. с тем, чтобы они приобрели свободу маневра и более успешно конкурировали с частником. Хлебное совещание при Сибкрайвнутторге признало это решение не соответствующим линии краевого руководства и ходатайствовало перед Сибревкомом о приостановлении его действия на территории региона, что и было сделано¹⁰².

Тем не менее давление на сибирские власти из Центра усилилось. Сибкрайвнутторгу было указано на незаконность решений ряда губисполкомов и губвнутторгов об обязательной регистрации частников и распространении на них лимитов. В начале февраля Наркомвнутторг распространил обязательную для исполнения директиву о повышении в Сибири лимитов на пшеницу с 75–58 коп. до 85–95 коп. В течение февраля на 15 % повысились лимиты на рожь¹⁰³.

Несмотря на принимаемые регулирующими органами страны меры, падение темпов централизованных хлебозаготовок продолжалось и в феврале¹⁰⁴. Почти на 20 % уменьшились закупки в Сибири. Выполнение месячного плана в регионе составило 73,5 %. Основная причина неудовлетворительного хода заготовок была та же, что и осенью. Производители зерна не желали продавать его по низким, не соответствующим конъюнктуре ценам. Доказательством этому стало все увеличивающееся расхождение между закупочными ценами основных заготов организаций и ценами вольного рынка. Если в январе средняя цена одного пуда пшеницы на вольном рынке в среднем по Сибири была выше, чем на ссыпных пунктах государственных и кооперативных заготовителей, на 0,2 коп., а одного пуда ржи – на 3 коп., то в феврале – уже на 6,2 и 4,8 коп. Самые большие «ножницы» цен держались на западе края, составляя в феврале в Омской, Алтайской и Новониколаевской губерниях соответственно по пшенице 15,3, 8,5 и 8,2 коп., по ржи – 9,0, 16,4 и 5,1 коп. за пуд¹⁰⁵. Таким образом, в конце зимы в Сибири фактически начался второй тур крестьянской «хлебной стачки», но на сей раз ее основными участниками стали более состоятельные слои деревни. Беднота и низшие категории середняков к этому времени почти все свое зерно продали.

Снижение объемов централизованного хлебозакупа еще более обострило продовольственное положение в потребляющих районах страны. Чтобы исправить положение, Центр продолжил линию на повышение лимитов. В разговоре по прямому проводу 28 февраля 1925 г. с заведующим Сибкрайвнутторгом начальник хлебоффуражного управления Наркомвнутторга заявил, что удерживать стабильный уровень цен в создавшихся условиях нельзя (*«преступно из-за цены потерять хоть сколько-нибудь хлеба»*). Он был готов тут же дать санкцию на любое требуемое обстоятельствами повышение лимитов¹⁰⁶.

В начале марта Наркомвнутторг предоставил Сибкрайвнутторгу право повысить действующие лимиты на 25 %. В Сибревкоме и Сибкрайвнутторге посчитали столь резкое повышение излишним и, в свою очередь, отправили во все губернии сообщение о том, что там могут «по своему усмотрению» увеличить лимиты на 10 %¹⁰⁷. Однако на местах даже это предложение встретили «в штыки». Так, Томский губисполком признавал повышение лимитов «политически» нецелесообразным, поскольку оно являлось выгодным лишь основным держателям хлеба — зажиточным крестьянам и мелким скопщикам, уверенно ожидающим дальнейшего повышения цен. Подобная позиция разделялась партийными и советскими органами других губерний. Более того, губернские руководители настаивали на ужесточении административных методов регулирования. Алтайский губисполком, например, считал необходимым распространить запрет на подачу вагонов под частные грузы для вывоза из Сибири на внутрисибирские перевозки¹⁰⁸.

Москва продолжала настаивать на отказе от внешнеэкономических методов и дальнейшем повышении цен. Рассмотрев 5 марта 1925 г. вопрос о хлебном балансе, ЦК ВКП(б) потребовал усиления заготовок в Сибири, для чего признал необходимым повысить в регионе закупочные цены¹⁰⁹. 7 марта в адрес руководителей Сибкрайкома и Сибревкома была направлена шифротелеграмма за подписью В. М. Молотова, в которой говорилось: *«Необходимость обеспечить бесперебойное снабжение хлебом промышленных центров потребляющих районов и максимально сократить ввоз иностранного хлеба побуждает приложить все усилия к значительному увеличению заготовок и вывоза хлеба с Урала и Сибири. С этой целью должны быть устранены все препятствия, как то: несоответствие цен, транспортные затруднения и прочее»*¹¹⁰.

На сей раз сибирские власти были вынуждены выполнить столь жесткую установку Центра. Сибкрайком ВКП(б) в телеграмме губернским партиям, сообщая о вышеназванном постановлении ЦК, указал на необходимость повышения лимитов и напомнил, что *«губкомы возражали против повышения, так как это выгодно крепкому крестьянину. Эти соображения надо отбросить. Задаче заготовить как можно больше, даже сверх плана, подчините все»*¹¹¹.

В итоге ценовые лимиты были увеличены на пшеницу до 100–120 коп., на рожь — до 60–80 коп. за пуд. Помимо этого в Омской, Новониколаевской и Алтайской губерниях заготконторе Госбанка разрешалась покупка крупных партий хлеба (не менее одного вагона) у частников с надбавкой к лимиту до 10 %. С 12 до 17 % увеличивалась и надбавка за партионную поставку хлеба низовыми кооперативами¹¹². Но далее повышения закупочных цен для основных заготов-

ганизаций и вышеуказанных уступок «рыночной стихии» сибирские власти идти не собирались.

В. М. Молотов 25 марта направил в Сибкрайком ВКП(б) очередную телеграмму, в которой указал, что «огульное запрещение заготовок и вывоза инорайонным организациям, частным лицам» противоречит имеющей «исключительное значение» задаче максимального изъятия у крестьянства товарных запасов зерна¹¹³. Несмотря на давление из Москвы, сибирское руководство настояло на сохранении запрета на вывоз из Сибири хлебных грузов указанных категорий заготовителей. По инициативе Сибкрайвнутторга Наркомвнутторг принял постановление о полном снятии инорайонных государственных и кооперативных заготовителей с сибирского рынка. Более того, несмотря на решение апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б) отказаться от практики лимитирования сельскохозяйственных цен¹¹⁴, Сибревком посчитал целесообразным сохранение на территории края заготовительных лимитов до конца хлебозаготовительной кампании¹¹⁵.

Принятые меры несколько увеличили темпы хлебозакупа в европейской части СССР¹¹⁶. Относительно успешно прошли мартовские заготовки и в Сибири. Здесь месячный план был перевыполнен на 4 %, причем в восточных губерниях края перевыполнение плана составило 12 %. Крестьяне Енисейской, Иркутской и Томской губерний более активно реагировали на повышение цен. На западе Сибири подъем закупочных цен ожидаемых результатов не принес. Месячный план там выполнили всего на 64 %, хотя запасы зерна у крестьян оставались достаточно большими. По-прежнему отрицательно в Новониколаевской, Алтайской и Омской (месячное задание в которой было выполнено всего на 46,5 %) губерниях на темпы централизованных заготовок влияла разница в закупочных ценах с соседними регионами — Уралом и Казахстаном¹¹⁷. Зажиточное западносибирское крестьянство упорно придерживало хлеб в ожидании еще большего роста цен, предпочитая продавать его на вольном рынке, в том числе и мелкими партиями, либо вывозить за пределы края.

С целью стабилизации ситуации государство в апреле осуществило залповый выброс на рынок в потребляющих и недородных районах больших партий зерна и муки, специально закупленных за границей¹¹⁸. «Хлебная интервенция» внесла заметное улучшение в снабжение потребляющих районов и сняла там ажиотажный спрос. Однако неопределенность видов на урожай не позволила снизить закупочные цены на хлеб. Необходимо было во что бы то ни стало создать как можно большие запасы зерна на случай возможного неурожая. Единственным эффективным способом выкачивания оставшегося у крестьянства хлеба по-прежнему оставался подъем заготовительных цен. Средневзвешенные закупочные цены основных

государственных и кооперативных заготовительных организаций в Сибири выросли в апреле на пшеницу с 1 руб. 11 коп. до 1 руб. 20 коп. за пуд, рожь — с 68 коп. до 78 коп. В Омской губернии один пуд пшеницы покупался за 1 руб. 32 коп. Продолжался в апреле и рост цен на вольном рынке. В целом по региону средняя рыночная цена одного пуда пшеницы достигла 1 руб. 36 коп., одного пуда рожь — 88 коп.¹¹⁹

Чтобы снизить цены в целом по стране, Наркомвнуготорг провел следующий маневр. Было решено искусственно снизить спрос на хлеб со стороны основных государственных и кооперативных организаций в районах с наиболее высоким уровнем хлебных цен, а потребности в зерне и муке удовлетворять за счет восточных районов, уровень цен в которых был намного ниже, а значит, оставались резервы для их роста.

Особенно большие надежды возлагались на заготовки в Сибири, где по-прежнему приобреталось значительное количество хлеба. Здесь к 1 мая годовой план централизованного хлебозакупа был выполнен на 94 %¹²⁰. Но в связи с тем, что зерна у сибирских крестьян оставалось еще много, Наркомвнуготоргом для Сибири былтвержден план дозаготовок на май — август 1925 г. в размере 5 млн пудов¹²¹. Под это количество хлеба из расчета высокого уровня закупочных цен выделялись соответствующие финансовые ресурсы и промышленные товары деревенского спроса. Была продолжена практика увеличения цен. Высокие летние хлебные цены в сочетании с ожидаемым хорошим урожаем заставляли сибирских крестьян избавляться от излишков зерна. В результате план дозаготовок в крае был несколько перевыполнен. За май — август здесь закупили в централизованном порядке 5233,6 тыс. пудов хлебопродуктов¹²².

За весь заготовительный год в Сибири плановые государственные и кооперативные заготовительные организации приобрели 48 603 тыс. пудов хлебопродуктов и маслосемян. Увеличенное в ходе кампании до 49,8 млн пудов годовое задание было выполнено на 98 %, что можно оценить как несомненный успех. Столь высокий результат был достигнут преимущественно за счет заготовок на востоке региона, где было закуплено 27 617 тыс. пудов хлеба, или 57 % от общесибирского хлебозакупа. Выполнение годового плана в Енисейской губернии составило 132 %, в Иркутской и Томской — 118 %. Перевыполнение планов в северо-восточных губерниях края связано с недооценкой здесь объемов товарных запасов зерна и практическим отсутствием конкуренции со стороны частных скопщиков при сравнительно невысоком непосредственном спросе на хлеб со стороны немногочисленного местного городского населения.

В западных губерниях годовой план был значительно недовыполнен: по Алтайской губернии на 20,8 %, по Новониколаевской гу-

бернии на 23,8, по Омской губернии на 29,3 %. Однако годовое задание здесь соответствовало товарным запасам и было вполне реально для выполнения. Основными причинами слабого хода заготовок в указанных губерниях стали выжидательная позиция крестьянства, задерживающего произведенный хлеб до установления на него выгодных закупочных цен, а также возможность его сбыта по более высоким ценам частным торговцам, инорайонным государственным и кооперативным заготовителям или непосредственно горожанам на базарах.

Удельный вес «Сибхлебопродукта» в общесибирской централизованной заготовке составлял 33,3 %, Сибкрайсоюза — 32,3, Госбанка — 10,1, Сибгосторга — 7,4, Сибселькосоюза — 7,2, Сибторга — 6,6 %. На долю инорайонных заготовительных организаций, частных фирм и непосредственные покупки горожан приходилось 15–20 % от региональных централизованных заготовок (в Омской губернии — до 40 %)¹²³.

В целом по СССР централизованные хлебозаготовки за 1924/25 г. составили 313,6 млн пудов. В общем хлебозакупе существенно выросло значение восточных районов. Их доля увеличилась с 5,1 за 1923/24 г. до 32,2 % за 1924/25 г. Сибирь дала 15,5 % от всей годовой заготовки, по пшенице же доля Сибири достигла почти 20 %. Напротив, с 57,6 до 38,4 % снизился удельный вес юго-западных регионов. Согласно различным экспертным оценкам, в государственный фонд поступило от 50 до 60 % всего товарного хлеба, частниками же было закуплено от 30 до 40 % (остальное приходится на заготовки местных организаций и непосредственные закупки городского населения).

В целом же поступление хлебопродуктов в государственный фонд в 1924/25 г., которое теперь стало осуществляться только через рыночные закупки, уменьшилось по сравнению с предыдущим периодом на 29 %. Резко сократились размеры хлебного экспорта. Всего из страны было вывезено около 54 млн пудов преимущественно второстепенных культур, маслосемян и жмыха. В то же время для относительного удовлетворения внутреннего спроса государство было вынуждено пойти на закупки 30 млн пудов зерна по очень высоким мировым ценам в связи с неурожаем в Западной и Восточной Европе¹²⁴.

4. 1925/26 г.: кампания несбывшихся надежд

Подготовка к хлебозаготовительной кампании 1925/26 г. разворачивалась в условиях проведения провозглашенного партийным руководством страны курса «Лицом к деревне», важной составляющей которого являлось углубление экономических («нэповских») методов регулирования сельской экономики. В резолюции апрельского (1925 г.) пленума ЦК РКП(б) «Очередные задачи экономической

политики партии в связи с хозяйственными нуждами деревни» было заявлено, что «интересы действительного подъема сельского хозяйства <...> требуют увеличения товарности продукции крестьянских хозяйств и в связи с этим – решительного устранения пережитков “военного коммунизма” в деревне (например, прекращения борьбы административными мерами против частной торговли, кулачества и т. п.), противоречащих допускаемому в условиях нэпа развитию рыночных отношений в стране»¹²⁵.

Апрельский пленум решил также отказаться от практики лимитирования закупочных цен на хлеб, а взамен ввести так называемые синдицированные цены, устанавливаемые на местах по соглашению между основными и наиболее крупными местными государственными и кооперативными заготовительными организациями. Считалось также недопустимым навязывание сельскохозяйственной и потребительской кооперации обязательных заготовительных заданий¹²⁶. Тем не менее и в условиях осуществления «нового курса» государство не собиралось отказываться от контроля и дальнейшего овладения процессом отчуждения сельскохозяйственной продукции.

Подходы к организации новой заготовительной кампании определялись не только политической линией большевистского режима по отношению к крестьянству, но и предполагаемыми размерами валового сбора зерновых, который обещал быть самым большим за весь постреволюционный период. Высокий урожай, по мнению экспертов, мог привести к падению цен не только на хлеб, но и на другую сельхозпродукцию. Это могло вызвать недовольство крестьянства и вновь обострить его отношения с властью. С целью недопущения подобного развития государство решило увеличить спрос на хлебопродукты.

Первоначально принятый план государственных закупок в 680 млн пудов к середине августа был увеличен до 780 млн пудов. При этом основным государственным и кооперативным заготовительным организациям, число которых увеличивалось, надлежало до конца декабря в целом по стране заготовить 70 % от годового задания. Излишки собранного хлеба планировалось пустить на значительное увеличение экспорта и создание государственного резервного фонда¹²⁷. Выполнение (и возможное перевыполнение) плана заготовок должно было иметь важное не только экономическое, но и политическое значение. Недопущение снижения цен было призвано показать крестьянству серьезность намерений государства, принявшего «новый курс» по отношению к деревне, и, таким образом, укрепить его лояльность к советской власти.

В основу регулирования ценообразования в кампанию 1925/26 г. закладывались так называемые директивные цены – средние заку-

почные цены, которые определялись Наркомвнутторгом СССР по отдельным районам, культурам и периодам кампании. Они должны были рассматриваться как примерные, вокруг которых государственные и кооперативные заготовители самостоятельно, в зависимости от конъюнктуры местного рынка строили конкретные закупочные цены. Колебания в ту или иную сторону от директивного уровня допускались. Слишком резкие отклонения от него следовало преодолевать исключительно экономическими методами.

Установление ценовых лимитов (в данном случае лимитов-минимумов) было строго запрещено. Так, в циркуляре Наркомата внутренней торговли СССР от 23 июня 1925 г. осуждалась практика установления твердых низших пределов закупочных цен. Данная мера расценивалась как административная и потому в новых условиях неприемлемая. Более того, наркомат на первых порах не рекомендовал даже установление синдицированных цен, которые, по мнению авторов соответствующего циркуляра, могли на местах приобретать характер предельных. Из политических соображений государственным и кооперативным заготовителям в случае падения цен значительно ниже нормального уровня рекомендовалось платить крестьянам за сдаваемый хлеб несколько выше частных скupщиков¹²⁸.

Были сделаны и другие шаги по либерализации государственной заготовительной политики. Так, Наркомвнутторг СССР 24 июля 1925 г. указывал на необходимость отмены применявшихся в предыдущую кампанию ограничений деятельности инорайонных и местных государственных и кооперативных неосновных заготорганизаций и предоставления им «полной свободы заготовок» за счет собственных средств и местных кредиторов. Циркуляром наркомата от 26 июня было признано целесообразным наладить их финансирование на условиях, общих с основными заготовителями¹²⁹.

Считалось также допустимым в ряде районов привлечение к хлебозаготовкам частного капитала. К таким районам, по мнению планирующих органов, относились восточные регионы страны, в том числе Сибирь. Предполагалось, что (по аналогии с ситуацией 1922–1923 гг.) внимание основных и большинства частных заготовителей будет обращено на основные хлебные районы — Северный Кавказ, Украину, Поволжье — в ущерб вышеуказанным. Наркомвнутторг СССР в связи с этим определил, что стимулами для привлечения частного капитала к заготовкам в неосновных производящих районах могут быть отказ от применения чисто административных мер воздействия, нормализация налогового обложения, а также частичное целевое кредитование.

Однако в целом либерализация рынка была непоследовательной. В основных хлебных районах предполагалось проводить мероприя-

тия, главным образом экономического характера, по вытеснению и ослаблению частника (предоставление государственным и кооперативным заготовителям льгот при аренде складских помещений, мельпредприятий, ограничение частных перевозок по железным дорогам и т. п.). «В особо важных случаях, — указывалось в циркуляре Наркомвнутторга от 27 июля, — и в зависимости от конкретной обстановки могут оказаться допустимыми как дополнительные и некоторые административные репрессии». Инерайонным и местным неосновным заготоворганизациям, которым якобы предоставлялась «полная свобода заготовок», рекомендовалось не открывать собственные ссыпные пункты, а заготавливать хлеб через основных заготовителей¹³⁰.

Наркомвнутторг СССР 14 августа, отметив, что низовой аппарат должен быть способен проводить в жизнь выработанную государственную политику, призвал основных заготовителей совместно с партийными и профсоюзными органами провести негласную чистку заготаппарата и его пополнение членами и кандидатами в члены РКП(б)¹³¹. Количество основных государственных и кооперативных заготоворганизаций, с помощью которых государство предполагало взять с рынка львиную долю хлеба, несмотря на предложения о расширении их числа, оставалось по-прежнему ограниченным.

Ситуация в период подготовки к кампании 1925/26 г. в Сибири практически не отличалась от общесоюзной. Площадь посевов зерновых культур в крае выросла на 13,9 %. При этом посевые площади, занятые пшеницей, увеличились соответственно на 33 %, что являлось свидетельством усиления товарности сибирского зернового производства. Валовой сбор зерновых в регионе вырос по сравнению с предыдущим годом на 31 %. Прирост в первую очередь был получен за счет значительного увеличения сбора пшеницы (на 49 %) (см.: Приложение, табл. II).

Задачи предстоящей кампании, выдвинутые руководящими органами края, вполне соответствовали общесоюзным и заключались в максимальном изъятии зерна из крестьянских хозяйств в связи с ожидаемым значительным увеличением товарной продукции, в сохранении за государственными и кооперативными заготовителями достигнутого в кампанию 1924/25 г. положения на хлебном рынке, в недопущении падения цен и предупреждении их значительного осенне-весеннего разрыва.

Региональный заготовительный план на 1925/26 г. был принят в размере 85 млн пудов (в том числе для Западной Сибири — 51,3 млн пудов, для Восточной — 33,7 млн пудов). Из этого объема 12 млн пудов предназначалось для местного снабжения внутрирегионального рынка, 73 млн пудов — для вывоза из региона и формирования резервного фонда. Было признано необходимым расширить контин-

гент плановых общесибирских заготовителей. Основные плановые заготовители («Сибхлебпродукт», Сибкрайсоюз, Сибселькооперация, сибконторы Госбанка и Росмасложирсиндиката) должны были закупить основную массу хлеба — 65,6 млн пудов. На долю неосновных плановых заготовителей — Сибторга, Сибгосторга, Приморского гомелькомбината (Примгомельницы), Читинского транспортного потребительского общества (Читпо), Сибгоспароходства, Лесзага, Сибвинтреста и АО «Руссот» — приходилось еще 19,4 млн пудов. Кроме них, уже после составления плана на кампанию право на хлебозакупки для экспорта и открытие собственных ссыпных пунктов получили акционерные общества «Ратаро» и «Русавтоторг»¹³².

Таким образом, от хлебозаготовительной кампании 1925/26 г. как в масштабах всей страны, так и в Сибири, ожидалось слишком многое. Удачная закупка урожая должна была ускорить темпы и размах поступательного развития советской экономики, укрепить доверие к власти со стороны крестьянства. Однако столь оптимистичным планам не суждено было сбыться. Неблагоприятные погодные условия на юге страны в конце лета — начале осени снизили урожайность зерновых и затруднили вывоз хлеба на базары¹³³.

В то же время спрос на хлебопродукты в потребляющих районах страны оказался выше прогнозируемого. С ростом доходов рабочих и служащих особенно выросло потребление пшеничной муки. Однако ее запасы были невелики и имели тенденцию к снижению¹³⁴. Истощение запасов и направление значительной части закупленного продовольственного зерна на форсирование экспорта привели к преувеличению спроса над предложением. В этих условиях обострилась конкурентная борьба как между основными государственными и кооперативными заготовителями, так и между ними и частными торговцами. Причем основным средством конкурентной борьбы стало увеличение закупочных цен¹³⁵.

Повышение закупочных цен, вызвав рост розничных цен на хлебопродукты, способствовало развитию инфляционных процессов. Невыполнение планов закупок основными государственными и кооперативными заготовителями ставило под угрозу снабжение ряда важных промышленных центров. На грани потери рентабельности находился и экспорт зерновых. Все это обусловило существенные изменения в государственной политике регулирования хлебного рынка. На повестку дня встала задача снижения цен. Сделать это планировалось путем уменьшения спроса на крестьянский хлеб. Прежде всего, был существенно сокращен план централизованных закупок на октябрь. Сократился экспорт.

В соответствии с запланированным снижением централизованных закупок сокращалось финансирование хлебозаготовок. Креди-

тование неосновных местных государственных и кооперативных заготовителей в производящих районах также существенно уменьшалось, а в пунктах с повышенным уровнем цен вообще приостанавливалось. 28 сентября 1925 г. было заявлено о временном (затем так и не отмененном) прекращении финансирования самостоятельных заготовок хлеба местными организациями в потребляющих районах. А еще раньше, 14 сентября, было запрещено авансирование частных скопщиков¹³⁶. Была откорректирована и ценовая политика. Если в начале кампании введение синдицированных цен не рекомендовалось, то уже в начале октября Наркомвнугторг указал на необходимость скорейшего заключения на местах соглашений по ценам между плановыми заготовительными организациями.

В результате принятия ряда мер, носящих преимущественно экономический характер и направленных на сокращение спроса на крестьянский хлеб, в октябре 1925 г. удалось несколько снизить уровень закупочных цен. Однако несмотря на это, преодолеть в течение октября – ноября трудности, связанные с заготовкой хлеба, не удалось¹³⁷.

В Сибири сложилась аналогичная ситуация. Сентябрьские заготовки здесь протекали вяло. С одной стороны, плановые заготовители, уверенные в успехе кампании, не спешили развернуть сеть своих ссыпных пунктов. С другой – крестьяне не спешили с реализацией зерна, предпочитая продавать технические культуры. В результате месячный план был выполнен на 48 % (см. табл. 1.1). На небывало высоком для данного времени года уровне держались заготовительные цены на пшеницу. За пуд крестьяне в среднем по краю получали 1 руб. 6 коп., а в ряде районов – 1 руб. 20 коп. при директивной цене в 90 коп. Такая цена в регионе в 1924/25 г. установилась только к весне. Превосходили директивный прошлогодний уровень и цены на рожь (55 коп. за пуд)¹³⁸.

Данное положение было признано ненормальным. На заседании хлебного комитета при Сибкрайвнугторге 22 сентября 1925 г. было принято решение о необходимости снижения в октябре заготовительных цен на пшеницу до 80–85 коп., на рожь – до 50–55 коп. за пуд. С этой целью предполагалось снизить спрос на зерно со стороны плановых заготорганизаций. По районам с наиболее высоким уровнем цен (в частности, по Омску) им вообще рекомендовалось воздержаться от закупок хлеба в период 1–4 октября. Заготовительный план на октябрь был сокращен на 19 %. С 369 до 210 уменьшалось количество ссыпных пунктов, принадлежавших плановым заготорганизациям¹³⁹.

Однако экономическими мерами сбить цены не удалось. В конце сентября – начале октября ситуация на хлебном рынке Сибири рез-

ко изменилась. Высокие цены в основных хлебных районах СССР и все более ощущаемый дефицит зерна в потребляющих районах привели к тому, что в Западную Сибирь двинулись со всех концов страны инорайонные организации, а также частные скупщики. Приказы о форсировании заготовок получили из своих центральных контор и плановые заготовители. На хлебном рынке края возник ажиотажный спрос. Цены на зерно стали повышаться.

Особенно острая конкуренция, а следовательно, и самый высокий уровень цен отмечались, как и в прошлом году, в Омском округе, где на хлебном рынке действовали помимо местных плановых заготовителей еще 24 инорайонные государственные и кооперативные организации и 204 частных заготовителя (к последним надо прибавить немалое число скупщиков, работавших без патентов). В отдельных пунктах частные хлеботорговцы скупали до 80 % крестьянского призыва. С начала кампании по 1 января 1926 г. частниками было закуплено и вывезено за пределы Омского округа 950 тыс. пудов хлебопродуктов, или 30,5 % общего объема заготовок¹⁴⁰.

Реакция властей не заставила себя долго ждать. На заседании Сибревкома 15 октября 1925 г. было принято решение перейти от экономических методов сдерживания частников к административным. Категорически запрещалось финансирование хлеботорговых операций частных лиц, а также оптовая покупка или продажа им хлеба. Все договоры государственных и кооперативных заготовителей с частными лицами расторгались¹⁴¹. Крайвнутторг в своем циркуляре обязал окружные управы создавать по отношению к частникам «затруднения по всем линиям — налоговой, складской и т. п., не останавливаясь в случаях особо злостной конкуренции применять жесткие административные меры»¹⁴². 20 октября уполномоченный НКПС по Сибири своим приказом запретил прием зерна от частных лиц для отправления за пределы края¹⁴³.

В ноябре — декабре 1925 г. фактический запрет, названный «экономическим регулированием», на межрайонные перевозки частных хлебных грузов железной дорогой был введен в масштабах всей страны. В постановлении СТО от 9 ноября 1925 г. указывалось на необходимость «в целях упорядочения хлебного рынка, дезорганизуемого усиленной работой частного капитала, достигнуть если не полного прекращения, то, по крайней мере, возможного сокращения перевозок хлебофуражных грузов частных лиц»¹⁴⁴.

Выполняя директиву СТО, НКПС изменил порядок отправки грузов. Как указывалось выше, транспортные органы относили все грузы либо к внеочередной, либо к одной из последующих четырех категорий очередности погрузки. При этом все хлебофуражные грузы, отправляемые мелкими партиями, были приравнены ко второй

категории очередности, а все хлебные грузы повагонной отправки — к третьей. 16 ноября НКПС своим циркуляром ввел пятую категорию грузов, в которую с момента введения на соответствующей железной дороге «экономического регулирования» переводились все грузы частников и приравненных к ним организаций из третьей и частные грузы из второй категории. *«Погрузка грузов, — говорилось в циркуляре, — должна совершаться в порядке очередности категорий, и погрузка грузов пятой категории может иметь место лишь после погрузки всех грузов внеочередных и первых четырех категорий в пределах всей регулируемой железной дороги. <...> Таким образом, с переводом железной дороги в разряд регулируемых, с открытием пятой категории остается лишь принять меры к тому, чтобы грузы пятой категории фактически не грузились»*¹⁴⁵.

Первоначально «экономическое регулирование» ввели лишь на ограниченном числе железных дорог. Однако эффект данная мера дала против ожиданий небольшой. Частники находили способы обхода вновь введенных запретов путем подвозки хлебных грузов гужом до станций, не включенных в зону «экономического регулирования», использования государственных или кооперативных организаций для отправки своих грузов¹⁴⁶.

В этих условиях «экономическое регулирование» распространялось на все новые железные дороги, а также водные пути сообщения, его режим ужесточался. Вводилось не распространявшееся на основных заготовителей запрещение на отправку хлебных грузов спецскоростью. Органы внутренней торговли на местах получили право обследования списков очередей грузоотправителей *«для исключения оттуда с перенесением в пятую категорию всякого рода сомнительных товариществ и организаций»*. К частным со всеми вытекающими отсюда последствиями следовало приравнивать также те государственные и кооперативные организации, деятельность которых признавалась местными органами Наркомвнутторга «нежелательной»¹⁴⁷.

Итоги ограничения частного капитала на хлебном рынке Сибири подвел заведующий Сибкрайторготделом И. И. Рециков, который в личном послании в Наркомторг СССР¹⁴⁸ 19 января 1926 г. писал по поводу частников: *«Правда, они кое-что делают, но мы их настолько притесняем, что вряд ли работа их может иметь серьезное значение. <...> Нами приняты следующие меры: часть частников арестована. Продолжаем заниматься этим постепенно, изымаем от них мельницы, которые были сданы ими в аренду, таскаем в внутторг и пр.»*¹⁴⁹

Не менее жесткие ограничения применялись и к инорайонным загород организациям. Они обязывались пройти регистрацию в местных органах внутренней торговли, после которой либо вообще снимались с рынка (если местные власти считали, что они дезорганизуют хлеб-

ный рынок), либо лишились права проведения самостоятельных закупок хлеба и должны были покупать его у плановых заготовителей. Самостоятельные заготовки запрещались помимо неплановых инорайонных организаций еще и части плановых: Сибгоспароходству, Лесзагу, акционерным обществам «Руссот», «Ратао», «Русавтогор».

Хлебозакупки неплановыми инорайонными организациями непосредственно на рынке допускались только с разрешения Сибкрайвнутторга. Зарегистрированные организации подчинялись местным внутторгам и обязывались выполнять все их указания. Кроме того, через два дня после запрещения вывоза частных хлебных грузов из края (22 октября 1925 г.) такая же участь постигла и инорайонные организации. Теперь вывозить хлебопродукты из Сибири могли только плановые заготовители.

Контроль за соблюдением указанных мер, помимо органов внутренней торговли, как и в случае с частниками, возлагался на экономические отделы ОГПУ. Последние должны были вести наблюдение и за деятельностью основных заготовителей, привлекая виновных в нарушении установленных правил к уголовной ответственности. Следственные и судебные органы, в свою очередь, получали задание ускорить рассмотрение и производство дел по подобным преступлениям. Принимались меры и к централизации кооперативной системы. Нарушения договоров низовых кооперативов с кооперативными союзами или государственными заготовительными организациями должны были также преследоваться не только в административном, но и в судебном порядке¹⁵⁰.

С целью снижения и стабилизации закупочных цен Сибкрайвнутторг обязал плановые заготовительные организации заключить соглашение о введении синдикированных закупочных цен¹⁵¹. Заключение конвенции, жесткий контроль за ее соблюдением в сочетании с комплексом мер экономического и административного порядка позволили добиться в крае существенного снижения закупочных цен на пшеницу. Если, как указывалось выше, средние заготовительные цены на нее составляли в Сибири в сентябре 1925 г. 1 руб. 6 коп. за пуд, то в октябре – уже 99 коп., в ноябре – 91, а в декабре – 88 коп. при директивной цене 90 коп.¹⁵²

Эффективность вышеуказанных мероприятий оказалась кратковременной. Сокращенное заготовительное задание на октябрь удалось перевыполнить на 36 %. Однако в ноябре темпы заготовок в регионе начали отставать от плановых предположений. Месячный план был выполнен на 77 %. В декабре 1925 г. централизованные заготовки хлеба в Сибири составили 8184 тыс. пудов (49 % месячного задания), или на 23 % меньше, чем в декабре не столь урожайного 1924 г. (см. табл. 1.1). К 1 января 1926 г. выполнение годового плана, по опера-

тивным данным, составило 26 %, тогда как к этому времени предполагалось закупить 40 % от задания на год¹⁵³.

Если в ноябре невыполнение месячного задания в значительной степени было связано с осенней распутицей, то в декабре среди причин заготовительных трудностей в регионе на первый план выходит задержка средним и зажиточным крестьянством (беднота к этому времени свой хлеб в основном уже продала) реализации зерна, фактически вновь принявшая характер массовой «хлебной стачки». Заведующий Сибкрайторготделом И. И. Рещиков в уже упомянутом выше письме в Наркомторг СССР от 19 января 1926 г. в этой связи писал: «*Мужики упорно не желают сдавать хлеб. Зажиточные крестьяне, имеющие по две-три тысячи пудов, хлеб еще не вывозили*»¹⁵⁴.

Отчасти это было связано со стремлением производителей зерна к созданию его страховых запасов на случай неурожая. Для досоветского периода наличие подобных запасов в крестьянских хозяйствах, особенно в острозасушливых районах, было обычным. Однако в годы Гражданской войны все излишки хлеба у крестьян изымались. В первые годы нэпа крестьяне, нуждаясь в деньгах для уплаты весьма значительных сумм налогов и покупки остро необходимых, но чрезвычайно дорогих промышленных товаров, также вынуждены были реализовывать почти все излишки зерна. И лишь с 1925 г. для них стало возможным вновь оставлять страховые запасы. Исчезла необходимость в продаже всех хлебопродуктов без остатка, уменьшились и стимулы к их реализации. Этому способствовало значительное сокращение налоговых и иных платежей, насыщение деревни денежными средствами, получаемыми за счет повышения цен на сельскохозяйственную продукцию и снижения цен на промтовары.

Перенос первого обязательного срока уплаты налога на месяц позволил сельским жителям не торопиться с реализацией зерна, а, закончив обмолот, приступить к сбору и продаже технических культур, а также к реализации продуктов животноводства. Именно за счет продажи указанных видов сельхозпродукции крестьяне все больше и больше стали покрывать свою нужду в денежных средствах. Зерно же как продукт длительного хранения оставлялось в хозяйстве в надежде значительного, по примеру прошлого заготовительного года, весеннего повышения цен на него. Кроме того, заметно за счет улучшения питания и увеличения использования хлеба для прокорма животных выросло внутреннее потребление зерна в крестьянских хозяйствах. И наконец, по-прежнему значительное количество хлеба использовалось на производство самогона.

В этих условиях способствовать повышению предложения крестьянского хлеба на рынке могло лишь увеличение поставок в деревню промышленных товаров. Однако начиная с 1924 г. кризис

сбыта сменился прямо противоположной ситуацией товарного го- лода. В целом по стране общие доходы деревни в первой полови- не 1925/26 хозяйственного года выросли на 640 млн руб. За тот же период рост общего фонда заработной платы рабочих и служащих составил 600 млн руб. Производство же предметов потребления увеличилось всего на 750 млн руб., и задержанный спрос, таким об- разом, сразу же увеличился на 0,5 млрд руб.¹⁵⁵ Особенно острый товарный голод испытывала деревня, так как большая доля промто- варов оседала в городе.

Не стимулировало увеличение предложения зерна и несоответ- ствие закупочных цен на него рыночной конъюнктуре. Удержание государственными и кооперативными заготовительными организациями низкого уровня цен воспринималось крестьянами весьма болезненно. Так, в бюллетене ЭКО ПП ОГПУ приводится мнение крестьянина Шишко- ва, высказанное им на базаре в г. Камне: «*Вот как сорганизовались, все как один. Всех вас надо подушить. Привыкли с крестьян шкуру дратъ. Да и то сказать, крестьянин проспал свободу, и все выиграли рабочие. Когда крестьянину нужно продать хлеб, цена падает, а когда нужно ему купить, цена подымается*». Другой сельский житель, обращаясь к госзаготовителю, сказал: «*Не думайте, что только вы умеете орга- низоваться. И мы это сумеем сделать. Вот как не повезем на рынок пшеницу, будете нам платить по 1 рублю 70 копеек за пуд*»¹⁵⁶.

Состоятельный сибирское крестьянство, твердо рассчитывая на по- вышение цен весной, не только задерживало продажу произведенных им хлебопродуктов, но расширяло свои запасы, обращая на их закуп- ку часть выручки от реализации продуктов животноводства и техни- ческих культур. Хлеб воспринимался ими как наиболее надежный и выгодный объект вложения капитала. Скупка зерна зажиточным крестьянством осуществлялась по всем округам Сибири и достигала порой значительных размеров. Так, на Барнаульском рынке в неко- торые дни января они приобретали до 90 % всего подвоза. 28 декабря 1925 г. из 300 возов пшеницы 12 закупили государственные загото- вители, остальное — приехавшие на рынок крестьяне¹⁵⁷. Как и в про- шлом году, дестабилизирующее влияние на ход заготовок в Сибири оказали более высокие хлебные цены в смежных регионах — в Туве, Забайкалье, Казахстане, на Урале, причем от месяца к месяцу эта раз-ница увеличивалась. В связи с этим крестьяне-скупщики пытались сами наладить межрайонную торговлю хлебом. Они самостоятельно гужевым транспортом вывозили в соседние регионы зерно и муку.

Полем притяжения для крестьянского хлеба становились так- же работающие на удовлетворение внутрирайонного спроса мелкие товарные и полутоварные мельницы, которые в большинстве своем принадлежали частным лицам или были арендованы ими. Пользуясь

так называемыми «зерно-мучными ножницами», т. е. высокими ценами на муку по сравнению с зерном (в течение года разница между среднерыночными ценами на муку и пшеницу колебалась в пределах от 30 до 55 %), зажиточные крестьяне перемалывали скупленное зерно и продавали муку по высоким ценам на городском рынке или сдавали ее большими партиями государственным заготовителям, получая комиссионные за партионность¹⁵⁸.

Ситуация, сложившаяся на хлебном рынке Сибири, привлекла внимание руководящих партийных органов края. Бюро Сибкрайкома компартии на заседании 29 декабря 1925 г. заслушало доклад о ходе заготовок. Констатировав большой недобор хлеба по сравнению с планом, бюро как положительный результат первой половины кампании назвало достижение относительно низкого и стабильного уровня закупочных цен. Было признано необходимым и впредь не допустить их повышения. Тем самым, по мнению членов крайкома, показав крестьянам твердость намерений государства, можно было поколебать их выжидательную позицию. Не проигрывала в этом случае и беднота, реализовывавшая свой хлеб осенью¹⁵⁹. В составленной на основе решения бюро крайкома директиве Сибкрайисполкома всем окружным исполнкомам в связи с этим недвусмысленно заявлялось: «*Сломить сопротивление* (выделено мною. — В. И.) крестьянства, *понудить его продавать хлеб по приемлемым для государства ценам составляет основную задачу всех исполнкомов и самих заготовителей*»¹⁶⁰.

Крайком и крайисполком поставили перед местными партийными и советскими органами задачу жесткого контроля за низовым государственным и кооперативным заготовительным аппаратом по поводу соблюдения синдицированных цен. Было также предусмотрено «продолжать и в дальнейшем с применением всех предусмотренных ранее мер решительную борьбу с работой частного капитала на хлебном рынке». К «особо злостным спекулянтам» по-прежнему предполагалось применять административные меры, «обставляя эти меры соответствующими формальностями»¹⁶¹.

Кроме того, принимались меры по улучшению товаровснабжения деревни. Увеличивался план завоза потребительских товаров, был разнообразен их ассортимент. Извлечению у крестьян максимально возможного количества денег должна была содействовать и возобновленная с 1 октября 1925 г. продажа в сельской местности водки, прекращенная в связи с принятием «сухого закона» еще в годы Первой мировой войны. До 70 % произведенного «очищенного сорокаградусного хлебного вина» (нареченного народом в честь председателя союзного Совнаркома, подписавшего соответствующее постановление правительства, «рыковкой») предполагалось продать в

деревне¹⁶². Тем самым государство без соответствующего увеличения выпуска промтоваров могло дополнительно получить значительные суммы денег. Кроме того, предполагалось, что крестьяне в связи с продажей дешевой и качественной водки сократят производство самогона, уменьшив использование для этой цели зерна. В качестве действенной меры стимулирования предложения зерна предлагалось также усилить взыскание с сельских жителей как старых, так и новых задолженностей по налогам, страховым платежам и т. п.

Такого рода задолженности подрывали финансовое положение государства, и, естественно, власти стремились к их скорейшему погашению. Предполагалось также, что «ударная» кампания по взысканию всевозможных недоимок создаст у крестьян срочную нужду в деньгах и заставит их вывезти на рынок свой хлеб. Побуждая крестьян в целях погашения задолженности реализовывать сельхозпродукцию, а не использовать какие-либо иные средства, финансово-кредитные органы, изыскивая всевозможные предлоги, воздерживались от дальнейшего кредитования сельского населения вплоть до окончания хлебозаготовительной кампании. Кредитование допускалось исключительно для бедноты, которая не имеет продукции для сбыта. С той же целью прекращалась продажа сельскохозяйственных машин в кредит и, напротив, расширялась практика сбора у крестьян задатков за продажу таковых в будущем. Кроме того, загородные организации получили директиву сократить закупки сельскохозяйственного сырья и мясопродуктов у жителей деревни.

Чтобы сократить крестьянские хлебозакупки, местные органы власти обязывались принять меры к налогообложению зажиточных крестьян, производящих закупку зерна как у своих односельчан, так и на базарах. За бесплатную торговлю их следовало привлекать к административной и уголовной ответственности. В циркуляре крайфинотдела указывалось, что крестьяне-скупщики, с тем чтобы не брать патенты на право торговли, доставали в сельских советах фиктивные справки о том, что они в связи со стихийным бедствием нуждаются в покупке хлеба. При обнаружении подобных операций низовым финансовым органам надлежало возбуждать уголовные дела не только против скupщиков, но и против должностных лиц, содействующих им. С тем, чтобы крестьяне, перемалывающие скупленный хлеб, не наживались на разнице цен между зерном и мукой, для основных загородных организаций вводился запрет на закупку муки¹⁶³.

Однако эффект от большинства вышеперечисленных мер был небольшим. На практике скупка зерна зажиточным крестьянством практически не поддавалась финансовому контролю. Мука, принадлежавшая состоятельным селянам, продавалась деревенской бедноте, нуждающейся в хлебе. Несмотря на прекращение кредитования де-

ревни, деньги в деревне были. Покупательная способность сельских жителей региона в 1925/26 г. по сравнению с предыдущим периодом возросла за счет увеличения доходов от продажи сельскохозяйственной продукции и иных видов заработков, а также уменьшения налоговых сборов на 32 %¹⁶⁴.

Наиболее последовательно и успешно в крае проводилась политика сдерживания закупочных цен. Эта проблема находилась в центре внимания не только краевого и окружных торговых отделов. К контролю за соблюдением установленных цен привлекались советы всех уровней, милиция, финансовые органы, суды и прокуратура, экономические отделы ОГПУ. Сохранение стабильных заготовительных цен рассматривалось как важная задача сибирской партийной организации, что было подчеркнуто, в частности, в резолюции мартовского (1926 г.) пленума Сибкрайкома ВКП(б) «О торговле и заготовках»¹⁶⁵. С помощью столь многочисленных контролеров выявлялось любое нарушение синдикатированных цен, вслед за чем следовало строгое административное, партийное взыскание или даже привлечение к уголовной ответственности.

Политика сохранения стабильного уровня хлебных цен как способ преодоления выжидательной позиции крестьянства дала эффект далеко не сразу. В январе – феврале 1926 г. заготовки уменьшались от декады к декаде. За январь 1926 г. хлеба было закуплено на 33 % меньше, чем за январь 1925 г., а за февраль 1926 г. – на 21 % меньше, чем за февраль минувшего года. И только в марте подвоз хлеба стал увеличиваться. Мартовские заготовки превзошли февральские на 13 % и январские на 8 %. Это было связано «до известной степени», как отмечалось в конъюнктурном обзоре народного хозяйства Сибири за март 1926 г., «с твердой политикой заготовительных цен, не оправдавшей ожидания более зажиточного крестьянства на резкий подъем весенних цен на хлеб, как это было в прошлом году»¹⁶⁶.

Держатели хлеба – зажиточные крестьяне – везли свою продукцию на рынок не только потому, что убедились в стабильности закупочных цен. В этом важную роль сыграли не только чисто объективные факторы, но и серия мероприятий, осуществлявшихся властями. В условиях бездорожья выезд на рынок из большинства сибирских сел был затруднен. Затем наступал период весенне-полевых работ, когда крестьяне также не имели возможности покинуть село. Для того чтобы накопить на это время денег, следовало заранее продать достаточно большой объем хлеба. В условиях исчерпания запасов животноводческой и иной продукции крестьяне вывозили на рынок преимущественно хлеб. Свою стимулирующую роль сыграло и срочное направление в основные хлебозаготовительные районы края больших партий дефицитных товаров.

В апреле в связи с распутицей произошло снижение заготовок. Однако хлеба приобрели все равно больше, чем в апреле прошлого года. План закупок на май – август в размере 10 млн пудов, утвержденный в конце апреля, удалось перевыполнить на 11 %. Успех летней кампании в первую очередь был связан со все более обнадеживающими видами на урожай, что позволяло не делать больших страховых запасов и в то же время, опасаясь вероятного понижения хлебных цен, избавляться от излишков.

Стабильно низкий и соответствующий директивному уровень закупочных цен государственных и кооперативных заготорганизаций в течение второй половины кампании 1925/26 г. оставался специфической чертой хлебного рынка Сибири. В других заготовительных районах страны цены превышали директивный уровень и колебались от месяца к месяцу. Так, в январе 1926 г. заготовительные цены пре-восходили директивные на Северном Кавказе на 12 %, на Урале – на 16–22, в ЦЧО – на 36–42, в Поволжье – на 48–62, в Южно-Степной Украине – на 48–55, в Левобережной Украине – на 79–88 и в Правобережной Украине – на 209–219 %¹⁶⁷. Повышение цен в этих регионах, испытывавших в хлебе гораздо большую нужду, чем Сибирь, вынужденно использовалось как один из основных методов стимулирования предложения.

Растущие цены в сочетании с отсутствием конкуренции со стороны частников позволили плановым государственным и кооперативным заготорганизациям в европейской части страны начинать с января 1926 г. форсировать заготовки. Месячные планы хлебозакупок не только выполнялись, но и перевыполнялись¹⁶⁸. Связанная с этим стабилизация продовольственного положения потребляющих районов позволила Центру поставить вопрос о некоторой либерализации политики регулирования хлебного рынка.

Однако подобная позиция вновь встретила сопротивление сибирских властей. В середине мая Наркомат торговли СССР «в связи с указаниями высших правительственные органов, а также учитывая, что хлебозаготовительная кампания 1925/26 г. на исходе», рекомендовал подведомственным органам «ввести ряд изменений в сторону смягчения приемов экономического регулирования». Местные торготделы должны были сообщить, где и на какие культуры «экономическое регулирование» можно отменить. Сибкрайторготдел обратился за консультацией к основным сибирским заготорганизациям. Реакция последних на подобное предложение была единодушно отрицательной. В конце мая крайторготдел опротестовал решение НКПС о снятии запрета на перевозку по сибирским железным дорогам ржи, принадлежащей частникам. Проигнорировали сибирские власти и отмену Наркомторгом в начале июля «экономического регулирования» на

водном транспорте. Перевозка частных хлебных грузов по водным путям сообщения разрешалась только для снабжения крупных сибирских городов – Новосибирска и Томска. Аналогичное решение было принято и относительно перевозок частных хлебопродуктов по железным дорогам. Более того, Сибкрайторготдел в начале мая вновь запретил основным заготовителям партионную закупку зерна у частных торговцев¹⁶⁹.

Успешный ход централизованных хлебозакупок в европейской части страны во время второй половины кампании позволил практически выполнить окончательное задание годового государственного плана. Недовыполнение составило всего 2,6 %. Однако за внешним благополучием скрывались серьезные проблемы и противоречия. Последний вариант государственного плана централизованных хлебозакупок принял практически уже в конце кампании, по существу, подогнав к ожидаемому результату. Что же касается первоначального плана, то его выполнение составило всего 75 %. А именно под планируемое в начале кампании количество хлеба были рассчитаны и многие другие государственные планы и программы (финансовый, экспортный, импортный, капитального строительства и т. п.).

Из-за невыполнения заготовительного плана оказался сорванным план экспорта хлебопродуктов. Соответственно сократились размеры импорта. Пришлось отказаться от ввоза в страну большого количества машин и оборудования. Их недоставка привела к существенному снижению плана капитального строительства в промышленности¹⁷⁰.

Конечно, принятый в начале кампании заготовительный план был завышен. Однако и окончательный план не отражал реального положения на рынке. Товарного хлеба у крестьян было гораздо больше, чем его удалось собрать государственным и кооперативным заготовителям. Производители попросту не желали продавать выращенное зерно государству по низким, по их мнению, ценам. И лишь повышение закупочных цен в январе – феврале 1926 г. позволило увеличить заготовки. Таким образом, крестьяне большинства производящих районов в своей борьбе за повышение хлебных цен опять выиграли.

Лишь крестьяне Сибири в 1925/26 г. не смогли повторить своего прошлогоднего успеха. Закупочные цены в крае оставались стабильно низкими на протяжении всей кампании. Сибирские власти восприняли это как свою крупную победу, о чём, в частности, говорилось в постановлении бюро Сибкрайкома ВКП(б) по итогам хлебозаготовок¹⁷¹.

Однако победа оказалась пирровой. Несмотря на то, что валовой сбор зерновых вырос в крае в 1925 г. по сравнению с 1924 г. на 36 %, централизованные закупки хлеба увеличились всего на 7 %. На 13 %

не был выполнен сокращенный в начале 1926 г. до 60 млн пудов окончательный план хлебозакупок. Выполнение же первоначального заготовительного задания составило лишь 61 %. Это был самый низкий результат в стране.

Всего плановые государственные и кооперативные заготовительные организации закупили в крае 52 157 тыс. пудов хлебопродуктов и маслосемян. Доля кооперации в хлебозакупках несколько увеличилась и составила 53 % (в 1924/25 г. – 42 %). Существенно (с 43 до 54 %) вырос удельный вес юго-западных округов в общесибирской заготовке, а северо-восточных – понизился (Приложение, табл. III).

В целом по СССР централизованные хлебозаготовки за 1925/26 г. составили 584,4 млн пудов, что превышало показатели предыдущей кампании на 86 %. В хлебозаготовках существенно вырос удельный вес традиционных зернопроизводящих регионов – Северного Кавказа и Украины. Доля восточных регионов, напротив, снизилась (с 32,2 до 16,5 %, в том числе Сибири – с 15,5 до 8,9 %) (см.: Приложение, табл. VIII). На хлебном рынке существенно уменьшилось значение частного капитала, который в ходе кампании был практически вытеснен из межрайонного хлебооборота. Если в августе – декабре 1925 г. на его долю приходилось 20,1 % ввезенных по железной дороге в потребляющую полосу хлебных грузов, то в январе – мае 1926 г. – уже 6,3 %. В целом же доля закупок частных лиц, включая розничные покупки городского населения, составляла за год около четверти от общего объема рыночного хлеба¹⁷².

5. 1926/27 г.: под знаком монополизации

Хлебозаготовительный кризис 1925/26 г., которого никто не ожидал, породил острую дискуссию внутри партийно-государственной элиты. Лидеры оппозиции (Л. Б. Каменев, Г. Е. Зиновьев, Г. Я. Сокольников) расценивали задержку реализации хлеба, которая привела к кризису, как акт вполне осознанного сопротивления политике пролетарского государства со стороны численно выросшей и материально окрепшей сельской буржуазии. Лидеры партийного большинства (И. В. Сталин, Н. И. Бухарин, А. И. Рыков) с данной точкой зрения категорически не соглашались. Задержка реализации хлеба, по их мнению, была естественной позицией большинства крестьянства. Среди спровоцировавших ее причин они называли ошибки в планировании, неблагоприятную конъюнктуру, слабый налоговый нажим на деревню, отсутствие в руках государства достаточного количества хлеба, с помощью которого можно было осуществить рыночный маневр, конкуренцию со стороны частного капитала, несовершенство государственно-кооперативного заготаппарата.

Оппозиция в 1925–1926 гг. потерпела поражение, и соответствующие планирующие и хозяйственные органы в разработке концепции кампании 1926/27 г. руководствовались точкой зрения лидеров партийного большинства. Эта концепция была окончательно оформлена постановлением апрельского (1926 г.) пленума ЦК ВКП(б) «Об организации хлебозаготовительного аппарата в кампании 1926/27 г.»¹⁷³ и одноименным постановлением СТО¹⁷⁴. В них был принят курс на полную централизацию государственно-кооперативного торгово-закупочного аппарата и монополизацию хлебной торговли. В резолюции пленума ЦК откровенно заявлялось: *«Интересы снабжения внутреннего хлебного рынка, а также интересы экспорта и проведения политики цен, соответствующих интересам народного хозяйства Союза, требуют сохранения в руках государства централизованного хлебозаготовительного аппарата, который объемом своих заготовок и массой сосредотачиваемого в его руках хлеба мог бы фактически господствовать как на заготовительном, так и на потребительском рынках»*¹⁷⁵.

В соответствии с указанными постановлениями и подзаконными актами Наркомторга СССР была принята следующая схема организации хлебной торговли в стране. Количество государственных загородных организаций, которым разрешалась закупка зерна, сокращалось до одного-двух на район. Общегосударственный план централизованных хлебозакупок разверстывался на АО «Хлебопродукт», Центртросоюз, Хлебоцентр¹⁷⁶ и украинские аналоги двух последних, получавшие статус основных плановых заготовителей. Хлебное дело Госторга РСФСР ликвидировалось и передавалось «Хлебопродукту». Инорайонным и неплановым организациям самостоятельная заготовка запрещалась. Между основными и местными плановыми госзаготовителями и кооперацией производился функционально-территориальный раздел хлебного рынка страны. Госорганизации могли осуществлять заготовку хлеба, скupая его непосредственно у крестьян в местах массового предложения (на железнодорожных станциях, пристанях и т. п.), а также заключая договоры на оптовую поставку с кооперативными объединениями.

Непосредственный хлебозакуп у крестьян на селе должны были осуществлять только низовые потребительские и сельскохозяйственные кооперативы. Кооперативным центрам, объединениям и даже райсоюзам открытие собственных ссыпных пунктов не разрешалось. Любому звену кооперации запрещалась заготовка у частных торговцев и для частников. Заключать договоры о поставке хлеба государственным организациям низовая кооперативная сеть имела право только с разрешения вышестоящих коопобъединений. Они отвечали за соответствие этих договоров директивам центральных ор-

ганов в области хлебозаготовок и особенно в области политики цен. Аналогичная система воспроизводилась и на последующих ступенях кооперативной иерархии. Наркомторг СССР, наркоматы торговли союзных республик и их местные органы обязывались вести наблюдение за тем, чтобы вся низовая сеть и первичные коопобъединения были загружены обязательствами по поставке с вышестоящими объединениями и центрами либо договорами с государственными организациями. Кооперативные центры также были лишены самостоятельности в сфере заготовок и были обязаны исполнять директивы Наркомторга, других руководящих государственных и партийных органов.

Специфические функции в кампанию 1926/27 г. возлагались на Госбанк. Прежде всего, он получал монопольное право финансировать заготовки, все остальные кредитные и финансовые учреждения этого права были лишены. Кредитование и финансирование хлебозакупок проводилось Госбанком не самостоятельно, а в соответствии с директивами Наркомата торговли СССР и по плану, разработанному вместе с ним. Кроме того, на Госбанк возлагалась задача воздействовать на частный хлебооборот путем заключения договоров на партионную поставку хлеба частными торговцами (работа с частниками была разрешена только Госбанку). В договорах с частниками обязательно оговаривался уровень закупочных и сдаточных цен, соответствующих директивным ценам. Приобретенную таким образом продукцию Госбанк поставлял по договорам нуждающимся государственным и кооперативным организациям потребляющих районов и тем самым предотвращал их самостоятельный выход на рынок. Условия, сроки и размеры договорных и комиссионных операций Госбанка также должны были соответствовать директивам Наркомторга и контролироваться последним. Прием хлеба Госбанк мог вести только на принадлежавших ему элеваторах. Сыпные пункты, предназначенные для непосредственной скупки зерна у крестьян, передавались другим заготорганизациям.

Для удовлетворения собственных потребностей производящих районов и с целью недопущения работы частников и инорайонных организаций с отдельными нецентрализованными мельницами предусматривалось создание в масштабах губерний и округов мельничных трестов, подчиненных местным органам Наркомторга. Хлебозакупки мельтресты могли вести только на своих мельницах. Если количество купленного зерна превышало местные потребности, то излишки должны были реализовываться через основных хлебозаготовителей или Госбанк. Все регулирование мукомолья и управление им сосредоточивалось в Наркомторге СССР и его местных органах. Кроме окружных и губернских был организован и ряд более крупных региональных трестов.

Плановые основные и неосновные государственные и кооперативные заготовительные организации объединялись в Центральную конвенцию. Аналогичные конвенции, в которые включались и местные заготовительные организации, создавались в масштабах округов, губерний, областей и краев. В задачи конвенций входило разрешение вопросов, связанных с уровнем закупочных и продажных цен, определением размеров, районов и условий заготовок, проведением мероприятий по снижению накладных расходов, порядком удовлетворения местного потребительского рынка, а также потребностей внеплановых, в частности, инорайонных организаций. Конвенционные бюро получали право наказывать нарушителей соглашения, прибегая к объявлению выговора, наложению денежного штрафа, закрытию ссыпного пункта. Особенно строго наказывалось превышение согласительных цен.

Конвенции утверждались Наркомторгом СССР и его органами. Местные органы внутренней торговли утверждали количество и месторасположение ссыпных пунктов плановых и местных заготовительных организаций, их максимальную нагрузку. В рамках заготовительного района каждый заготовитель мог иметь только по одному пункту. Не допускалось открытие помимо основных вспомогательных ссыпных пунктов (так называемых выдвижных амбаров).

Программа монополизации и централизации хлебной торговли была принята под влиянием заготовительных трудностей 1925/26 г. и в условиях неопределенности перспектив на следующий год. Хороших урожаев два года подряд могло и не быть. Летом 1926 г. ситуация несколько прояснилась. Сбор зерновых ожидался даже более высоким, чем в 1925 г.¹⁷⁷ Повторность урожая сулила будущей кампании неплохие перспективы. Несмотря на это, подход у высших органов страны к организации хлебозаготовок 1926/27 г. остался практически неизменным. Корректировались лишь задачи ценовой политики. Значительный рост валового сбора зерновых в ряде районов, накопление в 1925/26 г. запасов хлеба у крестьян, существенное увеличение общей товарной массы зерна в сочетании с увеличением сельскохозяйственного налога могло в отдельных регионах и в отдельные периоды кампании привести и к нецелесообразному падению цен. В связи с этим регулирующие органы, государственные и кооперативные заготовительные организации обязывались бороться не только с чрезмерным ростом, но и с падением закупочных цен, не допускать их сколько-нибудь существенного межрайонного и межсезонного разрыва. Кроме того, в качестве одной из главных задач кампании стало рассматриваться создание в ее ходе резервного государственного фонда в размере не менее 50 млн пудов¹⁷⁸.

Подготовка к заготовкам 1926/27 г. в Сибири проходила на основе руководящих указаний ЦК ВКП(б), СТО и Наркомторга СССР. В соответствии с постановлением президиума крайисполкома от 2 июня 1926 г.¹⁷⁹ на сибирский хлебный рынок в качестве основных плановых заготовителей допускались «Сибхлебопродукт», Сибкрайсоюз, Сибселькосоюз и Сибторг, а в качестве неосновных плановых — местные мельтресты и Масложирсиндикат. Госбанк лишался права хлебозакупок на территории региона, в том числе и у частных торговцев. За внеплановыми хлеботоргующими организациями (среди них назывался Московский союз потребительских обществ) оставалась только партионный хлебозакуп у основных заготовителей. Работа частного капитала ограничивалась удовлетворением местного спроса на хлебопродукты. Его кредитование полностью прекращалось. Всем государственным и кооперативным хлеботоргующим организациям запрещалась партионная покупка продукции у частных лиц. Сибкрайсоюз и Сибселькосоюз обязывались заключить соглашение, исключающее конкуренцию двух систем.

В области ценовой политики следовало закрепить успех предыдущей кампании, не допустив превышения закупочных цен над их директивным уровнем и их межсезонного разрыва, а также устранить разрыв цен на зерно и муку. Повысилась ответственность руководящих работников заготов организаций за нарушение конвенционного соглашения. Чтобы создать условия для достаточного предложения хлеба со стороны крестьянства, планировалось совместить заготовительные мероприятия с взиманием сельхозналога, обеспечить основные хлебные районы промтоварами и сократить в первую половину кампании отпуск денежных средств в деревню на нужды производственного характера по всем линиям и формам (за исключением кредитования бедноты) с одновременным прекращением льгот по всяко-го рода платежам.

Региональный план централизованного хлебозакупа на 1926/27 г. первоначально был утвержден крайисполкомом в размере 60 млн пудов. Однако некоторое ухудшение состояния посевов в конце лета привело к его немедленному снижению до 50 млн пудов¹⁸⁰. Урожай в крае осенью 1926 г. тем не менее был собран хороший. Хотя урожайность хлебного поля по сравнению с 1925 г. несколько понизилась, общий валовой сбор зерновых за счет 15 %-ного прироста посевных площадей повысился на 18 % (см.: Приложение, табл. II). Несмотря на это, годовое заготовительное задание не увеличили. Сибирские власти по опыту знали, что превышение плана над возможной заготовкой может привести к излишнему форсированию спроса и соответствующему росту цен. В то же время возможности у местных государственных и кооперативных заготовителей для перевыполнения

полученного задания имелись, и к вопросу об увеличении регионального плана решено было вернуться в ходе кампании.

В первые два месяца кампании темпы заготовок в целом по стране были ниже предполагаемых. Суховей конца лета в южных регионах снизили там валовой сбор, а прохладная погода в ЦЧО и Поволжье задержала созревание зерна. В результате в конце лета – начале осени 1926 г. положение на потребительском хлебном рынке страны было весьма напряженным¹⁸¹.

В сентябре ситуация изменилась. Интенсивные закупки начались в ЦЧО и Поволжье, где сбор зерновых по сравнению с прошедшим годом значительно вырос. Большой объем закупленного в сентябре хлеба и сдерживание экспорта позволили уже в октябре стабилизировать положение на внутреннем потребительском рынке. Во втором квартале рост централизованных закупок продолжался¹⁸². Увеличение их объема достигалось за счет включения в заготовки северо-восточных районов страны, в которых был собран очень высокий урожай.

Значительные объемы зерна закупались на сибирском рынке. Выполнение месячного плана в сентябре составило 293 %, в октябре – 234, в ноябре – 240, в декабре – 136 % (см. табл. 1.1). Отличительной чертой первой половины кампании в крае было отсутствие периодов падения хлебозаготовок, что было связано с благоприятными погодными условиями осени и начала зимы и почти полным отсутствием распутицы. Успешный ход хлебозакупа позволил повысить региональный план до 61,6 млн пудов. Всего за первые четыре месяца кампании в Сибири было заготовлено 41,4 млн пудов (67 % годового плана)¹⁸³.

Таким образом, централизованные хлебозаготовки прошли в сентябре – декабре 1926 г. более чем успешно. В чем же были причины успеха? Во-первых, нужно иметь в виду хороший урожай, во-вторых, его повторность и, следовательно, отсутствие у крестьян нужды в пополнении страховых запасов. Кроме собранного в крестьянских хозяйствах имелись значительные запасы нереализованного зерна урожая 1925 г. А в условиях, когда на рынок потенциально могло быть вывезено большое количество продукта, вполне вероятно падение цен на него. Задержка реализации при этом могла обернуться против производителя, особенно если его финансовое положение недостаточно устойчиво.

В связи с этим осенью 1926 г. в высокоурожайных районах могли рискнуть придержать хлеб до весны только наиболее зажиточные слои деревни, имеющие достаточные финансовые накопления. Средняки и беднота, напротив, от своего зерна стремились побыстрее избавиться. Именно поэтому осенью и в начале зимы 1926 г. в ряде

районов возникло ажиотажное предложение хлебопродуктов. Так, в Рубцовском округе в октябре – декабре заготовители едва справлялись с приемкой хлеба, занимаясь ею с раннего утра до позднего вечера. Случалось, что приемка продолжалась даже ночью при свете керосиновой лампы. Тем не менее крестьяне, приехавшие продать зерно, иногда вынуждены были стоять в очередях сутки и более¹⁸⁴.

Говоря о стремлении бедного и среднего крестьянства ускорить реализацию хлеба, следует отметить, что они в 1926/27 г., как и все сельское население, испытали гораздо большую нужду в деньгах, чем в 1925/26 г. Прежде всего, в 1926/27 г. весьма существенно увеличился сельхозналог. В Сибири его рост составил 43,7 %. Еще больше выросли размеры налога, взимаемые в первом полугодии сельскохозяйственного года. На 1 января 1926 г. сельские жители в Сибири выплатили по сельхозналогу 5,9 млн руб., а на 1 января 1927 г. – 16 млн руб.¹⁸⁵

Повысились траты сельских жителей и на приобретение промышленных товаров, поставки которых в деревню несколько увеличились. За октябрь – декабрь 1926 г. завоз мануфактуры в сибирскую деревню по сравнению с тем же периодом 1925 г. вырос на 8 %, металлоизделий – на 28,5 %. Прирост стоимости приобретенного сельхозинвентаря в Сибири в 1926/27 г. составил 12,6 %¹⁸⁶. Повышение затрат сибирского крестьянства на приобретение промтоваров было также следствием изменения в соотношении промышленных и сельскохозяйственных цен. Несмотря на провозглашенную руководством страны политику их снижения, розничные цены на промтовары росли. Напротив, цены на сельскохозяйственную продукцию в 1926/27 г. снизились¹⁸⁷.

Снижение закупочных цен в Сибири и других регионах осенью 1926 г. отчасти стало следствием увеличения объемов заготовок, но главной причиной этого была целенаправленная политика государственных регулирующих органов. Директивный уровень хлебных цен был принят на более низком по сравнению с 1925/26 г. уровне. В строгом соответствии с директивными были установлены конвенционные цены. Любое их превышение отслеживалось органами Наркомторга и РКИ и строго пресекалось. При первом нарушении согласительных цен виновным объявлялся выговор, а на заготорганизацию накладывался штраф. В случае повторного нарушения могло последовать привлечение к уголовной ответственности и закрытие ссыпного пункта. Усилился контроль за хлебными ценами со стороны партийных и советских органов. Негласное наблюдение за рынком вело ОГПУ, представители которого присутствовали на заседаниях местных заготовительных комиссий.

Падение закупочных цен привело к тому, что крестьяне были вынуждены продавать большие объемы хлеба для получения той же

суммы денег. Продать свое зерно по более высоким ценам, чем директивные, крестьянин не мог, так как все внеплановые государственные и кооперативные заготовители с рынка были изгнаны. Весьма существенно сократились объемы заготовительной работы частного капитала. В конце августа было восстановлено временно отмененное «экономическое регулирование» на железнодорожном транспорте, вскоре распространенное на водные и смешанные водно-железнодорожные перевозки¹⁸⁸. Стал осуществляться более строгий контроль за его соблюдением. В Сибири нормы «экономического регулирования» толковались еще более расширительно. Право беспрепятственного вывоза указанных видов продукции за пределы края получали только основные сибирские заготорганизации, а также райсоюзы потребительской и сельскохозяйственной кооперации по доверенности своих коопцентров¹⁸⁹.

В ноябре 1926 г. были введены особые повышенные тарифы для частных грузов. Теперь перевозка зерна для частных лиц обходилась в 1,5, а муки — в 2 раза дороже. Для государственных и кооперативных организаций тарифы были повышенны лишь на 10–20 %. Был также увеличен подоходный налог на частника, который теперь достигал 45 %, а с учетом всевозможных местных надбавок — около 66 % полученного дохода. В 1923/24 г. по налогу отчуждалось 25–30 % дохода¹⁹⁰. Таким образом, уже в начале осени 1926 г. частник из межрайонного хлебного оборота был вытеснен.

Деятельность частного хлеботоргового капитала ограничивалась лишь местным, внутрирайонным снабжением. Однако и здесь его роль существенно снизилась. Основой вытеснения частников с местного рынка стала кампания по ограничению частного мукомолья. В постановлении ЦК ВКП(б) и СТО «Об организации хлебозаготовительного аппарата в кампании 1926/27 г.» была поставлена задача максимального изъятия из частной аренды товарных и полутоварных мельниц с последующей их передачей мельтрестам, кооперации или «Хлебопродукту».

Были также ужесточены условия аренды. В соответствии с указаниями Наркомторга¹⁹¹ государственные и кооперативные организации обязывались пересмотреть все договоры на сданные ими в аренду частным лицам мельничные предприятия товарного или полутоварного типа. В новых договорах предусматривалось повышение арендной платы, увеличение амортизационных отчислений и страховых взносов, проведение капитального ремонта предприятия за счет арендатора. Включались в договоры и специальные положения ограничительного характера: определение района, в котором предписывалось производить закупки зерна; установление сортности и стандарта перемола; переход исключительно на крестьянский помол; закупка

зерна и реализация произведенной муки только по директивным ценам. В случае нарушения в дальнейшем какого-либо из положений нового арендного договора арендодатель обязывался немедленно предъявить иск на его расторжение.

Местным советам впредь запрещалась передача принадлежащих им мельниц в частную аренду. Если местный совет сам не мог их эксплуатировать, а государственного или кооперативного арендатора не находилось, то эти мельницы предписывалось ставить на консервацию.

Исходя из того, что ужесточение условий аренды могло стимулировать частников к созданию новых мельпредприятий, была введена разрешительная система их постройки. Соответствующие ведомства должны были согласовывать планы производства мельничного оборудования с органами Наркомторга, а также в первую очередь выполнять государственные и кооперативные заказы на его производство и в последнюю — частные заказы.

Помимо этого местные торготделы получали право по своему усмотрению ограничивать или полностью воспрещать отпуск для частных мельпредприятий топлива, технических средств, строительных материалов и т. п. Было также увеличено налоговое обложение частного мукомолья. Мельпредприятия, находившиеся в частной собственности, принуждались местными органами к заключению договоров с плановыми заготовителями на поставку им произведенной продукции. Вводилась и разрешительная система на перемол частного зерна на государственных и кооперативных мельницах. Теперь принятие зерна от частников производилось только в случае наличия у них разрешений местных торготделов с указанием количества зерна. При этом разрешения на перемол выдавались лишь при наличии у участника соглашения с плановыми заготовителями о реализации продукции, причем продажные цены должны были строиться только на основе директивных цен.

Таким образом, конъюнктурные и общехозяйственные условия 1926/27 г. способствовали ускоренной реализации хлеба со стороны крестьянства. В силу вытеснения с рынка внеплановых и частных заготовителей большая доля хлебопродуктов попала в руки плановых государственных и кооперативных заготов организаций. В связи с этим первая половина кампании прошла для государства более чем успешно. Централизованный хлебозакуп первых четырех месяцев кампании в Сибири превышал аналогичный показатель 1925/26 г. в два раза (см. табл. 1.1). Успешно проходили заготовки и в целом по стране. Выполнение полугодового задания составило 116 %, а превышение над итогами первых шести месяцев кампании 1925/26 г. — 37,5 %¹⁹².

Однако наряду с несомненными успехами централизованных закупок государство в сфере хлебооборота испытывало и некоторые трудности. В связи с изгнанием с рынка частников и внеплановых государственных и кооперативных заготовителей их функции по снабжению потребляющих районов взяли на себя основные заготовительные организации. В результате государство вынуждено было наращивать поставки на внутренний рынок, вместо того чтобы, используя благоприятную конъюнктуру на внешнем рынке (неурожай в Западной Европе), форсировать экспорт. Не были основные заготовительные организации и столь разворотливы, как частники, не всегда успевая вовремя и в достаточном количестве снабжать некоторые потребляющие районы. Во втором квартале 1926/27 г. наряду с образованием в крупных промышленных центрах хлебных фондов, существенно превышающих их потребности, соседние с ними губернии снабжались слабо и даже с перебоями¹⁹³.

Вторая половина 1926/27 заготовительного года развивалась со значительными трудностями. Хлеб, закупаемый на юге страны, отправлялся в основном на экспорт. Снабжение внутреннего рынка было возложено на северо-восточные районы страны (преимущественно на Сибирь), где были сконцентрированы большие запасы хлебопродуктов. Однако железнодорожный транспорт неправлялся со значительно возросшим объемом перевозок.

Ситуация еще более осложнилась в связи с неблагоприятной погодой. В Сибири начались сильные морозы, перемежаемые не менее сильными буранами. Вследствие этого на железнодорожных станциях края скопились огромные залежи зерна. Для хранения хлеба не хватало оборудованных складских помещений. Закупаемое у крестьян зерно хранилось в банях, погребах, колодцах, в буртах под открытым небом. Большая влажность сибирского хлеба и нехватка сушильных мощностей приводила к порче значительной массы зернопродуктов. Ограниченнная мощность мельпредприятий края не позволяла перерабатывать собранное количество хлеба, поэтому он вывозился в зерне, а не в муке, что требовало значительно большего количества вагонов¹⁹⁴. В результате уже в конце III квартала заготовительного года начали возникать перебои со снабжением отдельных промышленных районов европейской части страны. Однако главные трудности кампании были еще впереди.

В конце зимы — начале весны 1927 г. произошло осложнение международного положения СССР, вызванное ухудшением англо-советских и советско-китайских отношений. Ситуация обострилась после налета в начале апреля китайской полиции на здание советского полпредства в Пекине, а затем аналогичной акции лондонской полиции по отношению к советскому торговому представительству

12 мая 1927 г. 27 мая 1927 г. Англия разорвала дипломатические отношения с СССР. 7 июня 1927 г. в Варшаве был убит полпред СССР П. Л. Войков. Все эти факты были восприняты советским руководством как зарождение единого антисоветского фронта и подготовка к войне с Советским Союзом. В стране была развернута широкая пропагандистская кампания, призванная показать единство советского народа и его готовность противостоять империалистической агрессии. Рядовой советский обыватель, напуганный возможной войной, начал делать срочные и массовые закупки муки, чтобы обеспечить себя на случай голода.

В результате во многих городах страны перед хлебными лабазами выстроились длинные очереди¹⁹⁵. Стали увеличивать свои страховые запасы и крестьяне производящих районов, в том числе и в Сибири. Кроме того, большое количество зерна в регионе в связи с повышением цен на водку вновь стало расходоваться на производство самогона, и не только для собственного употребления, но и на продажу. На изготовление одного ведра этого зелья, которое можно было продать за 4 руб., требовалось полпуда ржи. Цена 1 пуда ржи у государственных и кооперативных заготовителей составляла в среднем 60 коп.¹⁹⁶ В результате объемы централизованного хлебозакупа в СССР в марте – июне резко упали¹⁹⁷.

В Сибири в марте 1927 г. заготовки по сравнению с февралем уменьшились на 45,4 %, в апреле по сравнению с мартом – на 29,2 %, в мае по сравнению с апрелем – на 61,2 %. Государственный заготовительный план в регионе в апреле был выполнен на 74 %, а в мае – всего на 38 % (см. табл. 1. 1).

В создавшихся условиях для покрытия ажиотажного спроса государство было вынуждено израсходовать весь накопленный к тому времени резервный фонд, а начиная с марта существенно сократить отгрузку зерновых на экспорт. Несмотря на это, в IV квартале заготовительного года в большинстве губерний потребляющей полосы ощущались перебои в снабжении мукой. Для того чтобы хоть как-то стимулировать реализацию зерна, плановым заготорганизациям пришлось пойти на некоторое повышение закупочных цен¹⁹⁸. Таким образом, зажиточное крестьянство, придержавшее хлеб до весны – лета, снова оказалось в выигрыше.

В связи с заготовительными затруднениями второй половины кампании общегосударственный план хлебозакупа был недовыполнен на 5,3 %¹⁹⁹. Напротив, в Сибирском крае годовое задание перевыполнено на 30,3 %. По сравнению с 1925/26 г. закупки хлеба в регионе увеличились в 1,5 раза (на 53,9 %) и составили 80 244 тыс. пудов. В западных округах Сибири было заготовлено около 80 % всего хлеба (в 1925/26 г. – 54 %). В 1926/27 г. в регионе существенно увеличилась

роль кооперации в плановых заготовках. На долю потребительской кооперации приходилось 32 % хлебозакупа, на долю сельскохозяйственной кооперации — 28 %. «Сибхлебопродуктом» было закуплено 31 % хлеба (см.: Приложение, табл. III).

В целом по СССР объем централизованного хлебозакупа в 1926/27 г. составил 687 млн пудов. С 16,5 до 22,9 % увеличилась доля хлеба, заготовленного в восточных районах страны (в том числе в Сибири — с 8,9 до 11,7 %). Удельный вес юго-западных регионов, напротив, сократился. На 16,5 % вырос составивший 187,4 млн пудов вывоз хлебопродуктов из страны (Приложение, табл. VIII, X).

Государственно-кооперативный заготовительный аппарат приобрел 76–81 % всего товарного хлеба. На долю частника (включая сюда и мелкие покупки хлеба непосредственно потребителями) приходилось не более 19 % от всех вывезенных на рынок хлебопродуктов. В Сибири плановые заготовители в 1926/27 г. сняли около 90 % всего вывезенного на рынок зерна. Удельный вес плановых заготовительных организаций в снабжении основных потребляющих районов страны составлял, по мнению экспертов Наркомторга, от 60 до 75 %, а в снабжении крупных городов — до 80 и даже, по ряду оценок, до 90 %. Частникам принадлежало всего лишь 3 % хлебных грузов, проследовавших из производящих районов в потребляющую полосу²⁰⁰.

Оценивая ситуацию на региональном заготовительном рынке в целом, заведующий Сибкрайторготделом А. Н. Злобин в выступлении на Втором краевом съезде Советов в апреле 1927 г. заявил: «По основным продуктам сельского хозяйства мы (государственные и кооперативные заготовительные организации. — В. И.) охватываем рынок почти полностью. Та небольшая часть, которая остается для частного скрупульца, частного торговца, незначительна. <...> мы забираем почти все продукты, которые крестьянин вывозит на рынок»²⁰¹.

Аналогичный вывод был сделан на XV съезде ВКП(б). В резолюции говорилось: «В области сбыта сельскохозяйственной продукции государственные органы и кооперация заняли решающее, а в ряде отраслей сбыта (хлеб, хлопок, сахарная свекла и т. д.) почти монопольное положение. Это положение выражается: 1) в том, что подавляющая масса продуктов сельского хозяйства заготовляется без посредства частного капитала, вытесненного уже со своих прежних позиций; 2) в том, что эта продукция реализуется по ценам, устанавливаемым органами государства и определяемым с точки зрения всего народного хозяйства, причем за последнее время удалось достигнуть устойчивости хлебных цен весной и осенью; 3) в том, что благодаря определенной политике цен государство имеет возможность влиять на условия самого сельскохозяйственного производства в направлении наиболее целесообразного перераспределения производительных сил»²⁰².

Процесс монополизации сибирского заготовительного рынка начался в период Первой мировой войны и завершился в 1920 г. Переход большевистского режима к новой экономической политике начался с отмены госмонополии на сельхозпродукцию. С весны 1921 г. по конец 1923 г. хлебооборот в СССР строился на принципах «двухэтажной экономики». С одной стороны, сохранялись остатки мобилизационной системы — часть продуктов отчуждалась у производителей безвозмездно и распределялась в централизованном порядке. С другой — значительные и все более возрастающие (из-за сокращения как абсолютных, так и относительных размеров натурального налога) объемы хлеба закупались у крестьян на рынке.

В период с весны по осень 1921 г. государство осуществило неудавшуюся попытку передать монополию на межрегиональный вненалоговый оборот хлебопродуктов потребительской кооперации, которой диктовались как способы заготовок (товарообмен), так и уровень цен (обменных эквивалентов). С осени 1921 по лето 1922 г. была проведена либерализация цен и демонополизация рынка.

В 1922/23—1923/24 гг. регулирование заготовительного рынка в европейской части страны осуществлялось в основном экономическими методами. Закупочные цены формировались по рыночным законам. Административные ограничения деятельности частного капитала практически отсутствовали. Все государственные и кооперативные заготовители были достаточно самостоятельны и вступали в конкурентную борьбу как с частными скопщиками, так и между собой. Столь либеральное отношение к хлебному рынку со стороны советского руководства было следствием выгодного для государства низкого уровня закупочных цен, которые установились в связи с относительно высокими в эти годы урожаями, неразвитым в силу обнищания населения спросом и давлением на рынок значительных объемов бесплатной для государства продналоговой продукции.

Специфической чертой заготовительного рынка в Сибири в данный период была попытка местных властей осенью 1922 г. ремонополизировать хлебный рынок и установить директивные закупочные цены. Но и в масштабах всей страны процесс монополизации рынка завершен не был. В руках государства оставались элеваторы, портовое и складское хозяйство, железные дороги, регулярные водные пути сообщения. Отвергались попытки поставить под сомнение неизблемость государственной монополии внешней торговли. Были созданы крупные государственные и кооперативные заготорганизации, которые пользовались преимущественным правом получения

госредитов. Взамен на них возлагалась обязанность ведения хлебозакупа для государственных нужд.

Отмена в начале 1924 г. натурального налога привела к расширению сферы товарно-денежных отношений и увеличению объемов реализации крестьянской продукции. Однако в условиях изменения рыночной конъюнктуры (увеличение спроса на сельхозпродукцию при товарном голоде и, как следствие этого, рост сельскохозяйственных цен) государственные органы переходят к административным методам регулирования рынка.

Предельные закупочные цены были введены уже осенью 1924 г. В связи с тем, что они распространялись лишь на государственных и кооперативных заготовителей, последние теряли всякую конкурентоспособность по сравнению с частными торговцами. Для ее повышения было решено серией административных мер вытеснить частника из межрайонного хлебооборота. Однако устранение частника привело к оголению внутреннего рынка потребляющих районов страны. Для того чтобы улучшить их снабжение, весной 1925 г. большинство ограничений с деятельности частных скупщиков было снято. Отменялись лимиты закупочных цен для государственных и кооперативных заготорганизаций.

Либерализация рынка была кратковременной. И уже осенью 1925 г. начался новый тур наступления на частный капитал. К 1927 г. завершилось вытеснение частника из межрегионального сектора, рыночный механизм ценообразования был окончательно заменен директивным, монополия на закупки хлеба фактически перешла в руки жестко централизованного государственно-кооперативного заготаппарата. Сибирские властные структуры шли по пути ремонополизации рынка более последовательно, постоянно инициируя мероприятия по утверждению директивных методов и торпедируя попытки либерализации рынка со стороны Центра.

Примечания

¹ См.: Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка в Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 23–26.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. 9-е изд. Т. 2. М., 1983. С. 370–371.

³ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. Т. 1. М., 1967. С. 213.

⁴ СУ РСФСР. 1921. № 26. Ст. 149.

- ⁵ Шишкин В. И. Социалистическое строительство в сибирской деревне (ноябрь 1919 — март 1921 г.). Новосибирск, 1985. С. 220–221, 223–224.
- ⁶ СУ РСФСР. 1921. № 40. Ст. 212.
- ⁷ Решения партии и правительства... Т. 1. С. 226.
- ⁸ Союз потребителей. 1921. № 25–26. С. 12.
- ⁹ Там же. № 22. С. 9.
- ¹⁰ Крестьянство Сибири в период строительства социализма (1917–1937 гг.). Новосибирск, 1983. С. 98.
- ¹¹ Там же; Дудукалов В. И. Развитие советской торговли в Сибири в годы социалистического строительства (1921–1928 гг.). Томск, 1978. С. 34–35.
- ¹² Крестьянство Сибири в период строительства социализма. С. 99.
- ¹³ СУ РСФСР. 1921. № 59. Ст. 403.
- ¹⁴ Известия Сибцентросоюза. 1922. № 1–3. Ст. 71.
- ¹⁵ Дудукалов В. И. Деятельность партийных организаций по развитию советской торговли в первые годы нэпа (1921–1923 гг.). Томск, 1976. С. 43.
- ¹⁶ Дудукалов В. И. Развитие советской торговли... С. 35.
- ¹⁷ СУ РСФСР. 1921. № 68. Ст. 527.
- ¹⁸ Там же. № 72. Ст. 576.
- ¹⁹ Продовольственная газета. 1921. 17 нояб.; Союз потребителей. 1921. № 25–26. С. 13.
- ²⁰ Известия Сибцентросоюза. 1922. № 1–3. Ст. 55.
- ²¹ СУ РСФСР. 1921. № 72. Ст. 574.
- ²² Известия Сибцентросоюза. 1922. № 1–3. Ст. 71, 72; № 4–6. Ст. 52.
- ²³ Хенкин Е. М. Первая продналоговая кампания в Сибири // Вопросы истории Сибири. Томск, 1964. Вып. 1. С. 116; Годовые итоги на хозяйственно-политическом фронте Сибири. 1922–1923 гг. Ново-николаевск, 1923. С. 362.
- ²⁴ Известия Сибцентросоюза. 1922. № 1–3. Ст. 53.
- ²⁵ Экономическая жизнь. 1922. 23 июня; Продовольственная газета. 1922. 7 февр., 4 марта.
- ²⁶ СУ РСФСР. 1922. № 16. Ст. 155.
- ²⁷ Советская Сибирь. 1922. 12 апр.
- ²⁸ Известия Сибцентросоюза. 1922. № 4–6. Ст. 47.

- ²⁹ Экономическое обозрение. 1923. № 3. С. 29. Кроме того, Сибцентросоюз приобрел 608 тыс. пудов маслосемян.
- ³⁰ Бюллетень Сибирского отделения Центросоюза. 1923. 23 янв.
- ³¹ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 28.
- ³² Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 43, 53.
- ³³ Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923 гг. М., 1924. С. 131.
- ³⁴ Известия ЦК РКП(б). 1922. № 7. С. 2.
- ³⁵ Цит. по: Павлова И. В. Становление партийно-аппаратной системы в СССР // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 87.
- ³⁶ Экономическая жизнь. 1922. 16 сент.
- ³⁷ ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 754. Л. 1.
- ³⁸ Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 31.
- ³⁹ Там же. С. 32; ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 754. Л. 2, 3.
- ⁴⁰ Жизнь Сибири. 1922. № 2. С. 153.
- ⁴¹ ГАНО. Ф. Р–1. Оп. 1. Д. 839. Л. 52.
- ⁴² Продовольственная газета. 1923. 7 нояб.
- ⁴³ История советского крестьянства. М., 1986. Т. 1: Крестьянство в первое десятилетие Советской власти. 1917–1927. С. 233.
- ⁴⁴ См.: Приложение, табл. II.
- ⁴⁵ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 49.
- ⁴⁶ Хлебное дело СССР: Справочник по хлебной торговле. М.; Л., 1924. С. 126.
- ⁴⁷ СУ РСФСР. 1922. № 63. Ст. 818.
- ⁴⁸ Жизнь Сибири. 1923. № 1. С. 124; Продовольственная газета. 1922. 2 нояб.
- ⁴⁹ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 47.
- ⁵⁰ Экономическая жизнь. 1922. 23 нояб.; СУ РСФСР. 1922. № 77. Ст. 966.
- ⁵¹ В 1922/23 г. экспорт основных зерновых культур (пшеницы, ржи, овса и ячменя) из СССР составил 33 108 тыс. пудов, или 6,2 % от уровня 1913 г. // Приложение, табл. X.

- ⁵² Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 41, 45.
- ⁵³ Там же. С. 47–48; Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 52.
- ⁵⁴ Хлебный рынок. 1924. № 2–3. С. 36.
- ⁵⁵ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 51.
- ⁵⁶ Ежегодник хлебной торговли. № 1: 1925/26 и 1926/27 гг. М., 1928. Ч. 1. С. 62.
- ⁵⁷ Жизнь Сибири. 1924. № 1. С. 41.
- ⁵⁸ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 58–59.
- ⁵⁹ Там же. С. 60–61.
- ⁶⁰ Вайнштейн А. Л. Хлебный рынок и условия ценообразования хлебов до войны и в 1922–24 гг. // Хлебные цены и хлебный рынок. М., 1925. С. 29.
- ⁶¹ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 20. Л. 144.
- ⁶² Жизнь Сибири. 1924. № 3–4. С. 63.
- ⁶³ Там же. С. 64.
- ⁶⁴ Там же. С. 65.
- ⁶⁵ Хлебные цены и хлебный рынок. С. 205; Сибирь в 1923–1924 гг. Новониколаевск, 1925. С. 71.
- ⁶⁶ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 56, 61.
- ⁶⁷ Там же.
- ⁶⁸ Вайнштейн А. Л. Хлебный рынок и условия ценообразования... С. 47.
- ⁶⁹ Экономическая жизнь. 1924. 22 февр.; 1 марта.
- ⁷⁰ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 136. Л. 5; Жизнь Сибири. 1924. № 7–9. С. 81.
- ⁷¹ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 56.
- ⁷² См.: там же. С. 55.
- ⁷³ Хлебный рынок. 1925. № 15. С. 29.
- ⁷⁴ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 68.
- ⁷⁵ Там же. С. 67, 68; Приложение, табл. VIII, X.
- ⁷⁶ Плановое хозяйство. 1925. № 9. С. 297.
- ⁷⁷ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 287. Л. 100; Хлебный рынок. 1924. № 11. С. 38.
- ⁷⁸ ГАНО. Ф. Р–288. Оп. 1. Д. 219. Л. 43.
- ⁷⁹ Там же. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 287. Л. 199; Хлебный рынок. 1924. № 10. С. 38.

⁸⁰ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 136. Л. 15.

⁸¹ Ежегодник хлебной торговли. № 1. С. 62; Акционерное общество торговли хлебными и другими сельскохозяйственными продуктами «Хлебопродукт»: Стат. отчет за 1924/25 операционный год: третий год работы. М., 1925. С. 57.

⁸² Хлебный рынок. 1925. № 11. С. 13; ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 313. Л. 5.

⁸³ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 102.

⁸⁴ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 4. Д. 23 а. Л. 79.

⁸⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 467. Л. 5; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 4. Д. 23 а. Л. 80, 82 об.; ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 130. Л. 36.

⁸⁶ ЦХАФАК. Ф. Р-16. Оп. 1. Д. 131. Л. 69.

⁸⁷ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 106–107.

⁸⁸ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 174. Л. 150.

⁸⁹ Социалистическое хозяйство. 1924. № 4. С. 376.

⁹⁰ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 288. Л. 58, 72.

⁹¹ Там же. Л. 31.

⁹² Там же. Д. 287. Л. 196, 265.

⁹³ Торговые известия. 1925. 26 мая.

⁹⁴ Хлебный рынок. 1924. № 5–6. С. 53.

⁹⁵ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 313. Л. 5.

⁹⁶ Там же. Д. 78. Л. 90; табл. 1.1.

⁹⁷ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 112.

⁹⁸ ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 2 а. Д. 53. Л. 7 об.

⁹⁹ Там же. Л. 13.

¹⁰⁰ Ильиных В. А. Хлебозаготовительная кампания 1924/25 г.: ОГПУ как инструмент регулирования рынка // Гуманитарные науки в Сибири. 1996. № 2. С. 67–69, 71–72.

¹⁰¹ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 78–79.

¹⁰² ГАНО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1457. Л. 5, 6.

¹⁰³ Там же. Оп. 2 а. Д. 53. Л. 6; Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 134.

¹⁰⁴ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 79.

¹⁰⁵ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 102, 116.

- ¹⁰⁶ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 287. Л. 130; РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 4. Д. 23 а. Л. 83.
- ¹⁰⁷ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 243. Л. 118; Ф. Р–1. Оп. 2 а. Л. 85.
- ¹⁰⁸ Там же. Ф. Р–1. Оп. 2 а. Д. 53. Л. 84, 65 об., 89; Ф. П–2. Оп. 2. Д. 21. Л. 143; ЦХИДНИКК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 846. Л. 109.
- ¹⁰⁹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 21. Л. 144.
- ¹¹⁰ Там же. Л. 153.
- ¹¹¹ Там же. Л. 143.
- ¹¹² Там же. Л. 93; Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 287. Л. 106; Д. 313. Л. 87.
- ¹¹³ Там же. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 21. Л. 165.
- ¹¹⁴ КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 3. С. 347.
- ¹¹⁵ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 4. Д. 58. Л. 40; ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 21. Л. 170, 171, 174; Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 313. Л. 82, 84.
- ¹¹⁶ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 91–92.
- ¹¹⁷ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 119.
- ¹¹⁸ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 92.
- ¹¹⁹ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 102, 116.
- ¹²⁰ Там же. С. 112.
- ¹²¹ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 157. Л. 169.
- ¹²² Там же.
- ¹²³ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 121.
- ¹²⁴ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 94–95.
- ¹²⁵ КПСС в резолюциях... Т. 3. С. 341.
- ¹²⁶ Там же. С. 343, 347.
- ¹²⁷ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 4. Д. 36. Л. 59, 69.
- ¹²⁸ ГА РФ. Ф. А–410. Оп. 1. Д. 1. Л. 206–207; Д. 2. Л. 54.
- ¹²⁹ Там же. Д. 1. Л. 121–122; ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 243. Л. 170–171.
- ¹³⁰ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 288. Л. 491; Основы и перспективы хлебозаготовительной кампании 1925/26 хозяйственного года (обзор правительственные мероприятий). М.; Л., 1925. С. 34; ГА РФ. Ф. А–410. Оп. 1. Д. 1. Л. 122.
- ¹³¹ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 288. Л. 864.
- ¹³² Там же. Д. 287. Л. 297; Д. 288. Л. 516; Жизнь Сибири. 1926. № 5–6. С. 4.

¹³³ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 104–106.

¹³⁴ Там же. С. 108.

¹³⁵ Там же. С. 110–111.

¹³⁶ ГА РФ. Ф. А–410. Оп. 1. Д. 2. Л. 177, 339; Д. 3. Л. 29–30, 62.

¹³⁷ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 115–116.

¹³⁸ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 135; ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 246. Л. 120; Д. 314. Л. 92.

¹³⁹ Там же. Д. 246. Л. 124, 140; Д. 259. Л. 41.

¹⁴⁰ Там же. Д. 286. Л. 235; Ф. П–2. Оп. 1. Д. 1137. Л. 17; Оп. 2. Д. 21. Л. 232, 236.

¹⁴¹ Там же. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 285. Л. 2–3.

¹⁴² Там же. Д. 288. Л. 647.

¹⁴³ Там же. Д. 285. Л. 5; Д. 288. Л. 735.

¹⁴⁴ Там же. Д. 286. Л. 192.

¹⁴⁵ Там же. Л. 147.

¹⁴⁶ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 4. Д. 75. Л. 102.

¹⁴⁷ Там же. Л. 194.

¹⁴⁸ В начале 1926 г. произошло объединение союзных наркоматов внутренней и внешней торговли в единый Наркомторг СССР. Вслед за этим местные внутторги были преобразованы в отделы торговли краевых, губернских и окружных советов.

¹⁴⁹ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 1. Д. 314. Л. 125.

¹⁵⁰ Там же. Д. 259. Л. 41; Д. 285. Л. 3; Д. 288. Л. 652, 884; Д. 314. Л. 36.

¹⁵¹ Там же. Д. 246. Л. 174; Д. 314. Л. 165.

¹⁵² Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 135.

¹⁵³ ГАНО. Ф. Р–659. Оп. 2. Д. 26. Л. 89 об.–90 об.

¹⁵⁴ Там же. Оп. 1. Д. 314. Л. 162.

¹⁵⁵ Экономическое обозрение. 1926. № 7. С. 6.

¹⁵⁶ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 21. Л. 239.

¹⁵⁷ Там же. Д. 28. Л. 499.

¹⁵⁸ Советская Сибирь. 1926. 3 нояб.

¹⁵⁹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 62. Л. 15.

¹⁶⁰ Там же. Ф. Р–1. Оп. 2 а. Д. 53. Л. 142.

¹⁶¹ Там же. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 62. Л. 15; Ф. Р–1073. Оп. 1 а. Д. 11. Л. 50.

- ¹⁶² ГА РФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 3. Л. 237.
- ¹⁶³ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 314. Л. 47; Ф. Р-1073. Оп. 1 а. Д. 11. Л. 146; ГАИО. Ф. Р-145. Оп. 1. Д. 781. Л. 96 об.
- ¹⁶⁴ Ботвинник Е. Г. Итоги и перспективы хлебозаготовок в Сибири // Жизнь Сибири. 1925. № 7–8. С. 125.
- ¹⁶⁵ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 3. С. 35.
- ¹⁶⁶ Жизнь Сибири. 1926. № 2–3. С. 84.
- ¹⁶⁷ РГАЭ. Ф. 8151. Оп. 1. Д. 40. Л. 5, 24, 123.
- ¹⁶⁸ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 133, 135.
- ¹⁶⁹ ГАНО. Ф. Р-1073. Оп. 1 а. Д. 11. Л. 406, 411–416, 443, 451.
- ¹⁷⁰ Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство в СССР в 20-е гг. М., 1989. С. 261–262; Экономическое обозрение. 1926. № 7. С. 5–10.
- ¹⁷¹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 1137. Л. 1.
- ¹⁷² Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 137.
- ¹⁷³ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 15. С. 4–6.
- ¹⁷⁴ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 286. Л. 307–312.
- ¹⁷⁵ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 15. С. 4.
- ¹⁷⁶ В мае 1926 г. из Всероссийского союза сельскохозяйственной кооперации (Селькосоюза) был выделен самостоятельный Всероссийский союз сельскохозяйственной кооперации по производству и сбыту зерновых и масличных культур – Хлебоцентр.
- ¹⁷⁷ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 153.
- ¹⁷⁸ Известия ЦК ВКП(б). 1926. № 29–30. С. 13.
- ¹⁷⁹ ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 285. Л. 26–31.
- ¹⁸⁰ Известия Сибкрайкома ВКП(б). 1926. № 10. С. 89; Советская Сибирь. 1926. 21 авг.
- ¹⁸¹ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 156.
- ¹⁸² Там же. С. 156–158.
- ¹⁸³ Жизнь Сибири. 1927. № 1. С. 35; № 7. С. 67.
- ¹⁸⁴ ГАНО. Ф. Р-1073. Оп. 1а. Д. 26. Л. 113.
- ¹⁸⁵ Финансы и народное хозяйство Сибирского края в 1925–26 и 1926–27 гг. (основные показатели). Новосибирск, 1928. С. 18.
- ¹⁸⁶ Жизнь Сибири. 1927. № 1. С. 37; Боженко Л. И. Сибирская деревня в восстановительный период. 1921–1925 гг. (Социально-экономические процессы и их регулирование в сибирской деревне). Томск, 1978. С. 51.

- ¹⁸⁷ Бокарев Ю. П. Социалистическая промышленность и мелкое крестьянское хозяйство... С. 280.
- ¹⁸⁸ ГА РФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 17. Л. 82; Д. 36. Л. 2-3.
- ¹⁸⁹ ГАНО. Ф. Р-1073. Оп. 1 а. Д. 11. Л. 497, 511.
- ¹⁹⁰ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 1-2. С. 39.
- ¹⁹¹ ГА РФ. Ф. А-410. Оп. 1. Д. 12. Л. 85-87; Д. 20. Л. 79; ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 286. Л. 379-382; Д. 320. Л. 25.
- ¹⁹² Экономическое обозрение. 1927. № 1. С. 125.
- ¹⁹³ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 167-168.
- ¹⁹⁴ Жизнь Сибири. 1927. № 2. С. 137; № 7. С. 70; Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 23. С. 57.
- ¹⁹⁵ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 170.
- ¹⁹⁶ ГАНО. Ф. Р-1073. Оп. 1 а. Д. 26. Л. 34.
- ¹⁹⁷ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте... С. 170.
- ¹⁹⁸ Там же. С. 171-172.
- ¹⁹⁹ Там же. С. 173.
- ²⁰⁰ Там же. С. 172-173; Советская Сибирь. 1927. 7 апр.
- ²⁰¹ Советская Сибирь. 1927. 6 апр.
- ²⁰² КПСС в резолюциях... М., 1984. Т. 4. С. 293.

ГЛАВА II

КАМПАНИЯ 1927/28 г.: ОБЪЯВЛЕННАЯ ХЛЕБНАЯ СТАЧКА

1. Оптимистичный сценарий (подготовка и развертывание кампании)

Победы на «хлебном фронте» были восприняты лидерами партийного большинства как подтверждение правильности избранного ими курса в аграрной политике и несостоятельности утверждений оппозиции об «опасностях нэпа». Еще 11 ноября 1926 г. новый нарком торговли СССР А. И. Микоян (сменивший в августе на этом посту Л. Б. Каменева) на Всесоюзном хлебном совещании заявил: «*Ошибки в деле хлебозаготовок в прошлом году оппозицией приписывались тому, что мы столкнулись с ростом непреодолимого сопротивления, которое оказывает нам крестьянство в наших регулирующих мероприятиях. Практика четырехмесячных заготовок нового года показала, что это совершенно неверно. Основные трудности, которые были в прошлом году, в общем изжиты, и взваливать всю вину за неудачу хлебозаготовок на крестьянство — это сваливать ответственность с большой головы на здоровую*»¹.

Весенние заготовительные трудности были восприняты партийно-государственным руководством СССР как временные, и вышеприведенный вывод А. И. Микояна, относящийся к осени 1926 г., был фактически повторен на состоявшемся в конце июля — начале августа 1927 г. объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). В резолюции пленума по докладу А. И. Рыкова «О хозяйственных директивах на 1927–28 год», в котором описывался провал пессимистических предсказаний оппозиции, в частности, заявлялось: «*Исключительные трудности оппозиция “предвидела” в области хлебозаготовок и связанных с ними выполнения экспортно-импортного плана. Правильное руководство партии работой государственного аппарата привело к превышению хлебозаготовок в сравнении с предыдущим годом, упорядочению заготовительной работы и к обеспечению, вопреки предсказаниям оппозиции, правильной классовой линии в деле заготовок, в частности путем удержания на одном уровне осенних и весенних*

хлебных цен». При этом пленум в категорической форме отверг «демагогические предложения оппозиции о насильственном изъятии натуральных хлебных излишков», которые фактически направлены «на отмену новой экономической политики, установленной партией под руководством Ленина»².

Достижения в сфере централизованных закупок создали впечатление полного овладения государством всеми процессами хлебного рынка и всеми рычагами, на него воздействующими. Казалось, что регулирующие мероприятия, которые в обстановке кампании 1926/27 г. способствовали выполнению поставленных задач, настолько эффективны, что при некотором их совершенствовании смогут быть достаточными для решения проблем следующего заготовительного года. Основными направлениями совершенствования системы государственно-кооперативного хлебозакупа на 1927/28 г. были признаны: усиление роли плановых заготов организаций; повышение роли кооперации в заготовках и снабжении внутреннего рынка и дальнейшая централизация кооперативного аппарата; сокращение числа государственных заготовителей; районирование мукомолья в соответствии с потребностями внутреннего рынка и доведение до максимальной нагрузки мельниц и элеваторов; упорядочение грузовых потоков; сохранение достигнутого уровня цен при некотором их повышении для наиболее дешевых культур и районов.

Исходя из реализации этих задач была продолжена реорганизация заготовительного аппарата. Хлебный отдел Госбанка окончательно был снят с рынка. Все элеваторы, принадлежавшие Госбанку, передавались в ведение Наркомторга СССР. «Хлебопродукт» прекращал свою деятельность на рынках Украины и Северного Кавказа. Его заготовительная сеть в данных регионах передавалась Укрхлебу и Кавхлебу. Те, в свою очередь, преобразовывались в акционерные общества, значительная часть паевого капитала которых принадлежала «Хлебопродукту». Кроме указанных заготов организаций в число основных плановых заготовителей в кампанию 1927/28 г. были включены российские и украинские центры потребительской и сельскохозяйственной кооперации (Центрросоюз, Вукоспилка, Хлебоцентр, Сельгосподарь, МСПО) и Масложирсиндикат.

В Сибири на 1927/28 г. в число основных плановых хлебозаготовителей были включены сибирская контора АО «Хлебопродукт», Сибкрайсоюз потребкооперации, Сибселькосоюз и Росмасложирсиндикат. Краевой союз потребительской кооперации, помимо общегосударственного, получал и отдельное региональное задание. Региональный план хлебозаготовок имели также Сибторг и местные мельтресты, которые определялись как местные плановые заготов организаций.

Схема организации государственного хлеботоргового аппарата на 1927/28 г. предусматривала также оставление в каждом заготовительном районе лишь одного принадлежащего государственной заготоворганизации ссыпного пункта. Элеваторному управлению Наркомторга был разрешен партионный прием хлеба и только непосредственно на элеваторах. Масложирсиндикат имел право приобретения маслосемян либо на перерабатывающих предприятиях, либо по договорам у потребительской и сельскохозяйственной кооперации. Причем на заготовки маслосемян распространялись все ограничения, применяемые в 1926/27 г. в сфере хлебозакупа. Вводилось, в частности, «экономическое регулирование» их перевозок, пересматривались арендные договоры на маслобойни, принимались согласительные закупочные цены.

Предполагалось продолжить практику изъятия мельниц из частной аренды или заключения с ними новых договоров. Основным заготоворганизациям рекомендовалось заключать с мельницами, находящимися в частной собственности, договоры на покупку продукции. При этом число мельпредприятий, вовлеченных в договорные отношения, следовало ограничить, дабы не вызвать с их стороны повышенного спроса на хлеб. В договоры на покупку продукции частных мукомолов вносились условия о приобретении ими зерна только в районе действия мельницы. Как правило, не допускалось финансирование частных мельниц. Договоры с ними должны были представляться в местные органы Наркомторга для предварительного согласования и утверждения. К заключению договоров допускались лишь «Хлебопродукт», Укрхлеб и Кавхлеб. Только этим трем организациям разрешалась и покупка зерна у частных лиц. Причем операции с частниками допускались в районах, указанных местными торговыми палатами (подразумевались районы с незначительными и распыленными запасами хлеба, в которых отсутствовали ссыпные пункты госзаготовителей и была слаба местная кооперация). В остальном в новом заготовительном году сохранялись принципы организации хлебного рынка, применявшиеся в 1926/27 г.

При подготовке к новой заготовительной кампании учитывалось состояние зернового производства. На ожидаемый урожай повлияло сокращение прироста посевных площадей. Если в 1926 г. посевы под зерновыми в целом по стране увеличились на 7 %, то в 1927 г. — только на 1 % (см.: Приложение, табл. I). Несколько меньшей в 1927 г., чем в 1925 и 1926 гг., ожидалась и урожайность зернового поля. Валовой сбор зерновых в 1927 г. должен был, по экспертным (на 22 июля) оценкам, снизиться по сравнению с предыдущим на 4 %. В конце августа прогноз сбора хлебов увеличили с 4588 до 4682 млн пудов, что было меньше результатов прошлого года всего лишь на 2 %³. Столь

незначительное уменьшение валового сбора позволяло утверждать, что в стране будет собран третий подряд хороший урожай.

По мере выявления видов на урожай начал формироваться план хлебозакупа. В конце июля СТО определил 700 млн пудов в качестве «предварительной контрольной цифры» предполагаемой заготовки зерновых (на 8 % больше фактических закупок 1926/27 г.). При этом в оперативных планах централизованных заготовок, внутреннего снабжения и экспорта следовало исходить из объема в 675 млн пудов, а вопрос о дополнительном распределении оставшихся 25 млн пудов решить в конце II квартала в зависимости от хода кампании⁴. В августе на совещании в Москве представители местных торговцев заявили, что план завышен и приобрести больше 584 млн пудов зерна вряд ли удастся. Однако в Госплане СССР, напротив, расценивали предварительный план как слишком заниженный. При этом его специалисты ссылались на данные экспертов ЦСУ, утверждавших, что в крестьянских хозяйствах накопились значительно возросшие за два предыдущих урожайных года запасы хлеба, которые обеспечивали 10 %-ный прирост его товарного выхода по сравнению с 1926/27 г.⁵

С доводами специалистов Госплана фактически согласились и участники состоявшегося в конце июля – начале августа пленума ЦК и ЦКК ВКП(б), в резолюции которого делался вывод о том, что «*наличие в результате двух удовлетворительных урожаев значительных хлебных запасов в деревне позволяет в предстоящем году расширить хлебозаготовительный план*»⁶. Тем не менее А. И. Микоян в условиях уже начавшихся заготовительных затруднений сумел добиться утверждения государственного плана заготовок на 1927/28 г. в размере 675 млн пудов. При этом Наркомторг для «страховки» его выполнения дополнительно разверстал по регионам еще 2 млн пудов. Впоследствии общегосударственный план централизованных заготовок хлебопродуктов (без учета «страховки») увеличился до 695 млн пудов за счет частичного включения в него заготовительных заданий (20 млн пудов) Сибкрайсоюза и Сибторга, которые до этого считались местными заготовительными организациями. Окончательный вариант плана централизованных закупок маслосемян составил 76 млн пудов⁷.

Разногласия между Госпланом и Наркомторгом СССР возникли и по поводу уровня директивных цен на предстоящую кампанию. Наркомторг предлагал их несколько повысить, а Госплан, наоборот, понизить (на 4 коп. за пуд). СТО вначале поддержало Наркомторг, но затем приняло решение о сохранении директивных цен на уровне 1926/27 г., что, по мнению специалистов Наркомторга, в связи с повышением качества зерна означало их фактическое снижение. А. И. Микоян поставил вопрос о повышении закупочных цен перед Политбюро, но поддержки там не нашел⁸.

В целом в ходе заготовительной кампании 1927/28 г. планировалось закупить в централизованном порядке не менее 87 % товарного хлеба. Большую часть приобретенной продукции предполагалось пустить на удовлетворение возросшего внутреннего спроса. Экспорт был намечен в размере, составляющем немногим более половины от фактического вывоза хлебопродуктов из страны в предыдущем году. Одной из наиболее важных задач кампании считалось накопление в государственном резервном фонде 50 млн пудов зерна и муки. Этого требовала вероятность получения менее удовлетворительного урожая в ближайшие годы при сохранении возросшего внутреннего потребления. Без создания хлебного резерва, по мнению большинства специалистов, страна в будущем могла оказаться в весьма затруднительном положении⁹. Таким образом, на 1927/28 г. приняли внушительную, но с точки зрения руководителей советской экономики, вполне выполнимую заготовительную программу. Обеспечить ее осуществление были призваны мероприятия по поддержанию стабильных закупочных цен на зерно. Свообразной компенсацией крестьянству за низкие хлебные цены должно было стать снижение розничных цен на промтовары, решение о котором принял февральский (1927 г.) пленум ЦК ВКП(б)¹⁰. Запланированное пленумом 10 %-ное снижение цен было призвано доказать крестьянству устойчивость червонца, повысить его покупательную способность и тем самым стимулировать сельских жителей к накоплению денежных, а не натуральных запасов.

В Сибири прирост посевных площадей оказался значительно выше, чем в среднем по стране. За год общая площадь посевов зерновых культур в крае выросла на 5,9 %, площади под пшеницей — на 7,2 %. Урожайность зернового поля оказалась ниже, чем в 1926 г. Если тогда с одного гектара было собрано 9,1 ц, то в 1927 г. — 8,3 ц. Общая урожайность зерновых снизилась за счет пшеницы (с 8,2 ц/га в 1926 г. до 7,8 ц/га в 1927 г.) и овса (с 10,5 до 9,7 ц/га). Сбор ржи с единицы площади, напротив, вырос с 8,4 до 8,8 ц/га (см.: Приложение, табл. II). Изменилась и география урожая. На западе края он понизился (примерно на 13 %), а на востоке увеличился примерно на 20 %¹¹.

Сибкрайстатотдел определил валовой сбор всех хлебов урожая 1927 г. в 346 млн пудов, или на 6,3 млн пудов выше валового сбора 1926 г. Однако в связи с существенным увеличением потребления хлеба сельским населением размер товарных излишков от сбора 1927 г. исчислялся в меньших по сравнению с предыдущим годом размерах и должен был составить 75,1 млн пудов. Вместе с запасами от урожая прошлых лет потенциальные рыночные остатки зерна определялись в 102,7 млн пудов, или на 14 % меньше, чем в 1926/27 г. Тем не менее крайторготдел предложил, а крайисполком утвердил план централи-

зованного хлебозакупа по Сибири в размере фактической заготовки 1926/27 г., т. е. в 80 млн пудов. Заведующий краиторгом А. Н. Злобин при этом полагал, что более реальным объемом заготовок в крае является 74 млн пудов, а 6 млн пудов предлагал считать «страховкой» в случае успешного хода кампании¹².

Несмотря на то, что сибирские власти, исходя из меньшего объема товарных излишков, считали этот план достаточно напряженным, Наркомторг СССР вначале решил увеличить его до 84 млн пудов, но, встретив со стороны Сибкрайторготдела «решительное возражение», ограничился 82 млн пудов. 60 млн из них предполагалось вывезти за пределы региона (так называемое задание Центра) и 22 млн использовать на внутрисибирское снабжение¹³. Данный вариант плана централизованного хлебозакупа был окончательно утвержден президентом Сибкрайисполкома 21 декабря 1927 г. и разверстан по заготовительным организациям и округам. «Сибхлебопродукт», Сибкрайсоюз и Сибселькосоюз получили задание заготовить по 24 млн пудов каждый, Сибторг — 9 млн, прочие заготовители (мелкотресты и маслобойные предприятия) — 1 млн пудов. Годовой план по юго-западным округам составил 52,7 млн пудов (фактическая заготовка 1926/27 г. — 64 млн пудов), по северо-восточным округам — 29,3 млн пудов (в 1926/27 г. там было закуплено всего 16 млн пудов)¹⁴.

Перемещение урожая в менее товарные восточные районы края, недобор зерновых в соседних регионах — на Урале и в Казахстане, обострение товарного голода, настроения жителей деревни в связи с «военной опасностью» могли, по мнению как специалистов Сибкрайторготдела, так и краевых партийных и советских властей, затруднить проведение заготовительной кампании и возродить у крестьян надежду на повышение цен, вызвав с их стороны задержку реализации хлеба. Бюро Сибкрайкома ВКП(б) в связи с этим обязало окружкомы компартии *«ввиду напряженности предстоящей хлебозаготовительной кампании»* уделить ей *«достаточное внимание»*. Предотвратить возникновение заготовительных трудностей предполагалось за счет строжайшего соблюдения согласительных цен, упорядочения ино-районного спроса и внутрисибирского снабжения, усиления товаровоснабжения деревни за счет города, разъяснительной работы среди крестьян¹⁵.

Следует отметить, что весьма осторожно к перспективам новой хлебной кампании подходили некоторые специалисты и ответственные работники не только в Сибири и других зернопроизводящих регионах, но и в центре, отмечая ряд существенных моментов, которые в ее ходе могли привести к затруднениям. Ответственный работник хлебоуправления Наркомторга СССР А. Б. Залкинд называл среди них отсутствие маневренных фондов, напряженное со-

стояние спроса в потребляющей полосе под влиянием «военной опасности» и вызванную тем же самым и уже проявившуюся в IV квартале 1926/27 заготовительного года тенденцию к задержке крестьянами реализации произведенного ими хлеба. Он сделал вывод о том, что «наиболее трудным и сложным участком сельскохозяйственного рынка в настоящем году является хлебный рынок»¹⁶. Аналогичную позицию занимали специалисты Коньюнктурного института. Отметив тенденцию к росту вольных рыночных цен на зерно в первом квартале 1927/28 заготовительного года при их снижении в соответствующий период предыдущего года, они выразили сомнение в возможности успешного проведения хлебозаготовок на основе низких закупочных цен и сделали вывод о том, что «предстоящая хлебозаготовительная кампания не обещает быть особенно легкой»¹⁷. Однако эти предостережения лидерами партии и государства, занятыми добиванием левой оппозиции, руководителями соответствующих экономических ведомств и, прежде всего, Наркомторга Союза были проигнорированы. Все они с оптимизмом смотрели на перспективы наступающей кампании.

Начало хлебозаготовительного года в целом подтверждало оптимистичные прогнозы. Централизованные закупки хлеба в конце лета 1927 г. развивались успешно. Их объемы превышали плановые задания и результаты тех же месяцев предыдущего года. В июле и августе 1927 г. хлеба в стране было закуплено на 28 % больше, чем за тот же период 1926 г. Особенно интенсивно проходили заготовки в Башкирии, Татарии, ЦЧО, на Урале и Украине. Так, хлеба на Украине закупили в полтора раза больше, чем в прошлом году¹⁸. В Сибири заготовки в июле и августе превышали плановые задания, но в абсолютных величинах были незначительны. В сентябре хлебозакуп в крае на 17 % превысил прошлогодний (табл. 2.1).

Таблица 2.1

**Ход централизованных заготовок хлебопродуктов и маслосемян в 1927/28 г.
в Сибирском крае (по месяцам)**

Месяц	Тыс. пудов	К 1926/27 г., в %	К месячному плану, в %	Выполнение годового плана на конец месяца, в %
1927 г.				
Июль	2089	114	139,3	2,5
Август	1074	99	107,4	3,9
Сентябрь	1791	117	89,4	6,0
Октябрь	7781	78	84,1	15,5
Ноябрь	5754	39	52,0	22,5
Декабрь	9855	64	66,5	34,5

Месяц	Тыс. пудов	К 1926/27 г., в %	К месячному плану, в %	Выполнение годового плана на конец месяца, в %
1928 г.				
Январь	9083	92	58,6	45,6
Февраль	20 521	186	93,3	70,6
Март	11 666	193	55,6	84,9
Апрель	2748	63	39,3	88,2
Май	1280	77	36,9	89,8
Июнь	4157	149	72,9	94,8

Источники: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 68. Л. 159; Ф. П-2. Оп. 2. Д. 217. Л. 149, 451, 472, 616, 711; Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 25. Л. 304; Д. 17. Л. 131; Д. 37. Л. 17; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 12 апр.; 31 мая; 15 авг.; 27 сент.

Примечания: 1) В таблице приведены оперативные данные Сибкрайторготдела.
2) Ржаная и пшеничная мука учтены в чистом весе.

Успех заготовок в июле — августе определялся тем, что к концу лета крестьяне стали больше нуждаться в деньгах. К тому же, большую часть своих средств сельские жители истратили на «предвоенную» покупку промтоваров. Технические культуры к этому времени еще не созрели, и продавать крестьяне могли только зерно. Но главным стимулом для усиления реализации хлеба стало некоторое повышение на него закупочных цен в связи с достаточно напряженным состоянием потребительского хлебного рынка. «Военная опасность» продолжала вызывать, хотя уже и не ажиотажный, но все-таки усиленный спрос на муку. Запасы же хлеба в стране к новой кампании были накоплены еще в меньшем количестве, чем к предыдущей. Большая часть этих запасов (до 40 %) в неперемолотом виде была со средоточена в Сибири и Восточном Казахстане, их нужно было перевезти в потребляющую часть страны¹⁹.

С целью ускорения реализации зерна крестьянами производящих районов СССР Наркомторг Союза дал официальное указание основным заготов организациям повысить закупочные цены в среднем на 3 коп. за пуд. На местах цены поднялись еще больше за счет всевозможных доплат за партионность, сдачу непосредственно на мельницы или элеваторы, хорошее качество зерна²⁰. Это создавало стимулы для вывоза крестьянами своего хлеба на рынок. При этом реализовалось преимущественно прошлогоднее зерно, так как хлеб нового урожая не был еще убран и обмолочен. И делали это более зажиточные крестьяне, у которых оставались товарные излишки.

2. Хлебозаготовительный кризис

Начало хлебозаготовительной кампания 1927/28 г. не внушило властям никаких опасений. Объемы закупленного зерна в конце лета — начале осени 1927 г. превышали плановые задания. Крестьянские привозы зерна в хлебопроизводящих районах европейской части СССР продолжали увеличиваться от декады к декаде вплоть до середины сентября. Однако во второй половине сентября ситуация изменилась. В каждую из последующих декад после 10 сентября и вплоть до 10 ноября хлеба закупалось меньше, чем в предыдущую. Лишь со второй декады ноября снижение заготовок прекратилось, и они стабилизировались на уровне 1,3–1,4 млн пудов за десять дней. В октябре 1927 г. объем централизованных заготовок в целом по стране составил 78 %, а в ноябре — 48 % от соответствующих месяцев предыдущего года. С 1 июля по 1 декабря 1927 г. зерна было закуплено на 49,6 млн пудов меньше, чем с 1 июля по 1 декабря 1926 г.²¹

В связи со значительным снижением заготовок возникла реальная опасность ухудшения снабжения потребляющих районов, тем более что потребление хлеба (преимущественно пшеничного) продолжало увеличиваться. Поскольку частники из межрайонного оборота были окончательно вытеснены, вся тяжесть снабжения потребляющей полосы легла исключительно на плановых заготовителей. Однако хлеба, закупаемого ими, стране уже не хватало. В связи с этим было решено резко сократить экспорт продовольственных культур. Если до 1 декабря 1926 г. из страны было вывезено 81 млн пудов зерновых, то на 1 декабря 1927 г. — только 29 млн пудов²². Таким образом, недозаготовка хлеба по сравнению с тем же периодом прошедшего года в 49,6 млн пудов была компенсирована за счет сокращения экспорта.

Сложившееся в сфере централизованного хлебозакупа положение тем не менее не было воспринято партийно-государственным руководством СССР как критическое. Заготовительные трудности расценивались как временные и вполне преодолимые. Нарком торговли А. И. Микоян даже в начале декабря заявлял: «Мы считаем, что снижение хлебозаготовок является временными и в ближайшее время сменится повышательной тенденцией на хлебозаготовительном рынке»²³. Вопреки ожиданиям высшего руководства страны ситуация с закупками хлеба не улучшилась.

В Сибири ситуация резко ухудшилась в третьей декаде октября (первые две декады давали превышение над прошлогодним уровнем заготовок), в которой объем хлебозакупа был почти в два раза меньше, чем в третьей декаде октября 1926 г.²⁴ В октябре в целом размер заготовок составил 78 % от уровня октября 1926 г., а выполнение плана — 84 %. Ноябрьские заготовки закончились полным провалом.

Хлебопродуктов в централизованном порядке закупили в 2,5 раза меньше, чем в том же месяце прошлого года, а выполнение месячного задания составило 52 %. Декабрь дал 36 %-ное снижение от уровня 1926 г. при выполнении плана в 66,5 %.

На 1 января 1928 г. объем хлебозакупа по краю достиг 28,3 млн пудов, что составляло 34,5 % от годового плана, 67,7 % от календарного задания и 60,8 % от хлебозаготовок первых четырех месяцев кампании 1926/27 г. Особенно трудно шли закупки в северо-восточных округах края, где выполнение годового плана в целом составило 19,4 %. В Красноярском, Кузнецком, Минусинском, Иркутском и Тулунском округах на конец декабря было заготовлено соответственно 5,2 %; 6,0; 6,7; 13,0 и 14,9 % от годового задания (табл. 2.2). Неудовлетворительный ход заготовок на северо-востоке, где крестьяне выраживали преимущественно рожь, особенно отрицательно повлиял на размеры ее закупок. План по сбору этой культуры удалось выполнить всего на 15,8 %²⁵. Таким образом, Сибирский край со своей заготовительной программой не справился. Между тем на регион возлагались большие надежды в связи со снижением возможностей ряда производящих районов. Сибирский хлеб (прежде всего пшеница) должен был стать источником образования резервов на период весенней распутицы.

Таблица 2.2

**Ход централизованных заготовок хлебопродуктов и маслосемян в 1927/28 г.
в Сибирском крае (по округам)**

Округ / регион	На 1.01.1928 г.		На 1.04.1928 г.		На 1.07. 1928 г.	
	тыс. пудов	к годово- му плану, в %	тыс. пудов	к годово- му плану, в %	тыс. пудов	к годо- вому плану, %
Омский	2829	37,6	5802	77,1	6428	85,4
Славгородский	2987	40,8	5869	80,2	6249	85,4
Барабинский	606	33,1	1286	70,3	1469	80,2
Новосибирский	1959	39,5	5309	107,1	5888	118,8
Каменский	1210	28,3	3566	83,5	4003	93,7
Барнаульский	3042	41,6	6616	90,4	7233	98,8
Бийский	3341	35,8	8125	87,1	8887	95,2
Рубцовский	6434	63,2	11 181	109,8	12 386	121,7
Юго-запад края	22 410	42,5	47 751	90,6	52 600	99,8
Томский	1285	43,9	3250	111,0	3725	127,2
Кузнецкий	91	6,0	1142	74,9	1388	91,0

Округ / регион	На 1.01.1928 г.		На 1.04.1928 г.		На 1.07. 1928 г.	
	тыс. пудов	к годово- му плану, в %	тыс. пудов	к годово- му плану, в %	тыс. пудов	к годо- вому плану, %
Ачинский	2135	38,9	5637	102,7	6406	116,7
Красноярский	193	5,2	1735	47,4	2181	59,6
Минусинский	269	6,7	2588	64,3	2862	71,1
Канский	982	19,4	2972	58,7	3335	65,9
Иркутский	475	13,0	2647	68,6	3112	85,0
Тулунский	436	14,9	1796	61,3	2095	71,6
Северо-восток края	5866	20,0	21 826	74,5	25 162	85,9
Сибирский край	28 276	34,5	69 577	84,9	77 762	94,8

Источники: ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 68. Л. 143; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 8 марта; 5 апр.; 7 июня; 5 июля.

Примечания: 1) В таблице приведены оперативные данные Сибкрайторготдела.
2) Ржаная и пшеничная мука учтены в чистом весе.

На итоги выполнения календарного плана в Сибири повлияли неблагоприятные погодные условия. В октябре — ноябре в регионе не было долго держалась распутица. В декабре начались бураны и сильные морозы. Была завышена и сама заготовительная программа, в основу которой заложили ожидаемый 2 %-ный прирост валового производства зерновых. В действительности сбор зерна в крае по сравнению с 1926 г. снизился на 11 % (см.: Приложение, табл. II). Не полностью учли планирующие органы и уменьшение товарности зерновых в связи с изменением географии урожая. Помимо снижения валового сбора в более товарных юго-западных округах и его увеличения в менее товарных северо-восточных неблагоприятными для заготовок были и внутренние особенности данных районов. Недород в Тарском, Тулунском, Славгородском и Бийском округах способствовал утечке туда хлеба из соседних, в которых был собран сравнительно хороший урожай. Часть зерна из юго-западных округов края уходила в Казахстан и на Урал, где сложился более высокий уровень закупочных цен²⁶. Меньшими, чем предполагали эксперты, оказались остатки урожая прошлых лет.

Ошибка в оценке так называемых невидимых хлебных запасов в крестьянских хозяйствах была допущена и в масштабах всей страны. Накануне кампании их объем определялся почти в 900 млн пудов, а подсчеты после ее окончания снизили такие до 529 млн

пудов. Завышенным оказался и прогноз валового сбора зерновых в СССР. Расчеты, проведенные по итогам кампании, дали всего 4492 млн пудов²⁷, тогда как в конце лета, как указывалось выше, предполагалось собрать 4682 млн пудов. Таким образом, изначально в основе хлебоффуражного баланса страны, на основе которого рассчитывался заготовительный план, оказалась ошибка в размере около 560 млн пудов.

География урожая изменилась и в целом по стране. В ряде производящих регионов сбор зерновых снизился более существенно, чем в среднем: по летним экспертным оценкам, в Поволжье — на 32 %, на Северном Кавказе — на 12 %. Более высокий урожай наблюдался там, где крестьяне привыкли смотреть на хлеб скорее как на предмет потребления, чем как на предмет торговли. Кроме того, снижение производства произошло по наиболее товарным культурам: пшенице, овсу и ячменю, в то время как сбор ржи увеличился²⁸.

Однако причины неудовлетворительного хода централизованного хлебозакупа не сводились к ошибкам в планировании. Заготовительный план на год, безусловно, оказался преувеличенным. Тем не менее недорода в стране в целом и Сибири в частности не было. Урожай зерновых был вполне удовлетворительным. Но крестьяне задерживали продажу значительной части произведенного ими зерна, увеличивая его внутрихозяйственные запасы и потребление. Полномочное представительство ОГПУ по Сибирскому краю в докладной записке, в которой анализировалась ситуация в деревне на конец ноября 1927 г., в связи с этим сообщало: «Крестьянство всех округов Сибири воздерживается от продажи хлеба»²⁹. Таким образом, осенью 1927 г. началась третья за годы нэпа широкомасштабная крестьянская «хлебная стачка».

Резкому снижению объемов реализации жителями деревни хлеба способствовал ряд конъюнктурных и общехозяйственных особенностей 1927/28 г. Соотношение цен на сельскохозяйственную продукцию изменилось в пользу продуктов животноводства. Если в январе — марте 1926 г., по всесоюзному оптовому индексу ЦСУ, цены на мясо и сало составляли 83,4 % от зерновых цен, на сельхозсыре — 94,4 %, то в январе — марте 1927 г. — уже соответственно 115,6 и 110,9 %³⁰. В результате уже во время весеннего сева 1927 г. крестьяне предпочли расширить посевы основной кормовой культуры — овса — за счет наиболее дешевой зерновой культуры — ржи. В Сибири площади, занятые овсом, в 1927 г. увеличились на 15,3 %, в СССР в целом — на 17 % (см.: Приложение, табл. I, II).

Осенью 1927 г. в условиях дефицита сырья на перерабатывающих предприятиях заготовители технических культур повысили на них цены. Это привело к существенному росту объемов предложения.

В результате закупки растительного волокна в Сибири за период с 1 октября по 21 декабря 1927 г. по сравнению с тем же периодом 1926 г. выросли (в стоимостном выражении) на 53 %³¹.

Зимой активизировалась сдача крестьянами животноводческой продукции. Существенное увеличение предложения на сибирском рынке мясопродуктов в 1927 г. вызывалось обострением кормового кризиса. Сельские жители забивали скот, который они не могли прокормить, однако спрос на мясо увеличился еще больше. В 1927/28 г. Сибирь впервые была включена в общесоюзный план централизованного мясозакупа, а краевые заготовители получили для его проведения значительные финансовые средства, которых они раньше не имели. В этих условиях цены на животноводческую продукцию продолжали расти. Индекс этих цен составлял в июле, августе, сентябре и октябре соответственно 151,2; 160,2; 181,4; 186,9, тогда как хлебный индекс в те же месяцы изменялся следующим образом: 112,6; 121,7; 115,8; 110,6. Таким образом, в среднем индекс цен на мясопродукцию в октябре – декабре 1927 г. составлял 172,6, а зерновых культур – 109,4³².

Реализация животноводческой продукции в Сибири оказалась настолько выгодной, что в ряде районов фактически возникло ажиотажное предложение. Так, прирост заготовок мясной продукции по основным хлебопроизводящим округам Западной Сибири (Рубцовскому, Омскому и Славгородскому) составлял 400–450 %. Закупки мяса плановыми заготовителями в целом по краю в ноябре и декабре 1927 г. превышали результаты тех же месяцев 1926 г. в 1,5 и 1,7 раза соответственно. Кожсырья в крае за ноябрь – декабрь 1927 г. было приобретено на 53 % больше, чем за тот же период прошлого года, шерсти – на 120 %³³.

Кроме того, сибирские крестьяне продали большое количество лесопродукции, в частности кедровых орехов; этот год на орехи оказался исключительно урожайным. Прирост закупок пушнины в регионе в I квартале 1927/28 хозяйственного года по сравнению с I кварталом 1926/27 г. составил 82 %³⁴.

Денег деревня получала уже столько, что нужда в реализации хлеба у крестьян практически отсутствовала. Зерно во все больших объемах скармливалось скоту в силу большей доходности его выращивания. В результате удельный вес сибирского хлеба в общей стоимости реализованной в октябре – декабре 1927 г. сельхозпродукции (по сравнению с тем же периодом 1926 г.) уменьшился с 66,3 до 41,9 %, в то время как доля мяса выросла с 12,3 до 24,2 % (в Славгородском округе – с 7,0 до 39,6 %, Омском – с 6,0 до 39,8 %, Бийском – с 15,7 до 43,9 %, Красноярском – с 34,0 до 79,0 %, в Барнаульском округе – с 12,5 до 81,6 %)³⁵.

Много хлеба по-прежнему уходило на самогон. В циркуляре Сибкрайисполкома от 7 января 1928 г. указывалось на то, что «*при существующем соотношении цен на хлеб и самогон многие крестьяне считают более выгодным самогоноварение на продажу вместо сдачи хлеба государству*». По данным Сибадмтдела за 1927 г., на самодельное зелье в крае было израсходовано 8 млн пудов хлеба³⁶. Особен-но значительные масштабы данный промысел приобрел в деревнях, расположенных вблизи городов, которые являлись наиболее емкими рынками сбыта. Так, для многих жителей сельсоветов, находящихся рядом с Новосибирском, продажа самогона горожанам была основ-ным источником дохода. О размерах его производства можно судить по тому факту, что в пос. Ново-Каменском в яме с брагой утонула корова³⁷.

Денег, получаемых крестьянами от продажи продуктов животно-воздства, технических культур, лесопродукции, самогона и пр., было вполне достаточно для уплаты ими той суммы сельскохозяйственно-го налога, которая приходилась на первую половину окладного года. При этом размеры налога (оклад) в 1927/28 г. по Сибирскому краю по сравнению с 1926/27 г. несколько снизились (на 2 %). Первый обязательный срок выполнения сельхозналога, который в предыду-щем финансовом году завершался 1 ноября 1926 г. и составлял 25 % оклада, был перенесен для юго-западных округов края на 15 ноября (25 %), а для северо-восточных — на 1 декабря 1927 г. (20 %). Вто-рой срок (65 % в 1926/27 г. и 55 % в 1927/28 г.) сдвигался с 15 декаб-ря на 1 января³⁸. В результате сельхозналог осенью и в начале зимы 1927/28 г. потерял роль стимула для реализации хлебопродуктов.

Но даже те деньги, которые сельские жители зарабатывали, они не могли истратить. В стране вновь обострился товарный голод. Платежеспособный спрос сельского и городского населения в целом по СССР увеличился за июль — декабрь 1927 г. на 475 млн руб., а стоимость произведенной промтоварной массы выросла в рознич-ных ценах всего лишь на 122 млн руб.³⁹ Последняя цифра могла быть существенно большей, если бы не вышеупомянутое 10 %-ное сниже-ние розничных цен, которое проводилось по указанию февральского (1927 г.) пленума ЦК ВКП(б)⁴⁰. Положение осложнялось еще тем, что в заготовительную кампанию кооперативные и государственные торговые организации вступали практически без каких-либо запасов промтоваров, съеденных «предвоенным» спросом.

Особенно плохо промышленными товарами снабжалась Си-бирь. Товарные запасы в регионе на 1 октября 1927 г., по свидетель-ству Р. И. Эйхе, составляли менее трети от товарных запасов начала октября 1926 г. Потребности края в текстильных товарах удовлет-ворялись на 62 % (в том числе в шерстяных тканях на 17 %), в кож-

товарах — на 40 %, в чае — на 37 %, в кровельном железе — на 34 %. Причем завоз ряда дефицитных товаров не только не увеличивался, но даже снижался. Так, в сентябре в Сибирь поступило 187 вагонов хлопчатобумажных тканей, в октябре — 176, в ноябре — 157 вагонов. При этом большая часть поступающих товаров оседала в городе, а степень удовлетворения деревни в них была еще меньшей⁴¹. Невозможность купить на имеющиеся деньги промышленные товары создавала у крестьян стойкую убежденность в неустойчивости червонца и необходимости увеличения натуральных запасов, в первую очередь зерна — продукта длительного хранения.

Дополнительным стимулом к созданию хлебных запасов явились и продолжающиеся распространяться слухи о скором начале войны. По информации ПП ОГПУ, некоторые крестьяне, задерживая хлеб, говорили: «Скоро будет война, а поэтому хлеб нужно поберечь, так как потом можно самим насытиться без хлеба»⁴².

Но самой главной причиной неудовлетворительного хода заготовок были низкие, не соответствующие конъюнктуре, государственные закупочные цены. На это, в частности, указывалось в бюллетене ЭКО ПП ОГПУ по Сибирскому краю от 13 декабря 1927 г.⁴³ В сводке о политических настроениях деревни, составленной Минусинским окрискполкомом уже в январе 1928 г., говорилось о том, что «в крестьянстве до сих пор бродит надежда на повышение хлебных цен, что является одной из причин слабого хода заготовок. В Ермаковском районе в нескольких селах крестьяне говорят: «Хлеб сейчас мы вам не повезем продавать, уплатим [налог] другими деньгами, а когда хлеб подорожает, тогда повезем»»⁴⁴.

В создавшихся условиях единственным экономическим стимулом активизации предложения зерна могло быть повышение цен на него. Однако как центральные, так и местные органы этот путь усиления хлебозакупа категорически отвергали. В конце ноября на совещании основных заготовителей при Сибкрайторготделе представитель последнего заявил: «Какого-либо повышения цен быть не может». В ходе XV съезда ВКП(б) А. И. Рыков, собравший руководителей хлебопроизводящих районов, запретил им не только говорить, но и думать об увеличении закупочных цен. В постановление Политбюро ЦК ВКП(б) от 24 декабря 1927 г. был включен пункт, гласящий: «Считать недопустимым повышение хлебных цен и воспретить постановку этого вопроса в печати, советских и партийных органах»⁴⁵.

Более того, против всякой логики цены в ряде хлебопроизводящих регионов не только не увеличивались, но имели тенденцию к снижению. В Сибири в октябре один пуд пшеницы в среднем закупался государственными и кооперативными заготовителями за 89 коп., в ноябре — за 88 коп., в декабре — за 86 коп. Особенно резко снизились

цены на пшеницу в северо-восточных округах — с 96 коп. за пуд в октябре до 82 коп. за пуд в ноябре и декабре⁴⁶. Результатом подобного падения стал полный провал централизованных хлебозаготовок именно в этих округах.

Причины подобного парадокса заключались в следующем. Наркомторг СССР ввел на кампанию 1927/28 г. новую систему увеличения или снижения закупочной цены на зерно в зависимости от его кондиции. Вследствие более низкого качества сибирского хлеба урожая 1927 г. новая система вела к фактическому снижению цен на него. Кроме того, эта система была настолько сложной и непонятной для крестьян, что воспринималась ими как очередная махинация государственных и кооперативных заготовителей. Последние, с тем чтобы не ухудшить и без того неудовлетворительный ход хлебозаготовок, не торопились применять в своей работе вышеуказанное нововведение. Среднезаготовительная цена одного пуда пшеницы в октябре составляла 89 коп. при директивной в 85 коп. В ответ на это заведующий Сибкрайторготделом отправил на места циркуляр, категорически требующий снижения закупочных цен до директивного уровня⁴⁷. Несмотря на радикально изменившуюся конъюнктуру хлебного рынка, закупочные цены на зерно осенью и в начале зимы 1927 г. оказались даже несколько ниже, чем в тот же период 1926 г.⁴⁸

Контроль за соблюдением директивных цен в кампанию 1927/28 г. был ужесточен. На местах создавались комиссии для обследования ссыпных пунктов на предмет нарушения согласительных цен. Виновные незамедлительно наказывались. За первое нарушение ссыпной пункт штрафовался на 100 руб. За второе — штраф увеличивался до 500 руб. с увольнением работника, допустившего превышение цен. За третье — штраф в том же размере и вынесение выговора с предупреждением заведующему пунктом. За четвертое — временное закрытие ссыпного пункта и увольнение заведующего. Заведующий увольнялся и раньше, если устанавливалось, что он лично отдал указание о повышении цен. Несоблюдение установленных правил покупки крестьянского хлеба (повышения или понижения его сортности, заготовка за пределами отведенного района или через контрагентов) наказывалось аналогичным образом⁴⁹.

Репрессии против низовой заготовительной сети приобрели в первую половину кампании столь значительные масштабы, что Наркомторг РСФСР вынужден был даже осадить активность местных органов. В своем циркуляре от 14 октября наркомат указал на то, что закрытие ссыпных пунктов возможно лишь в крайних случаях⁵⁰. Работники низового заготаппарата были настолько запуганы, что всякая коммерческая деятельность с их стороны прекратилась, и из «советских купцов» они превратились в простых приемщиков хлеба.

Крестьяне к подобной ситуации психологически готовы не были. Во все времена мелкий товаропроизводитель предпочитал поторговаться за свою продукцию. Ничего подобного на ссыпных пунктах не допускалось, и крестьянин, минуя по мере возможности государственных заготовителей, вывозил свое зерно непосредственно на городской базар. Несмотря на то, что крупные частные торговцы оттуда были изгнаны, покупателей на крестьянский хлеб хватало. На рынке работало множество мелких частных скопщиков, удовлетворяющих местный спрос. Повышенный спрос на хлеб предъявляли мелкие частные мельницы. Наконец, из-за перебоев в централизованном снабжении муку и зерно непосредственно на базарах в больших количествах закупали сами городские жители. Реакцией на повышенный городской спрос стало увеличение разницы между рыночными ценами и ценами, предлагаемыми государственными и кооперативными заготовлениями. В среднем по Сибири эта разница в декабре 1926 г. составляла по пшенице 9 %, по ржи — 1 %, а в начале декабря 1927 г. уже по 24 % по той и другой культуре⁵¹. Продажа зерна, таким образом, на базаре становилась для крестьян все более выгодной.

Значительная недозаготовка зерна в Сибири и большинстве производящих регионов европейской части СССР не могла не сказаться на снабжении потребляющей полосы. Все резервы были практически исчерпаны, перебои в снабжении хлебом распространялись на все новые и новые районы. Перед хлебными лабазами большинства городов выстраивались длинные очереди. Ситуация осложнялась столь быстро, что уже в начале второй декады декабря (напомним, что в интервью газете «Экономическая жизнь» от 3 декабря 1927 г. нарком торговли СССР А. И. Микоян был настроен весьма оптимистично) она была оценена как критическая. А. И. Рыков в выступлении на XV съезде ВКП(б) назвал положение, сложившееся в сфере хлебозаготовок, кризисом⁵².

Проанализировав в связи с этим сложившуюся хозяйственную конъюнктуру, председатель СНК РСФСР и СССР в качестве главных факторов, вызвавших заготовительные трудности, назвал превышение платежеспособного спроса, предъявленного крестьянством, над предложением необходимых ему промтоваров и сдерживающее стимулы к реализации хлеба на рынке соотношение цен на зерно, с одной стороны, и продукты животноводства и технические культуры — с другой. Что же касается особой деструктивной роли в хлебозаготовках кулачества и необходимости применения к нему чрезвычайных административных мер, то об этом ни в докладе А. И. Рыкова, ни в выступлениях других лидеров партии и государства (включая И. В. Сталина) не было и речи. В качестве метода, вполне достаточ-

ного для разрешения хлебозаготовительного кризиса, на XV съезде было определено усилить выброс промтоваров на сельский рынок за счет оголения городских рынков.

А. И. Рыков в этой связи весьма оптимистично заявлял: «Напряженное положение с хлебозаготовками может и должно быть исправлено, ибо, во-первых, крестьянство уже израсходовало довольно значительную часть средств, полученных от отхожих промыслов и реализации технических культур, и, во-вторых, мы приняли меры к увеличению предложения товаров деревне путем расширения производства хлопчатобумажных, шерстяных тканей и ряда других товаров»⁵³.

Большая часть произведенной продукции (до 60 %) должна была поступать в сельскую местность. На этот счет циркулярное указание на места поступило еще 7 декабря 1927 г.⁵⁴ 21 декабря нарком торговли Союза ССР в телеграмме всем губернским, областным, краевым исполнкомам и совнаркомам автономных республик писал: «<...> в связи со слабым ходом хлебозаготовок предлагаю установить специальное наблюдение [за] завозом максимального количества промтоваров исключительно в хлебные районы с ослаблением снабжения губернских городов и районов не хлебного значения, [за] максимально быстрым их продвижением в деревню»⁵⁵.

С целью активизации предложения хлеба местные власти обязывались ускорить взимание с крестьянства сельскохозяйственного налога и иных платежей — обязательного окладного страхования, процентов по кредитам и ссудам, паевых взносов в кооперацию. Кроме того, к делу форсирования хлебозаготовок подключались партийные органы, перед которыми ЦК ВКП(б) в директиве от 14 декабря поставил задачу «в срочном порядке» добиться резкого перелома в заготовках, приняв «организационные мероприятия сверху донизу, направленные на усиление завоза хлеба со стороны крестьянства»⁵⁶.

Исходя из директив Центра, активизировали свою работу по руководству хлебозаготовками краевые сибирские власти. В соответствии с их указаниями партийные, советские и соответствующие хозяйствственные органы как в Новосибирске, так и на местах должны были поставить вопросы заготовки хлеба в центр своей организационной деятельности. Окружсполкомы обязывались добиться решительного перелома в ходе хлебозакупа и принять все меры к выполнению планов. Им же было предложено установить для каждого сельского района, а также для каждого потребительского общества и сельскохозяйственного кооператива разбитое по месяцам и декадам твердое задание по сбору зерна на январь — март 1928 г., обеспечивающее выполнение окружной заготовительной программы к 1 апреля в размерах не менее 80 % годовой. Коопцентры оформляли данные

твёрдые задания низовым кооперативам в виде специальных договоров, предусматривающих в случае невыполнения выплату неустойки в повышенном размере. Принимались меры по усилению товаро-снабжения зернопроизводящих округов за счет городов и нехлебных районов. Распределение товаров по округам и районам должно было осуществляться в зависимости от выполнения заготовительных заданий, а продажа остродефицитных товаров на местах — в первую очередь сдатчикам хлеба⁵⁷.

Однако принятые для усиления заготовок меры оказались неэффективными. Промтоваров в Сибири по-прежнему не хватало. Денег у крестьян для выплаты сельхозналога и иных платежей было достаточно, и они не только не увеличили, но даже уменьшили реализацию зерна. Централизованный хлебозакуп в крае во второй декаде декабря снизился на 8 %, а в третьей декаде — на 14 %⁵⁸. Аналогичная ситуация складывалась и в большинстве производящих районов европейской части СССР. Хлеба во второй декаде декабря заготовили на 5 %, а в третьей декаде — на 15 % меньше, чем в первой. В целом за второй квартал в централизованном порядке было закуплено 178,9 млн пудов хлебопродуктов, что было почти наполовину меньше заготовок второго квартала 1926/27 г. Объем заготовок первого полугодия кампании снизился по сравнению с предыдущей на 21 %⁵⁹. Хлебозаготовки в декабре 1927 г. уступали по объему даже показателям декабря недородного 1924 г.⁶⁰

3. Установление виновных

Начало хлебозаготовительной кампании 1927/28 г. не внушало властям никаких опасений. Однако уже в конце сентября ситуация на хлебном рынке резко ухудшилась. Основной причиной нарастания заготовительного кризиса являлось нежелание крестьян продаивать произведенное ими зерно в объемах, необходимых государству. Они задерживали реализацию, увеличивая запасы и внутрихозяйственное потребление зерна. Резкому снижению объемов реализации жителями деревни хлеба способствовали конъюнктурные особенности наступившего хозяйственного года. В изменившихся условиях заготовительная система, основанная на фактической монополии государственно-кооперативного аппарата и директивном ценообразовании, показала полную несостоятельность. В декабре государственные хлебные резервы были практически исчерпаны. Необходимо было принимать срочные меры для преодоления кризиса. Повышение цен как мера стимулирования крестьянского предложения категорически отвергалось. Закупки за границей зерна и промтоваров требовали времени и, к тому же, осложняли выполне-

ние индустриальной программы, которой руководители советского государства на сей раз (в отличие от 1925/26 г.) поступаться не жалели. Выбор был сделан в пользу комплекса административных и экономических мер.

24 декабря в соответствии с решением Политбюро всем партийным организациям страны была направлена директива ЦК ВКП(б), в которой констатировалось, что «*слабый ход хлебозаготовок не только срывает хлебозаготовительный и экспортный планы, но и создает непосредственную угрозу снабжения промышленных центров с перспективой голода в Москве и Ленинграде, что ставит нас перед необходимостью импорта заграничного хлеба со всеми вытекающими отсюда последствиями*». ЦК предложил в связи с этим добиться «*решительного перелома на хлебном рынке в ближайшее же время*», поставив эту задачу в центр внимания всей партийной и советской работы. Предполагалось, что перелом произойдет в результате осуществления следующих мероприятий: увеличения товароснабжения деревни, квота которой повышалась до 70–80 % всех имеющихся промтоварных запасов, усиления сбора задолженностей по сельхозналогу и иным платежам, ускорению их сбора, увеличению размеров паевых взносов в кооперацию и т. п.⁶¹

В принятом после получения директивы ЦК постановлении бюро Сибкрайкома ВКП(б) «О хлебозаготовках»⁶², в котором отмечалось продолжающееся снижение темпа заготовок по краю, была поставлена задача «*поставить центральной задачей на ближайшее время руководство хлебозаготовительной кампанией и установить в дальнейшем оценку работы всех парторганизаций в зависимости от результатов хода хлебозаготовок*». Для увеличения размеров закупок предлагалось срочно провести ряд мероприятий преимущественно административного характера. С целью форсирования налоговой кампании переносились обязательные сроки сдачи сельхозналога: третий срок (85 % от годового задания) — с 1 февраля на 15 января; четвертый, последний, срок (100 %) — с 1 апреля на 15 февраля. Срок уплаты страховых платежей переносился с 31 на 15 января. Окружкомам предлагалось «*принять все необходимые меры, вплоть до применения репрессий, к обеспечению безнедоимочного сбора сельхозналога и страховых платежей в установленные сроки*».

С 5 до 10 руб. увеличивались паевые взносы в сельской потребкооперации. Снабжение потребительских обществ дефицитными промтоварами ставилось в зависимость от сбора паевых взносов. Они могли отпускаться только тем членам кооперативов, которые полностью внесли паевой взнос. Сибсельбанк и сельхозкооперация обязывались «резко» сократить план кредитования деревни, одновременно усилив взыскание задолженностей по кредитам. Недоимщики по всем видам

платежей в срочном порядке должны были привлекаться к административной и судебной ответственности.

Репрессии следовало обрушить и на самогонщиков. 27 декабря 1927 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О мерах усиления борьбы с самогоноварением», в котором предложили ЦИК союзных республик в двухнедельный срок внести в уголовные кодексы в число уголовно-наказуемых деяний самогоноварение без цели сбыта, а также хранение самогона и аппаратов без цели сбыта⁶³. С 1926 г. преследовалась только продажа самогона. Соответствующее решение ВЦИК было принято в тот же день. Наказание за тайное винокурение увеличилось с двух недель принудительных работ или штрафа в 25 руб. до месяца принудительных работ или штрафа в 100 руб.⁶⁴

Советская Сибирь. 1928. 28 янв.

С целью увеличения объемов вывоза зерна из Сибири принималось решение о 30 %-ном сокращении плана снабжения городского населения региона⁶⁵. В директивном порядке снижались (от 5 до 15 % в зависимости от округа)⁶⁶ закупочные цены на мясо государственных и кооперативных заготовителей. Одновременно существенно ограничивалось финансирование их торгово-закупочных операций. В связи с возможностью после снижения государственных мясных цен расширения частных заготовок соответствующим органам управления железными дорогами поручалось ввести запрет на перевозку частной мясопродукции. По остальным сельхозпродуктам цены не понижались, но при этом существенно ужесточался контроль за соблюдением их директивного уровня, а также устранилась конкуренция со стороны частных скопщиков.

Особенно активная борьба с частником развернулась на кожсыревом рынке. Проверенными способами здесь являлись введение обязательной регистрации всех оптовых покупателей и отказ в ней под разными предлогами частным скупщикам. Кроме того, финансовым органам предписывалось не выдавать частным торговцам патенты. Торгово-закупочная деятельность при отсутствии регистрации и патента наказывалась в уголовном порядке. В местах массового предложения организовывались специальные кожсыревые площадки, вне которых скупка-продажа продукции запрещалась. Вводился запрет на забой скота вне официальных боен в городах и деревнях, находящихся на расстоянии до 20 верст от них. При этом закупки на кожсыревых площадках и бойнях дозволялись только государственным и кооперативным заготовительным организациям⁶⁷.

По предложению правления Всероссийского кожсиндиката в городах и районных центрах Сибирского края были созданы комиссии по проверке частных кожевенных и овчинных заводов на предмет соблюдения ими налогового законодательства, санитарных, торговых и других норм и правил. При этом комиссии получили задание непременно найти нарушения на этих предприятиях и добиться их закрытия. Ликвидации подлежала и большая часть предприятий промышленной кооперации. Поставленная задача была выполнена. К началу марта 1928 г. в восточных округах Сибирского края комиссии закрыли все 645 обследованных ими кожевенных и овчинных заводов, в западных – 882 из 944 (93,4 %)⁶⁸.

30 декабря первый секретарь крайкома ВКП(б) С. И. Сырцов подписал адресуемое секретарям окружкомов Сибирского края директивное письмо, в котором поставил задачу «максимального усиления хлебозаготовок во что бы то ни стало. «Все наши мероприятия сейчас направлены к тому, чтобы заставить крестьянина повезти к нам хлеб. Отсюда вытекает большой налоговый нажим, сжатие кредитования, снижение цен на мясо и т. п. Крестьянин, ощущив нужду в деньгах, вынужден будет везти хлеб. <...> Надо отдать себе отчет, что проводимые меры значительной частью деревни будут восприняты с довольно большим неудовольствием. Этому должна быть противопоставлена соответствующая работа по организации бедняцких слоев деревни (собрания, группы бедноты, районные и окружные совещания) и осведомлению середняцких слоев. Недопустимо механическое проведение директив края, нужно при их проведении учитывать конкретную обстановку в каждом округе и его отдельных частей. Помимо административных мер необходимо организовать политический отпор возможному сопротивлению кулачества». С. И. Сырцов также указал на необходимость проведения разъяснительной работы среди «городского рабочего населения»

с целью предупреждения его возможного недовольства сокращением объемов снабжения⁶⁹.

Несмотря на принимаемые меры, продовольственное положение в стране продолжало ухудшаться. Начало января принесло дальнейшее снижение объемов централизованного хлебозакупа. Хлеба в первой пятидневке января заготовили на 3 %, а во второй пятидневке — на 16,5 % меньше, чем в последней пятидневке декабря. В Сибирском крае в первую декаду месяца закупки по отношению к третьей декаде декабря снизились на 21 %⁷⁰. В этих условиях начался лихорадочный поиск выхода из создавшегося положения. Содержание директив из Центра становилось все более радикальным, и их тон — все более жестким.

4 января 1928 г. из ОГПУ в адрес региональных представительств была направлена телеграмма с распоряжением «немедленно» произвести аресты наиболее крупных частных хлебозаготовителей и наиболее «злостных» хлеботорговцев, не соблюдающих конвенционных заготовительных и сбытовых цен, а также нарушающих порядок «экономрегулирования» на транспорте и другие правила торговли. Следствие по их делам нужно было провести «быстро, доказательно». Данные дела следовало направлять в Особое совещание, что означало их рассмотрение и вынесение приговора во внесудебном порядке⁷¹.

В тот же день президиум Сибкрайисполкома, рассмотрев вопрос о сборе сельскохозяйственного налога и страховых платежей, отметил «слабость» взыскания сельхозналога в большинстве округов края⁷², «поставил на вид» президиумам исполнкомов наиболее отстающих округов; предложил «принять меры репрессий в отношении недоимщиков»; создал комиссию, которой поручалось «упростить порядок производства и утверждения описей имущества и продажи с торгов, максимально сократив установленные инструкцией НКФ сроки для производства торгов»⁷³.

6 января И. В. Сталин направляет республиканским, краевым, губернским и окружным парткомам утвержденную Политбюро ЦК ВКП(б) директиву (*«совершенно исключительную как по своему тону, так и по требованиям»*)⁷⁴. В ней заявлялось, что требования циркуляров ЦК от 14 и 24 декабря не реализованы, «перелом» в заготовках не наступил, «темп работы местных организаций недопустимо медленный, спячка еще продолжается, низовой аппарат еще не раскачался, кооперация не выполняет своих элементарных обязанностей, промтоварная масса не поставлена на службу хлебозаготовок», денежные платежи, срок уплаты которых уже истек, все еще не взыскианы. В связи с этим партийным комитетам на местах предлагалось в течение недели со дня получения данной директивы исправить ситуацию. В первую очередь им надлежало:

«1. Принять к твердому исполнению годовое и месячные задания Наркомторга на хлебозаготовки <...>.

2. Все наряды Наркомторга СССР об отгрузке хлеба выполнять в строжайшей точности и в срок.

3. Принять к исполнению все прежние директивы ЦК в отношении изъятия денежных накоплений из деревни; установить максимальные ускоренные сроки всех платежей крестьянства казне по налогам, страхованию, семссудам; не допускать отсрочек по ссудным обязательствам кредитной системе и организовать сбор авансов под поступающие промтовары и сельскохозяйственные машины; добиваться досрочных взносов всех платежей, одновременно развернув кампанию по распространению крестьянского займа и сборов кооперативных паев; срочно установить дополнительные местные сборы на основе законов о самообложении (см. ниже).

4. При взыскании недоимок по всякого рода платежам применять немедленно жесткие кары, в первую очередь в отношении кулачества. Особые репрессивные меры необходимы в отношении кулаков и спекулянтов, срывающих с[ельско]х[озяйственные] цены.

5. Мобилизовать немедля все лучшие силы партии, включая членов бюро губкомов, окруж[уж]комов и райкомов, а также президиумов исполнкомов на предмет всемерного усиления хлебозаготовок и оставить их на месте заготовок до решительного перелома.

6. Установить личную ответственность руководителей партийных, советских и кооперативных организаций за выполнение возложенных на них заданий по заготовкам, немедля отстраняя тех из них, которые не проявляют способностей и умения добиться успеха хлебозаготовок».

В заключение директивы парткомы предупреждались о том, что «промедление» в ее исполнении «и недостижение в недельный срок реальных успехов в смысле решительного перелома в хлебозаготовках может поставить ЦК перед необходимостью замены нынешних руководителей партийной организации»⁷⁵.

После получения угрозы со стороны генерального секретаря ЦК ВКП(б) деятельность сибирского руководства в сфере заготовок резко активизировалась. 11 января президиум Сибкрайисполкома в соответствии с принятым за день до этого решением бюро Сибкрайкома образовал краевую «хлебную тройку» в составе первого секретаря крайкома С. И. Сырцова, председателя крайисполкома Р. И. Эйхе и заведующего краиторготделом А. Н. Злобина⁷⁶. Решения «тройки» передавались окружкомам как решения Сибкрайкома ВКП(б) и вступали в силу автоматически. В течение января подобные «тройки» возникли в округах и районах. В округа в срочном порядке в качестве уполномоченных командировались ответственные работники из кра-

евых, партийных, советских и хозяйственных органов. Из окружных центров уполномоченные направлялись в районы, из районных центров — непосредственно в деревни.

Начались активные поиски и наказание виновных в продолжающихся заготовительных трудностях. Одними из первых под удар попали работники государственных и кооперативных заготовительных организаций. Многие из них были уволены и привлечены к судебной ответственности по ст. 105 УК РСФСР⁷⁷ за нарушение правил торговли, конкуренцию, превышение директивного уровня цен⁷⁸. Результатом нажима на заготовителей в январе 1928 г. стало снижение среднемесячной государственной закупочной цены на пшеницу в целом по Сибири на 1 коп., а в северо-восточных округах края — на 3 коп. за пуд⁷⁹. Естественно, подобная мера улучшить хлебозакуп не могла.

Объектом репрессий стали также мелкие скупщики зерна и владельцы мельниц. Краевая «хлебная тройка» на своем втором заседании 13 января поручила крайпрокуратуре и ПП ОГПУ по Сибирскому краю «проработать конкретные мероприятия и дать указания местам по борьбе с держателями крупных запасов хлеба (мельники, скупщики хлеба и т. д.)»⁸⁰. Результатом этой проработки стал разосланный в тот же день циркуляр, предписывающий всем окружным прокурорам и начальникам окружных отделов ГПУ «при установлении случаев злостной, т. е. систематической, широкой и т. п. скупки хлеба в зерне или муке в значительных количествах с целью его скрытия или невыпуска на рынок частными лицами, мельниками, торговцами, скупщиками, носящий характер ажиотажа, возбуждать против виновных преследование по 1 или 2 ч. 107 ст. УК»⁸¹. Данные уголовные дела должны были рассматриваться немедленно, вне всякой очереди с наложением сразу же после их возбуждения ареста на весь имеющийся у обвиняемых хлеб⁸².

По оперативным данным ЭКО ПП ОГПУ, в Омском округе до 21 января было арестовано 19 «разных перекупщиков». В их числе Кравченко («владелец мельницы, крестьянин-кулак, под видом крестьянского зерна размалывал зерно частников. Отобрано 1000 пуд. зерна, 300 пуд. муки, и 160 пуд. отрубей»), Соболь («крестьянин, занимавшийся скупкой и перепродажей хлеба. Отобрано 40 пудов»), Ердяков («владелец пекарни, скопивший хлеб для перепродажи и выпечки сушки для Вятки. Отобрано 160 пуд. муки»). В Бийском округе арестовали частного торговца Семеновича, который «несмотря на запрещение окрторга, производил скупку хлеба, переплачивая в цене, де-зорганизуя рынок». Отобранные у него 2 тыс. пудов гречневой крупы, 700 пуд. подсолнечника и 110 пуд. ореха были переданы Сибторгу, а деньги переведены в ОГПУ⁸³.

Дав команду на применение репрессий против недоимщиков, мелких скупщиков и работников заготовительных организаций, руководители Сибири, судя по всему, прекрасно осознавали паллиативность этих мер. Многие партийные и советские функционеры региона считали, что заготовительный кризис можно преодолеть, лишь применив силу против зажиточных крестьян, а в ряде мест начали ее применять. Так, секретарь Новосибирского окружкома ВКП(б), отчитываясь «об усилении работы по хлебозаготовкам» с 12 по 16 января, информировал крайком, что «*в отношении крупных держателей хлеба – кулаков начинают местами применяться и такие меры понуждения, как персональный нажим, отобрание подписьк о добровольной продаже хлеба*»⁸⁴.

Однако масштабы давления на зажиточное крестьянство сдерживались ввиду отсутствия определенной законодательной базы, а также из-за опасений быть обвиненными в проведении антинэповской, а следовательно, антипартийной линии. С. И. Сырцов в выступлении на мартовском (1928 г.) пленуме Сибкрайкома ВКП(б), ретроспективно воспроизводя ситуацию, сложившуюся в начале января, говорил: «*Такое мероприятие, как необходимость удара по кулаку, было ясно для нас с самого начала. Имея цифры и учтя целый ряд фактов саботажа кулаков, мы считали необходимым поставить вопрос о том, каким образом мы можем сдвинуть это дело*»⁸⁵. Способ решения данного вопроса предложил краевой прокурор, 9 января направив в крайком записку, в которой указал на необходимость привлечения к уголовной ответственности «*держателей крупных запасов хлеба и его скупщиков из числа особо зажиточных слоев деревни*», «*пропускская*» возбужденные против них дела («*для ускорения*») через органы ОГПУ⁸⁶. Руководители Сибкрайкома, не осмелившись принять самостоятельное решение по этому поводу, в посланной в тот же день телеграмме поставили вопрос о возможности реализации предложения прокуратуры перед Центром⁸⁷.

Конкретного ответа они не получили, но фактическая санкция на развязывание антикрестьянских репрессий была дана в утвержденной 14 января Политбюро и подписанной И. В. Сталиным циркулярной телеграмме ЦК ВКП(б)⁸⁸. В ней без всяких обиняков заявлялось следующее: «*Немалую роль [в неудовлетворительном ходе заготовок] сыграло то обстоятельство, что частник и кулак использовали благодущие и медлительность наших организаций, прорвали фронт на хлебном рынке, подняли цены и создали у крестьян выжидательное настроение, что еще более парализовало хлебозаготовки. Многие из коммунистов думают, что нельзя трогать скупщика и кулака, т. к. это может отпугнуть от нас середняка. Это самая гнилая мысль из всех гнилых мыслей, имеющихся в головах некоторых коммунистов. Дело*

обстоит как раз наоборот. Чтобы восстановить нашу политику цен и добиться серьезного перелома, надо сейчас же ударить по скутщику и кулаку, надо арестовывать спекулянтов, кулаков и прочих дезорганизаторов рынка. Таким образом, ЦК ВКП(б) 14 января определил в качестве одного из главных виновников хлебного кризиса деревенского кулака и потребовал от местных органов срочного проведения по отношению к нему репрессивных мер.

Помимо вышеизложенного в телеграмме ЦК подчеркивалась особая роль Сибири в хлебозаготовках и сообщалось о выезде в регион И. В. Сталина. Заканчивалась телеграмма следующей фразой: «Хлебозаготовки представляют, таким образом, крепость, которую мы должны взять во что бы то ни стало. И мы ее возьмем наверняка, если поведем работу по-большевистски, с большевистским нажимом».

Под влиянием указаний ЦК бюро Сибкрайкома ВКП(б) 17 января приняло решение о применении репрессий к кулачеству⁸⁹. В утвержденной на заседании бюро секретной директиве (№ 101/с), направленной в тот же день телеграфом в адрес Барнаульского, Бийского, Каменского, Новосибирского, Омского, Рубцовского и Славгородского окружкомов компартии⁹⁰, предлагалось: «В целях преодоления сопротивления кулачества сдаче хлеба, ликвидации выжидательных настроений мощных слоев деревни, намеревающихся использовать хлебные затруднения для спекуляции, взвинчивания цен, укрепления своих позиций предлагается в главных хлебозаготовительных районах, особенно там, где плохая заготовка, наметить несколько (4–10) заведомо явно кулацких хозяйств, злостных, враждебных сов власти, располагающих большими запасами хлеба, составленными в известной мере путем скупки, эксплуатации машин,укрытия объектов обложения и проч. [и] привлечь к ответственности как злостных спекулянтов мясом, хлебом и проч. предметами [с] конфискацией хлеба». Провести данную операцию поручалось органам ОГПУ. Указания райкомам по данному вопросу следовало передавать «исключительно через ответственных надежных лиц со строжайшим соблюдением условий конспирации»⁹¹. Однако сомнения в правомерности подобных чрезвычайных мер у сибирских властей все же оставались. Их развеял прибывший в Сибирь И. В. Stalin.

4. Stalin в Сибири

В декабре 1927 г. в потребляющих районах СССР обострился продовольственный кризис, который, в свою очередь, был вызван кризисом хлебозаготовок. В этих условиях усилился административный нажим на партийные и советские власти зернопроизводящих регионов. Их руководителей обязали срочно реализовать предписанные в

директивах Центра мероприятия экономического и политического характера, направленные на активизацию хлебосдачи.

24 декабря 1927 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение для контроля за выполнением партийно-правительственных решений направить в регионы уполномоченных ЦК и СТО, предоставив им «право отмены решений местных партийных и советских органов, противоречащих директивам ЦК в области хлебозаготовок, и право дачи соответствующих распоряжений, обязательных для местных партийных и советских органов»⁹². В Сибирь в качестве уполномоченного Центра прибыл секретарь ВЦСПС А. И. Догадов. 9 января Политбюро решило повысить ранг уполномоченных. На Урал направлялся секретарь ЦК В. М. Молотов, на Северный Кавказ — нарком торговли СССР А. И. Микоян, в Казахстан — секретарь ЦК Н. А. Кубяк, в Сибирь — председатель ЦКК ВКП(б) Г. К. Орджоникидзе⁹³. Однако последний, по официальной версии, заболел, и в Сибирь отправился генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин.

Поездка была не публичной, но и не конспиративной. Сообщать о ней в советской прессе запрещалось, но информация о прибытии высокопоставленного гостя из Москвы была известна многим сибирякам. Так, в Красноярске к генеральному секретарю обратился секретарь партичайки железнодорожных мастерских Никонов, который сообщил, что работники мастерских знают о его приезде, и предложил выступить «с докладом на рабочем собрании». Stalin ответил отказом, ссылаясь на то, что «приехал не официально для инструктирования товарищей в порядке внутреннем. Выступать теперь открыто на массовом собрании — значит превышать свои полномочия и обмануть ЦК партии»⁹⁴.

Документы, которые И. В. Stalin привез из поездки в Сибирь, отложились в четырех делопроизводственных единицах «сталинского» фонда РГАСПИ (Ф. 558. Оп. 11. Д. 118, 119, 120, 121). Частично они опубликованы⁹⁵. Помимо шифротелеграмм, докладных и информационных записок, писем, стенограмм заседаний в данный комплекс источников входят до сих пор не введенные в научный оборот записи, сделанные на блокнотных листах, которые озаглавлены как «Краткие записи при поездке по Сибири с 15 января по 6 февраля помощника Сталина Сергеева»⁹⁶. Документы из РГАСПИ в сочетании с материалами, извлеченными из ГАНО, создают прочную базу для реконструкции поездки И. В. Сталина в Сибирь.

Материалы, связанные с данной поездкой, в том числе «записи Сергеева», послужили основой для написания Stalinым статьи «О хлебозаготовках и перспективах сельского хозяйства. Из выступлений в различных районах Сибири в январе 1928 г. (Краткая запись)», впервые опубликованной в 1949 г. в т. 11 его собрания со-

чинений. Используемые автором стенограммы и краткие записи выступлений были подвергнуты радикальной правке. В связи с этим можно с полным основанием утверждать, что статья не воспроизвела произнесенные Сталиным речи, а была написана им заново специально для готовящегося собрания сочинений.

По дороге Stalin обратился к материалам комплексных обследований сибирской деревни, которые проводились Сибкрайкомом ВКП(б) в 1926–1927 гг.⁹⁷ Генсеку приносили местные газеты, которые он просматривал в контексте задач своей поездки. В выпускаемом в Свердловске «Уральском рабочем» он не обнаружил «ни одного слова» о хлебозаготовках. В тюменском «Красном знамени» нашел «много» материала о заготовках на Украине и «мало» о собственных. В омском «Рабочем пути» ему понравился лозунг «*Кулак, спекулянт, разгильдяй – наши враги на заготовительном фронте*». Уже в Новосибирске, познакомившись с подшивками краевых газет, Stalin также отметил отсутствие материалов по хлебозаготовкам в предназначенней для крестьян «Сельской правде» до 3 января и слабое внимание к ним в «Советской Сибири» вплоть до 10 января 1928 г. «Началось» лишь 11 января. Общим выводом И. В. Stalina от просмотра газет, издаваемых в Сибирском крае, стало утверждение, что они, «начиная с «Советской Сибири» и все окружные недостаточно уделяют внимания хлебозаготовкам вообще и в частности не ведут классовой линии». Недостаточное внимание «классовому содержанию» работы в деревне, по мнению главы партии, было свойственно сибирской парторганизации в целом⁹⁸.

Рано утром 18 января И. В. Stalin прибыл в Новосибирск. В тот же день состоялось расширенное заседание бюро Сибкрайкома, на которое, помимо членов и кандидатов в члены бюро, по требованию генсека были приглашены ответственные работники крайисполкома, его управлений, руководители прокуратуры, контрольной комиссии, заготовительных, кооперативных, транспортных, финансовых, статистических и судебных органов, уполномоченный СТО А. И. Догадов, находящиеся в крае члены правления АО «Хлебопродукт» М. Б. Кренцель и Л. А. Гребнев, член правления Центросоюза А. А. Зыков⁹⁹.

На заседании бюро рассматривался комплекс вопросов, связанных с кризисом хлебозаготовок¹⁰⁰. И. о. краевого прокурора Леонидов, касаясь применения репрессивных мер, заявил: «*Ударяем по административному аппарату и по кулаку 107 ст. (невыпуск хлеба)*». Ведение дел по данной статье передается ГПУ «из-за скорости». Stalin тут же вступил в дискуссию и указал на то, что производить аресты кулаков нужно не по линии ОГПУ, а в «законном порядке» от имени прокуратуры, предложив ее руководителям выступить в краевых и местных газетах с разъяснением порядка и условий применения дан-

ной статьи УК¹⁰¹. По словам участавшего в заседании председателя правления Сибкрайсельхозбанка С. И. Загуменного, Сталин аргументировал свое предложение необходимостью «ударить по кулаку, ударить сильно, но ударить в то же время так, чтобы основной массе крестьянства была ясна законная причина ареста, конфискации имущества и прочих мер, кои мы к кулаку применим»¹⁰². С. И. Сырцов с мнением генсека согласился, определив решение о проведении операции по ст. 107 силами ОГПУ «промахом».

После обсуждения И. В. Сталин в своем выступлении предложил следующий набор мер по преодолению кризиса: 1) Разверстать план заготовок хлеба и его отгрузки за пределы региона по округам и декадам. 2) Осуществлять мероприятия по «выкачке денежных накоплений» из деревни. 3) Предпринять меры «к стабилизации цен на хлеб и успокоении рынка». Для этого: «а) арестовать скопщиков и кулаков за спекуляцию на основании закона о спекуляции (107 ст.); б) арестовать и предать суду ряд председателей сельсоветов и работников кооперативных организаций за пособничество спекулянтам; в) вести широкую агитацию против спекуляции и взвинчивания цен на хлеб, мотивируя соответствующие шаги тем, что спекулянты-кулаки хотят сорвать политику Советской власти по снижению цен на промтовары». 4) «Мобилизовать все силы прокуратуры и судебных органов, дав им на помощь партработников». 5) «Мобилизовать печать (местную)». 6) «Мобилизовать органы ГПУ». 7) «Мобилизовать органы ЦКК-РКИ для проверки исполнения директив». 8) «Все лучшие силы крайкома, крайисполкома, всю верхушку направить в округа для длительной работы по хлебозаготовкам». 9) Усилить борьбу с самогоноварением¹⁰³.

В «записях Сергеева» также приводится ряд выдержек из речи Сталина: «В то время как мы благодушествовали, кулак и спекулянт не дремали». «Кулак-спекулянт дерется, а мы зеваем». «Кулака надо изолировать». «Надо кулака арестовывать, пока по кулаку не ударите, ничего не выйдет. Неверно, что если по кулаку ударить, то сердняк отойдет. Неверно это. Скажет, действительно Советская власть его»¹⁰⁴.

Затрагивал И. В. Сталин и проблему дефицита промтоваров в деревне. В «записях Сергеева» зафиксирован тезис «Товар не решает вопросы»¹⁰⁵. Позиция генсека по данному вопросу изложена в его шифротелеграмме в ЦК ВКП(б) от 19 января: «Здесь очень распространена вера во всемогущество промтоваров в деле поднятия хлебозаготовок. Не отрицая большого значения промтоваров, надо, однако, признать, что промтовары сами по себе не решают вопроса о ценах на хлеб, являющегося важнейшим делом для крестьянства. Промтовары могут сыграть решающую роль лишь при твердой политике цен

на хлеб, при едином фронте наших заготовителей на основе твердой политики цен, при решительном обуздании спекуляции, при активном руководстве делом заготовок со стороны парторганизаций. Между тем, разнуданная конкуренция наших заготовителей, свободная деятельность спекулянтов и кулаков, попустительство низового аппарата и инертность парторганизаций создали почву для взвинчивания цен, разложили рынок и подорвали заготовки, несмотря на наличие промтоваров»¹⁰⁶. Последнее утверждение лидера большевистской партии не соответствовало действительности. Несмотря на определенные позитивные сдвиги, промтоваров в деревне по-прежнему не хватало.

Предложения генерального секретаря ЦК были полностью приняты, и члены бюро утвердили постановление, в котором, в частности, предлагалось предусмотренные директивой № 101/с антикулацкие репрессии осуществлять «в порядке 107 ст. УК», от имени прокуратуры, «с широким опубликованием приговоров и решений в печати, через сельсоветы»¹⁰⁷. Несмотря на то, что многие участники расширенного заседания бюро крайкома высказывались за снижение плана заготовок для Центра в 60 млн пудов как невыполнимого, Сталин, по его словам, оказал «некоторое воздействие» на присутствующих, добился вынесения решения о его выполнении «во что бы то ни стало»¹⁰⁸.

В целом И. В. Сталин остался доволен реакцией сибирской «партийно-советско-кооперативной верхушки» на его требования. Несмотря на то, что в крае «страшно запоздали с заготовками», «работники готовы разбриться в лепешку для того, чтобы выправить положение»¹⁰⁹.

Впрочем, мнение генсека о необходимости репрессий против зајиточных крестьян и их конкретных методах разделяли не все участники заседания. Председатель правления краисоюза потребительской кооперации Л. С. Стриковский в своем выступлении высказал точку зрения о том, что «деревнюшибко дергать не надо», а основной упор при работе с крестьянами делать на «умелую» агитацию¹¹⁰. Но наиболее известным оппонентом Сталина стал С. И. Загуменный, который после заседания направил ему и секретарю Сибкрайкома С. И. Сырцову письмо. В нем выражалось мотивированное сомнение в политической целесообразности применения ст. 107 УК РСФСР к кулакам за «невыпуск» хлеба на рынок: «Мне кажется, что мы слишком круто поворачиваем». По мнению председателя правления краисельхозбанка, расчет на то, что нажим на кулака заставит середняка продавать хлеб, является ошибочным. «Основная масса середняка и бедноты расценят привлечение кулака к суду только за непродажу хлеба не иначе как возврат в той или иной форме к временам военного коммунизма, периоду продразверстки. Ссылка на закон, какая бы то

агитация иного мнения у мужика не создадут. <...> осуждение кула-ка только за “невыпуск” хлеба приведет середняка к убеждению, что рано или поздно очередь дойдет и до него как держателя известной части хлебных излишков. Первое, с чем мы столкнемся в результате проведения намеченных мероприятий, будет заключаться в повышении ценности хлеба в глазах самой деревни, а отсюда в дальнейшем сокращении предложения его на рынке».

Впрочем, Загуменный не был против репрессий вообще. Он считал, что «кулака надо бить исключительно как скопщика хлеба. При данной конъюнктуре из 10 кулацких хозяйств одно-два уж обязательно занимаются этим. <...> Найти таких кулаков в каждом крупном селе не так уж трудно. Жалеть их крестьянин-середняк, конечно, будет, прав т. Сталин. Пускай жалеет, не в этом дело. Важно то, что в этом случае у него не будет оснований ждать своей очереди в смысле привлечения его к суду только за то, что он излишки хлеба не продает. Ведь он скопкой хлеба не занимается». Тем не менее он полагал, что гораздо более эффективным методом воздействия на крестьян является «взыскание всякого рода задолженности» и сокращение кредитования деревни, в том числе «немедленный» пересмотр ранее принятых решений об отсрочке погашения целевых ссуд, увеличение задаточных сумм на покупку сельхозмашин и расширение перечня машин, подлежащих продаже за наличные¹¹¹.

И. В. Сталин внимательно прочитал письмо Загуменного и сделал на нем ряд пометок: «Мы админ[истративных] мер не исключали», «ха-ха», подчеркнул ряд положений и поставил вопросительные знаки и NB¹¹². Личный ответ оппоненту он дал на закрытом заседании бюро Сибрайкома 20 января¹¹³. Прежде всего генсек отверг предложение о возможном сокращении предложения зерна в связи с применением репрессий. «Те предполагаемые меры, о которых я говорил позавчера, ударят по кулаку, скопщику, чтобы не было взвинчивания цен. И тогда крестьянин поймет, что, значит, цены повышаться не будут, значит, нужно вывозить хлеб, а то еще попадешь в тюрьму». Более того, в других регионах силовое давление на скопщиков и кулаков дало положительный эффект, и объемы заготовок на Украине, в ЦЧО и на Северном Кавказе стали увеличиваться¹¹⁴. «Значит, пружину у рынка мы уловили, как раз в точку ударили и этим хлебозаготовки подняли». При этом у слушателей (так же, как и у сегодняшних читателей речи Сталина) создавалось впечатление, что в перечисленных регионах ст. 107 начали применять раньше, чем в Сибири¹¹⁵. Хотя это не соответствовало действительности (см. ниже).

Дезавуировал он и обвинение в ревизии новой экономической политики. Нэп предполагает установление пределов свободы товарооборота и его регулирование. «Наша страна – это не капиталисти-

ческая страна, а страна социалистическая, которая, допуская НЭП, в то же время сохраняет последнее слово за государством, так что мы правильно поступили». Не следует также бояться и недовольства со стороны части середняков. «Останавливаться перед этим нельзя, мы идем вперед, ведем их за собой вперед, руководим, пусть часть будет недовольных, может быть, это будет меньшинство, но надо и эту часть вести за собой вперед, а остальные отставшие после поймут, в чем дело, и в конце концов все поймут, а если рассуждать так, что некоторые не понимают — это значит застрять на одном месте». В заключение выступления Сталин заявил: «Аргументация силовая имеет такое же значение, как аргументация экономическая, а иногда она имеет даже больше значения, когда портят рынок, всю нашу экономическую политику стараются повернуть на рельсы капитализма, на что мы не пойдем».

20 января Сталин принял участие в обсуждении вынесенного в повестку дня заседания бюро крайкома вопроса о подготовке к весеннеей посевной кампании¹¹⁶, который на первый взгляд прямого отношения к текущему кризису хлебозаготовок не имел. Его основным вопросом была подготовка к весеннеей посевной кампании. Взаимосвязь между двумя проблемами объяснил основной докладчик — заведующий краиземупрлением И. Н. Харламов: «Нажим на верхушечные группы деревни, можно ожидать, вызовет если не сокращение посевной площади, то, во всяком случае, ее стабильность. Поэтому главной задачей предстоящей посевной кампании мы должны поставить расширение посевности средняцкой группы как основной группы деревни, как основной группы хозяйств товарного значения и затем усиление посевности или поднятие посевности в бедняцких группах»¹¹⁷.

И. Н. Харламов и другие выступающие говорили об улучшении семенного материала, внедрении научно обоснованных севооборотов, рационализации животноводства, кредитовании, снабжении деревни сельскохозяйственными машинами и инвентарем, содействии развитию производственной кооперации, помощи бедноте и т. п.

И. В. Сталин говорил не о конкретных мерах подъема аграрного производства, а об общих социально-экономических перспективах. Основным препятствием для поступательного развития сельского хозяйства он назвал его мелкотоварный характер. Господствующий в стране тип мелкого крестьянского хозяйства — «это несчастье для большой страны. Почему? Потому, что такой вид хозяйства не обеспечит применение ни сельскохозяйственных машин, ни научных знаний по улучшению культуры, ни применения удобрения и проч., и проч.» Путь преодоления мелкотоварности производства «по линии кулацких хозяйств как единоличных хозяйств, по линии нарождения крупных сельскохоз[яйственных] фермерских единиц» лидер Комму-

нистической партии отверг как абсолютно неприемлемое по политическим и идеологическим соображениям. «Весь режим советского строя, все наше законодательство, все мероприятия по снабжению деревни сельскохозяйственными машинами — все они идут по линии ограничения единоличного крупного сельского хозяина». В этих условиях «даже средняк, который хочет развертывать хозяйство при таком режиме и условиях, лишен всяких перспектив двигаться дальше. <...> Застрять на одном месте для хозяйства невозможно, идти вниз он не хочет и средняк остается без перспектив».

Единственно приемлемым для правящей партии путем развития сельского хозяйства, по мнению Сталина, является его коллективизация. «Вот единственный путь, на основе которого мы можем развить дальнейшее усовершенствование нашего хозяйства, поднять урожайность втрое, способствовать дальнейшему развитию сельского хозяйства по линии технического усовершенствования, развития сельского хозяйства, по линии подчинения его указаниям научно-экономическим»¹¹⁸.

В день проведения этого заседания бюро крайкома генсек обращался не только к проблемам перспектив развития сельского хозяйства, но и занимался непосредственно хлебозаготовками. В ответ на жалобы руководства Сибирского края он направил жесткую шифротелеграмму первому секретарю Казахского областного комитета ВКП(б) Ф. И. Голощекину, уполномоченному ЦК ВКП(б) по хлебозаготовкам в Казахстане Н. А. Кубяку, секретарям парткомов и заведующим торговыми делами Петропавловской и Семипалатинской губерний. В телеграмме указывалось, что в граничащих с Сибирью районах Казахстана «допущены грубые нарушения хлебных цен», заключающиеся в значительном превышении их синдицированного уровня, «что подрывает в корне заготовку» на смежных территориях Сибирского края. Stalin обвинил заведующих губторготделами перечисленных губерний в нарушении директив СНК СССР и ЦК ВКП(б), а секретарей губкомов — в попустительстве этому и потребовал ликвидации «этых возмутительных безобразий»¹¹⁹.

Вечером 21 января лидер большевистской партии выехал на Алтай. 22 января в Барнауле собрал «кустовое совещание представителей партийных и советских организаций Барнаульского, Бийского и Рубцовского округов по вопросам хлебозаготовок». В своем выступлении в начале совещания Stalin определил ряд причин заготовительного кризиса. «Одна из этих причин состоит в том, что дискуссия [с оппозицией] отвлекла наше внимание, потом легкая победа на съезде, праздничные настроения разъехавшихся со съезда товарищей — в результате чего винтики развинтились». Вторая причина: «Мало нажимали по части [сельско]х[яйственного] налога». Третья,

более принципиальная, на взгляд Сталина, причина заключалась в том, что парткомы отстранились от хлебозаготовок, возложив всю ответственность за их проведение на заготовительные организации. «*Такое отношение к хлебозаготовкам неправильное, не коммунистическое, не марксистское: партийные организации отвечают буквально за все. Первым ответчиком перед страной и рабочим классом является партия. То, что существуют всякие заготовительные организации, ни в какой мере не снимает с нас ответственности, за их ошибки отвечаем мы*». Генсек в связи с этим призвал парторганизации взять на себя всю полноту ответственности за хлебозаготовки и обеспечить выполнение заданий. «*Никаких отговорок и отступлений от плана допускать нельзя. Задание должно быть выполнено. Нужно нажать на это дело по-большевистски*»¹²⁰.

Стенограмма речи Сталина, произнесенной им в заключительной части совещания, не была опубликована¹²¹. В то же время она имеет важное значение для понимания позиции генерального секретаря ЦК ВКП(б) и поэтому заслуживает более детального воспроизведения. Определяя причины «неуязвок в заготовках», он категорически отверг мнение о том, что таковыми являются «внешние обстоятельства»: бураны, нехватка промтоваров, более низкий урожай и т. п. «*Пытаются свалить причины на то, что у нас мало промтоваров. А разве их меньше, чем в прошлом году. Не меньше. Разве в этом году у нас урожай меньше. Не меньше. Что такое промышленные товары. Если вы привезли их и положили в лавку, то вы думаете, что этим решается вопрос. <...> Если наши ЕПО выдают льготный провоз частнику, то товары никакого значения играть не будут. Больше того, бедняк будет ругаться. Летом мы брали хлеб за деньги, беднота и низший слой средняков сдавали его в первую очередь, а теперь мы даем за хлеб мануфактуру, так что здесь есть отрицательная сторона, которая взвинчивает бедноту и средняков и заставляет их ругать Советскую власть. Следовательно, на одной мануфактуре далеко не уедешь. Этот фетишизм неправилен*».

По мнению Сталина, основная причина кризиса хлебозаготовок заключается в недостатках руководства. «*Такой власти, которую мы имеем с вами, нет нигде, она дает нам все возможности командовать и в смысле цен, и в смысле размера заготовок, и т. д. Жаловаться на то, что у нас нет власти, нет прав, когда мы их имеем на 80 %, не приходится. Когда мы занялись выяснением того, где основные причины того, что у нас не вышло дело с заготовками, то мы пришли к выводу, что 2/3 наших ошибок – это ошибки руководства. Мы сами виноваты, потому что у нас прав и власти, сколько хочешь, а пользоваться ими мы не умеем, таким образом – причина в нас самих, в наших организациях*».

«Основная причина из всех причин — мы сами. В самом деле, возьмите такой факт — наши заготовители конкурируют друг с другом. Правильно ли, что вы тем самым заставляете ждать кулака повышения цен. Представьте себе рынок, состоящий из тысячи выступающих на нем единиц. Одна единица может так или иначе использовать вашу борьбу и испортить вам всех остальных на рынке. Вы скажете, ну что же, 2–3 хозяевам я увеличил цену на хлеб, это ничего не значит. Если вы из тысячи единиц развертили 3 единицы и дали им по 2–3 коп. на пуд больше, вы уже испортили и заразили весь рынок выжидательностью. Следовательно, мы теряем темп заготовок, после чего очень трудно добиться его увеличения. Теперь или через несколько месяцев — большая разница. Темп все. А кто в этом виноват. Мы сами и наш заготовительный аппарат». Особо уничтожительной критики вождя подверглась прокуратура. «Прокуратура у нас гнилая, потому что хлам мы отдавали в это учреждение, а между тем как туда надо было отдавать лучших людей»¹²².

В связи с этим Сталин призывал «встрихнуть» заготовительный, кооперативный и партийный аппарат, провести его чистку и привлечь к ответственности виновных в неисполнении или нарушении директивных указаний. «У нас есть закон против нарушителей правил, регулирующих торговлю, который мы считаем нужным применить вовсю против тех отдельных элементов наших заготовительных аппаратов, которые срывают политику цен, которые смыкаются с кулаками против бедноты».

«Крестьянин любит прочную власть, которая не шатается, не нервничает. Мужик — человек устойчивый, он рассчитывает на дальность, а не только на месяц или на час. Наши парторганизации тоже не прочь кричать о том, что ударились в панику, шум разводят и прочее, и прочее, и поэтому не против того, чтобы выдать бумажку на заготовку хлеба частнику. Мы таких коммунистов будем исключать из партии и привлекать к ответственности по 105 статье Уголовного Кодекса. Этот же закон подписан Калинином, нужно привлекать не только кулака, но и своих ребят, чтобы мужик знал, что мы [...].

Я думаю, что основной результат из всех хороших результатов, которые могут последовать за нашими действиями, состоит в том, что мы на этой горячке проверяем стойкость и качество наших собственных организаций: и партийных, и советских, и кооперативных. Вот тут-то и скажется, кто коммунист на деле, а кто коммунист на словах. Проверка своих собственных организаций — партийных, советских и кооперативных, проверка своих собственных людей и наметка на тот случай, когда нужно заменить этих людей, улучшить аппарат и всю политику Советской власти. Ведь если политика правильна, а на местах на деле она проводится неправильно, то грох ей цена».

23 января И. В. Сталин прибывает в Рубцовск, где проводит совещание с местным активом и вызванными им представителями руководства Семипалатинской губернии. 25 января возвращается в Новосибирск¹²³.

По дороге он дает в адрес руководителей восьми округов Сибирского края серию телеграмм, которые имеют аналогичное содержание: «*Могу ли я сообщить Москве, что ваш округ не сдрейфит и готов выполнить честно план заготовок. ... Дайте ответ обязательно сегодня. Сталин*». Отличались они лишь вписанными цифрами¹²⁴. Во введении к 1-му тому «Трагедии советской деревни» написано, что плановые задания в сталинских телеграммах «оказались резко увеличенными»¹²⁵. Их сравнение с утвержденной 21 декабря 1927 г. президиумом Сибкрайисполкома по окружной разверстке годового задания показывает, что Stalin настаивал на его увеличении плана лишь для 4 округов: Ачинского, Канского, Минусинского и Томского (на 7, 11, 6 и 12 % соответственно). В остальных телеграммах плановая цифра не изменилась. Задачей данной переписки являлось не резкое увеличение плана, а недвусмысленный и освещенный личным именем верховой партийной власти приказ выполнить его во что бы то ни стало. Возможно также, что отчасти Stalin таким образом реагировал на просьбы окружного начальства снизить возложенное на них годовое задание.

Ответы (от имени секретарей окружкома, председателей окрискома и начальников окружправлений ГПУ соответствующих округов) Stalin получил в тот же день. Не «сдрейфили» руководители Томского («*Округ готов. Задание будет выполнено*») и Ачинского («*Будет выполнено, все силы мобилизованы, подчинены этой цели. Заверяем [в] нашей готовности иметь 100 % плана. Подтянем весь низовой актив*») округов.

Однако на этот раз нашлись функционеры, которые осмелились возразить вождю. Из Минусинска ответили, что смогут «[с] применением всех сил» выполнить лишь план, утвержденный крайисполкомом (4,026 млн пуд.), напомнив при этом плановую цифру, на которой они настаивали перед началом кампании (2,8 млн пудов). Из Канска также ответили, что берутся выполнить только плановое задание 5,063 млн пудов (Stalin настаивал на 5,63 млн). Руководство Каменского округа выразило уверенность в заготовке 4 млн пудов при плане в 4,27 млн пудов. Красноярск, получивший годовое задание в 3,66 млн пудов, заявил: «*Выполним максимально 3 млн пудов*». Ответ из Иркутска: «*При максимальном напряжении 2 100 000 обеспечиваем выполнение при нашем прежнем плане 1 750 000*» (план крайисполкома для округа составлял 3,66 млн пудов). Тулунский округ при подтвержденном задании в 2,928 млн пудов ответил: «*Максимально сможем заготовить 2 200 000 пудов*»¹²⁶.

26 января генсек присутствовал на очередном заседании краевой «хлебной тройки». Рассмотрев ситуацию с хлебными перевозками, «тройка» санкционировала данное секретарем крайкома С. И. Сырцовым и уполномоченным НКПС по Сибири Г. В. Подшивалиным распоряжение «о прекращении до 1-го февраля всяких внутрисибирских перевозок» хлеба, что должно было позволить существенно увеличить объемы его вывоза на запад. В связи с тем, что «система Сибсельскоюза, не выполняя аккуратно наряды по отгрузке, не провела решение о значительном сокращении у себя остатков заготовленного хлеба», исполняющий обязанности председателя его правления Г. В. Веденяпин отстранялся от должности, а его «дело» передавалось в СибКК. Выговоры с предупреждением за невыполнение «плана перевозок на внесибирские рынки и превышение нормы перевозок внутри Сибири» получили также председатель правления Сибторга М. Т. Зуев, уполномоченный АО «Хлебопродукт» Ф. Н. Баранов и председатель правления краисоюза потребительской кооперации Л. С. Стриковский. Пункты постановления, касающиеся организационных выводов по решению «тройки», были опубликованы в «Советской Сибири» 27 января. Участники заседания также отклонили просьбу Тулунского округа об увеличении плана местного снабжения его городского и промыслового населения хлебом¹²⁷.

Решение по наращиванию отправки зерна в центральные районы страны было реализовано практически немедленно. Через три дня после его принятия генсек телеграфировал в ЦК ВКП(б): «Меры репрессии по линии отгрузок, принятые на днях, возымели действие. 26 января отгружено на Запад 367 вагонов, 27-го – 423, 28-го – 433. Кроме того, поймано за эти дни на линии 150 лишних вагонов внутрисибирского снабжения [и] переадресовано на Запад»¹²⁸.

Рано утром 27 января Сталин прибывает в Омск, где сразу же проводит беседу с представителями Акмолинской губернии по вопросу преодоления разрыва хлебных цен с Сибирью. После этого началось совещание с партийными, советскими и хозяйственными работниками Омского, Барабинского, Тарского округов и Акмолинской губернии¹²⁹. В тот же день генсек отправил шифротелеграмму секретарю ЦК ВКП(б) С. В. Косиору и начальнику хлебоффуражного управления Наркомторга СССР И. Я. Вейцеру, в которой он доложил о первых успехах своего вояжа: «Заготовки стали немного оживляться. Серьезный перелом должен наступить в конце января или начале февраля. При систематическом наложении план заготовок будет выполнен полностью»¹³⁰. 28 января Сталин участвовал в заседании бюро Омского окружкома ВКП(б)¹³¹.

Первый секретарь Сибкрайкома ВКП(б) С. И. Сырцов, который сопровождал высокого гостя в его поездке на Алтай и в Омск, вы-

ступает с инициативой поездки генерального секретаря ЦК в Красноярск для созыва совещания представителей восточных округов края. Сталин «по прямому проводу» интересуется мнением на этот счет находящегося в это время в Минусинске председателя Сибкрайисполкома Р. И. Эйхе. Тот заявляет, что приезд Сталина в Красноярск целесообразен, поскольку «поможет сильнее раскачать аппарат и партактив»¹³².

Генсек едет на восток. Будучи проездом в Новосибирске, 29 января собирает совещание с представителями заготовительных организаций. По дороге в Красноярск посыпает С. В. Косиору и А. И. Микояну телеграмму с предложением увеличить «всем заготовителям» планы заготовок на февраль. «Раскачка уже началась и нужно использовать ситуацию»¹³³. 30-го его поезд уже в Красноярске. 31 января там прошло совещание с представителями Красноярского, Томского, Ачинского, Минусинского, Канского, Тулунского и Иркутского округов, на которое были приглашены и руководители ряда сельских районов. Совещание приняло следующую резолюцию¹³⁴:

«1. План заготовок выполнить безусловно и полностью.

2. Борьбу за усиление заготовок поставить в центре внимания партийных и советских организаций, как окружных, так и особенно районных, отодвинув другие задачи на вторую очередь.

3. Для оздоровления рынка и укрепления советской политики цен организовать удар по спекулянту и кулаку, взвинчивающим цену, не выпускающим товарного хлеба на рынок и грубо нарушающим таким образом 107 ст. Уголовного кодекса.

4. Для предотвращения антисередняцкого уклона и предупреждения продразверсточных настроений удар по кулаку вести на основе советской законности, сталкивая таким образом кулака с советской законностью и организуя тем самым общественное мнение деревни против кулачества.

5. В целях создания прочной материальной базы для такой политики в деревне в данный момент и организации бедноты вокруг советской власти передать бедноте 25 проц. конфискованного у кулаков хлебного излишка в долгосрочный кредит как фонд для удовлетворения семенных, а в случае необходимости и потребительских нужд бедноты.

6. Мобилизовать всю партийную верхушку в районы и села для усиления заготовок и организации реального контроля над низовым заготовительным аппаратом.

7. Всю первую страницу периодической печати посвятить освещению вопросов заготовок и отгрузок, честному выявлению недостатков партийного, советского, кооперативного аппарата, намечению путей для улучшения дела заготовок и отгрузок, взяв за образец газету «Советская Сибирь».

8. Организацию нажима на хлебозаготовительном фронте считать ударной задачей партийных и советских организаций, а самый нажим продолжать вплоть до полного выполнения плана заготовок».

Советская Сибирь. 1928. 29 янв.

1 февраля Сталин отправил в ЦК ВКП(б) текст постановления красноярского совещания, определив его как типичную для «резолюций по заготовкам, обычно принимаемых в Сибири организациями»¹³⁵. Одним из итогов поездки Сталина в Красноярск также стало увеличение годового плана хлебозаготовок по Красноярскому округу на 63 тыс. пудов¹³⁶.

В тот же день генсек отправил наркому торговли СССР А. И. Милютину телеграмму с предложением увеличить заготовительное задание Сибирскому краю на февраль с 13 до 18 млн пудов. «Это подстегнет заготовки. А это теперь необходимо»¹³⁷. 2 февраля в Центр

пошла новая телеграмма: «*Перелом в заготовках начался. За шестую пятидневку января заготовлено вместо обычной нормы 1 миллион 200 тысяч пудов 2 миллиона 900 тысяч пудов. Перелом довольно серьезный. Думаю, что достигнутая норма заготовок будет не только сохранена, но и повышена в известной мере за период до наступления распутицы, если нахождение продолжаться с неослабевающей силой. Февральский план заготовок в 18 миллионов пудов, как видите, вполне реален*»¹³⁸. В той же телеграмме И. В. Сталин сообщил, что выезжает в Москву.

Однако практически сразу после принятия официального решения о резком увеличении краевого заготовительного задания на февраль, генсек требует его дальнейшего повышения. 4 февраля в отправленной из Омска телеграмме он указывает заведующему крайторготделом А. Н. Злобину на то, что вновь разверстанные по округам заготовительные планы «*отстают от темпа заготовок на местах*». «*Вы дали Ачинску на февраль 700 тысяч, тогда как Ачинск за январь сумел заготовить 900 тысяч, а теперь он берется заготовить на февраль более миллиона. Вы дали Омску на февраль 1 миллион 200 тысяч, тогда как Омск, считаясь с уже начавшимся переломом, вынужден сам себе назначить один миллион семьсот тысяч. То же самое произошло с Иркутском, Тулунском, Минусинском. Боюсь, что подобные промашки будут допущены и в отношении других, особенно алтайских, округов. Новая обстановка и условия перелома требуют немедленного пересмотра Ваших планов и приспособления их к действительности в сторону их увеличения. Просьба не отставать от темпа заготовок*». Копия телеграммы направлялась в Сибкрайком ВКП(б)¹³⁹.

Руководители Сибирского края тут же вняли пожеланиям вождя¹⁴⁰, который по дороге в Москву приветствовал увеличение регионального заготовительного плана на февраль до 22 млн пудов. Заявив о необходимости «*всемерного подхлестывания заготовок и отгрузок путем увеличения соответствующих планов*», он поздравил ЦК ВКП(б) с тем, что в январе хлеба в целом по стране заготовили 80 млн пудов. «*Это большая победа партии*»¹⁴¹. Миссия была выполнена.

5. Ст. 107 УК РСФСР и другие инструменты «чрезвычайщины»

Основанная на фактической монополии государственно-кооперативного аппарата и директивном ценообразовании заготовительная система осенью 1927 г. показала свою несостоятельность. Даже небольшое снижение производства зерновых в сочетании с це-

новым волонтизмом вызвало в Сибири и стране в целом острый хлебозаготовительный кризис. В декабре государственные хлебные резервы были практически исчерпаны. В этих условиях усилился административный нажим на региональные власти. Содержание директив из Центра становится все более радикальным, а их тон все более жестким. 6 января руководителей зернопроизводящих регионов предупредили, что если они не добьются быстрого перелома в заготовках, то будут сняты с занимаемых должностей.

Реакцией на угрозу в Сибири стал поиск виновных в продолжающихся заготовительных трудностях. Многие партийные и советские функционеры считали, что заготовительный кризис можно преодолеть лишь силовыми мерами против зажиточных крестьян. Однако масштабы давления на них сдерживались ввиду отсутствия соответствующей законодательной базы, а также из-за опасений быть обвиненными в проведении антинэповской линии. Способ решения данного вопроса предложил краевой прокурор, 9 января направив в краевую «хлебную тройку» записку, в которой указал на необходимость привлечения «должателей крупных запасов хлеба» к уголовной ответственности по ст. 107 УК РСФСР. Основываясь на данном предложении, бюро Сибкрайкома 17 января утвердило секретную директиву № 101с, в которой органам ОГПУ поручалось в основных хлебозаготовительных районах провести аресты и привлечь к уголовной ответственности нескольких кулаков, располагающих большими запасами хлеба.

Однако сомнения в правомерности подобных чрезвычайных мер у сибирских властей все же оставались. Тем более, что обращение к ст. 107 применительно к крестьянам было некорректным с юридической точки зрения. Сомнения развеял прибывший в Сибирь И. В. Сталин, который поддержал идею использования данной статьи¹⁴², но указал на необходимость проведения арестов кулаков не по линии ОГПУ, а в «законном порядке» — через прокуратуру (см. выше).

Позднее в связи с этим С. И. Сырцов вспоминал: «Мы на свой страх и риск дали директиву о репрессиях против кулака в каждом заготовительном районе. Моя поездка в Барнаул, Рубцовку показала, что и ряд местных работников к этому склоняется. И мы дали директиву ОК, считая, что ее нельзя задерживать, хотя уже знали, что едет тов. Сталин. Отношение тов. Сталина к этой директиве показало, что существование нашей линии совпало с линией ЦК. Тов. Сталин значительно дополнил директиву, напомнив нам то, что не было нами учтено. Мы базировались только на аппарате ГПУ, рассчитывая на его точность, а тов. Сталин ввел корректив в сторону большего использования законности»¹⁴³. Stalinский «корректив» был

официально принят 18 января на заседании бюро Сибкрайкома ВКП(б) (см. выше).

Санкционировав применение в Сибири ст. 107 УК РСФСР к за-житочным крестьянам, не только скупающим, но и задерживающим реализацию произведенного ими же зерна, И. В. Сталин сообщил об этом в Центр¹⁴⁴ и тем самым фактически распространил подобную практику на другие регионы страны. Однако новая трактовка статьи длительное время не сопровождалась официальными юридическими разъяснениями, что в условиях сложившейся политической конъюнктуры побуждало местные власти к ее граничащему с произволом предельно расширительному толкованию.

Так, руководители судебных и карательных органов Сибирского края, исполняя решение бюро крайкома от 18 января, разослали на места циркуляр об особом порядке применения ст. 107 в отношении «держателей особо крупных запасов хлеба исключительно из числа кулаков, как скупающих хлеб, так и не выпускающих имеющиеся у них хлебные излишки на рынок. <...> (хотя бы эти запасы были собственного производства)»: 1) Расследование по всем делам «этого рода» поручалось производить органам ОГПУ. Прокуратура подключалась на стадии выдачи ордера на предварительный арест, который следовало осуществлять в отношении всех обвиняемых. 2) Дела, подлежащие рассмотрению в судебном порядке, должны были определяться «особой тройкой по хлебозаготовкам с участием уполномоченного по хлебозаготовкам, а где таких троек нет, по согласованию с секретарем райкома ВКП(б)». 3) «Все хлебные запасы» обвиняемых подлежали «немедленному» аресту и описи. 4) Следствие надлежало завершить в суточный, «а в исключительных случаях не более как в трехдневный срок». 5) Для скорейшего рассмотрения дел проводить выездные сессии окружных судов «в составе председательствующего – члена окружда или квалифицированного нарсудьи – коммуниста и нарзаседателей из местных крестьян по персональному подбору райкома ВКП(б), обеспечивающего безусловное выполнение данной директивы»; «как общее правило, слушать дела без участия обвинения и защиты, допуская таковые только лишь в случае необходимости устройства, по решению тройки, широкого показательного процесса». 6) «В приговорах выездных сессий ни в коем случае не следует приводить в качестве мотивов указания на возможность срыва хлебозаготовок действиями обвиняемых, ограничивая эти мотивы приговора указаниями на противозаконность спекуляции, взвинчивание цен, на агитацию со стороны обвиняемых за невыпуск хлеба на рынок и т. д.». 7) Приговоры должны были обязательно сопровождаться «конфискацией всех излишков хлеба, мяса и промтоваров». 8) «Ни в коем случае не допускать оправдательных или условных приговоров».

9) «Кассационным коллегиям взять линию на безусловное утверждение всех приговоров выездных сессий суда, не допуская ни смягчения приговоров, ни удовлетворения кассационных жалоб. Такую же линию должен иметь окрпрокурор при рассмотрении дел в порядке надзора»¹⁴⁵.

Каких-либо количественных критериев для привлечения крестьянина к уголовной ответственности по ст. 107 первоначально выработано не было. Лимит превышения допустимых запасов хлеба был впервые определен в подписанной И. В. Сталиным 13 февраля директиве ЦК ВКП(б) «Первые итоги заготовительной кампании и дальнейшие задачи партии». В ней указывалось, что к суду должны привлекаться крестьяне, имеющие «излишки» в 2 тыс. пудов и более¹⁴⁶. Затем были приняты порегиональные лимиты. Для Сибири предельная цифра в 2 тыс. пудов осталась неизменной¹⁴⁷.

Но поскольку хозяйств с такими запасами было мало, то местные органы с установленными нормами «излишков» фактически не считались. Призывая к этому своих подчиненных, С. И. Сырцов заявил: «Мы этих крупных держателей, как общее правило, сейчас не имеем, и если бы мы приняли в голой форме, просто провели бы резолюцию ЦК, мы закрыли бы возможности дальнейшего применения 107 статьи. <...> нет опасности в том, что организации будут применять 107-ю статью, не ограничивая себя рамками политбюровских 2000 пудов. Партийная организация сумеет ударить по действительному кулаку, хотя бы этот кулак располагает количеством пудов меньшим, чем указано в решениях ЦК. Важно не то, каким количеством пудов хлеба располагает кулак для срыва рынка, нашего плана, а важны те возможности, которыми он сможет оказать влияние на всю деревню. Если кулаку удалось разбазарить свои запасы — это не значит, что мы его не можем трахнуть 107 статьей»¹⁴⁸.

Применение ст. 107 УК РСФСР имело не сплошной, а выборочный характер. Уголовной ответственности подлежали не все располагающие запасами хлеба кулацкие хозяйства, а лишь некоторые из них. Директива 101/с от 17 января и постановление бюро Сибкрайкома от 18 января предусматривали репрессии в отношении 4–10 кулацких хозяйств «в каждом из основных хлебозаготовительных районов» (см. выше). 12 марта бюро крайкома обязало окружкомы ВКП(б) «в основных хлебных районах дополнительно провести на район 2–4 процесса по 107 статье»¹⁴⁹. Нужно было не разорить всех зажиточных крестьян (время для «ликвидации кулачества как класса» еще не пришло), а напугать их.

Но главным объектом психологического давления были не они. Действительно, зажиточные слои сибирской деревни реализовали к этому времени лишь незначительную часть запасов зерна. Но

подобное поведение являлось для них обычным. Зажиточные крестьяне почти всегда продавали основную массу своего хлеба в конце зимы — начале весны. Осенью и в начале зимы зерно должны были вывозить на рынок бедняки и середняки. Беднота, на долю которой, согласно официальной статистике, приходилась незначительная часть товарных запасов, влиять на ход заготовок не могла. Заготовительный кризис стал следствием отказа от реализации хлеба прежде всего среднего крестьянства, поскольку именно середняки являлись держателями большей части запасов хлеба¹⁵⁰. И «хлебная стачка» осени — начала зимы 1927/28 г. была не столько «кулацкой», сколько середняцкой. Власти, и центральные, и местные, это прекрасно понимали. Репрессии против кулаков были направлены на то, чтобы заставить основных держателей хлеба — середняков — ускорить его реализацию.

Нам представляется, что и генсек, несмотря на его публичные утверждения, и сибирские лидеры прекрасно понимали, что главными «виновниками» хлебного кризиса являются не кулаки, а середняки, и, направляя удар против кулачества, метили в первую очередь в среднее крестьянство. Если судить по словам С. И. Загуменного, то участники «исторического» заседания бюро Сибкрайкома 18 января 1928 г. без обиняков рассчитывали на «создание морального эффекта в массах середняка» и указывали на то, что «нажим на кулака заставит середняка повезти хлеб на рынок. Середняк скажет: “Вот это — власть. С ней шутить нельзя. Она требует исполнения своих законов”»¹⁵¹. 10 февраля первый секретарь Сибкрайкома С. И. Сырцов в направленной телеграфом в адрес окружкомов края директиве указывал, что репрессии против кулаков призваны «отбить охоту середняков следовать примеру кулака»¹⁵².

Впрочем, иногда дело не ограничивалось лишь демонстрацией силы, а доходило до прямых антисередняцких репрессий. Так, «хлебная тройка» Кузнецкого округа дала указание районным властям о привлечении к уголовной ответственности по ст. 107 не только «кулаков», но и середняков (по два на район)¹⁵³.

Аресты по ст. 107 начались сразу же после получения секретной директивы от 17 января 1928 г. По оперативным данным ЭКО ПП ОГПУ по Сибирскому краю, уже к 21 января было арестовано 136 «кулаков». В их числе: в Бийском округе — Семахин И. («кулак, лишенный [права] голоса, имеет несколько батраков и все с [ель]х[оз] машины, на собраниях открыто выступает против бедняков. Изъято зерна 3000 пуд.»), Лактионов М. («кулак, антисоветский тип. Отобрано 1000 пудов»); в Каменском округе — Соловьев А. («кулак, владелец ветряной мельницы, активный противник Советской власти. Взято 1000 пуд. зерна»), Дудник Г. («имеет крупное кулацкое

хозяйство, неоднократно замечен в антисоветской агитации. Взято 2700 пуд.»); в Барнаульском округе — Грязев И. («кулак, распространяет провокационные слухи о войне. Изъято 2000 пудов»), Карпов Ф. («агитирует за несдачу хлеба, говоря, что к весне цены поднимутся. Имеет излишков около 2000 пудов»), в Рубцовском округе — Козлов И. («кулак, имеет большое хозяйство, пользуется наемной силой, ведет постоянно антисоветскую агитацию и является организатором полит-хулиганских выступлений. Взято 800 пуд.»), Скороход Е. («выступает во всех кулацких мероприятиях, пытался организовать дикое с[ель]х[оз] т[оварищество]. Взято 1000 пуд.»), Воронин М. («укрыл посев, удерживает хлеб и говорит, что к весне правительство цены поднимет. Взято 600 пуд.»)¹⁵⁴.

До 29 февраля в сибирской деревне в порядке уголовного преследования по ст. 107 УК РСФСР арестовали 1131 чел. На 15 марта по ст. 107 в крае было осуждено 1044 чел., у которых конфисковали 680,7 тыс. пудов хлеба (в среднем 652 пуда на одно хозяйство), 45 домов, 68 амбаров, 78 мельниц и другое имущество вплоть до запрещенных к изъятию по действующему законодательству предметов домашнего обихода¹⁵⁵. К началу апреля, по неполным данным крайпрокуратуры, число лиц, привлеченных к судебной ответственности по данной статье, составляло 1617 чел.: 1227 из них были названы кулаками, 323 — середняками, 15 — бедняками, 52 — торговцами¹⁵⁶.

Кроме применения ст. 107 и других статей Уголовного кодекса местные органы осуществляли конфискацию хлеба вообще без всякого судебного решения, запрещали внутридеревенскую куплю-продажу зерна и других видов сельскохозяйственной продукции, закрывали базары, проводили массовые обыски с целью выявления излишков, организовывали заградотряды и т. п. Трансформировались методы заготовительной работы низовой кооперации, работники которой стали принимать активное участие в выбивании у крестьян хлеба. Район действия селько разбивался на небольшие участки. К каждому из них прикреплялись кооператоры, которые вместе с сельскими функционерами и активистами устраивали сплошной обход всех крестьянских дворов и вели агитацию за сдачу хлеба. Нередко этот обход превращался в форменный обыск, а агитация — в жесткий психологический прессинг.

Распространенным явлением стала подворная разверстка заготовительного задания. Так, еще 18 января заведующий агентством АО «Хлебопродукт» в Бугринском районе Новосибирского округа сообщал своему непосредственному начальнику в Новосибирске, что уполномоченный райисполкома совместно с членами правления местного потребительского общества на собрании жителей дер. Коткова провели решение о разверстке на крестьян определенных объе-

мов хлебосдачи, «которую принуждают вывезти в 3-х-дневный срок». При этом уполномоченный заявил, что у тех, кто зерно не вывезет, «будут сломаны замки и взято насильно»¹⁵⁷.

Следует отметить, что подобного рода несанкционированные никем, самоуправные действия сельских функционеров, затем квалифицированные как «перегибы», во многом провоцировались давлением на них со стороны окружного и краевого начальства. Невыполнение разверстанных на районы и села заготовительных заданий могло служить основанием для наказания сельских партийных и советских работников в административном порядке, снятия с работы, исключения из партии, привлечения к судебной ответственности по ст. 109 и 111 УК РСФСР¹⁵⁸ как «пособников и попустителей»¹⁵⁹. До начала апреля 1928 г. в Сибирском крае к уголовной ответственности по ст. 111 УК было привлечено 552 сельских функционера, абсолютное большинство которых были работниками сельсоветов и низовых кооперативов¹⁶⁰. По данным председателя крайсоюза Л. С. Стриковского, в кампанию 1927/28 г. в связи с хлебозаготовками подверглись тем или иным репрессиям около 1 тыс. кооперативных работников. Почти половина низового кооперативного аппарата была заменена за неспособность «решать кооперативные задачи в условиях обострения классовой борьбы»¹⁶¹.

Самоуправство местных властей официально осуждалось центральными и краевыми органами управления. С. И. Сырцов в направленной 31 января в адрес секретарей окружкомов, председателей окрискполкомов и краевых уполномоченных по хлебозаготовкам циркуляре указал на то, что «директивы, данные в области тех или иных отступлений от формального требования закона на местах, иногда понимаются как отрицание законности вообще». Так, по ст. 107 УК РСФСР «привлекаются к ответственности в некоторых случаях не кулаки, а крестьяне, имеющие небольшие запасы хлеба (150–200 пуд.)»¹⁶². В директиве ЦК ВКП(б) от 13 февраля предлагалось «решительно устранять перегибы и извращения в практике кампании по усилению хлебозаготовок, переходившие в отдельных случаях в применение продразверсточных методов, как то: разверстка сдачи хлеба по хозяйствам, заградительные отряды между отдельными районами и т. п.»¹⁶³. 24 февраля прокуратура РСФСР потребовала от прокурора Сибирского края отменить положения его совместного с краисудом и ПП ОГПУ циркуляра от 19 января 1928 г. о порядке применения ст. 107 УК РСФСР (см. выше), которые предусматривали проведение процессов по данной статье без участия обвинения и защиты, недопущение вынесения оправдательных или условных приговоров и обязательное утверждение приговоров кассационными коллегиями¹⁶⁴.

Однако за допущенные «перегибы» местных партийно-советских работников наказывали гораздо реже и значительно мягче, чем за невыполнение заготовительных заданий. Например, 13 февраля краевая «хлебная тройка» решила снять секретаря Славгородского окружкома ВКП(б) М. Г. Плешакова с занимаемой должности за то, что округ занял последнее место по выполнению плана заготовок за январь. 8 марта в связи с хлебозаготовками был отстранен от занимаемой должности секретарь Омского окружкома Н. А. Филатов. В то же время «тройка» ограничилась объявлением выговора окружному и окрисполкуму Кузнецкого округа, в котором «при проведении кампаний по хлебозаготовкам, самообложению, крестьянскому займу, взиманию всякой задолженности <...> имели место недопустимые извращения революционной законности»¹⁶⁵. В. М. Молотов на совещании в ЦК ВКП(б) 24 апреля 1928 г. заявил, что он не помнит «случая, чтобы ЦК привлек к ответственности хотя бы один местный орган» за расширительное применение ст. 107 УК РСФСР¹⁶⁶. Таким образом, невыполнение заготовительного задания расценивалось как значительно более недопустимое деяние, чем «извращения» законности. В. П. Данилов, анализируя механизм возникновения «перегибов» на местах, писал о неслучайности того, что именно в начале 1928 г. в обиход местных функционеров вошло выражение: «Лучше перегнуть, чем недогнуть!»¹⁶⁷

На словах осуждая «перегибы», вышестоящие органы власти тем не менее призывали подчиненных опираться не на закон, а на «революционную целесообразность». Более чем показательной в этом отношении является директива Сибкрайкома ВКП(б), в которой констатировалось большое количество арестованных крестьян по ряду округов. «Это заставляет предполагать, что на местах аресты иногда проводятся неправильно. Наша установка должна быть следующей – оперативное воздействие на злостных держателей хлеба (кулаков, деревенских скупщиков, торговцев) и пресечение тем же оперативным путем всяких попыток к террору, возбуждению против нас массы, агитации за несдачу сельхозналога и погашения прочих государственных недоимок. Увлекаться арестами отдельных, брюзжащих кулаков, обиженных репрессиями, а также и арестами крестьян, хранящих незначительные запасы хлеба, никоим образом не следует». В связи с этим в директиве предлагалось при проведении дальнейших арестов исходить из результатов заготовок. «Если хлеб везут и недоимки платят, нажим в смысле арестов нужно соответственно ослабить. При обратном положении вещей нажим необходимо усилить»¹⁶⁸.

Помимо «законных» и самоуправных репрессий в качестве меры для стимулирования заготовок использовалась пропагандистская

обработка деревни, масштабы которой существенно увеличились. В первую очередь власти пытались убедить сельских жителей в том, что успех хлебозаготовок, сбора налогов и мобилизации финансовых средств населения по крестьянскому займу позволит советской власти существенно расширить масштабы помощи крестьянству. Сдача крестьянами зерна квалифицировалась как признак лояльности к существующему режиму, а задержка реализации объявлялась «контрреволюционным» поведением. Агитировали крестьян на сходах, всевозможных собраниях, в избах-читальнях, клубах, на дому. К этой работе привлекался весь деревенский актив, присланные в деревню уполномоченные, сельские специалисты, учителя и даже школьники. С несдатчиками проводили беседования в сельсоветах. При этом местные функционеры очень часто использовали в качестве мер «убеждения» угрозы оружием, избиения, несанкционированные обыски и аресты, лишение крестьян их законных прав, психологический нажим, превращающийся в издевательство.

Чтобы расколоть крестьянство, перетянуть менее состоятельную его часть на свою сторону, власти разжигали в деревне социальные конфликты. 26 января краевая «хлебная тройка», в заседании которой участвовал И. В. Сталин, приняла решение о передаче бедноте в форме семенной ссуды 25 % конфискованного «кулацкого» хлеба¹⁶⁹. В январе – марте 1928 г. в Сибирском крае проведено свыше 12 тыс. бедняцких собраний, в которых приняли участие 382,6 тыс. селян¹⁷⁰. На собраниях рассматривались проблемы, связанные с ходом хлебозаготовок и налоговой кампании, вопросы перераспределения земли в пользу бедняков и т. п. Политика раскола деревни имела частичный успех. С помощью бедноты и батраков были выявлены многие тайники хлеба.

Силовой нажим на деревню вызывал ответную реакцию крестьян, многие из которых открыто высказывали свое недовольство политикой властей и противодействовали ее проведению. Увеличилось число угроз и прямого физического воздействия в отношении сельских функционеров. В январе, по данным информотдела ОГПУ, в Сибири было зарегистрировано 19 «фактов кулацкого террора (главным образом избиения), направленного против работников низового советапарата и сельского бедняцкого актива». В ряде деревень произошли массовые выступления. Так, в с. Смолянка Крутинского района Омского округа 80 бывших партизан, собравшихся около сельсовета, заявили о своем отказе от уплаты сельхозналога. В с. Шипуново того же округа около сельсовета собрались 76 крестьян, заявив «категорический отказ от уплаты [сельхоз] налога, ругая Сов власть и угрожая расправой представителю РИКа»¹⁷¹.

Основным инструментом борьбы с протестными формами поведения крестьян являлась ст. 58 УК РСФСР, предусматривающая наказание за «контрреволюционные преступления»¹⁷². В течение января в Сибирском крае «по обвинению в контрреволюционной деятельности, направленной к срыву хлебозаготовок и налога», арестовали 94 чел.¹⁷³

Применение ст. 107 УК только за хранение собственного зерна в сочетании с принявшими массовый характер «перегибами» произвело в деревне эффект разорвавшейся бомбы. Крестьянство в основной своей массе, испугавшись репрессий, повезло свой хлеб государственным и кооперативным заготовителям. Увеличение объемов заготовок началось уже со второй декады января. Но ожидаемый властями перелом наступил в конце месяца. В шестой пятидневке января было заготовлено 3,1 млн пудов хлебопродуктов, или почти в 2,5 раза больше, чем в пятой. В феврале заготовки достигли наивысшего размаха — 20,5 млн пудов (25 % от годового плана и 186 % от уровня февраля 1927 г.). Однако государство нуждалось в еще большем количестве хлеба — выполнение месячного задания составило 93 %¹⁷⁴. В целом по стране зерна в феврале заготовили в 1,5 раза больше, чем в январе¹⁷⁵.

При этом львиную его долю приобрела находящаяся на переднем крае «хлебного фронта» коопeração. Удельный вес Сибкрайсоюза в централизованных заготовках увеличился с 35 % в октябре — декабре 1927 г. до 48 % в январе и 57 % в феврале 1928 г. В I квартале 1928 г. доля кооперативных заготовителей (крайсоюзов потребительской и сельскохозяйственной коопेरации) составила 83 % при плановом уровне в 58,5 %¹⁷⁶.

Роль коопेरации повысилась не только благодаря усилиям самих кооператоров, но и потому, что ответственность за выполнение календарных заготовительных заданий низовых кооперативов возлагалась на местные советские и партийные структуры. Продукция, приобретаемая государственными заготоворганизациями, в счет выполнения этих заданий не шла, и местные органы стремились направить сдаваемый крестьянами хлеб в коопेरацию. Немаловажную роль сыграло и то, что промышленные товары, которыми в первую очередь снабжались крестьяне, сдававшие зерно, в сельскую местность поступали только через кооперативную сеть.

Успешный ход централизованного хлебозакупа в феврале, помимо угрозы репрессий, определялся возросшим финансовым наложением на деревню. Как указывалось выше, в конце декабря 1927 г. были увеличены паевые взносы в потребительскую коопेरацию, а также перенесены сроки окончания сбора единого сельскохозяйственного налога и обязательного окладного страхования. Одно-

временно усиливался административный нажим на крестьян, не вносящих в срок обязательных платежей и, прежде всего, сельхозналога.

В рамках усиления нажима на недоимщиков окружные исполнкомы края, по требованию краевых властей, «*в порядке революционной целесообразности*» пошли на существенное ускорение процедуры изъятия имущества в счет погашения недоимки. Так, в начале января 1928 г. Барнаульским окрисполкомом было указано на необходимость в течение суток после невыполнения срочного задания производить опись имущества, в первую очередь запасов хлеба. Описанное имущество арестовывалось или немедленно изымалось для хранения. Право утверждения описи, которое следовало произвести в течение суток, помимо райисполкомов получали их члены, а также уполномоченные. Продажу описанного имущества надлежало осуществить в течение суток после утверждения описи. Таким образом, процедура описи и продажи с торгов должна была завершиться за трое суток. Ранее она занимала значительно более длительное время. Лица, «*систематически*» уклоняющиеся от своевременной уплаты налога, привлекались к суду, рассмотрение их дел производилось вне всякой очереди и без производства предварительного следствия¹⁷⁷.

В одном из пунктов резолюции состоявшегося 18 января с участием И. В. Сталина расширенного заседания бюро Сибкрайкома окружным и районным комитетам ВКП(б) предлагалось «*обеспечить энергичное взыскание недоимок по сельхозналогу с тем, чтобы рядkulakov был обязательно подвергнут репрессивным мерам взыскания за несвоевременную сдачу сельхозналога (арест, судебные процессы и проч.)*»¹⁷⁸. До середины мая в целом по краю по ст. 60 УК РСФСР, предусматривающей наказание за «*неплатеж в установленный срок налогов и сборов*»¹⁷⁹, было возбуждено 2663 дела¹⁸⁰.

«Добровольно-принудительные» платежи

Значительные средства у селян изымались по самообложению, порядок которого радикально изменился. В предшествующий период законодательство допускало добровольное самообложение жителей сельских населенных пунктов, предназначенное для реализации их насущных, но не финансируемых государством нужд (от инициативного строительства школы до ремонта поскотины). Решение о самообложении, которое могло иметь денежную, натуральную или отработочную форму, принималось на сходе большинством голосов. Однако принятые постановление не было обязательным для лиц, не принимавших участия в сходе «*или хотя и принимавших в нем уча-*

стие, но не участвовавших в голосовании или голосовавших против принятого постановления». Взносы по самообложению чаще всего были уравнительными, раскладка проводилась по дворам, числу их трудоспособных членов, едокам¹⁸¹.

В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г.¹⁸² принятое на сходе решение о его проведении становилось обязательным для всех жителей села. Неуплата преследовалась по налоговому законодательству. Размеры сбора для каждого плательщика привязывались к размерам ЕСХН, а общая сумма по деревне в целом не должна была превышать 35 % оклада сельхозналога текущего года. В конце января 1928 г. органы верховой власти РСФСР предоставили крайисполкамам право «в необходимых случаях» повышать для отдельных районов предельный размер самообложения, а в феврале разрешили увеличивать его для «особо мощных крестьянских хозяйств»¹⁸³.

22 января И. В. Сталин на совещании в Барнауле поддержал предложение о возможности принятия самообложения в размере, превышающем 35 % оклада сельхозналога. «Ни каким законом не воспрещается брать больше, если на это есть согласие села. Я могу указать на ряд примеров. На Украине, например, самообложение составляет иногда 150 % сельхозналога, потому что так хотело село, на исправление дорог, на постройку школы и т. д. Если село желает повысить процент, то мы не можем смотреть на свой закон, как язычники»¹⁸⁴.

Юридически сход мог и не принимать решение о самообложении. Однако местные органы были обязаны добиться его проведения во всех без исключения селениях. С этой целью им разрешалось созывать повторные сходы, которые обладали правомочностью «при любом числе собравшихся». Обычный кворум составляла половина селян. В связи с этим достаточно распространенными были случаи, когда решение о самообложении принималось на повторном собрании, созывавшемся сельсоветом через несколько часов после первого (либо отказавшегося от этого, либо несостоявшегося из-за някви жителей) схода и на котором присутствовало 10–15 чел. Еще раз сход назначался тогда, когда жители деревни принимали недостаточную с точки зрения властей сумму обложения или нарушили «классовый принцип» его раскладки. Необходимые для местных властей решения часто достигались с помощью «запугивания и административного нажима»¹⁸⁵.

Подобными способами властям удалось навязать самообложение населению абсолютного большинства сельских населенных пунктов. Сумма принятого в начале 1928 г. по Сибирскому краю самообложения достигла 8,4 млн руб., составив 37,7 % к размеру единого сельхозналога¹⁸⁶. При этом наряду с принятием рекомендованных или более

низких размеров сбора в ряде случаев принимались более высокие ставки. Сибкрайфинотдел отмечал «искажение» директивы об увеличении размеров самообложения для «кулацких эксплуататорских хозяйств», в результате которого «допускался произвол, доходивший до прямого раскулачивания. Сельсоветы, а иногда при непосредственном участии райисполкомов и представителей окружных центров проводили чрезмерное переобложение отдельных групп хозяйств, доводя увеличение до 300, 400, 500 и даже в отдельных местах до 1000 % к сумме сельхозналога. В результате такого произвола – полное разорение отдельных хозяйств, распродажа за бесценок описанного у них на покрытие платежей по самообложению имущества, причем покупателями являлись кресткомы, кооперация и даже райисполкомы»¹⁸⁷.

«Перегибы» при «самообложении» деревни были типичным явлением для всех регионов страны. Уполномоченный Политбюро по хлебозаготовкам на Северном Кавказе А. И. Микоян 30 января 1928 г. в шифровке находившемуся в Сибири И. В. Сталину сообщал, что «кубанская верхушка нажала чересчур на казаков, так они постановили самообложение [в] три с половиной миллиона рублей провести [и] собрать полностью [в] течение семи дней пшеницей. Это вызвало громадный вой [в] станицах, нагнав панику. Я дал указание кубанцам – бедноте [и] середнякам продлить [сбор], дать максимум льгот беднякам, чтобы сколотить фронт против кулачества»¹⁸⁸.

Важное место в так называемой мобилизации денежных средств деревни отводилось специальному крестьянскому займу¹⁸⁹. О значении, которое придавалось его распространению, можно судить по тому, что данная задача рассматривалась как одно из основных направлений деятельности краевой «хлебной тройки»¹⁹⁰. На первом задании 12 января 1928 г. «тройка», рассмотрев вопрос о займе, приняла решение разверстать полученное из Центра контрольное задание по его реализации по округам, увеличив план сбора на 10 %. Дополнительные 10 % доводились до основных хлебопроизводящих округов. В округах контрольные цифры распределялись по районам. Ответственность за выполнение возлагалась на секретарей райкомов ВКП(б) и председателей райисполкомов, которые должны были проводить работу по реализации займа «в ударном порядке». 90 % разверстанной суммы надлежало собрать до 1 апреля текущего года, а 100 % – не позднее 1 мая¹⁹¹. 21 января «хлебная тройка» предписала окрисполкомам добиться, чтобы каждое село получило определенное задание и сроки его исполнения¹⁹².

Существенное значение вопросам распространения крестьянского займа придавал И. В. Сталин. 23 января он направил в адрес секретаря ЦК ВКП(б) С. В. Косиора и наркома финансов СССР Н. П. Брюханова телеграмму, в которой назвал «преступной» задержку с при-

сылкой облигаций в Сибирь, добавив, что «отсутствие на местах этих облигаций подрывает дело выкачки денежных излишков». 25 января Сталин вновь потребовал от тех же адресатов максимального ускорения выпуска облигаций и указал на необходимость в первую очередь удовлетворить потребность в них «наиболее хлебных районов». «Без этого выкачка денежных излишков невозможна». 26 января Н. П. Брюханов информировал Сталина об отсылке в Новосибирск первой партии облигаций скорым поездом¹⁹³.

С точки зрения действующего права приобретение займа являлось добровольным. Однако надеяться на то, что крестьяне без всякого понуждения купят облигации на сумму, составляющую около 50 % оклада сельхозналога¹⁹⁴, было делом абсолютно нереальным. Выступивший на заседании бюро крайкома 18 января временно исполняющий обязанности заведующего крайфинуправления Басович в связи с этим заявил, что преподанный Сибири план реализации займа «без элементов принудительности не выполнить». Подобную позицию разделял И. В. Сталин. В «записях Сергеева» зафиксировано его суждение: «Необходимо допустить распространение займа в добровольно-принудительном порядке»¹⁹⁵.

Невыполнение заданий по крестьянскому займу могло стоить сельским функционерам наказания в служебном или партийном порядке, вплоть до снятия с работы и исключения из ВКП(б). Поскольку никаких административных рычагов для понуждения крестьян к покупке облигаций не было, местные власти широко использовали методы внеэкономического стимулирования распространения займа. Общепринятыми мерами «общественно-морального воздействия» являлись: рассылка специальных извещений каждому крестьянскому хозяйству с указанием желательных размеров участия в приобретении займа, агитация на дому, собеседование в сельсоветах, вызов лиц, не подписавшихся на заем, на собрания, публикация их фамилий на так называемых черных досках, увязка предоставления жителям деревни кредитных услуг и дефицитных промтоваров с покупкой облигаций. Широкое распространение получили и действия, позднее квалифицированные как «искривления».

В разосланном на места в середине апреля 1928 г. информационном письме Сибкрайфинотдела¹⁹⁶ к таковым, в частности, относились: подворная разверстка; угрозы арестами, судом, описью и продажей имущества к уклоняющимся от приобретения займа; распределение всего разверстанного на сельсовет задания среди зажиточной части деревни; привлечение в качестве распространителей займа зажиточных крестьян и служителей религиозного культа с возложением на них определенных заданий, а также и ответственности за выполнение этих заданий. В информационном

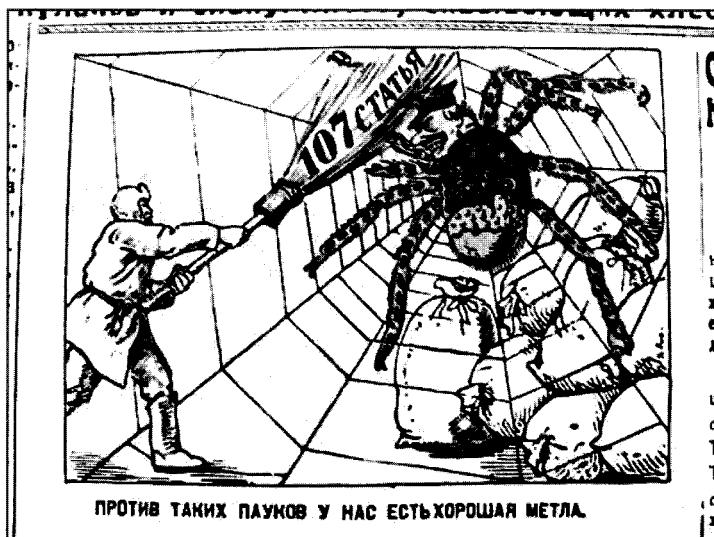
письме приводился ряд конкретных примеров подобных «искривлений». «Члены одного из сельсоветов Куюганского района Бийского округа, распространяя заем, заявляли крестьянам: “Или берите облигации, или готовьте сухари”. В дер. Ежах Томского округа распространитель займа ходил по дворам и передавал приказ сельсовета: “В трехдневный срок выбрать облигации займа на такую-то сумму”. Страхагент Михайловского района Петухов приказал зам. председателя] Михайловского сельсовета Лепетухину в одну ночь распространить заем на 1000 руб. Под влиянием этого приказа Лепетухин ночью вызывал крестьян и под угрозой продажи имущества вынуждал брать облигации. Участковый прокурор в Чумышском районе Барнаульского округа отдал местному [председателю потребительского] общ[ества] распоряжение рассчитывать возчиков облигациями займа. Некоторые лавки Центроспирта не продавали водки лицам, не имеющим облигации крестьянского займа. В одном из сел Минусинского округа уполномоченный РИКа и председатель сельсовета сажали в холодный подвал крестьян, отказывающихся от приобретения займа, а также угрожали 107-ой ст. Уголовного кодекса. Эти же самые уполномоченный РИКа и председатель сельсовета вызывали в сельсовет крестьян по одному и других в это время не выпускали. В с. Леньки Благовещенского района Славгородского округа председатель сельсовета Коломеец отказывал в выдаче справок гражданам, не купившим заем, а в некоторых районах отказывали в регистрации актов гражданского состояния». Широкое распространение получила практика расплаты облигациями за сдаваемый крестьянами хлеб.

6. Колебания линии партии (весенне-летние заготовки)

В начале 1928 г. сибирские власти в качестве основного метода преодоления острого хлебозаготовительного кризиса избрали внешнеэкономическое давление на зажиточное крестьянство, а в качестве базового элемента давления — ст. 107 УК РСФСР. Репрессии против кулаков были направлены на то, чтобы заставить основных держателей хлеба — середняков — ускорить его реализацию. Местные органы проводили конфискацию хлеба не только по ст. 107, но и без судебных решений, закрывали базары, запрещали внутридеревенскую торговлю сельхозпродукцией, устраивали массовые обыски с целью выявления излишков. Усилился финансовый нажим на деревню. Увеличилось товароснабжение деревни. В директивном порядке снижались закупочные цены на животноводческую продукцию, технические культуры.

Следствием применения комплекса репрессивных и административных мер стало преодоление кризиса. Крестьяне существенно увеличили продажу хлеба государственным и кооперативным заготовителям. В феврале 1928 г. в Сибири хлеба заготовили в 1,5 раза больше, чем в предыдущем месяце, и почти в 2 раза больше, чем в феврале 1927 г.

Февральский успех в Сибири вызвал головокружение у центральных планирующих органов. Наркомторг СССР обязал сибирских заготовителей закупить в марте 21 млн пудов хлебопродуктов, что даже несколько превышало рекордный результат предыдущего месяца. Краевые власти, считая, что более 12 млн пудов за месяц в регионе заготовить не удастся, тем не менее были вынуждены принять завышенное задание¹⁹⁷. Чтобы выполнить его, бюро Сибкрайкома ВКП(б) 3 марта приняло решение об активизации сбора денежных средств в деревне в рамках самообложения и размещения займа, а также о «дальнейшем применении» ст. 107 УК, «в том числе и к кулакам, имеющим менее 2000 п. хлеба»¹⁹⁸. 12 марта краевая «хлебная тройка» предложила окружкам в основных хлебозаготовительных районах «дополнительно» организовать по два-четыре процесса по ст. 107, в случае необходимости распространяя ее действие «и на тех явных кулаков, кои имеют не сданных хлебных излишков 500–700 пудов», а полномочный представитель ОГПУ, председатель крайсуда и крайпрокурор в своем циркуляре снизили допустимый минимум до 400 пудов¹⁹⁹.

Сельская правда. 1928. 17 марта

Несмотря на продолжающиеся антикрестьянские репрессии, мартовское задание Наркомторга в Сибири было выполнено только на 56 %. Тем не менее результаты месяца оказались достаточно солидными. Объем централизованных заготовок составил 11,7 млн пудов. Столько хлеба в Сибири в период нэпа в марте еще не собирали. Превышение над бывшим до этого времени максимальным показателем марта 1927 г. составило 93 % (см. табл. 1.1). В целом за январь – март 1928 г. плановые государственные и кооперативные заготовители приобрели в регионе 41,3 млн пудов хлебопродуктов. Это составляло половину от годового плана и превышало результаты заготовок в сентябре – декабре 1927 г. в 1,6 раза. К 1 апреля годовой план в регионе был выполнен на 81 %.

В апреле темпы заготовок резко снизились. Хлеба в крае собрали в 4,2 раза меньше, чем в марте. Установленное для Сибирского края месячное задание в размере 7 млн пудов²⁰⁰ было выполнено лишь на 39 %. Падение объемов заготовок, помимо распутицы, объяснялось изъятием в ходе февральско-мартовских заготовок большей части товарных запасов зерна у зажиточных крестьян, которые в предыдущие годы составляли основной контингент апрельских продавцов хлеба.

К тому же, в апреле фактически прекратилось силовое давление на деревню. Размах репрессивной деятельности местных партийных и советских органов власти в январе – марте как в Сибири, так и в других регионах СССР, был настолько широк, что вызвал крайне негативную реакцию большинства крестьян, включая и тех из них, кто служил в армии²⁰¹. Чтобы стабилизировать политическую ситуацию, было решено пойти на отмену чрезвычайных методов проведения хлебозаготовок. На принятии подобного решения также сказалось приближение весеннего сева. И центральные, и местные власти вполне резонно опасались, что реакцией крестьян на продолжающийся нажим может стать сокращение посевных площадей.

28 марта Наркомюст РСФСР разослал на места секретный циркуляр, содержащий ряд требований, которые следовало соблюдать при рассмотрении дел, связанных с хлебозаготовками. Так, в нем указывалось, что «*применение ст. 58/10 УК должно иметь место только в отношении лиц, использующих хлебозаготовительные затруднения для агитации явно контрреволюционного характера, с исключительной осторожностью следует относиться к привлечению лиц, которые по своей социальной сущности объективно не могут быть врагами советской власти, а сами являются жертвами агитации кулаков и иных вредных элементов деревни*». Ст. 111 УК к работникам государственных и кооперативных организаций

и учреждений нужно было применять «исключительно в отношении лиц, совершивших конкретные преступные действия». Ст. 107 «должна быть заострена, главным образом, против кулацких элементов и зажиточных слоев деревни, препятствующих из корыстных побуждений в целях повышения цен успешному проведению хлебозаготовительной кампании, суд должен иметь в виду, что эти меры не могут быть направлены против всей массы крестьянства». Штраф должен применяться с учетом состоятельности крестьянского хозяйства. «Как мера социальной защиты, он должен быть чувствителен, но ни в коем случае не должен вести к разрушению хозяйства». В циркуляре предлагалось вернуть конфискованный у крестьян «живой и мертвый инвентарь», необходимый для ведения хозяйства²⁰².

31 марта местным органам ГПУ бы разослан циркуляр «О принятии мер в связи со случаями извращения классовой линии советским аппаратом при проведении массовых кампаний в деревне». В нем указывалось на «многочисленные факты неправильных действий низового советарата, носящих нередко характер произвола (насильственное принуждение к вывозу хлеба, приобретению займа и т. п.) путем избиений, угроз оружием, высылкой, арестом ОГПУ и т. п.». В связи с этим предлагалось «обратить особое внимание на все случаи подобного рода», привлекая виновных к судебной ответственности²⁰³.

В конце марта бюро Сибкрайкома ВКП(б) приняло постановление, предусматривающее в связи с предстоящими весенними полевыми работами возможность досрочного освобождения осужденных по ст. 107 УК РСФСР, а также осужденных в связи с хлебозаготовками по ст. 111 УК имеющих крестьянское хозяйство выборных работников сельсоветов и сельской кооперации. Начать досрочное освобождение следовало не ранее 15 апреля, а в отношении осужденных по ст. 107 надлежало придерживаться следующих правил: «1) досрочного освобождения вовсе не применять в отношении явно кулацких элементов, враждебно настроенных к Соввласти, и спекулянтов; 2) в каждом отдельном случае учитывать степень политического влияния осужденного на деревню, отношение к нему крестьян, способы накопления им излишков хлеба и т. д.; 3) соблюдать строжайшую осторожность с тем, чтобы это освобождение не носило характера массовой разгрузки или амнистии»²⁰⁴.

7 апреля от имени Сибкрайкома ВКП(б) и крайисполкома в адрес окружных комитетов компартии и исполкомов телеграфом была направлена директива, которая предписывала перенести «центральное внимание всей парторганизации, советских [и] кооперативных организаций и аппаратов на проведение посевной кампании», «немедлен-

но» прекратить применение ст. 107 УК, срочно рассмотреть «оставшиеся дела по данной статье, подписку на крестьянский заем вести «[в] строго добровольном порядке»²⁰⁵.

Проходивший в это же время в Москве (6–11 апреля) объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) принял резолюцию, в которой в достаточно резкой форме осуждались «извращения и перегибы, допущенные местами со стороны партийных и советских органов» и содержалось требование их «категорической отмены», «немедленной ликвидации» и «объявления им самой решительной борьбы»²⁰⁶. Следует учитывать, что пленум проходил в условиях, когда с помощью осуждаемых с высокой трибуны «извращений и перегибов» ситуацию с хлебозаготовками удалось существенно улучшить. Централизованный хлебозакуп по СССР в январе — марте 1928 г. превышал показатель октября — декабря 1927 г. в 1,8 раза, а выполнение годового плана по заготовкам зерновых на 1 апреля составляло 85 %²⁰⁷.

Отмена чрезвычайных мер, весенняя распутица и сокращение товарных излишков привели к резкому сокращению объемов хлебозаготовок. В апреле 1928 г. централизованные закупки зерна в целом по СССР сократились по сравнению с предыдущим месяцем почти в 5 раз (см.: Приложение, табл. VI). В то же время спрос на хлеб оставался высоким. В связи с этим в конце апреля — начале мая почти во всех губерниях потребляющей полосы кооперативными организациями было введено нормирование отпуска муки населению. Мука выдавалась только пайщикам кооперации по членским паевым книжкам²⁰⁸.

25 апреля в условиях постоянно снижающихся темпов заготовок Политбюро в своей директиве осудило «демобилизационные настроения» местных партийных и советских органов, которые «вместо безусловно необходимого устранения перегибов» пошли на «полный отказ от мер нажима в отношении верхушки деревни» и потребовало «усилить нажим на кулацкую часть и частников, злостно спекулирующих крупными партиями хлеба, применяя к ним директиву ЦК о 107 статье, решительно исправляя имевшие место перегибы и впредь не допуская их повторения»²⁰⁹. После получения этой команды соответствующие директивы о возобновлении применения ст. 107 УК были даны и в Сибири. Определение необходимого количества «объектов» для привлечения по данной статье возлагалось на окружные органы власти, которым также надлежало «тщательно» готовить процессы, проводить судебные заседания в местах проживания подсудимых, обеспечивать «широкую гласность, обвинение и защиту», а также быстроту исполнения приговоров²¹⁰.

В апреле 1928 г. ухудшилось положение и на потребительском хлебном рынке Сибири. Собранного в крае зерна для удовлетворе-

ния внутрирегионального спроса хватило бы с избытком. Однако местные заготов организации в первую очередь должны были выполнять задания по отгрузке закупленной продукции в европейскую часть страны. В связи со значительным невыполнением апрельской заготовительной программы делалось это за счет снижения внутрисибирского снабжения. В результате стал ощущаться недостаток хлебопродуктов в сибирских городах. Показателем значительного превышения спроса над предложением явился резкий рост рыночных хлебных цен. Увеличение цен началось уже в марте. В феврале цена одного пуда пшеницы крестьянского привоза на городских рынках края в среднем составляла 1 руб. 5 коп., в марте — 1 руб. 11 коп., в апреле — 1 руб. 39 коп. При этом в конце апреля жители Канска покупали пшеницу по цене 1 руб. 53 коп., Барнаула — 1 руб. 63 коп., Красноярска — 1 руб. 84 коп., Омска — 2 руб. за пуд²¹¹. В то же время закупочные цены государственных и кооперативных заготов организаций оставались стабильно низкими, и разница между ними и вольными рыночными ценами увеличилась в целом по региону с 23 коп. за пуд в конце марта до 41 коп. в конце апреля²¹². Естественно, что в этих условиях крестьяне стремились остатки своих товарных запасов продавать на городских базарах.

В мае ситуация еще более ухудшилась. Один пуд пшеницы на городских рынках в среднем покупался уже за 2 руб. 2 коп.²¹³, а разница между государственными заготовительными и среднесибирскими рыночными ценами увеличилась до 61 коп. Основной причиной нарастающего превышения спроса над предложением стала минимизация товарных запасов зерна в крестьянских хозяйствах. Более того, хлеба не хватало и в самой деревне. Доказательством этому служит рост цен на сельских рынках региона. Если в январе — марте средняя цена одного пуда пшеницы на них составляла 90—91 коп., то в конце апреля — 1 руб. 8 коп., а в конце мая — 1 руб. 15 коп.²¹⁴

Особенно страдала от недостатка хлеба беднота, которая, доказывая свою преданность советской власти, к этому времени сдала государству даже часть зерна, необходимого для посева и питания. Местные власти, призывая бедняков к продаже хлеба, обещали оказать им впоследствии продовольственную и семенную помощь, но в мае своих обещаний выполнить не смогли. Свободных запасов зерна в крае не было, почти все оно оказалось вывезено за пределы Сибири. Особенно острый дефицит хлебопродуктов ощущался в сельских районах, специализирующихся на производстве животного масла, и в тех округах, руководство которых, для того чтобы выполнить заготовительные задания, с помощью широкомасштабных репрессий вынудило крестьян к сверхнормативной сдаче зерна. Следствием нехватки хлеба были прокатившиеся по Сибири открытые протестные

выступления сельских жителей, основными участниками их стали крестьянки (так называемые бабы волынки).

Особую тревогу властей вызвали события в Карасукском районе Славгородского округа, которые анализировались на бюро Сибкрайкома ВКП(б)²¹⁵. Выступлению в Карасукском районе предшествовали волнения в Славгороде, связанные с недостатком муки для снабжения так называемого тарифицированного населения. Для достаточного снабжения города мукою требовалось 8 тыс. пудов в месяц. С января, в связи с сокращением объемов хлеба, направляемого на внутрирегиональное снабжение, отпуск муки через потребкооперацию уменьшился до 1 тыс. пудов. До апреля горожане покрывали недостачу хлеба за счет приобретения его на рынке у крестьян. Сокращение крестьянского подвоза вызвало острый хлебный кризис. Очереди в магазинах достигали 150–200 чел. 7 мая толпа обозленных жителей города двинулась к конторе городской потребкооперации, затем захватила здание окрискомитета, требуя хлеба. Власти уступили давлению. Была организована запись нуждающихся. По распоряжению окрискомитета населению была выдана мука не только в счет майской, но и июньской норм снабжения²¹⁶.

Слухи о раздаче хлеба нуждающимся через возчиков, отвозивших в Славгород на очередные сборы красноармейцев-переменников, дошли до с. Карасук. 14 мая группа до 120 его жительниц, «побунтовав» в течение дня возле райисполкома, добилась от председателя раздачи хлеба. В с. Содомном 20 мая крестьянки «захватили ключи от кооперативного амбара, задержали 4 подводы хлеба к отгрузке и разграбили 132 пуда хлеба, который был раздан выступавшим женщинам».

Аналогичные выступления затем произошли в Полойке, Казанаке, Половинном и Ореховом-Логу. «В этих селах движение носило довольно сильный характер. Толпы женщин насилино захватили ключи от кооперативных амбаров, не подпускали к себе представителей власти, пытались учинить по отношению к ним физическое воздействие, затем устраивалиочные дежурства по 18–20 человек. В числе дежуривших были старухи 60 лет и женщины с детьми. В селе Казанаках женщины повесили свой замок, так что там на амбаре, где был хлеб, висело два замка: один кооперативный, а другой женский. В течение 3-х дней отгрузка хлеба из этих сел была задержана». По утверждению выезжавшей в Карасукский район для изучения ситуации заместителя заведующей женотделом крайкома А. Р. Подчасовой, «фактически Советской власти в этих селах в дни выступления не было: не было ни сельсовета, ни ячейки, ни кооперации, которые бы попытались каким-нибудь образом путем воздействовать на это движение. Кооператоры просто зая-

вили, что они боялись, что над ними учинят самосуд. Все работники боялись подходить к бунтовавшим женщинам в одиночку, потому что действительно женщины были так враждебно настроены, что они дергали подходивших, на стороже сельсовета разорвали рубаху, к председателю сельсовета подходили с дубинкой [...], когда же подошел к ним учитель, они его чуть не избили и требовали снятия кожаной тужурки, так как он продался комиссарам. Словом, движение носило не такой мирный характер, как сначала нам об этом говорили. Это был настоящий бунт».

Оценила А. Р. Подчасова и поведение мужской части населения этих сел. «Оказывается, что в момент этих выступлений во всех этих селах, когда забирали насилино ключи, когда грабили хлеб, устраивали дежурства, ни один бедняк, ни одна группа бедноты или середняков из мужской части населения, никто ни в одиночку, ни организованным порядком этому движению не противодействовал. Местные работники пытались объяснить это непротиводействие тем, что мужики были на пашне. На самом деле оказалось, что в селе, где происходил грабеж, было воскресенье, мужики были в это время дома, стояли в стороне и ухмылялись, но никакого противодействия не оказывали и активного участия не принимали. Они явно сочувствовали и молчаливо поддерживали. Больше этого, на бедняцких собраниях в 3-х селах, когда мы обсуждали этот вопрос, мы пытались всякими путями выявить отношение мужчин бедняков и середняков к этому делу. Несмотря на наши попытки, ни один бедняк не выступил членораздельно за осуждение этих выступлений. Правда, выступил только один с объяснением причины. Он сказал, что «бедноте все время говорили, что когда будут проведены государственные заготовки, тогда вас будут снабжать. Этого хлеба мы не имели и мы боялись, что будет голод, а потому женщины учинили бунт». Никакого осуждения этому движению вынесено не было. Когда мы спрашивали отдельных бедняков: если бы женщины разграбили все амбары, как бы вы посмотрели на это дело? Почему вы в данном случае не противодействовали выступлению женщин, почему вы не обратили на это внимания? Они нам отвечали: «Что же, теперь женщина равноправна, что хочет, то и может делать, мы же тут ничего не могли сделать». Конечно, товарищи, это была хитрая отговорка, за которой кроются другие мысли. А втихомолку мужики поговаривали, бабы выступят, им за это ничего не будет, их не покарают. Отсюда мы сделали вывод, что это движение было не женским, это было движение деревенской бедноты и середняков в лице женщин, которых использовали кулаки, решившие открыто выступить за срыв хлебозаготовительной кампании»²¹⁷.

С тем чтобы погасить недовольство бедноты, состоявшееся 3 июня «краевое совещание по хлебозаготовкам» рекомендовало «в районах, где будет установлен нормальный ход хлебозаготовок, допустить в некотором размере удовлетворение строго проверенной нужды в продовольственном хлебе бедняцких хозяйств, отнюдь не допуская при этом никаких специальных бронировок хлеба»²¹⁸.

Показателем минимизации товарных запасов хлеба в регионе стало дальнейшее снижение объемов централизованных заготовок. Хлеба в мае в Сибири собрали в 2 раза меньше, чем в апреле. Месячный план, утвержденный в размере 3,5 млн пудов²¹⁹, был выполнен на 27 %. Резкое сокращение заготовок произошло и в других хлебопроизводящих регионах страны. Вследствие этого в очередной раз ухудшилось снабжение потребляющих центров. В зерне для пересева погибших озимых нуждались Северный Кавказ и Украина. В создавшихся условиях большевистский режим решил ужесточить давление на деревню. В регионы «для усиления хода хлебозаготовок» в качестве уполномоченных вновь направлялись члены ЦК ВКП(б).

В Сибирь был направлен секретарь ЦК ВКП(б) С. В. Косиор²²⁰, который потребовал от регионального руководства непременного выполнения развернутого на край заготовительного задания на июнь. 3 июня в Новосибирске состоялось «совещание по хлебозаготовкам», в котором приняли участие руководящие работники краевых партийных, советских, хозяйственных и заготовительных органов, делегаты от всех округов Сибирского края, представители Казахской АССР и Уральской области. Участники совещания, признав «исключительную серьезность обстановки в связи с недоснабжением промышленных районов Союза ССР хлебопродуктами вследствие недовыполнения производящими районами своих обязательств по хлебозаготовкам и неэкономного расходования хлеба (в значительной доле падающего и на Сибирский край)», решили «установить на июнь твердый план заготовок в общих цифрах по Сибкраю ни в коем случае не менее, чем в 5–5,5 миллионов пудов, который может и должен быть выполнен при всяких обстоятельствах». Для достижения цели следовало использовать все имеющиеся «рычаги воздействия на хлебозаготовки», включая ст. 107 УК РСФСР и финансовый нажим.

Местным органам рекомендовалось «развернуть широкую политическую кампанию и массовую работу как в промышленных районах, так и особенно в деревне по всестороннему разъяснению рабочим и крестьянам: а) создавшейся обстановки в деле снабжения промышленных центров хлебом, б) оказанной крестьянству, и в первую очередь бедноте, государственной помощи семенами, кредитами, в) снабжения

промышленными товарами и г) лежащих на нас обязательствах перед государством». Всем газетам края надлежало «решительно вскрывать все факты искусственно создающихся очередей за хлебом, порождаемых паникой вследствие распространения злостными элементами ложных слухов о вывозе хлеба за границу и пр.». Июнь должен был стать месяцем «исключительным по напряжению для всех организаций, заготовительного и кооперативного аппарата, по поднятию темпа и качества работ»²²¹.

В этих условиях существенно возрос размах антикрестьянских репрессий. Краевой прокурор и председатель краевого суда в докладе прокурору РСФСР от 31 июля 1928 г.²²² констатировали, что в IV квартале кампании «основным методом законного понуждения хлебодержателей к выпуску хлеба на рынок» оставалось применение ст. 107 УК РСФСР. По неполным данным, по данной статье с 1 апреля по 15 июля в крае осудили 622 чел. 26 из них были официально признаны середняками. Объемы конфискуемого хлеба составляли 150–250 пудов на хозяйство, тогда как в январе — марте эта цифра достигала 400–500 пуд. Одной из особенностей правоприменительной практики стало превышение числа возбужденных дел по сравнению с количеством дел, заслушанных в судебном заседании (в «отдельных округах» на 50–70 %). В связи с этим авторы указали на то, что «отдельными работниками возбуждение дел по 107 ст. УК (вне зависимости от того, можно ли было возбужденное дело передать на судебное рассмотрение) практиковалось как мера понуждения к выпуску хлеба на рынок. В некоторых случаях эта мера оправдывала себя».

В докладе особо отмечалось, что «если в первой половине кампании основным критерием при обсуждении вопроса о привлечении того или иного держателя хлеба к ответственности было количество имевшихся у него хлебных излишков, во второй половине кампании учитывался ряд привходящих моментов, обуславливавших “злость” того или иного держателя хлеба». «Злость», как правило, определялась следующими обстоятельствами: «а) раздача излишков бедноте якобы в долг, а иногда бесплатно (“когда-нибудь сочтемся”); б) скрытие хлебных излишков должностными лицами или близкое родство последних с укрывателями (в Славгородском округе укрывал хлеб один из уполномоченных РИКа по хлебозаготовкам); в) скупка хлеба (в первой половине кампании основным признаком был невыпуск хлеба на рынок и почти не было ни одного установленного случая скупки); г) скрытие хлеба в тайниках, в лесу под видом отправки на посев (“квалифицированное скрытие”)».

Усилившееся давление на сельских функционеров, обвиняемых в бездействии, спровоцировало еще большую, чем в начале года, волну «перегибов». На местах в ход вновь пошли продразверсточные мето-

ды заготовок: подворный обход всех крестьян, проверка амбаров, повальные обыски, обложение заданиями по хлебосдаче всех хозяйств. Крестьян заставляли сдавать страховые и даже необходимые продовольственные запасы.

В вышеупомянутом докладе крайпрокуратуры и крайсуда отмечалось, что «нарушения революционной законности со стороны работников партийного и советского аппарата при проведении кампании хлебозаготовок были явлением частым». «Так, например, повальное производство обысков имело место во всех округах; целью обысков было выявление излишков хлеба, причем обыски производились под предлогом обнаружения самогона. В Алейском районе Барнаульского округа райком и РИК поручили милиции произвести повальный обыск хлеба под видом изъятия самогона. Ни самогона, ни хлеба не обнаружено. Крестьяне возмущены. Сплошь и рядом обыски, помимо значительного политического вреда, не дают и экономического эффекта. Нач[альник] Чистюньского РАО Барнаульского округа произвел обыск по 44 дворам. Учтено излишков 330 пудов. Уполномоченный ГПУ там же в 28 домах учел 440 п. излишков. Там же также милицией в другом селе 78 домохозяев обысканы безрезультатно. В Коуракском районе Новосибирского округа произведены массовые обыски под видом описи за неплатеж самообложения. Никаких результатов. В Рубцовском округе один из сельсоветов с кооператорами создали сельтройку по учету излишков. Обследовали 150 дворов; партийцы с. Зимины произвели массовый обыск – население возмущено.

В Омском, Рубцовском и др. округах создавались сельские тройки и комиссии, которые производили раскладку по дворам количества хлеба, подлежащего сдаче, несдача хлеба влекла различного рода репрессии, не менее распространены случаи реквизиции хлеба. В селе Володарском Барнаульского округа уполномоченный РИКа обнаружил у крестьянина-средняка 100 пудов хлеба. Хлеб конфисковал, дело передал в нарсуд. Нарсуд дело прекратил, за конфискованный хлеб возвращено деньгами. В Минусинском округе в 3 селах при обысках хлеб отбирали, за него уплачивалось деньгами. В Каменском округе хлеб отбирался на базарах по твердым ценам. Разгон и закрытие базаров имело место в нескольких случаях.

Весьма большие извращения были допущены местами в области проведения самообложения и распространения крестьянского займа. Социальное и имущественное положение крестьян[ских] хозяйств подчас совершенно не учитывалось. Крестьянский заем распространялся принудительным порядком – в уплату расprodавались за бесценок средняцкое, а иногда и бедняцкое хозяйства»²²³.

В итоге централизованный хлебозакуп в крае в июне увеличился по сравнению с предыдущим месяцем более чем в 3,2 раза и составил 4,2 млн пудов. Тем не менее принятую сибирским руководством на месяц заготовительную программу выполнить не удалось. В целом по СССР заготовки зерновых выросли с 17,9 млн пудов в мае до 22,5 млн пудов в июне (см.: Приложение, табл. VI).

Увеличение заготовок в июне ситуацию на потребительском хлебном рынке Сибири не улучшило. Зерно по-прежнему в ущерб внутренним потребностям вывозилось из региона. Рост рыночных цен на хлебопродукты в крае продолжался. Цена одного пуда пшеницы на сельских рынках в конце июня составляла 1 руб. 29 коп., в конце июля — 1 руб. 35 коп. На самом высоком уровне держались цены в городах маслодельческих округов. В начале июля жители Татарска покупали один пуд пшеницы за 2 руб. 75 коп., один пуд ржи — за 1 руб. 77 коп., жители Барабинска — соответственно за 3 руб. 57 коп. и 2 руб. 56 коп.²²⁴

Нараставшее ухудшение продовольственного и политического положения в стране привело к тому, что состоявшийся в июле 1928 г. пленум ЦК ВКП(б), по инициативе Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и их сторонников, вновь заявил о необходимости прекращения чрезвычайных мер в сфере хлебозаготовок. В резолюции пленума осуждались допущенные местными властями «перегибы» и содержалось требование «немедленной ликвидации» «практики обхода дворов, незаконных обысков и всякого рода нарушений революционной законности», «всех и всяких рецидивов проразверстки», «каких бы то ни было попыток закрытия базаров»²²⁵. Поддержав данную позицию, И. В. Сталин тем не менее не исключал возможности повторения в будущем «чрезвычайных условий», которые потребуют применения «чрезвычайных мер»²²⁶.

Резолюция июльского пленума была принята к исполнению. 21 июля председатель Сибкрайсуда М. В. Кожевников направил в адрес председателей окружных судов циркуляр, в котором «категорически» предложил «впредь не допускать ни одного случая применения ст. 107 УК по хлебозаготовкам». Все возбужденные, но еще не рассмотренные дела по данной статье подлежали «немедленному прекращению»²²⁷. Антикрестьянские репрессии прекратились. Объемы централизованного хлебозакупа в связи с этим резко упали (см. табл. 3.1).

В итоге с июля 1927 г. по июнь 1928 г. включительно в Сибирском крае, по данным Сибкрайторготдела, в централизованном порядке было заготовлено 77 762 тыс. пудов хлебопродуктов и маслосемян²²⁸. Выполнение годового плана по Сибири в целом составило 94,8 %, по юго-восточным округам — 99,8, по северо-восточным округам —

85,9 % (см. табл. 2. 2). Удельный вес кооперативных заготорганизаций в региональном хлебозакупе вырос с 60 % в 1926/27 г. до 78 % в 1927/28 г. Прирост произошел в основном за счет Сибкрайсоюза, доля которого увеличилась с 32,4 до 47,6 %. Увеличение по Сибполеводсоюзу составило 2,4 п. п.²²⁹

В целом по СССР объем централизованных хлебозаготовок (без учета маслосемян) в 1927/28 г. составил 627,2 млн пудов (97 % от уровня предыдущего года) (см.: Приложение, табл. IX). Годовой план был выполнен на 90,2 %. Удельный вес Сибири составил 12,2 % (увеличение по сравнению с предыдущим годом на 3,8 п. п.), Урала — 5,0 (−0,3 п.п.), Казахстана — 3,3 (−2,7 п. п.), Нижнего и Среднего Поволжья — 8,6 (−13,1 п. п.), ЦЧО — 12,4 (+7,1 п. п.), Северного Кавказа — 12,5 (−8,6 п. п.), Украины — 39,3 % (+9,8 п. п.) (см.: Приложение, табл. VIII). За пределы СССР было вывезено 47 187 тыс. пудов зерновых, маслосемян и продуктов их переработки (в четыре раза меньше, чем в 1926/27 г.) (см.: Приложение, табл. X). По данным Наркомторга СССР, децентрализованные заготовки зерновых в целом по стране составили 47,4 млн пудов. Удельный вес государственных и кооперативных заготорганизаций в приобретении товарного хлеба равнялся 79 %²³⁰.

Таким образом, усиление диспропорций в развитии народного хозяйства и волюнтаризм ценовой политики советского руководства привели к возникновению зимой 1927/28 г. острого хлебозаготовительного кризиса, выход из которого был найден в возвращении к внеэкономическим методам изъятия зерна у его производителей. Применение уголовного преследования сельских жителей, не желающих продавать свой хлеб, знаменовало собой отказ от главного иэповского принципа — свободы распоряжения крестьянином произведенной продукцией.

Примечания

¹ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1926. № 21–22. С. 136.

² КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 4. М., 1984. С. 195. Представители оппозиции предлагали изъять у кулаков часть накопленных в их хозяйствах запасов хлеба в форме принудительного натурального займа. Данное предложение они повторили в «Тезисах большевиков-ленинцев (оппозиции) к XV съезду ВКП(б)», опубликованных 5 ноября 1927 г. в «Правде» под заголовком «Контртезисы троцкистской оппозиции о работе в деревне». Так называемый заем должен был коснуться 10 % крестьянских хозяйств, а объем изъятия составить «не менее» 150 млн

пудов. Предлагалось этот хлеб вывезти на внешний рынок и закупить на вырученные деньги промышленное оборудование. Погашаться натуральный заем должен был постепенно, по мере ввода в строй новых предприятий, продукция которых предназначалась для удовлетворения потребностей сельского хозяйства и жителей деревни // Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т. 1927–1939. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 19.

³ Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. Т. 1: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 6–11 апреля 1928 г. М., 2000. С. 344.

⁴ ГАНО. Ф. Р–1073. Оп. 1. Д. 17. Л. 2.

⁵ Как ломали нэп. Т. 2: Пленум ЦК ВКП(б) 4–12 июля 1928 г. С. 214; Плановое хозяйство. 1927. № 9. С. 124.

⁶ КПСС в резолюциях... С. 193.

⁷ См.: Ежегодник хлебной торговли. М., 1929. № 2: 1927/28 г. Ч. 1. С. 13, 15; ГАНО. Ф. Р–1073. Оп. 1. Д. 21. Л. 29.

⁸ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 375. Л. 145–146.

⁹ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 15. С. 45.

¹⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам (1917–1967 гг.). Т. 1. М., 1967. С. 575.

¹¹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 402. Л. 39об.

¹² Там же. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 160–161; Оп. 1. Д. 438. Л. 4; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 778.

¹³ ГАНО. Ф. Р–1073. Оп. 1. Д. 37. Л. 4, 14. По мнению А. Н. Злобина, для внутрисибирского потребления необходимо было не менее 24 млн пудов // Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 778.

¹⁴ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 439. Л. 210; Оп. 5. Д. 68. Л. 160–161.

¹⁵ Там же. Оп. 5. Д. 68. Л. 160 об.; Ф. Р–1073. Оп. 1 а. Д. 40. Л. 60–61 об.

¹⁶ Залкинд Л. Б. Вопросы сельскохозяйственных заготовок // Экономическое обозрение. 1927. № 8. С. 39.

¹⁷ Экономический бюллетень Коньюнктурного института. 1927. № 7. С. 2.

¹⁸ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте. (Государственное регулирование хлебного рынка в условиях нэпа. 1921–1927 гг.). Новосибирск, 1992. С. 180–181.

¹⁹ Там же. С. 181–182.

- ²⁰ Экономическая жизнь. 1927. 11 дек.
- ²¹ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте. С. 157, 181, 183–185.
- ²² Ежегодник хлебной торговли. М., 1928. № 1; 1925/26 и 1926/27 гг. Ч. 2. С. 29; Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 44.
- ²³ Экономическая жизнь. 1927. 3 дек.
- ²⁴ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 161.
- ²⁵ Там же. Л. 162.
- ²⁶ В октябре средние заготовительные цены АО «Хлебопродукт» на пшеницу и овес на Урале превышали сибирский уровень на 9 и 11 %, в Казахстане — соответственно на 8 и 13 % // Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 63.
- ²⁷ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 18; Ежегодник хлебной торговли. № 1. Ч. 2. С. 11.
- ²⁸ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте. С. 191.
- ²⁹ ГАНО. Ф. Р–6. Оп. 2 а. Д. 7. Л. 86.
- ³⁰ Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 18.
- ³¹ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 164.
- ³² Экономическая жизнь. 1927. 11 дек.
- ³³ Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 26; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 29 дек.; 1928. 1 янв.; 29 янв.; 9 февр.
- ³⁴ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 164.
- ³⁵ Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 26; На ленинском пути. 1928. № 1–2. С. 15.
- ³⁶ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 204.
- ³⁷ Советская Сибирь. 1928. 26 янв.
- ³⁸ Обложение сельского хозяйства Сибирского края в 1927/28 г. Новосибирск, 1928. С. 37; ГАНО. Ф. Р–6. Оп. 1. Д. 1525. Л. 7.
- ³⁹ Статистическое обозрение. 1928. № 2. С. 7.
- ⁴⁰ Решения партии и правительства по хозяйственным вопросам. С. 575–585.
- ⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 18; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 30 окт.; Жизнь Сибири. 1928. № 1. С. 27; ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 163.
- ⁴² ГАНО. Ф. Р–6. Оп. 2 а. Д. 7. Л. 86.
- ⁴³ Там же. Ф. Р–1073. Оп. 1 а. Д. 58. Л. 9.

⁴⁴ Там же. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 698. Л. 57.

⁴⁵ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 1 дек.; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 112.

⁴⁶ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка Сибири в условиях нэпа (1921–1928 гг.). Новосибирск, 2005. С. 215.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 354. Л. 18; ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 209.

⁴⁸ См.: Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 163, 215.

⁴⁹ ГА РФ. Ф. А–410. Оп. 1. Д. 45. Л. 87; Д. 51. Л. 30.

⁵⁰ Там же. Д. 47. Л. 101.

⁵¹ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 163, 217.

⁵² XV съезд ВКП(б): Стеногр. отчет. М., 1962. Т. II. С. 859.

⁵³ Там же. С. 860.

⁵⁴ ГА РФ. Ф. А–410. Оп. 1. Д. 51. Л. 66.

⁵⁵ Там же. Д. 52. Л. 116.

⁵⁶ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 108.

⁵⁷ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 168–168 об.

⁵⁸ Там же. Л. 161 об.

⁵⁹ Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 3, 10.

⁶⁰ Ильиных В. А. Коммерция на хлебном фронте. С. 78, 181.

⁶¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 113–114.

⁶² ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 13. Л. 239–242.

⁶³ СЗ СССР. 1928. № 2. Ст. 14.

⁶⁴ Советская Сибирь. 1928. 8 янв.

⁶⁵ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 168 об.–169 об., 206, 209.

⁶⁶ Краевая «хлебная тройка» 13 января 1928 г. предоставила окружисполнкомам право «если потребуется, произвести дальнейшее снижение цен на мясо вместо 15 % до 20 %» // Там же. Л. 181.

⁶⁷ Там же. Ф. Р–1073. Оп. 1 а. Д. 31. Л. 7, 53, 66.

⁶⁸ Там же. Л. 6, 152.

⁶⁹ Там же. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 2571. Л. 348–350.

⁷⁰ Там же. Л. 159; Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 10.

- ⁷¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 30–31, 136. К началу февраля 1928 г. в Сибири было арестовано 234 частных хлебозаготовителей и хлеботорговцев // Там же. С. 207.
- ⁷² К 1 января в западных округах Сибирского края собрали 91 %, а в восточных – 86 % от суммы сельхозналога, которая в соответствии с законодательством должна была поступить к этому времени. См.: Ильиных В. А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 195.
- ⁷³ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 607. Л. 12–13.
- ⁷⁴ Сталин И. В. Соч. Т. 11. М., 1953. С. 12.
- ⁷⁵ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 193–195.
- ⁷⁶ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 13. Л. 7; Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 240, 202.
- ⁷⁷ Статья 105 УК РСФСР предусматривала наказание в виде «принудительных работ» на срок до одного года или штрафа до 2 тыс. руб. за «нарушение правил, регулирующих торговлю, если в них специально не оговорено преследование в административном порядке». За то же деяние, совершенное лицом, входящим «в состав органов управления кооперативного или кредитного учреждения», предусматривались «принудительные работы» на срок до 6 месяцев или штраф до 500 руб. // Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 64.
- ⁷⁸ До начала апреля 1928 г. в Сибирском крае к уголовной ответственности по ст. 105 УК было привлечено 134 работника государственных и кооперативных загородных организаций // ГАНО. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 176. Л. 168 об., 169 об.
- ⁷⁹ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 215.
- ⁸⁰ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 181.
- ⁸¹ Принятая в 1926 г. ст. 107 УК РСФСР имела следующее содержание: «[Ч. 1] Злостное повышение цен на товары путем скупки, скрытия или невыпуска таковых на рынок [влечет] лишение свободы на срок до одного года с конфискацией всего или части имущества или без таковой. [Ч. 2] Те же действия при установлении наличия словора торговцев – лишение свободы на срок до трех лет с конфискацией всего имущества» // Уголовный кодекс РСФСР. С. 65. До начала 1928 г. данная статья в судебной практике фактически не применялась.
- ⁸² ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 68. Л. 172.
- ⁸³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 58–60.

⁸⁴ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 289 а. Л. 9 об.

⁸⁵ Пленум Сибирского краевого комитета ВКП(б) 3–7 марта 1928 г.: Стеногр. отчет. Новосибирск, 1928. С. 132.

⁸⁶ ГАНО. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 176. Л. 4. В направленном в начале апреля 1928 г. в адрес прокурора РСФСР докладе прокурора Сибирского края говорилось, что, поставив 9 января вопрос о необходимости привлекать к уголовной ответственности «держателей крупных запасов хлеба» из числа зажиточных крестьян, прокуратура имела в виду применение к ним ст. 107 УК РСФСР // Там же. Л. 170. Однако в выявленном нами тексте прокурорской записки, в которой были сформулированы цитируемые выше предложения, данная статья не упоминается.

⁸⁷ Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство // Вопросы истории КПСС. 1991. № 1. С. 71.

⁸⁸ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 195–196.

⁸⁹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 25. Л. 9.

⁹⁰ Впоследствии действие директивы № 101/с с внесенными в неё на бюро крайкома 18 января, по предложению И. В. Сталина, «коррективами» (см. ниже) было распространено и на другие хлебопроизводящие округа края // Там же. Оп. 2. Д. 217. Л. 167.

⁹¹ Там же. Оп. 1. Д. 2571. Л. 307.

⁹² Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 114.

⁹³ Там же. С. 146.

⁹⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 105, 104.

⁹⁵ См.: Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 193–202; № 6. С. 202–216; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 152–158.

⁹⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 1–34.

⁹⁷ В «записях Сергеева» зафиксировано обращение Сталина к выпущенным по итогам обследования брошюрам: Родинский район Славгородского округа: Материалы обследования сибирской деревни. Новосибирск, 1927; Меньшиковский район Барабинского округа: Материалы обследования сибирской деревни. Новосибирск, 1927; Абаканский район Минусинского округа: Материалы обследования сибирской деревни. Новосибирск, 1927 // Там же. Л. 2.

⁹⁸ Там же. Л. 4, 4 об., 9.

⁹⁹ Там же. Д. 119. Л. 1–2.

¹⁰⁰ Краткое содержание выступлений участников заседания бюро содержитя в «записях Сергеева» // Там же. Л. 11–18.

¹⁰¹ 22 января в «Советской Сибири» было опубликовано разъяснение краевого прокурора Сибири Кунова о порядке применения ст. 105 и 107 УК РСФСР.

¹⁰² Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199.

¹⁰³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 47–49.

¹⁰⁴ Там же. Л. 6–7.

¹⁰⁵ Там же. Л. 8.

¹⁰⁶ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 202.

¹⁰⁷ Там же. С. 196–199.

¹⁰⁸ Там же. С. 202.

¹⁰⁹ Там же. С. 201.

¹¹⁰ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 11.

¹¹¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199–201.

¹¹² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 55–56.

¹¹³ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 203–212.

¹¹⁴ В целом по СССР в третьей пятидневке января 1928 г. заготовили в 1,5 раза, а в четвертой — в 2,2 раза больше, чем во второй // Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 10.

¹¹⁵ Тезис о том, что ст. 107 УК РСФСР к моменту приезда Сталина в Сибирь уже применялась «в других краях и областях», был воспроизведен в его статье, помещенной в собрание сочинений, «О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства». По мнению автора, это «дало великолепные результаты, сплотило трудовое крестьянство вокруг Советской власти и улучшило положение в деревне» // Stalin I. V. Sоч. Т. 11. С. 3.

¹¹⁶ Стенограмма заседания бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 20 января 1928 г. выявлена в РГАСПИ // Ф. 558. Оп. 11. Д. 118. Л. 1–74. В том же деле находятся стенограммы двух выступлений на нем Сталина, которые опубликованы на страницах «Известий ЦК ВКП(б)» // 1991. № 6. С. 203–212.

¹¹⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 118. Л. 1.

¹¹⁸ Там же. Л. 23, 24, 25, 26.

¹¹⁹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 202–203. 26 января Голощекин телеграфировал Сталину, что он лично проверяет сведения о на-

рушении синдицированных цен в Кустанае, а затем собирается поехать в Акмолинск и Семипалатинск с целью «изменить план с расчетом заготовки основной массы хлеба в январе и феврале». В телеграмме также сообщалось со ссылкой на секретаря Семипалатинского губкома ВКП(б), что тот договорился с Сырцовым об установлении единых цен // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 62.

¹²⁰ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 213, 214.

¹²¹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 118. Л. 78–84.

¹²² В статье Сталина «О хлебозаготовках и перспективах развития сельского хозяйства» дана более развернутая критика прокуратуры и судебных органов Сибири: «Я видел несколько десятков представителей вашей прокурорской и судебной власти. Почти все они живут у кулаков, состоят у кулаков в нахлебниках и, конечно, стараются жить в мире с кулаками. На мой вопрос они ответили, что у кулаков на квартире чище и кормят лучше. Понятно, что от таких представителей прокурорской и судебной власти нельзя ждать чего-либо путного и полезного для Советского государства. Непонятно только, почему эти господа до сих пор еще не вычищены и не заменены другими, честными работниками» // Stalin И. В. Соч. Т. 11. С. 3–4.

¹²³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 35; Д. 121. Л. 23, 41.

¹²⁴ Там же. Д. 119. Л. 50–58.

¹²⁵ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 37.

¹²⁶ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 51 об., 52 об., 53 об., 54 об., 55 об., 56 об., 57 об., 58 об.

¹²⁷ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 164–167.

¹²⁸ Известия ЦК КПСС. 1991. № 6. С. 215.

¹²⁹ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 28.

¹³⁰ Там же. Д. 119. Л. 63. С телеграммой также следовало ознакомить Бухарина, Ворошилова, Калинина, Куйбышева, Молотова, Рыкова, Рудзутака, Орджоникидзе, Томского, Угланова и Микояна.

¹³¹ Там же. Д. 121. Л. 29.

¹³² Там же. Д. 119. Л. 70, 71.

¹³³ Там же. Л. 84.

¹³⁴ Красноярский рабочий. 1928. 2 февр.

¹³⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 99.

- ¹³⁶ Иконникова И. П., Угроватов А. П. Сталинская репетиция наступления на крестьянство. С. 72.
- ¹³⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 97, 112. 22 января краевая «хлебная тройка» утвердила план заготовок на февраль в размере 16,5 млн пудов, 30 января увеличила его до 17 млн пудов // ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 217. Л. 164, 170. Однако Сталин счел и этот объем недостаточным.
- ¹³⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 106.
- ¹³⁹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 158.
- ¹⁴⁰ Решение об увеличении заготовительного плана на февраль до 22 млн пудов было принято краевой «хлебной тройкой» 4 февраля // ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 217. Л. 451.
- ¹⁴¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 158. Stalin привел оперативные данные. По итоговым подсчетам, объем заготовок за январь с учетом маслосемян составил 82,5 млн пудов, без маслосемян — 77,4 млн пудов. В целом по СССР объем заготовок зерновых культур в январе 1928 г. вырос по сравнению с декабрем предыдущего года в 1,9 раза // Ежегодник хлебной торговли. № 2. С. 4, 8.
- ¹⁴² Юридическая некорректность применения ст. 107 УК РСФСР к крестьянам, задерживающим реализацию произведенного ими зерна, была очевидна и для Сталина. Приехав в Новосибирск, он затребовал текст данной статьи, после чего в «записях Сергеева» появилось предложение изменить ее содержание исходя из требуемого контекста // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 8, 40, 41. Однако в силу того, что изменение законодательства требовало времени, было решено использовать действующую статью. Впоследствии предложение о внесении изменений в ст. 107 было забыто.
- ¹⁴³ Цит. по: Демидов В. В. Хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. в сибирской деревне // Актуальные проблемы истории советской Сибири. Новосибирск, 1990. С. 126.
- ¹⁴⁴ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 202.
- ¹⁴⁵ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 9. Л. 10–11.
- ¹⁴⁶ Stalin И. В. Соч. Т. 11. С. 18. Автором содержащегося в директиве ЦК указания на то, что применять ст. 107 УК РСФСР и ее украинский аналог следует только к хозяйствам, «владеющим излишками в две тысячи и более пудов товарного хлеба», является Бухарин. В написанном Сталиным проекте документа все ограничивалось призывом использовать данную меру в отношении «кулаков — действительно крупных держателей товарных излишков хлеба». Кроме того, Бухарин дополнил текст директивы

предостережением: «ни в коем случае не задевая этими и подобными им мерами средняцкую часть крестьянства» // Как ломали нэп. Т. 1. С. 18.

¹⁴⁷ ГАНО. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 163. Л. 27; Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 783.

¹⁴⁸ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 51. Л. 244–245.

¹⁴⁹ Там же. Оп. 2. Д. 217. Л. 611.

¹⁵⁰ Согласно официальной статистике, в их хозяйствах в начале кампании сосредоточивалось около трех четвертей товарного зерна, а в так называемых мелкокапиталистических – немногим более одной пятой // Гущин Н. Я. Раскулачивание в Сибири (1928–1934 гг.): методы, этапы, социально-экономические и демографические последствия. Новосибирск, 1996. С. 154.

¹⁵¹ Известия ЦК КПСС. 1991. № 5. С. 199.

¹⁵² ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 25 а. Л. 2.

¹⁵³ Там же. Оп. 2. Д. 217. Л. 464 об.

¹⁵⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 58–68.

¹⁵⁵ ГАНО. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 176. Л. 66; Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 559–560.

¹⁵⁶ Авторы доклада крайпрокуратуры о применении «мер репрессивного характера» в ходе хлебозаготовительной кампании, указывая на неполноту приведенных данных, считали, что на начало апреля к уголовной ответственности по ст. 107 в крае было привлечено около 2 тыс. чел. // Там же. Л. 172.

¹⁵⁷ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 46.

¹⁵⁸ Статья 109 УК РСФСР предусматривала лишение свободы «сострого изоляцией» на срок не менее шести месяцев за « злоупотребление властью или служебным положением, т. е. такие действия должностного лица, которые оно могло совершить единственно благодаря своему служебному положению и которые, не вызываясь соображением служебной необходимости, имели своим последствием явное нарушение правильной работы учреждения или предприятия или причинили ему имущественный ущерб, или повлекли за собой нарушение общественного порядка или охраняемых законом прав и интересов отдельных граждан, или эти действия совершились должностным лицом систематически или из соображений корыстных, или иной личной заинтересованности, или хотя бы и не повлекли, но заведомо для должностного лица могли повлечь за собой тяжелые последствия».

Ст. 111 УК РСФСР предусматривала наказание в виде лишения свободы на срок до трех лет за «бездействие власти, т. е. невыполнение должностным лицом действий, которые по обязанности своей службы должно было выполнить <...>, а равно халатное отношение к службе, т. е. небрежное и недобросовестное отношение к возложенным по службе обязанностям, повлекшее за собой волокиту, медленность в производстве дел и отчетности и иные упущения по службе» // Уголовный кодекс РСФСР. С. 67–69.

¹⁵⁹ ГАНО. Ф. Р–1027. Оп. 6. Д. 9. Л. 21.

¹⁶⁰ Там же. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 176. Л. 168 об., 169 об.

¹⁶¹ Демидов В. В. Хлебозаготовительная кампания 1927/28 г. ... С. 138.

¹⁶² ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 257.

¹⁶³ Сталин И. В. Соч. Т. 11. С. 16.

¹⁶⁴ ГАНО. Ф. Р–1027. Оп. 6. Д. 9. Л. 36.

¹⁶⁵ Там же. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 460, 464; Оп. 4. Д. 25. Л. 77.

¹⁶⁶ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 259.

¹⁶⁷ Там же. С. 38.

¹⁶⁸ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 394.

¹⁶⁹ Там же. Д. 289 а. Л. 32.

¹⁷⁰ Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 174.

¹⁷¹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 199.

¹⁷² Ст. 58-1–58-14 УК РСФСР предусматривали судебную ответственность за «контрреволюционные» преступления, к которым относились действия, направленные «к свержению, подрыву и ослаблению власти рабоче-крестьянских советов и избранных ими на основании конституции Союза ССР и конституций союзных республик рабоче-крестьянских правительства Союза ССР, союзных и автономных республик или к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции» (ст. 58-1). К делам, связанным с сопротивлением сельских жителей хлебозаготовительной политике государства, чаще всего подвергались статьи 58-8, 58-10, 58-11 и 58-14.

Ст. 58-8 предусматривала расстрел, а при смягчающих обстоятельствах – лишение свободы «со строгой изоляцией» на срок не менее трех лет с конфискацией всего или части имущества за «со-

вершение террористических актов, направленных против представителей Советской власти или деятелей революционных рабочих и крестьянских организаций, и участие в выполнении таких актов».

Ст. 58-10 предусматривала лишение свободы «со строгой изоляцией» на срок не менее шести месяцев за пропаганду или агитацию, содержащие «призыв к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или совершению отдельных контрреволюционных преступлений», а аналогичные действия при массовых волнениях — то же наказание, что и ст. 58-8.

Ст. 58-11 за организационную деятельность, направленную на подготовку или совершение преступлений, указанных во всех статьях данной главы, предусматривала те же наказания, что и соответствующие ее статьи.

Ст. 58-14 — лишение свободы «со строгой изоляцией» на срок не менее года с конфискацией всего или части имущества, а «при особо отягчающих обстоятельствах вплоть до высшей меры социальной защиты — расстрела с конфискацией имущества», за «контрреволюционный саботаж, т. е. сознательное неисполнение кем-либо определенных обязанностей или умышленно небрежное их исполнение со специальной целью ослабления власти правительства и деятельности государственного аппарата» // СУ РСФСР. 1927. № 49. Ст. 330; Уголовный кодекс РСФСР. С. 33–40.

¹⁷³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 200.

¹⁷⁴ Советская Сибирь. 1928. 3 февр.; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 1 апр.

¹⁷⁵ Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 4.

¹⁷⁶ Кооперативная Сибирь. 1928. № 3. С. 16, 17; 5. С. 13; № 7. С. 7.

¹⁷⁷ ЦХАФАК. Ф. Р-100. Оп. 1. Д. 135. Л. 2–6.

¹⁷⁸ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 24. Л. 26.

¹⁷⁹ Ст. 60 УК РСФСР гласила: «Неплатеж в установленный срок налогов и сборов по обязательному окладному страхованию, несмотря на наличие к тому возможности, в случае применения мер взыскания в виде описи имущества или продажи описанного имущества с торгов хотя бы один раз в предшествующем окладном году или дважды в текущем, влечет за собой в первый раз — штраф в размере тех же платежей; во второй раз — принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф в двойном размере тех же платежей. Те же действия, совершаемые группой лиц по предварительному соглашению, — лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года, с конфискацией части имущества или

без этого или штраф в тройном размере платежей» // Уголовный кодекс РСФСР. С. 46.

¹⁸⁰ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 779. Поскольку зажиточные крестьяне были более платежеспособными и старались по возможности избежать конфликта с властями, большая часть осужденных по ст. 60 УК РСФСР являлась середняками. Так, по данным крайпрокуратуры, из 2102 осужденных к концу марта 1928 г. по данной статье 903 крестьянина были середняками, 104 — «кулаками» и 119 — бедняками // ГАНО. Ф. Р-20. Оп. 2. Д. 176. Л. 173.

¹⁸¹ Ильиных В. А. Налого-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920 — начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 12.

¹⁸² СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 73.

¹⁸³ Там же. № 19. Ст. 144; № 24. Ст. 170.

¹⁸⁴ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 118. Л. 78.

¹⁸⁵ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2 а. Д. 10. Л. 102, 103 об.

¹⁸⁶ Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 174.

¹⁸⁷ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2 а. Д. 10. Л. 103.

¹⁸⁸ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 91.

¹⁸⁹ Государственный внутренний выигрышный заем укрепления крестьянского хозяйства выпущен в соответствии с решением Политбюро от 30 ноября 1927 г., которое было законодательно оформлено постановлением ЦИК и СНК СССР от 30 декабря // РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 662. Л. 3; СЗ СССР. 1928. № 3. Ст. 24.

¹⁹⁰ Согласно постановлению президиума Сибкрайисполкома «тройка» создавалась «для разрешения вопросов, связанных с хлебозаготовительной кампанией, реализацией крестьянского займа, сбором сельхозналога и других крестьянских платежей» // ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 68. Л. 202.

¹⁹¹ Там же. Л. 192.

¹⁹² Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 219. Л. 41.

¹⁹³ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 37, 59, 61.

¹⁹⁴ Сумма исчисленного сельхозналога по Сибирскому краю на 1927/28 окладной год составляла 22,3 млн руб. // Обложение сельского хозяйства... С. 37.

¹⁹⁵ РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 119. Л. 15, 8.

¹⁹⁶ ГАНО. Ф. Р–6. Оп. 2 а. Д. 9. Л. 91–92 об.

¹⁹⁷ Там же. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 472.

¹⁹⁸ Там же. Л. 619.

¹⁹⁹ Там же. Л. 611; Ф. Р–1027. Оп. 6. Д. 9. Л. 43.

²⁰⁰ Там же. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 616.

²⁰¹ См.: Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 43.

²⁰² ГАНО. Ф. Р–20. Оп. 2. Д. 163. Л. 34–38.

²⁰³ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 230–231.

²⁰⁴ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 25. Л. 111.

²⁰⁵ Там же. Ф. Р–1073. Оп. 1. Д. 29. Л. 556.

²⁰⁶ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 317.

²⁰⁷ Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 4.

²⁰⁸ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1929. № 9–10. С. 6.

²⁰⁹ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 261–262.

²¹⁰ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 673, 698.

²¹¹ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 1 марта; 1 апр.; 28 июня; Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1928. № 26.

²¹² Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 215, 217.

²¹³ Жизнь Сибири. 1928. № 8. С. 87.

²¹⁴ Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1928. № 22. С. 18; № 23. С. 18; № 24. С. 18; № 25. С. 18; № 28. С. 17.

²¹⁵ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 25. Л. 205.

²¹⁶ Трагедия советской деревни. Т. 1. С. 789.

²¹⁷ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 258. Л. 17. Стенограмма доклада заместиеля заведующей женотделом Сибкрайкома ВКП(б) Подчасовой на заседании бюро крайкома 12 июня 1928 г. о массовых открытых выступлениях крестьянок в Карасукском районе Славгородского округа в мае 1928 г. частично опубликована. См.: Хлебозаготовительная политика советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Новосибирск, 2006. С. 183–186.

²¹⁸ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 739.

²¹⁹ Там же. Л. 711.

²²⁰ Вместе с Косиором в Сибирь прибыл помощник заведующего Секретариатом ЦК ВКП(б) А. Н. Поскребышев.

²²¹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 217. Л. 738.

²²² Хлебозаготовительная политика советского государства... С. 187–192.

²²³ Там же. С. 189–190, 191.

²²⁴ Бюллетень рынка и цен Сибирского края. 1928. № 28. С. 4, 17.

²²⁵ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 354.

²²⁶ Как ломали нэп. Т. 2. С. 362.

²²⁷ ГАНО. Ф. Р–1027. Оп. 6. Д. 9. Л. 59.

²²⁸ По данным Наркомторга СССР, в 1927/28 г. в Сибири в централизованном порядке заготовили 76 434 тыс. пудов зерна // Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 4.

²²⁹ Ильиных В. А. Государственное регулирование сельскохозяйственного рынка... С. 275. Удельный вес заготовлений рассчитан от объема хлебопродуктов, заготовленных с начала сентября 1927 г. по август 1928 г. включительно.

²³⁰ Ежегодник хлебооборота. № 3: За 1928/1929 г. М., 1931. С. XVII.

ГЛАВА III

КАМПАНИЯ 1928/29 г.: УРАЛО-СИБИРСКИЙ МЕТОД

1. Работа над ошибками

Лейтмотивом подготовки к очередной кампании являлась выработка комплекса мероприятий по предотвращению повторения заготовительного кризиса. Для этого, прежде всего, необходимо было выявить базовые факторы, способствующие его возникновению. В резолюции июльского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) указывалось, что основой «затруднений на хлебном фронте» стало «нарушение рыночного равновесия», которое сводилось к «более быстрому росту платежеспособного спроса со стороны крестьян в сравнении с предложением промтоваров». «Обострение этого нарушения», прежде всего, объяснялось «повышением доходности деревни, в особенности ее зажиточных и кулацких слоев». Объективно складывающуюся экономическую конъюнктуру осложнили субъективные ошибки в планировании хлебозаготовительной кампании (несвоевременный завоз промтоваров, «низкий налог для имущих слоев деревни», «неблагоприятное соотношение цен на хлеб в сравнении с ценами на другие продукты сельского хозяйства»). Капиталистические элементы воспользовались допущенными ошибками «для подрыва хлебозаготовок», что, в свою очередь, вынудило партию прибегнуть к чрезвычайным мерам. *«Поэтому внимание партии должно быть направлено в предстоящей хлебозаготовительной кампании на то, чтобы провести мероприятия, ликвидирующие эти минусы и ошибки и исключающие необходимость применения каких бы то ни было чрезвычайных мер»¹.*

Реформирование налоговой системы

Наиболее эффективным инструментом восстановления рыночного равновесия было признано повышение уровня налогообложения зажиточной части деревни. В Сибири вопрос об увеличении размеров сельскохозяйственного налога, в частности, был поставлен рядом

партийных и советских функционеров на встречах с И. В. Сталиным в январе 1928 г.² Отвечая на подобные предложения на совещании в Барнауле 22 января, генеральный секретарь ЦК заявил: «*Насчет сельхозналога. Я думаю, что его повысить придется. Ясно, что кулак над ним подсмеивается. На днях [председатель Всеукраинского ЦИК] Петровский рассказывал, как он встретил двух кулаков и вел с ними примерно такой разговор: “Нужно, кулачки, нажать на вас”. Те в ответ на это смеются, а один из них и говорит: “Ну что ж, нажимайте, а я три лишних улья заведу, этого и хватит для уплаты сельхозналога, остального ничего не коснусь”.* Сельхозналог в этом году мал, деревня над ним посмеивается и с полным основанием: его надо повысить и довести на весь Союз до 450 миллиардов рублей». Stalin также озвучил идею перехода «на чисто подоходный прогрессивный налог»³.

Весной 1928 г. была проведена реформа единого сельскохозяйственного налога⁴. С 1928/29 окладного года в РСФСР он стал определяться по доходу, приходящемуся на единоличное хозяйство в целом, а не как ранее — на каждого входящего в него едока⁵. Нововведение привело к увеличению платежей многолюдными крестьянскими хозяйствами, которые, как правило, были более зажиточными. Однако на этом утяжеляющие налоговый пресс новации для относительно состоятельных жителей деревни не закончились. Возрастала «крутизна» прогрессии шкалы ставок. Для единоличных хозяйств с относительно высоким уровнем доходности сельскохозяйственного производства (в Сибирском крае — 400 руб. и более) устанавливались процентные надбавки (от 5 до 25 %) к сумме облагаемого годового дохода, исчисленного по нормам вмененной доходности от натуральных объектов обложения. Доходы, полученные жителями деревни от сдачи в наем сельскохозяйственных машин, «промышленных» или «полупромышленных» предприятий, «а также и от других видов заработков нетрудового характера», облагались полностью⁶. Увеличивалась доля включения в годовой облагаемый доход заработка, полученных крестьянами от кустарно-ремесленных занятий. К обложению привлекались ранее освобожденные от него посевы сеянных трав и кормовых корнеплодов, которые, как правило, беднота не выращивала.

Помимо прочих новаций новое Положение о сельхозналоге предусматривало более сжатые сроки его платежа. В Сибирском крае 20 % от предъявленной к уплате налоговой суммы надлежало внести не позднее 15 октября, следующие 45 % — 15 декабря и последние 35 % — не позднее 1 февраля⁷.

И наконец, с 1928/29 финансового года в облагаемую базу хозяйств, «особо выделяющихся из общей крестьянской массы в данной местности своей доходностью и притом нетрудовым характером

своих доходов», стали включаться все зафиксированные заработки⁸. Определение налога от всей совокупности доходов, несколько позднее получившее название индивидуального обложения, приводило к существенному возрастанию податного бремени для хозяйств, к которым оно применялось. Если на один крестьянский двор, облагаемый в обычном порядке, в 1928/29 г. в Сибирском крае в среднем приходилось 27 руб. сельхозналога, то на облагаемый индивидуально – 287 руб. Это в три раза превышало сумму, взысканную с этих же хозяйств в предыдущем году⁹. Всего в регионе в 1928/29 г. индивидуальное обложение применили к 24,1 тыс. крестьянским дворам, или к 1,6 % от их общего количества¹⁰.

Противоположную политику государство проводило в отношении бедноты. В Сибирском крае число крестьянских дворов, полностью или частично освобожденных от уплаты сельхозналога, выросло с 360,1 до 556,3 тыс. и составило 38,2 % от их общего количества¹¹.

Однако увеличение количества необлагаемых хозяйств к снижению тяжести обложения деревни в целом не привело. Результатом перехода на похозяйственный принцип обложения в сочетании с введением процентных надбавок, ростом налоговой прогрессии, увеличением норм доходности и доли отчуждения несельскохозяйственных заработков стал резкий скачок размеров единого сельскохозяйственного налога. В некоторых районах Сибири сумма исчисленного налога в 1,7, 1,8 и даже в 2 раза превышала прошлогоднюю¹². Аналогичная ситуация сложилась и в других регионах страны¹³.

К существенному увеличению размеров налога привели не только изменения, внесенные в порядок исчисления единого сельскохозяйственного налога, но и более полное выявление объектов обложения. В предыдущие годы крестьянам удавалось скрывать от налогового учета истинные размеры своего хозяйства. С тем, чтобы не допустить расширения масштабов сокрытия объектов обложения в условиях существенного роста налоговой нагрузки, предельный размер штрафов за подобное деяние был в законодательном порядке увеличен с трех- до десятикратного. «Десятикратку» следовало применять *«только к наиболее злостным укрывателям из числа наиболее зажиточных групп населения»*¹⁴.

В мае 1928 г. Сибкрайисполком предложил окрисполкам принять превентивные меры предотвращения утайки объектов обложения. С этой целью предлагалось еще до начала учетной кампании выявить и *«при наличии материалов о явном укрытии объектов»* в срочном порядке оштрафовать в каждом районе по 10–15 кулацких хозяйств, *«для того чтобы эти штрафы могли служить предупреждением для основной массы плательщиков, особенно кулацких»*¹⁵. Для того чтобы усилить *«воспитательный»* эффект судебных решений и

сломить сопротивление крестьянства, практиковались выездные сессии суда, устраивались показательные процессы, следствие проводилось в ускоренном порядке, а судебное заседание назначалось вне очереди.

В дисциплинарном и уголовном порядке преследовались сельские функционеры, которые допускали массовое укрытие объектов обложения со стороны крестьян. Давление на низовые властные структуры функционеров провоцировало их на превышение своих полномочий. В ответ на вышеупомянутый приказ крайисполкома оштрафовать по 10–15 кулацких хозяйств на район, местные органы власти увеличивали число таковых до 40–75 и даже 100, не ограничиваясь кулаками. Десятикратный штраф стал не исключением, а нормой. Штрафы, нередко превышающие доходность налогоплательщиков, налагались за укрытие четверти десятины посева. Продажа с торгов машин, рабочего и продуктивного скота осуществлялась на сумму, в несколько раз превышающую размер начисленного штрафа. В сводке крайфинотдела сообщалось, что члены учетной комиссии Дубровинского сельсовета Завьяловского района Каменского округа «*допускали грубые обращения с населением и за отказ увеличения посев[ной] площади лишали граждан свободы, т. е. сажали в амбар, незаконно приписывали посев[ную] площадь – без согласия приписывалось от 1 до 7 десятин*»¹⁶.

Резкое увеличение налогового бремени в сочетании с жесткими методами проведения учетной кампании вызвало всплеск массового недовольства со стороны крестьянства. С тем чтобы успокоить деревню, режим пошел на попятную. 11 сентября СНК СССР установил предельные размеры повышения сельхозналога. В губерниях и округах его сумма не должна была более чем на 50 % превысить уровень 1927/28 г. При этом для отдельных районов допускалось 60, а для отдельных сел – 75 %-ное увеличение. До пятикратного размера снижался максимальный размер штрафа за сокрытие объектов обложения. При этом подчеркивалось, что применять его следует лишь к наиболее зажиточным крестьянам и при условии значительного сокрытия¹⁷. Кроме того, перед местными органами была поставлена задача провести массовое сокращение количества крестьянских хозяйств, привлеченных к обложению в индивидуальном порядке. В Славгородском округе число таковых снизилось с 8091 до 4721, в Каменском – с 2076 до 845¹⁸. Ноябрьский (1928 г.) пленум ЦК ВКП(б) «решительно» запретил расширенное применение индивидуального обложения¹⁹. Корректировались и методы самообложения. В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 октября 1928 г. в новом финансовом году его предельные размеры не должны были превышать 25 % оклада сельхозналога на селение в целом²⁰.

Тем не менее общая сумма платежей по единому сельскохозяйственному налогу в Сибирском крае в 1928/29 г. увеличилась по сравнению с предыдущим годом на 56 %²¹. Большая часть прибавки была возложена на зажиточных крестьян. По нашим подсчетам, основанным на данных заместителя наркома финансов СССР М. И. Фрумкина²², в целом по СССР объем платежей по налогу 12,4 % крестьянских дворов, расположенных на верхних ступенях социально-имущественной лестницы, по сравнению с предыдущим увеличился почти вдвое, а у 52,6 % менее состоятельных хозяйств, но не освобожденных от его уплаты, — на 15 %.

Планирование кампании

Предпринятые в начале осени 1928 г. руководством страны меры по относительному снижению давления на деревню в целом соответствовали установкам июльского пленума ЦК ВКП(б). В его резолюции подчеркивалось, что предстоящая хлебозаготовительная кампания должна пройти в условиях отказа от «*применения каких бы то ни было чрезвычайных мер*»²³. Данное требование было неоднократно продублировано в принятых по итогам работы пленума нормативных документах. В постановлении СНК СССР «О проведении заготовок хлеба нового урожая» от 19 июля местные органы власти обязывались «*немедленно прекратить*»: а) «*все способы принудительного изъятия хлеба у крестьянства, как то: обход дворов и обыски с целью изъятия хлебных излишков, внесудебные аресты и другие взыскания, а также привлечение к судебной ответственности крестьян за задержку выпуска хлеба на рынок*»; б) «*всякого рода запретительные меры в отношении базаров и внутридеревенского оборота, как то: закрытие хлебных базаров, выставление заградительных отрядов, понуждение крестьян, привозящих хлеб на базары, к продаже его государственным или кооперативным организациям*»²⁴. В циркуляре Наркомюста РСФСР от 16 июля особо подчеркивалась недопустимость разверстки заготовительных заданий, «*подлежащих обязательной и принудительной сдаче*». «*Виновных в подобных извращениях*» надлежало привлекать к уголовной ответственности, «*обеспечив максимально быстрое окончание следствия и судебного процесса*»²⁵.

В числе предлагаемых июльским (1928 г.) пленумом ЦК ВКП(б) мер экономического характера, которые должны были исключить возврат к чрезвычайным методам ведения хлебозаготовок, назывались: а) «*известное повышение цен на хлеб*»; б) оптимизация распределения промтоваров и их своевременный завоз в хлебопроизводящие районы; в) увязка кредитной и налоговой политики с интересами заготовок; г) «*правильная организация дела снабжения хлебом, не до-*

пускающая перерасходов сверх установленных планов и возлагающая ответственность за снабжение потребителей, не входящих в общий государственный план, на местный товарооборот и местных заготовителей; д) «обязательное образование государственного хлебного (продовольственного и семенного) резерва»²⁶.

Успеху кампании должна была способствовать дальнейшая централизация заготовительного аппарата. 13 июня 1928 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление, которое в соответствии с решениями апрельского (1928 г.) объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б) предусматривало образование общесоюзного акционерного общества «Союзхлеб» путем слияния АО «Хлебопродукт» с региональными государственными заготовительными и мукомольными организациями (в Сибири – с Сибторгом). При этом кооперативные заготовители обязывались заключать с «Союзхлебом» генеральные договоры, согласно которым весь приобретенный ими в счет государственного задания хлеб следовало сдавать на ближайшие элеваторы, мельницы, пристанционные и пристанские заготовительные пункты «Союзхлеба»²⁷. 14 мая 1928 г. Наркомторг СССР издал постановление «О порядке заготовок товарного хлеба совхозов и коллективных хозяйств», обязывающее совхозы реализовать зерно только через местные конторы «Союзхлеба». В свою очередь, колхозам надлежало сдавать свои товарные излишки хлебной кооперации²⁸.

Преобразования коснулись и кооперативной системы. В Сибири в июне 1928 г. единый краевой союз сельскохозяйственной кооперации (Сибселькосоюз) был ликвидирован. Вместо него создавались специализированные коопсоюзы, в том числе входивший в систему «Хлебоцентра» краевой союз сельскохозяйственной кооперации по производству, переработке и сбыту зерновых и масличных культур (Сибполеводсоюз), который наряду с Сибрайсоюзом потребкооперации и краевой конторой «Союзхлеба» включался в число плановых заготов организаций.

Сибполеводсоюз и Сибрайсоюз должны были вести закупки на так называемых глубинных пунктах (т. е. в обществах потребителей и кредитных товариществах), а также на имеющихся пристанционных и пристанских загот пунктах, элеваторах и мельпредприятиях. При этом ставилась задача свести прием хлеба непосредственно в низовых кооперативах к минимуму. Большую его часть из деревень следовало направлять на ближайшие ссыпные пункты непосредственно со сдатчиками, вручая им путевки. Тем самым решалась проблема вывоза зерна из глубинки.

Основным методом хлебозаготовок в предстоящей кампании оставались так называемые рассевые заготовки, под которыми понималось приобретение хлебопродуктов у производителей непосред-

ственno на селе или на специально оборудованных заготовительных (сыпных) пунктах, расположенных в городах, на пристанях и железнодорожных станциях.

Дополнительные объемы хлеба должны были поступать по гарнцевому сбору, представляющему собой натуральную оплату за помол зерна. Помольный сбор в натуральной форме взимался в начале 1920-х гг. Однако восстановление товарно-денежных отношений на базе нэпа привело к переходу товарных и полутоварных мельпредприятий на денежную форму оплаты услуг. Весной 1928 г. нарком торговли СССР А. И. Микоян предложил местным органам восполнить возникший дефицит хлебопродуктов за счет возобновления взимания натурального помольного сбора. Исходя из директивы Микояна, окрискполкомами Сибири были приняты постановления, обязывающие владельцев всех мельпредприятий взимать плату за размол зерна исключительно в натуральной форме, а затем сдавать собранный гарнец государственным и кооперативным заготорганизациям по государственным закупочным ценам²⁹.

Обязательный гарнцевый сбор был введен постановлением СНК СССР от 14 сентября 1928 г. Гарнец взимался с перерабатывающих предприятий всех форм собственности, подлежал сдаче уполномоченным на то государственным и кооперативным организациям и предназначался для удовлетворения местных нужд³⁰.

Перспективы предстоящей заготовительной кампании осложнялись массовой гибелью озимых в основных зернопроизводящих регионах — на Украине, Северном Кавказе, в ЦЧО³¹. Часть выбывшей пашни вновь засеяли яровыми культурами. Увеличилась посевная площадь на востоке страны. Но полностью компенсировать потери не удалось. Посевы зерновых в 1928 г. сократились по сравнению с 1927 г. на 2,6 % (см.: Приложение, табл. I). Не вполне благоприятной была география урожая. Летняя засуха вызвала сильный недород в степной Украине и пониженный урожай на остальной территории Украины, на Северном Кавказе и в ЦЧО. Однако за счет высокой урожайности зернового поля в восточных районах, включая Поволжье, хлеба предполагалось собрать не меньше, а даже несколько больше (на 1,5 %), чем в прошлом году³².

Плановые органы попытались учесть неблагоприятную ситуацию на юго-западе страны. Для Украины и Северного Кавказа были приняты более низкие, а для Поволжья и восточных регионов более высокие, чем в 1927/28 г., заготовительные задания. Общегосударственный план, в который в отличие от предыдущих лет вошли закупки в Средней Азии, был определен в 628 млн пудов³³. Если исключить из данного объема среднеазиатский хлеб, а также заготовки включенных в систему «Союзхлеба» местных мельтрестов, которые в предыдущем

году учитывались как децентрализованные, то в ходе предстоящей кампании зерна и маслосемян в сопоставимых границах предполагалось собрать на 7,3 % меньше фактических заготовок 1927/28 г. В связи с этим специалисты Наркомторга считали принятый годовой план «вполне посильным»³⁴.

Партийное и советское руководство Сибирского края также рассматривало перспективы предстоящей кампании в целом как благоприятные. Посевная площадь под зерновыми культурами в регионе выросла по сравнению с 1927 г. на 6,2 %, площади под пшеницей — на 8,3 % (Приложение, табл. II). Урожайность зернового поля и валовой сбор хлебов ожидались более высокими, чем в предыдущие годы.

10 августа 1928 г. Сибкрайком ВКП(б) определил ориентировочный объем централизованных хлебозаготовок на 1928/29 г. в размере 105 млн пудов. 75 млн предназначалось для вывоза за пределы края, 30 млн пудов — для внутреннеэкономического снабжения. В постановлении, посвященном предстоящей кампании, внимание парторганизаций и заготовителей, прежде всего, обращалось на необходимость «изгнания всяких благодушных настроений и расчетов на хлебный самотек». «Попытки кулака и спекулянта использовать возможные трудности в проведении кампании» должны получить «решительный» отпор «путем использования необходимых законных мер (жестокое взимание платежей, борьба с кулацкой агитацией». Однако при этом надлежало не допустить ни «малейшей попытки восстановить в какой-либо мере применение чрезвычайных мер». В предстоящем 1928/29 г. заготовки должны были проводиться «исключительно нормальными методами» на основе «увеличения охвата хлебного рынка основными хлебозаготовителями» и «правильного осуществления политики хлебных цен». «Правильная» политика предполагала устойчивость низких государственных цен и максимальное сокращение разрыва между заготовительными и рыночными ценами. Резолюция крайкома также предусматривала взимание гарнитурного сбора и сохранение ограничений в кредитовании и перевозках для частных заготовителей. Особо подчеркивалась необходимость обеспечения «продажи колхозами и простейшими товариществами всех видов своих излишков основным заготовителям»³⁵.

5 сентября крайисполком признал нецелесообразным установление заготовительных планов для районов и сельсоветов. При этом заготовительные организации обязывались информировать райисполкомы и сельсоветы о плановых заданиях, установленных ими для своих низовых структур, а местные органы власти на основании полученных сведений должны были контролировать их выполнение³⁶.

Готовились к предстоящей кампании и правоохранительные органы. 14 сентября на места был направлен совместный циркуляр крае-

вой прокуратуры, краисуда и адмитдела Сибкрайисполкома³⁷. В нем указывалось, что отмена чрезвычайных мер не означает ослабления внимания к хлебозаготовкам. Задачей органов юстиции и расследования остается «борьба со всеми явлениями, вредящими успешному ходу хлебозаготовок. Такими явлениями будут расхлябанность, халатность работников заготовительных органов, нарушения методов заготовок, рецидивы чрезвычайных мер, несвоевременность уплаты единого сельхозналога и страхплатежей, развитие самогонокурения и, наконец, прямо направленные на срыв хлебозаготовок агитация против них и скупка хлеба в целях взвинчивания цен».

В связи с этим адресаты данного циркуляра обязывались:

- 1) «Установить строгое наблюдение за соблюдением революционной законности на местах».
- 2) «Немедленно» реагировать «на всякого рода злоупотребления в методах хлебозаготовок, как то: повышение установленных цен, конкуренция, перехватывание и запугивание хлебосдатчиков, отказ в снабжении промтоварами и т. п.». Подобные «преступления» следовало квалифицировать по ст. 105 или 109 УК РСФСР, «в зависимости от конкретных обстоятельств дела». Расследование и судебное производство дел, возбужденных в связи с хлебозаготовками в отношении должностных лиц, заканчивать «с максимальной быстротой и во всяком случае не далее, как в течение двух недель с момента возникновения».
- 3) «Агитацию против сдачи хлеба квалифицировать по 58/10 ст. УК, однако не придавая понятию агитации слишком обширного толкования и отнюдь не подводя под таковую всякие случайные разговоры и выражения простого недовольства».
- 4) Уголовные дела по ст. 107 УК РСФСР возбуждать только в отношении скupщиков и торговцев хлебом.
- 5) «Обеспечить наблюдение» за своевременностью взыскания сельхозналога, страховых и других платежей крестьянства, приняв меры к тому, «чтобы в случаях передачи дел о взысканиях в суд последние дела об этих взысканиях и уголовной ответственности по ним рассматривались с максимальной быстротой».
- 6) Активизировать борьбу с самогоноварением. «Особо должно быть обращено внимание на случаи использования для выкурки самогонки кулацкой частью населения бедноты как подставных лиц, обрушившая в этих случаях тяжесть репрессий на подстрекателей».

Принятый Сибкрайкомом ВКП(б) ориентировочный план централизованного хлебозакупа в размере 105 млн пудов соответствовал установкам Центра на максимально возможное повышение объемов заготовок на востоке страны, но встретил непонимание на местах. Полученные от округов края плановые заявки в сумме составили всего лишь 97,8 млн пудов. Подобный подход вызвал негативную реакцию краевого руководства. 18 сентября в адрес секретарей окружкомов ВКП(б) и председателей окрисполкомов было направлено директив-

ное письмо крайкома и крайисполкома, в котором, в частности, отмечалось стремление некоторых округов занизить размеры товарных излишков хлеба. «Товарищи, допускающие такой подход, руководствуются узко понятыми местными интересами («если план меньше, будет спокойнее работать») и, вместо того чтобы всю энергию направить на создание благоприятных условий для максимального сбора хлеба, занимаются защитой преуменьшенных планов. С этим явлением необходимо покончить»³⁸.

В конце сентября Наркомторг СССР установил на 1928/29 г. для Сибирского края заготовительное задание в размере 108 млн пудов (в том числе 3 млн пудов маслосемян). При этом план внутрисибирского хлебоснабжения снижался до 20 млн пудов. 3 октября Президиум Сибкрайисполкома разверстал годовое заготовительное задание по округам и заготорганизациям. Сибконтора «Союзхлеба» обязывалась заготовить 25 млн пудов, Сибкрайсоюз потребкооперации — 43 млн, Сибполеводсоюз — 39 млн, прочие заготовители (сибконтора «Росмасложирсиндиката», «Винтрест») — 1 млн пудов. Годовой план по юго-западным округам составил 77,5 млн пудов (фактическая заготовка 1927/28 г. — 52,6 млн пудов), по северо-восточным округам — 30,5 млн пудов (в 1927/28 г. — 25,2 млн пудов)³⁹. В целом по краю за первую половину кампании предполагалось собрать две трети запланированного объема зерновых⁴⁰. 26 декабря Президиум Сибкрайисполкома принял решение увеличить годовой план заготовок маслосемян до 4 млн пудов⁴¹.

2. Успех на фоне кризиса (заготовки в первом полугодии)

Хлебозаготовительная кампания 1928/29 г. разворачивалась в условиях провозглашенного июльским (1928 г.)plenумом ЦК ВКП(б) отказа от чрезвычайных мер, включая применение ст. 107 УК РСФСР к крестьянам, задерживающим реализацию произведенного ими зерна, внесудебные взыскания, доведение заготовительных планов до села и двора. Обеспечить успешный ход заготовок должно было повышение закупочных цен, увеличение налоговой нагрузки на деревню, введение гарнцевого сбора и дальнейшая централизация государственно-кооперативного заготаппарата.

Однако в первые два месяца кампании 1928/29 г. темпы заготовок в Сибири были значительно ниже предполагаемых. В июле их объемы по сравнению с июнем сократились почти в 4 раза и составили 1043 тыс. пудов. В августе удалось собрать всего 302 тыс. пудов, или в 3,5 раза меньше, чем в июле (см. табл. 2.1, 3.1). Это был самый низкий показатель за последние четыре года — 28 % от августа 1927 г., 29 % от

августа 1926 г. и 26 % от августа 1925 г. (см. табл. 1.1). Месячный план был выполнен всего лишь на 22 %. Причем на результаты августовского хлебозакупа не повлияло проведенное в регионе в соответствии с решением июльского пленума ЦК ВКП(б) существенное повышение директивных закупочных цен государственных и кооперативных заготовительных организаций. На пшеницу они увеличились с 85 коп. до 1 руб., на рожь — с 55 до 68 коп., на овес — с 48 до 58 коп. за пуд⁴². Данное обстоятельство является доказательством практически полного исчерпания товарных запасов зерна у сибирских крестьян.

Таблица 3.1

**Ход плановых заготовок хлебопродуктов и маслосемян в 1928/29 г.
в Сибирском крае (по месяцам)**

Месяц	Централизованные хлебозаготовки			Гарнцевый сбор, тыс. пудов
	тыс. пудов	к месячному плану, в %	к годовому плану, в %	
1928 г.				
Июль	1043	63,2	1,0	20
Август	302	22,3	1,2	50
Сентябрь	6500	260,0	7,3	277
Октябрь	26 813	178,8	32,1	673
Ноябрь	15 659	62,5	46,6	697
Декабрь	19 249	77,0	64,3	979
1929 г.				
Январь	9469	52,3	64,9	1175
Февраль	8113	40,6	71,6	1505
Март	5720	42,4	76,3	1627
Апрель	6537	Нет свед.	81,6	929
Май	2505	50,1	83,7	535
Июнь	3104	Нет свед.	86,2	676

Источники: Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 15 авг.; 27 сент.; 11 окт.; 15 нояб.; 9 дек.; 1929. 10 янв.; 14 февр.; 17 марта; 7 апр.; 23 мая; 20 июня; 25 июля; ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 432. Л. 195; Ф. Р-1073. Оп. 1. Д. 37. Л. 17; Правда. 1928. 2 окт.; 2 дек; Ежегодник хлебооборота. № 3: За 1928/1929 г. М., 1931. С. 9, 17.

Примечания: 1) Размеры централизованных хлебозаготовок приведены по оперативным данным Сибкрайторготдела. 2) Гарнцевый сбор — по данным Наркомторга СССР. 3) Ржаная и пшеничная мука в данных СКТО учтены в чистом весе, в данных НКТ СССР — в переводе на так называемые зерновые единицы. 4) Выполнение плана

хлебозаготовок до декабря 1928 г. включительно рассчитано от годового задания, утвержденного Сибкрайисполкомом в начале октября (108 млн пудов), затем — от годового задания, увеличенного во второй половине кампании (121,7 млн пудов).

Неудовлетворительными оказались результаты централизованных заготовок и в целом по стране. По оперативным данным Наркомторга, зерна на территории СССР в июле и августе 1928 г. закупили соответственно на 52 и 40 % меньше, чем за те же месяцы 1926 и 1927 гг. Причинами недобора стал недород озимой пшеницы на Украине, Северном Кавказе и в Крыму, а также затянувшийся из-за дождей обмолот зерна в ЦЧО и Поволжье. И лишь после созревания яровых хлебов, которые в недородных регионах заместили озимые, ситуация изменилась в лучшую сторону. В сентябре хлебозакуп в стране вышел на уровень предыдущих лет⁴³. Растущий уровень предложения стабилизировал положение на рынке. В результате рыночные цены снизились до уровня директивных. В октябре на ссыпные пункты плановых государственных и кооперативных заготов организаций зерна поступило на 14 % больше, чем в октябре 1926 г.⁴⁴ Заготовительное задание на октябрь было перевыполнено на 7 %⁴⁵.

В начале осени интенсивные заготовки начались в Сибири. Выполнение месячного плана в сентябре 1928 г. составило 260 %. Хлеба в регионе в течение месяца закупили в 4,3 раза больше, чем в сентябре 1926 г., и в 3,6 раза больше, чем в сентябре 1927 г. В октябре объемы заготовок существенно увеличились. Особенно результативной оказалась вторая декада, когда заготовители едва успевали принимать поступавшее на ссыпные пункты зерно. За месяц было собрано беспрецедентное количество хлебопродуктов и маслосемян — 26,8 млн пудов, что в 2,7 и 3,4 раза превосходило показатели 1926 и 1927 гг. План оказался перевыполнен на 79 % (см. табл. 1.1, 2.1, 3.1).

Базовым основанием успешного хода хлебозаготовок стал высокий урожай зерновых культур. Хлеба в Сибири в 1928 г. собрали на 15 % больше, чем в 1926 г., и на 29 % больше, чем в 1927 г. (см.: Приложение, табл. II). Основными стимулами для выхода производителей на рынок являлись увеличение закупочных цен и рост налоговой нагрузки. Технические культуры еще не созрели. Поступление на рынок мясопродуктов также было минимальным. Началось сезонное снижение производства и реализации молока. Улучшилось товароснабжение деревни. Повышение урожайности привело к тому, что товарные излишки появились у ранее удовлетворяющих за счет выращенного зерна лишь собственные потребности малопосевных групп сибирского крестьянства. Свою роль сыграли и благоприятные метеорологические погодные условия. Осеню 1928 г. в Сибири дольше обычного стояла сухая и теплая погода.

Дальнейшие перспективы заготовок в Сибири оценивались настолько оптимистично, что состоявшееся 22 октября 1928 г. краевое совещание хлебозаготовителей⁴⁶ поручило крайторготделу «в рабочем порядке» пересмотреть заготовительные задания по округам Сибирского края «в сторону возможного их увеличения». Основанием для подобного решения стал «весъма значительный % выполнения годового плана некоторыми округами». Так, в Кузнецком округе он был выполнен на 69 %⁴⁷.

При принятии краевого плана на ноябрь специалисты крайторготдела рассчитывали на сохранение высоких темпов заготовок. Однако уже в конце октября их объемы начали уменьшаться. В третьей декаде октября хлеба в крае закупили на 36 % меньше, чем во второй. В начале ноября падение объемов заготовок продолжилось. В первой декаде месяца они сократились по сравнению с предыдущей на 32 %. Во второй декаде ситуация несколько стабилизировалась. Третья декада дала новое снижение заготовок⁴⁸. В целом за ноябрь хлебопродуктов было собрано на 42 % меньше, чем в октябре. Выполнение регионального месячного плана составило 62,5 %. Основной причиной снижения темпов заготовок была осенняя распутица. Тем не менее результаты ноября в Сибири нельзя назвать провальными. В крае было собрано рекордное количество хлеба — 15 660 тыс. пудов, что превышало размеры предыдущего максимума для данного месяца (см. табл. 1.1). Больше, чем в предыдущие годы, зерна было заготовлено на Урале, в Поволжье и Казахстане.

Общая же ситуация в стране была близка к критической. В СССР в целом зерна заготовили на 43 % меньше, чем в октябре (см.: Приложение, табл. VI), а заготовительное задание выполнили на 67 %⁴⁹. При этом по сравнению с ноябрем 1926 г. объемы закупок в ноябре 1928 г. снизились более чем на треть. Особенно неудовлетворительными были результаты заготовок на Украине и Северном Кавказе. В то же время внутренний спрос на хлеб значительно превышал уровень двухлетней давности. Реакцией жителей городов на нехватку хлеба в предыдущем году было стремление закупать муку про запас. Крестьяне недородных районов, которые ранее удовлетворяли потребности в зерне за счет производства в собственном хозяйстве, стали нуждаться в его приобретении на рынке. Следует отметить, что неурожайным текущий год оказался не только для юго-западных регионов СССР. Недород ржи и пшеницы на северо-западе РСФСР вызвал необходимость увеличения завоза туда хлебопродуктов. Нарастание частного неудовлетворенного спроса привело к тому, что уже во второй половине октября начался рост рыночных цен на муку, а в начале ноября — на зерно⁵⁰.

Плановые органы попытались оперативно отреагировать на осложнение ситуации на хлебном рынке. 1 ноября СНК СССР принял решение сократить план закупок для юго-западных регионов СССР. Общегосударственный годовой план централизованных заготовок зерновых культур за счет этого снизился до 600 млн пудов⁵¹. В этих условиях существенно возрастила роль восточных регионов страны, включая Сибирь, получившую самое большое в СССР задание по закупкам и вывозу хлеба⁵².

Для восполнения дефицита зерна и муки в потребляющих и недородных районах было решено увеличить централизованный хлебный фонд за счет гарнцевого сбора. Согласно постановлению СНК СССР от 14 сентября 1928 г., поступающий по данному сбору хлеб предназначался для местного снабжения и должен был расходоваться «преимущественно на снабжение крестьянской бедноты»⁵³. 2 ноября было принято постановление СНК СССР, которое предусматривало расходование на местное снабжение лишь части гарнца. При этом норма о его преимущественном целевом использовании на нужды бедноты сохранялась. Долю сбора, которая оставалась в регионе, определял Наркомторг СССР⁵⁴. Сибкрайисполком предварительно ориентировал окрисполкомы на возможность расходования 50 % собранного хлеба. 19 ноября Сибкрайторготдел получил распоряжение Наркомторга, в соответствии с которым: а) в Сибирском крае следовало получить в счет гарнца 8,2 млн пудов хлебопродуктов; б) 10 % этого объема предназначалось для сибирской бедноты; в) «независимо от размера общего поступления гарнцевого сбора Сибкрай должен дать 6 милл[ионов] пудов в особый централизованный фонд, находящийся в распоряжении Союзнаркомторга для нужд снабжения потребляющей полосы СССР»; г) остальное количество собранного хлеба (сверх 6 млн пудов и 10 % фонда снабжения бедноты) оставалось в регионе и могло расходоваться только по указаниям Наркомторга. Тем не менее сибирские власти сумели добиться от Центра разрешения расходовать на нужды бедноты не 10, а 15 % гарнцевого сбора⁵⁵.

30 ноября 1928 г. Президиум Сибкрайисполкома утвердил годовое задание по сбору гарнца по краю в целом в размере 8,2 млн пудов и его распределение по округам⁵⁶. Окрисполкомам разрешалось 15 % гарнцевого сбора расходовать «на нужды деревенской бедноты и батрачества». Одновременно рекомендовалось «этот расход проповедовать главным образом весной, когда беднота и батрачество будут испытывать значительную нужду в хлебе»⁵⁷.

7 декабря Президиум крайисполкома, констатировав «слабый ход заготовок гарнцевого сбора», предложил окрисполкомам и крайторготделу а) усилить работу по его взиманию; б) «предъявить всем мельницам твердые календарные задания» по сдаче гарнца; в) при-

влекать к административной и судебной ответственности владельцев мельниц, уклоняющихся от сбора; г) «*обязать РИКи и сельсоветы установить систематический контроль за ходом взимания, а также сдачи гарнцевого сбора со всех мельниц, привлекая к этой работе организации сельской бедноты*»⁵⁸.

Снижение объемов хлебозакупа в ноябре привело к активизации деятельности директивных органов в Центре и регионах. 29 ноября ЦК ВКП(б) и СНК СССР потребовали от региональных партийных и советских органов «безусловного» выполнения заготовительных заданий на декабрь. Выполнение данной задачи увязывалось с «развертыванием массовой политической кампании в деревне, организацией кооперативной общественности и вовлечением сельской бедноты в дело хлебозаготовок», а также «энергичным проведением всех других мероприятий, усиливающих хлебозаготовки (взыскание платежей с крестьянства, снабжение промтоварами, борьба со срывом нашей политики цен)»⁵⁹.

В тот же день из Сибкрайкома ВКП(б) в адрес окружкомов «спешной почтой» направлено директивное письмо⁶⁰, в котором указывалось, что «*значительное увеличение роли Сибиря в связи с уменьшением годового плана заготовок по Украине и Северному Кавказу в снабжении хлебом промышленных центров Союза ССР (Сибирь имеет теперь самое большое, по сравнению с другими районами Союза, задание по снабжению промцентров хлебоффуражом)*» возлагает на сибирскую парторганизацию «особую ответственность» за выполнение заготовительного задания. В связи с этим крайком поставил задачу не только выполнить, но и перевыполнить полугодовой план хлебозаготовок, заготовив к 1 января 1929 г. по краю не менее 80 % годового задания. Для достижения данной цели, в частности, надлежало: 1) «*Поставить хлебозаготовительную кампанию в центре внимания всех организаций, подчинив всю партийную, советскую и общественную работу задачам хлебозаготовок*». 2) «*Немедленно бросить в районы и деревни лучшие силы парторганизации для усиления хлебозаготовок*». 3) «*Тщательно проверить сбор всех крестьянских платежей и обеспечить реальное поступление всех сумм, причитающихся по тем или иным платежам, в установленные сроки. Особое внимание при этом обратить на взимание разного рода платежей с кулацкой и за jitочной части крестьянства, не допуская здесь ни одного дня просрочки*». «*Проведение всех этих мероприятий и успешное разрешение поставленных задач возможно только при том условии, если во всей хлебозаготовительной работе будет обеспечено проведение правильной классовой линии. Хлебозаготовки должны послужить стимулом для укрепления бедняцко-середняцкого блока и усиленного наступления на кулака. Всю работу, в первую очередь по взиманию законных*

денежных платежей, надо поставить так, чтобы максимально стимулировать сдачу всего товарного хлеба со стороны кулака в ближайшее время».

К увеличению темпов хлебозакупа в декабре в Сибири привела не столько реализация поставленных крайкомом задач, сколько становление санного пути. В течение месяца хлебопродуктов и маслосемян в централизованном порядке в крае закупили на 23 % больше, чем в ноябре. На четверть был перекрыт результат предыдущего максимума для данного месяца. С июля по декабрь 1928 г. централизованные хлебозаготовки в регионе составили 69,5 млн пудов (табл. 3.2), что на 55 % превышало показатели аналогичного периода кампании 1926/27 г. Первоначально принятное шестимесячное календарное задание было практически выполнено (96,7 %)⁶¹.

Таблица 3.2

**Ход плановых заготовок хлебопродуктов и маслосемян в 1928/29 г.
в Сибирском крае (по округам)**

Округ / регион	Централизованные заготовки			Гарнцевый сбор	Общие итоги
	на 1.01.1929	на 20.03.1929	на 1.07.1929	на 1.07.1929	на 1.07.1929
I. Заготовлено (тыс. пудов)					
Омский	6943	8408	9769	1303	11 072
Славгородский	7103	8529	9231	814	10 045
Барабинский	1856	2536	3001	682	3683
Новосибирский	6780	9025	10 648	891	11 539
Каменский	4612	5659	6131	635	6766
Барнаульский	6872	8445	9853	972	10 825
Бийский	5847	7483	9493	475	9967
Рубцовский	8951	10 845	11 844	609	12 453
Юго-запад края	49 027	61 050	70 060	6382	76 442
Томский	3307	4354	5056	479	5535
Кузнецкий	2725	3256	3672	222	3894
Ачинский	3415	4726	5559	392	5951
Красноярский	1576	2502	2980	309	3289
Минусинский	1457	2339	2762	194	2956
Канский	4441	6567	7532	422	7954
Тулунский	1801	2900	3432	245	3677
Иркутский	1731	2707	3469	323	3792
Северо-восток края	20 487	29 634	34 462	2586	37 048
Сибирский край	69 514	90 684	104 851	8968	113 820

Округ / регион	Централизованные заготовки			Гарнцевый сбор	Общие итоги
	на 1.01.1929	на 20.03.1929	на 1.07.1929	на 1.07.1929	на 1.07.1929
II. Выполнение годового плана (%)					
Омский	59,3	70,1	81,4	90,8	82,4
Славгородский	55,9	67,2	72,7	88,3	73,7
Барабинский	84,3	84,5	100,0	96,3	99,2
Новосибирский	77,0	83,5	98,6	70,5	95,6
Каменский	73,2	77,5	84,0	104,1	85,5
Барнаульский	74,6	75,4	88,0	86,0	87,7
Бийский	53,1	63,4	86,3	56,0	84,1
Рубцовский	57,7	67,7	74,0	101,8	75,0
Юго-запад края	63,2	72,6	83,3	85,3	83,5
Томский	73,4	82,1	95,4	71,4	92,6
Кузнецкий	90,8	81,4	91,8	55,0	88,5
Ачинский	56,9	72,7	85,5	89,3	85,7
Красноярский	52,5	65,6	78,2	71,2	77,4
Минусинский	41,6	66,8	78,9	64,8	77,7
Канский	88,8	85,2	97,8	91,0	97,4
Тулунский	72,0	96,6	100,9	97,0	100,7
Иркутский	49,4	77,3	99,1	91,1	98,3
Северо-восток края	67,1	80,0	91,7	78,0	90,6
Сибирский край	64,3	74,8	86,2	83,1	85,9

Источники: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2789. Л. 1; Оп. 4. Д. 33. Л. 159; Оп. 2. Д. 432. Л. 195, 196, 202.

Примечания: 1) В таблице приведены оперативные данные СКТО. 2) Ржаная и пшеничная мука учтены в чистом весе. 3) Выполнение плана хлебозаготовок на 1 января 1929 г. рассчитано от годового задания, утвержденного Сибрайисполкомом в начале октября (108 млн пудов), на 20 марта и 1 июля — от годового задания, увеличенного во второй половине кампании (121,7 млн пудов). 4) Подсчет по гарнцу проведен, исходя из окончательного варианта плана.

Наиболее успешно развивались закупки Сибрайсоюза и Сибполлеводсоюза. Пользуясь системой так называемых путевок, работники низовой сети на местах торпедировали заготовки «Союзхлеба». Исходя из того, что кооперация должна была сдавать приобретенный хлеб последнему, кооператоры вручали путевки в том числе и тем крестьянам, которые везли свое зерно на государственные заготпункты. При этом сданный хлеб засчитывался в счет кооперативной хлебосдачи.

С тем чтобы побудить крестьян взять путевки, работники сельпо заявляли, что они будут продавать товар только сдатчикам хлеба по путевкам. За июль – декабрь 1928 г. Сибкрайсоюз приобрел 30,5 млн пудов хлебопродуктов, выполнив годовое задание на 73,2 %⁶².

Если судить по абсолютным показателям, то первое полугодие кампании 1928/29 г. в Сибири было самым успешным за все годы нэпа. Однако хлеба от Сибири требовалось гораздо больше. Выполнение регионального декабрьского плана составило только 77 %. Естественно, не была достигнута абсолютно нереальная цель: заготовить к 1 января 1929 г. 80 % годового задания. Констатировав данный факт, Сибкрайком ВКП(б) признал итоги хлебозаготовок в декабре неудовлетворительными⁶³.

Подобный вывод был сделан, исходя из анализа ситуации, складывающейся в масштабах всей страны. Несмотря на достаточно высокие темпы хлебозакупа в восточных регионах, итоги заготовок в СССР в целом оказались действительно неудовлетворительными. Объемы заготовок зерна в декабре не только не увеличились по сравнению с ноябрем, но даже несколько снизились (на 0,1 %) и составили две трети от рекордного результата декабря 1926 г. (см.: Приложение, табл. IV, VI). За первые шесть месяцев кампании зерна было собрано на 21 % меньше, чем в июле – декабре 1926 г. Выполнение календарного заготовительного задания на Украине составило 60,3 %, на Северном Кавказе – 88,8, в Казахстане – 85,2, на Средней Волге – 72 %⁶⁴.

В потребляющих районах страны возник дефицит хлеба. Его доставка из восточных регионов требовала времени. Начались перебои со снабжением населения хлебопродуктами, которые, в свою очередь, провоцировали ажиотажный спрос. Местные власти уже с октября начали вводить нормированный отпуск муки или низших сортов печеного хлеба для городского населения. В декабре в Брянской и Смоленской губерниях фактически были введены хлебные карточки⁶⁵. К минимуму был сведен хлебный экспорт. В ноябре – декабре 1928 г. зерновых и маслосемян из СССР было вывезено в 2,9 раза меньше, чем за аналогичный период предыдущего года⁶⁶.

В создавшихся условиях от Сибири потребовали безусловного выполнения задания по вывозу хлеба из региона. За счет введения более низкосортного помола план внутрисибирского снабжения был сокращен с 20 до 19,2 млн пудов. Кроме того, в него включался ряд статей расхода, которые ранее удовлетворялись из централизованного фонда. 31 декабря из Сибкрайисполкома в адрес председателей окрисксполкома было направлено директивное письмо, в котором указывалось, что для обеспечения бесперебойного снабжения хлебом потребляющих районов СССР необходимо «проявить максимум экономии в расходовании хлеба на местные нужды». В связи с этим

крайисполком предложил прекратить подачу ходатайств об увеличении планов хлебоснабжения и «ни в коем случае не допускать расхода хлеба сверх месячных планов и отдельных нарядов Сибкрайторготдела». «Виновных как в даче распоряжений о внеплановом расходе хлеба, так и в исполнении подобных распоряжений» надлежало привлекать к ответственности «как за растрату вверенных им государственных средств»⁶⁷.

3. «Сплзание» к чрезвычайным мерам

Обеспечить успешный ход хлебозаготовок в кампанию 1928/29 г. должно было повышение закупочных цен и увеличение налоговой нагрузки на деревню. Под воздействием данных факторов сибирские крестьяне после окончания уборки начали активно вывозить на заготпункты товарные излишки хлеба. Результаты хлебосдачи в сентябре – декабре 1928 г. в 1,6 раза превосходили показатели наиболее удачной до этого времени для региона кампании 1926/27 г. Успешно проходили заготовки в Поволжье, Казахстане и на Урале. Однако в целом по стране ситуация осложнялась неурожаем в основных зернопроизводящих регионах – на Украине, Северном Кавказе и в ЦЧО. Связанные с этим потери за счет хлеба, получаемого на востоке страны, в полной мере компенсировать не удалось. В потребляющих районах страны начались перебои со снабжением населения хлебопродуктами.

Нарастание продовольственного кризиса в стране вызвало острое противостояние в правящей верхушке. Н. И. Бухарин, А. И. Рыков, М. П. Томский решительно отвергали возможность возврата чрезвычайных методов хлебозаготовок. Для выхода из кризиса они выдвигали ряд уже неоднократно апробированных и доказавших свою эффективность экономических методов. Главным из них являлся ввоз зерна из-за границы⁶⁸. При этом для приобретения зерна предлагалось использовать кредиты зарубежных банков. Был также поставлен вопрос о проведении коррекции закупочных цен, повысив их в районах с большим разрывом между государственными и рыночными. Добавочный доход, полученный зажиточными слоями деревни за счет более высоких весенних цен, предполагалось компенсировать соответствующим повышением их налогообложения⁶⁹.

И. В. Сталин и его сторонники в Политбюро категорически отказались от подобных предложений. Импорт хлеба аграрной страной мог, по их мнению, негативно сказаться на международном престиже государства и тем самым поставить под сомнение его кредитоспособность. Имеющиеся валютные резервы, а также кредиты в связи с этим надлежало использовать только для приобретения промышленного

оборудования. Повышение закупочных цен определялось как уступка зажиточному крестьянству в ущерб интересам рабочего класса и деревенской бедноты⁷⁰. В то же время Сталин заявлял о том, что и в создавшихся условиях он считает нецелесообразным применение чрезвычайных методов хлебозаготовок, что, впрочем, не исключает силовых мер воздействия в отношении кулачества.

В итоге недостачу хлеба решили погасить за счет строжайшей экономии и форсирования заготовок в урожайных районах. В начале января 1929 г. нарком торговли СССР А. И. Микоян предложил руководству Сибирского края увеличить региональное заготовительное задание для края на 10 млн пудов. Бюро крайкома ВКП(б), рассмотрев данный вопрос, признало подобное увеличение «нереальным и невозможным»⁷¹.

Несмотря на достигнутый в первом полугодии относительный успех, виды на вторую половину кампании в регионе не были абсолютно безоблачными. Региональный годовой план, по мнению экспертов, являлся изначально завышенным⁷². В сводке ОГПУ от 4 января 1929 г. о ходе хлебозаготовительной кампании в Сибири сообщалось, что «*среди части работников заготовительного аппарата (в том числе и среди партийцев) все чаще отмечаются разговоры о необходимости прекращения хлебозаготовок, о бесцельности их дальнейшего проведения ввиду исчерпания товарных излишков хлеба у крестьян, отмечены факты отказа от дальнейшего проведения хлебозаготовок со ссылкой на то, что с “них требуют невозможного”*»⁷³.

Центр проигнорировал возражения сибирских властей против увеличения плана. 17 января 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило постановление СНК СССР, в котором признавалось «правильным и целесообразным произведенное НКТоргом СССР повышение хлебозаготовительных заданий» для Сибирского и Нижне-Волжского краев, Уральской и Средне-Волжской областей, Казахстана и Башкирии на 43 млн пудов и отмечалось «запоздание в проведении этой меры»⁷⁴. Для остальных регионов, несмотря на низкие темпы заготовок в них и нереальность их выполнения, годовые задания не снижались. В итоге общесоюзный план вырос до 643 млн пудов⁷⁵. Годовой план заготовок зерна для Сибирского края увеличивался со 105 до 115 млн пудов.

В целях стимулирования заготовок в восточных регионах в постановлении СНК СССР предлагалось «срочно разрешить вопрос о значительном расширении круга и ассортимента товаров, завозимых на село (предметы хозяйственного обихода, мебель, швейные машины, радиоустановки и т. п.)», «установить систему премирования товарами сельских кооперативов за своевременное или досрочное выполнение заготовительных планов, а также их превышение»; дефицитные промтовары распределять среди крестьян, продающих хлеб государ-

ственным и кооперативным заготовителям; в системе потребительской кооперации ввести систему приема заказов на промтовары и их авансирования.

Однако гораздо больший эффект должны были дать меры, направленные на повышение уровня налогообложения. «*В изъятие из действующих законов*» в регионах, получивших дополнительное заготовительное задание, предельный лимит самообложения повышался с 25 до 50 % от оклада сельхозналога. В сельских потребительских обществах тех же регионов и Татарской АССР до 1 февраля 1929 г. надлежало ввести систему дифференцированных паев⁷⁶. Центросоюз в развитие постановления СНК СССР обязал региональные коопсоюзы обеспечить в течение января — марта 1929 г. сбор не менее 40 % годового размера паевых взносов⁷⁷.

Бюро Сибкрайкома ВКП(б), получив утвержденное на Политбюро постановление СНК СССР о повышении заготовительного задания, возражать более не посмело и «приняло к исполнению» дополнительный план. При этом по округам «для страховки» разверстывался объем заготовок, на 1,7 млн пудов превышающий размеры дополнительного задания Центра. Позднее региональный план был увеличен еще на 1 млн пудов и составил в итоге 121,7 млн пудов⁷⁸.

На места были направлены директивы с требованием форсирования темпов хлебозаготовок⁷⁹. В циркулярной телеграмме крайкома и крайисполкома от 17 января указывалось, что поставленная задача «*требует применения всех мер экономического характера, могущих обеспечить повышение заготовок*». При этом январь — февраль назывались периодом, «*определяющим судьбу выполнения*» годового заготовительного задания⁸⁰.

В качестве первоочередного мероприятия экономического характера рассматривалось увеличение товароснабжения сельской местности за счет оголения городских рынков. Одним из товаров, который усиленно продвигался в деревне («*вплоть до полного прекращения продажи ее в городах*»), являлась водка⁸¹. Данная мера также была призвана содействовать борьбе с самогоноварением.

В районах товарного мукомолья, «*где наблюдается спекуляция мукой*», предлагалось увеличить ставки гарнцевого сбора, «*в случае необходимости*» ограничить объемы крестьянского помола определенными нормами, в обязательном порядке перевести все крестьянские мельницы на более экономный (но менее качественный) помол. 6 февраля Президиум Сибкрайисполкома, исходя из правительственные директивы, принял решение снизить отчисление от гарнцевого сбора на местные нужды с 15 (см. выше) до 10 %, а 13 февраля повысил годовое задание по сбору гарнца с 8 млн 200 тыс. до 10 млн 800 тыс. пудов и разверстал его по округам⁸².

Краевые органы указали на необходимость «срочно» завершить проверку выполнения договоров на поставку законтрактованного⁸³ и закупленного на корню хлеба, принимая к нарушителям договорных обязательств законодательно предусмотренные меры воздействия «и не останавливаясь перед привлечением их к судебной ответственности». Это требование в полной мере относилось к колхозам. В директиве крайкома и крайисполкома от 6 февраля отмечалось, что «до сих пор многие колхозы не выполнили договоров контрактации, пользуясь недопустимо халатным отношением [со] стороны окружных кооперативных союзов, считающих, [что] звание колхоза освобождает [от] необходимости применения репрессии [в] отношении тех колхозов, которые не выполняют своих обязательств. Наблюдаются случаи, [когда] колхозы имеют продовольственный хлеб [в] размерах, превышающих их потребность, [и] не продают заготовителям, иногда употребляют [на] корм скоту вместо фуража». В связи с этим от колхозов потребовали «немедленной продажи всех излишков хлеба»⁸⁴.

Важная роль отводилась мерам фискального воздействия на крестьянство. От потребительской кооперации требовалось активизировать введение дифференцированных паевых взносов. Финансовым органам надлежало ускорить погашение задолженностей по налоговым сборам и кредитам. Просроченные платежи хозяйств, облагаемых сельхозналогом в индивидуальном порядке, должны были быть погашены «[в] кратчайший срок» с применением мер принудительного взыскания. В тех сельских районах, «где имеется спекуляция хлебом, [а] также слабое поступление хлеба [со] стороны кулаков», рекомендовалось дополнительно привлечь к индивидуальному обложению от двух до трех хозяйств. Кроме того, подлежал проработке «вопрос об усилении сбора военного налога с лиц, лишенных права службы в Красной армии»⁸⁵.

19 января в циркулярной телеграмме крайкома и крайисполкома в соответствии с постановлением СНК от 17 января рекомендовалось «[в] отдельных случаях при добровольном согласии самих граждан, выраженном постановлениями общих собраний», повышать лимит самообложения до 50 %. 15 февраля Сибкрайком потребовал уже повсеместного повышения размера самообложения, поставив задачу сбора поступивших по нему средств до 1 апреля⁸⁶. С тем чтобы подстегнуть заготовки, руководители ряда округов приняли решение о дальнейшем повышении лимита самообложения. В Канском округе его ставки увеличили до 80 % уплачиваемой суммы сельхозналога. В Минусинском округе 100 %-ный лимит установили для хозяйств, относимых к категории кулацких⁸⁷.

Помимо экономических рычагов активизации заготовок, местные власти получили и внеэкономический — так называемый бойкот, ко-

торый заключался в занесении зажиточных крестьян, имеющих, по мнению властей, сверхнормативные запасы хлеба, на «черную доску», публичном объявлении их врагами советской власти, исключении из кооперации, отказе от продажи товаров в кооперативных лавках, пользовании общественными угодьями, помоле зерна, выдаче необходимых справок в сельсоветах и т. п. Большинство из используемых приемов бойкота широко применялись сельскими функционерами в ходе предыдущей хлебозаготовительной кампании, но затем были официально осуждены как перегибы. Бойкот должен был иметь общественный характер: кандидатуры бойкотируемых следовало прорабатывать на бедняцких собраниях, собраниях пайщиков, сельских сходах. Потенциальные держатели хлеба вызывались для конфиденциальных бесед в сельсоветы, им рассылались письма с угрозами.

В фондах ГАНО отложилась копия подобного товарищеского письма, направляемого от имени Ребрихинского общества потребителей (Барнаульский округ) «*кулакам и держателям хлеба*»⁸⁸:

«ЗЛЕЙШЕМУ ВРАГУ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ

Петрову Ивану

Мы знаем, что у тебя имеются излишки ХЛЕБА в ... пудов, которые ты злостно задерживаешь, ожидая повышения ХЛЕБНЫХ цен, или намерен продать их СПЕКУЛЯНТУ.

Задерживая излишки ХЛЕБА, т. е. не продавая их государству, ты этим самым ставишь под угрозу срыва развитие нашей промышленности и сельское хозяйство, ты становишься врагом РАБОЧИХ и КРЕСТЬЯН, другом и помощником КУЛАКА и СПЕКУЛЯНТА, ты способствуешь возврату капиталистов и помещиков, ты ожидаешь возврата КОЛЧАКА, АНЕНКОВА и им подобных, которые снова будут портить нагайкой БЕДНЯКОВ и честных СРЕДНЯКОВ.

НЕ ЖДИ ИХ, СОВЕТСКАЯ ВЛАСТЬ ЭТОГО НЕ ДОПУСТИТ. Бедняки и честные средняки объявили тебе БОЙКОТ, а если не объявили, то обявят. Если ты не хочешь быть в лагере врагов РАБОЧИХ и КРЕСТЬЯН, хочешь снять с себя позорное пятно БОЙКОТА и не допустить его, мы предлагаем тебе немедленно продать указанное количество излишков и не позднее ... снять с себя и детей положенное на тебя рабочими и крестьянами позорное пятно врага РАБОЧИХ и КРЕСТЬЯН. Не жди повышения ХЛЕБНЫХ цен, продай излишки ГОСУДАРСТВУ».

Фактически речь шла об организации публичной травли зажиточных крестьян. Данное определение «бойкота» было дано не искусенными в мастерстве политического камуфляжа авторами постановления Бийского окружкома ВКП(б) от 18 января 1929 г., в котором в качестве мер стимулирования заготовок предлагалась «организация

*общественной травли крупных держателей хлеба, устройство бойкота кулакам*⁸⁹. Вводя «общественный бойкот», власти рассчитывали и на психологический эффект данной акции на остальных хлебодержателей.

В качестве еще одной меры общественного воздействия на крестьян применялись так называемые хлебные демонстрации, которые заключались в организованных активистами шествиях по сельским улицам с лозунгами, осуждающими злостных несдатчиков хлеба, и проведении по ходу демонстрации серии митингов возле их дворов. Помимо этого устраивались шумные хлебные карнавалы с переодеванием и сожжением чучел классовых врагов.

Нами не выявлено прямых указаний центральных органов власти по организации бойкота. Однако в качестве своеобразных директив местными властями также рассматривались помещенные в центральных органах печати, и прежде всего в «Правде», материалы, в которых содержалась информация одобряющего характера о применяемых на местах методах давления на держателей хлеба.

14 декабря 1928 г. в «Правде» была опубликована заметка, в которой сообщалось о том, что 26 ноября «беднота и середняки села Петропавловки Валковского района на Харьковщине объявили бойкот кулакам Шкргалю и Гриневу, злостно спекулировавшим хлебом и не продавшим кооперации ни одного кило. Шкргаль и Гринев исключены из состава товарищества, им закрыты денежные и машинные кредиты, прекращена выдача авансов. Кроме того, по постановлению кооперативного актива бойкотируемым не будут отпускаться товары, а кооперативные мельницы села отказываются принимать у этих кулаков-спекулянтов зерно для перемола». В газете также воспроизвился (на русском языке) «плакат, вывешенный в с. Петропавловка»:

**«БОЙКОТ СПЕКУЛЯНТАМ
ЗЛОСТНЫМ НЕСДАТЧИКАМИ ХЛЕБА»**

Правление сель[ско]хоз[яйственного], потреб[ительского] и буряковского [свекловичного. — В. И.] т[овариществ] [...] с активом на заседании 26 ноября постановило:

объявить бойкот

Шкргалю [...], Гриневу [...] <...>. Далее в плакате по пунктам перечислялись меры, примененные по отношению к бойкотируемым.

В начале января 1929 г. «Правда» информировала своих читателей о бойкоте как массовом явлении. В номере от 8 января сообщалось о том, что постановление «о бойкотировании спекулянтов-перекупщиков хлеба» было принято в 60 селах Татарии. «Правда» подобным же образом пропагандировала и другие меры «общественного воздействия»⁹⁰.

Прообразом бойкота в Сибири стало сделанное крайпотребсоюзу предложение совещания заготовителей при крайисполкоме от 7 января 1929 г. «дать директиву по своей системе о постановке на общих собраниях пайщиков докладов о хлебозаготовках с целью принятия мер общественного воздействия на своих членов, задерживающих продажу хлеба, не принимающих участия в выполнении своим кооперативом обязательств по выполнению плана хлебозаготовок»⁹¹. В постановлении бюро Сибкрайкома от 17 января подобная мера воздействия привнесла завершенные черты. В нем признавалось необходимым «по отношению к отдельным кулакам, злостно задерживающим свой хлеб, проводить бойкот путем: а) опубликования фамилий этих кулаков в окружных газетах, в стенгазетах, на бедняцких собраниях, на собраниях всех крестьян и т. п.; б) исключения их из кооперации; в) отказа в продаже им дефицитных товаров»⁹².

31 января из крайкома и крайисполкома на места была направлена телеграмма, в которой указывалось, что «[в] некоторых районах бойкот кулаков проводится [в] порядке бюрократических приказов, [по] распоряжению председателей сельсовета, кооператива». В связи с этим адресатам надлежало проводить таковой исключительно «[в] порядке широкой разъяснительной проработки вопроса, обязательно [о] каждом отдельном кулаке, обязательно на массовых собраниях (этую меру применять исключительно [к] кулакам, задерживающим [или] спекулирующим своим хлебом, не увеличивая слишком много количества бойкотируемых, тогда острота этого бойкота теряется)»⁹³.

В циркуляре Сибкрайкома от 15 февраля были определены количественные параметры бойкотирования: 3–5 хозяйств на село. Кроме того, крайком рекомендовал окружкам и райкомам ВКП(б) обратить внимание «на организацию и повышение активности бедняков и середняков, уже сдавших хлебные излишки, всячески популяризируя особо примерных сдатчиков в противовес бойкотируемым». Также признавалось необходимым «сокращать отпуск промтоваров, а в отдельных случаях провести полное прекращение товарного снабжения и вывоз всех дефицитных товаров из тех потребобществ хлебных сел, где задания по хлебозаготовкам явно срываются». Проводя индивидуальный бойкот, а также сокращение или полное прекращение товаровнабжения сельских потребительских обществ, следовало добиваться, чтобы «партические, сельсоветы и все другие общественные организации села, члены профсоюзов, беднота и вся лучшая часть середняков (сдавшая хлеб) активно поддержали бойкот. Поэтому в селах, где проводится бойкот, должна быть развернута широкая массовая работа и одновременно должны жестко проводиться все остальные меры давления на хлебодержателя (сбор самообложения, кооперативных паев, авансов, задолженности и проч.)»⁹⁴.

Получаемые из вышестоящих инстанций директивы на применение «всех мер экономического и общественного давления на хлебодержателей, в первую очередь кулаков» воспринимались местными властями как индульгенция на вседозволенность. Уполномоченный по хлебозаготовкам в Славгородском округе И. Сафоненко в своем отчете особо остановился «на моменте сползания на чрезвычайные меры», к которым отнес «хождение по амбарам», «искание запятанного хлеба», «аресты на базарах». «Все это создает атмосферу, когда крестьянство считает, что чрезвычайные меры уже существуют, и готовится только к обеспечению себя от 107 ст.»⁹⁵.

С тем чтобы ситуация в деревне не вышла из-под контроля, региональное руководство было вынуждено ограничивать деятельность сельских функционеров определенными рамками. В постановлениях от 12 и 15 февраля Сибкрайком ВКП(б) признал недопустимыми попытки «применения чрезвычайных мер (ст. 107, ст. 58/10, лишение земельных наделов) как средства усиления хлебозаготовок». Впрочем, запрет на применение указанных статей УК РСФСР как метода стимулирования хлебосдачи не исключал «предания суду по этим статьям спекулянтов, перекупщиков и лиц, выступающих с контрреволюционной агитацией»⁹⁶.

Осуждали краевые власти и факты наиболее вопиющих перегибов. 4 марта бюро крайкома, заслушав доклад о результатах работы комиссии, изучившей ситуацию в Покровском районе Рубцовского округа, объявило выговор Рубцовскому окружному «за недостаточное руководство хлебозаготовками в Покровском районе», распустило Покровский райком «за явное искажение линии партии, допущенное в хлебозаготовках», поручило соответствующим органам «применить строгие меры наказания к непосредственным виновникам инцидента в Покровском районе (исключение из партии и привлечение к судебной ответственности)»⁹⁷.

По итогам рассмотрения вопроса бюро крайкома приняло резолюцию⁹⁸, в которой констатировалось «наличие серьезных политических извращений и ошибок в ходе хлебозаготовок в Покровском районе, выразившихся:

1) В неправильном подходе к середнякам – применение к ним при попустительстве представителей округа недопустимых мер воздействия, например, постановление собрания пайщиков кооператива в селе Вторая Карповка: «Поручить сельсовету индивидуально обложить и лишить избирательных прав середняков Дементьева и Баковского».

2) В организации в Усть-Козлухе карнавала – принужденное шествие с черными флагами из держателей хлеба, из которых значительная часть оказалась середняками⁹⁹.

3) Попустительство со стороны представителей округа, районных и сельских работников воровской шайке, грабившей хлеб, и прием ворованного хлеба заготовителями. Вследствие этого попустительства в селе Вторая Карповка организовалась во главе с преступными элементами и кулаком группа до 40 чел. крестьян, преимущественно бедняков, которые, наименовав себя "гужтруд", занимались похищением хлеба, порчей сельхозинвентаря и применили даже организованный выезд в районное село с целью разгрома и грабежа амбаров зажиточных крестьян, не сдающих хлеб.

Участники этой группы именовали себя «продовольственным отрядом Советской власти».

4) К отдельным гражданам, не сдающим хлеб, применялись совершенно непозволительные методы воздействия — насмешки и издевательство в помещении сельсовета, мазание ворот дегтем¹⁰⁰ и т. п.

5) Распубликование по селу 2-я Карповка явно неправдоподобной афиши, в которой говорилось, что за задержку хлеба один из граждан села Краснощеково был приговорен на 5 лет лишения свободы, к 3-м годам ссылки и уплате 200 руб. штрафа.

Перечисленные извращения вместе с грубейшими ошибками, допущенными в селах Усть-Козлуха и Ново-Шипуново по закрытию церквей административным порядком, приведшие к открытым конфликтам местных организаций с частью крестьян, которые были использованы кулачеством, организовавшим групповые и массовые выступления с попытками террористических действий, а также явно недопустимые "методы" ликвидации этих конфликтов (поливание толпы водой из пожарной машины¹⁰¹), приняли политический опасный характер, могущий привести к серьезным последствиям и подрыву темпа хлебозаготовок, дискредитации Советской власти».

В постановляющей части резолюции, в частности, всем окружжкам ВКП(б) края предлагалось «немедленно и решительно пресекать подобные извращения партийной линии в деревне».

Осуждая перегибы и отказывая местным властям в применении прямых репрессий как метода стимулирования хлебозаготовок, руководители Сибирского края не считали чрезвычайными мерами такие санкционированные ими действия, как бойкот, увеличение размеров самообложения, дополнительное выявление хозяйств, подлежащих обложению сельхозналогом в индивидуальном порядке. Однако у подобной позиции были и противники. Особое мнение по поводу решения бюро Сибкрайкома ВКП(б) от 17 января (см. выше) высказал председатель краевой контрольной комиссии ВКП(б) и отдела РКИ при Сибкрайисполкоме В. С. Калашников¹⁰². Он счел «неправильным и идущим вразрез с решением Пленума ЦК (ноябрьского) постановление Бюро Крайкома, где дается директива местным организациям

(хотя не всем пока) о том, чтобы в целях усиления хлебозаготовок провести дополнительное выявление кулацких хозяйств для обложения их в индивидуальном порядке». Данное решение противоречит требованию пленума ЦК о недопущении расширительного применения индивидуального обложения, потому что:

«а) несдача хлеба не есть порядок для обложения в индивидуальном порядке;

б) с [ель]х[оз]налог объявлен, поступают платежи, и сейчас снова проводить кампанию по пересмотру обложения — политически невыгодно, подрывает революционную законность;

в) этот путь хлебозаготовок — есть путь сползания на методы чрезвычайных мер, дает возможность низовым парторганизациям от той основной установки, которую поставил Пленум ЦК¹⁰³ <...> перейти на более “легкий” путь, “сдавай хлеб, а то обложим индивидуальным порядком”, откуда последует и все остальное — лишение избирательных прав и пр.;

г) идя по этому пути и учитывая опыт прошлого года, наши низшие организации в целях успешного выполнения плана по хлебозаготовкам безусловно затронут середняка;

д) совершенно будет непонятно, почему кулацкое хозяйство, сдавшее хлеб, не попадает по индивидуальному обложению, а не сдавшее попадает, притом в одном районе (там, где плохо) это дополнительное выявление проводят, а в другом районе, где идут хлебозаготовки, ничего (хотя там может быть кулаки тоже не сдали хлеб) там не проводят».

Несмотря на аргументированный протест, решение бюро крайкома от 17 января не отменили, а самого Калашникова на проходившей в конце февраля — начале марта 1929 г. IV краевой партконференции в состав «руководящих органов сибпарторганизации» не избрали.

Предпринятые в начале 1929 г. меры экономического и политического характера ожидаемого эффекта не дали. Темпы хлебозакупа в Сибири стали падать. В январе было заготовлено на 51 % меньше, чем в декабре, а в феврале — на 14 % меньше, чем в январе.

На результаты заготовок повлияла изменившаяся по сравнению с первой половиной кампании конъюнктура рынка. Маломощные слои деревни к этому времени реализовали имеющиеся у них товарные излишки. Более зажиточные крестьяне также сдали абсолютно большую часть своего товарного хлеба и, как это отмечалось в конъюнктурном обзоре народного хозяйства Сибирского края за первое полугодие 1928/29 хозяйственного года, «были не склонны торопиться» с реализацией остатков¹⁰⁴. Значительную долю зерна, оставшегося у них сверх потребительской, фуражной и семенной норм, составляли страховые запасы. Поскольку таковые в предыдущем году были в де-

ревне изъяты, то на их восполнение хлеба пошло значительно больше, чем обычно. Необходимость наращивания страховых запасов была также связана с ожиданием возможного недорода. Его вероятность в наступившем году существенно повышалась, так как четыре предыдущих года были урожайными. Реальные опасения за судьбу будущего урожая на Алтае создавали небольшое количество атмосферных осадков в течение осени и зимы и незначительный снежный покров.

Не было у крестьян и острой нужды в деньгах. Срочные нужды в промтоварах были реализованы осенью и в начале зимы 1929 г. Налоговые выплаты в значительной степени погашались за счет других источников дохода. Заготовки мяса в Сибири в январе — марте 1929 г. выросли по сравнению с аналогичным периодом предыдущего года в 1,8 раза, говядины — в 2,2 раза, крупного кожсыря — в 1,4 раза¹⁰⁵. В первую очередь мясо сдавали зажиточные крестьяне, которые реагировали на усилившийся экономический и политический прессинг сокращением поголовья скота в своих хозяйствах.

Недостаточно эффективным, по мнению местных функционеров, оказался и бойкот. Крестьяне смогли к нему приспособиться. Бойкотируемые в своем селе делали покупки и мололи хлеб в соседней деревне. Вводимый сельскими властями коллективный бойкот в большинстве случаев отменялся вышестоящими инстанциями как задевающий интересы бедноты и середняков. Уполномоченный Союзхлеба в Рубцовском районе М. И. Штерн в докладной записке от 7 марта указывал, что *«решающее отрицательное значение имело также изменение установки дальнейших мер воздействия на задерживающих хлебные излишки: раньше — в январе — предполагалось, что по отношению к бойкотированным, к особо злостным держателям хлебных излишков, которые не поддаются мерам бойкота, можно будет применять в дальнейшем логически вытекающие меры воздействия в виде лишения земельного надела или даже выселения из пределов села, такова была согласованная установка в этом вопросе с местными директивными органами. Эта установка достаточно широко рекламировалась на общих сельских собраниях. <...> однако эта установка в средних числах февраля получила неожиданное изменение, а последнее стало известно крестьянскому населению, и естественно, что такое пустое бряцание оружием и решило судьбу темпа кампании хлебозаготовок»*¹⁰⁶.

Объемы заготовок снижались не только в Сибири, но и в большинстве регионов страны. В январе 1929 г. объем централизованных заготовок зерновых культур в СССР снизился по сравнению с предыдущим месяцем на 36 %, в феврале — на 20 % (см.: Приложение, табл. VI). В потребляющих районах еще более обострился возникший в конце 1928 г. дефицит хлеба. Для того чтобы его купить,

очередь нужно было занимать ночью. Рыночные цены стремительно росли. Широкие масштабы приобрело мешочничество. Проблемы со снабжением вызывали нарастающее недовольство рабочих. Участились случаи забастовок. Шло брожение в городских партийных организациях. Нормированное распределение распространялось на все новые города. В начале февраля кооперативными центрами были даны на места указания о введении так называемых заборных книжек. 14 февраля 1929 г. переход к карточной системе был санкционирован Политбюро ЦК ВКП(б). К 20 марта заборные книжки были выданы жителям Москвы, Ленинграда, всех губернских и многих уездных городов¹⁰⁷.

В этих условиях Центр требовал от региональных руководителей форсирования хлебозаготовок. Те, в свою очередь, усилили давление на местные органы власти. 28 января бюро Сибкрайкома констатировало невыполнение заготовительного задания на январь, «главным образом благодаря неудовлетворительной работе хлебозаготовителей и окружных руководящих организаций». Омскому, Славгородскому, Бийскому и Каменскому окружкам ВКП(б) ставилось на вид за «совершенно неудовлетворительную работу по хлебозаготовкам». 6 февраля крайком и крайисполком заявили, что «единственной причиной снижения хлебозаготовок [в] этих условиях является плохая работа заготовительных организаций, [а] также советских [и] партийных органов»¹⁰⁸.

15 февраля из крайкома ВКП(б) в адрес всех окружков и райкомов компартии Сибирского края направлено циркулярное письмо, в котором указывалось на сокращение объема заготовок в первой декаде февраля. «Это свидетельствует о том, что хлебозаготовительные, а также партийные, советские и другие организации не развернули действительно боевой работы и не выполнили директив ЦК и Сибкрайкома ВКП(б) по хлебозаготовкам. До сих пор часть работников и даже часть парткомов и сельячек преступно прикрывают свое бездействие разговорами о нежизненности и невыполнимости планов, о недействительности всех мер, проводимых за усиление хлебозаготовок (самообложение, сбор платежей, авансов и сбережений, бойкот, маневрирование товарами, массовая работа и пр.). Ничего не делая для проведения этих мер и полного их использования для усиления хлебозаготовок, эта часть работников дезорганизует всю работу и на деле помогает кулаку. Сибкрайком со всей резкостью подчеркивает, что важнейшая задача окружков и райкомов партии заключается в том, чтобы окончательно вытравить эти настроения расхлябанности, бюрократизма и пораженчества во всех звеньях партийного, советского, а в особенности заготовительного аппарата»¹⁰⁹.

Выступая на IV краевой партконференции, первый секретарь крайкома С. И. Сырцов призвал к тому, чтобы хлебозаготовки проходили «под знаком изъятия партбилетов у некоторых деревенских коммунистов» и высоко оценил опыт рубцовской парторганизации, «в которой имеется довольно значительное наличие окулачившихся коммунистов в деревенской организации, оказывающих противодействие хлебозаготовкам, когда она 17–15 проц[ентов] этих деревенских коммунистов с большей пользой для партийной организации и для нашей работы в деревне вычистила»¹¹⁰.

Наращивание объемов вывоза хлеба в европейскую часть страны привело к ухудшению положения и на потребительском рынке Сибири. В январе в регионе начался рост рыночных цен на зерно и муку. Горожане реагировали на возникший дефицит закупками муки впрок. В феврале на городских базарах цены на пшеницу выросли на 21 %, пшеничную муку — на 27 %. В Новосибирске в отдельные дни февраля цена 1 ц пшеничной муки достигала 27 руб. 40 коп., в то время как в последних числах января она равнялась 16 руб. 87 коп. В юго-западных округах разница между средними рыночными и государственными заготовительными ценами на пшеницу в начале марта составляла 65 %, в северо-восточных — 35 %. 1 апреля пшеница на городских базарах в юго-западной части региона стоила на 72,5 %, в северо-восточной — на 35,8 % больше, чем 1 марта¹¹¹. Нарастающий разрыв между государственными заготовительными и рыночными ценами, в свою очередь, приводил к сокращению плановых заготовок. Крестьяне либо задерживали реализацию оставшихся у них товарных запасов зерна, либо продавали его по повышенным ценам на городских базарах.

4. Поиски «нового метода»

В конце 1928 г. связанные с неурожаем низкие темпы хлебозаготовок в основных зернопроизводящих регионах СССР (на Украине, Северном Кавказе и в ЦЧО) привели к острому продовольственному кризису. Для того чтобы компенсировать потери, советское руководство решило увеличить план сбора хлеба для более урожайных восточных регионов — Сибири, Поволжья, Урала, Казахстана и Башкирии, где заготовки проходили более успешно. С целью стимулирования крестьян к сдаче хлеба в данных регионах увеличивался размер самообложения и вводилась система дифференцированных паевых взносов в сельской потребкооперации. Помимо этого к зажиточным крестьянам, имевшим, по мнению властей, сверхнормативные запасы хлеба, применялся бойкот: их публично объявляли врагами советской власти, исключали из кооперации, им отказывали в продаже то-

варов в кооперативных лавках, пользовании общественными угодьями, помоле зерна, выдаче необходимых справок в сельсоветах и т. п. Принятые меры ожидаемого эффекта не дали. Темпы заготовок в начале 1929 г. стали падать и в стране в целом, и в восточных регионах. В потребляющих районах еще более обострился продовольственный кризис. В этих условиях Центр все более жестко стал требовать от региональных руководителей форсирования хлебозаготовок.

В ответ на постоянно раздающиеся «сверху» требования наращивания темпов хлебозаготовок «снизу» все более настойчиво стало звучать требование перехода к чрезвычайным методам их проведения. В документах зафиксированы следующие высказывания работников партийных, советских и заготовительных органов: «*Нужны еще какие-то методы, которые бы помогли нам взять хлеб*»; «*Хлеб удастся заготовить только тогда, когда пойдут по амбарам*»; «*Если центр не разрешит снова применять репрессивные меры, то заготовительный план останется невыполненным*»; «*Не пора ли нам повторить 107 статью или найти какую-нибудь другую подходящую статью*»; «*Пора поставить перед краевым комитетом вопрос о новых методах заготовок, если краевой комитет хочет выполнить план на 100 процентов*»¹¹².

Выдвигались и конкретные предложения. Председатель крайпотребсоюза Л. С. Стриковский выдвинул идею «кооперативной разверстки», которая заключалась в распределении между пайщиками заготовительных заданий, утвержденных на общем собрании членов сельпо¹¹³. Кандидат в члены бюро Новосибирского окружкома ВКП(б) Б. Резников в докладной записке на имя секретаря окружкома предложил «*принудительно купить хлеб*» у 8 тыс. «*кулацких хозяйств*» по государственным заготовительным ценам. Средний размер подобного закупа должен был составить 300 пудов на хозяйство. По мнению Резникова, «*если привлечь к этому делу бедноту, то это можно провести без затяжки*»¹¹⁴.

Отказывая местным функционерам в праве использовать прямые репрессии против зажиточных крестьян, высшие партийные и советские руководители Сибирского края тем не менее сами осознавали необходимость перехода к основанным на внеэкономическом принуждении методам хлебозаготовок. На состоявшейся в конце февраля – начале марта IV Сибирской краевой партийной конференции С. И. Сыровцов и Р. И. Эйхе инициировали обсуждение идеи принудительного хлебного займа в отношении «*крупных держателей хлеба*». Большинство делегатов конференции эту идею поддержали, заявляя, что иными способами выполнения годового заготовительного плана добиться не удастся. Озвучивались различные объемы возможного займа: от 10 до 15 млн пудов. Выдвигались разнообразные условия

его возврата: деньгами по государственной закупочной цене или на турой; с процентами или без таковых; с погашением через два года или из урожая следующего года; и т. п. Разнотечения вызвал и контингент «заемодателей». Некоторые выступающие считали политически более целесообразным «ограничиться кулаками», другие предлагали включить в него и зажиточных середняков, взяв хлеб у 12–15 % крестьянских хозяйств¹¹⁵. Указывалось на необходимость применения жестких репрессивных мер «к таким кулакам, которые против этого принудительного займа и укрываются от того, чтобы давать хлеб». Секретарь Канского окружкома ВКП(б) А. А. Горбунов предложил применять к таковым «изъятие земли в порядке 60 статьи Земельного Кодекса»¹¹⁶.

Однако нашлись и противники «принудительного займа», которые считали, что подобная акция заденет середняка, а следовательно, поссорит его с советской властью. По мнению оппонентов займа, применяемые меры стимулирования заготовок (товарные интервенции, бойкот, самообложение) себя еще не исчерпали¹¹⁷. Так, секретарь Новоселовского райкома ВКП(б) Красноярского округа П. М. Булгаков заявлял: «Мы, введя принудительный заем, в первую очередь ущемим середняка. <...> Я так думаю, когда мы получим заем, то, в первую очередь, куда мы пойдем? Мы должны пойти к кулаку, а после кулацкого разговора мы должны к нему в амбар пойти. Тут и середняк, как водится, под руку попадет. Следовательно, это будет та же разверстка, те же чрезвычайные меры, которые должны нам испортить политическую линию»¹¹⁸.

На конференции озвучивались и другие варианты новых методов хлебозаготовок. Секретарь Каменского окружкома ВКП(б) Н. П. Крылов предложил «демократическую разверстку». По его мнению, хлеб в деревне лучше забрать не по приказу сверху, а «заставить» это сделать «сельскую общественность». Именно по ее инициативе и при ее активном участии в каждой деревне должен собраться сельский сход, который примет поселенный план, выявит «держателей» хлеба из числа кулаков и зажиточных крестьян и возложит на них задания по хлебосдаче. «Я думаю, что этим методом хлеба можно взять больше, чем товарищи думают взять по займу»¹¹⁹. Предложение Крылова большинство делегатов встретило резко отрицательно. Отторжение вызвал термин «разверстка», прочно ассоциирующийся с «военным коммунизмом».

Итог развернувшейся дискуссии в своем заключительном слове 1 марта подвел первый секретарь крайкома С. И. Сырцов, который поддержал идею займа. Отвечая оппонентам, он заявил, что «принудительный заем» не связан с проведением повальных обысков на предмет обнаружения запасов хлеба. «Хождение по дворам» предпо-

лагает иные из предлагаемых на конференции методов заготовок. Не видел он опасности и в том, что заем затронет 2–3 % середняков и тем самым оттолкнет их к кулаку. «Я считаю, что сейчас идет за кулаком несколько больше середняков, чем 3 %». По мнению Сырцова, заем будет стимулировать к сдаче хлеба крестьян, к нему не привлекаемых («обкладывая этим заемом одно кулацкое хозяйство, будем иметь поступление хлеба со стороны десятка хозяйств»). Однако Сырцов посчитал нецелесообразным вносить предложение о займе в решения конференции до выяснения отношения к этой идеи со стороны ЦК ВКП(б)¹²⁰.

В то же время конференция отметила «тягу со стороны некоторых организаций к повторению в нынешнем году чрезвычайных мер (107 ст., разверстка и пр.)» и указала «на недопустимость и вред нарушений решений партии и власти, широко доведенных до сведения крестьянства, считает, что эти настроения являются ничем иным, как прикрытием нежелания и неумения широкой развернутой общественной работой с беднотой и середняками добиться положительных результатов»¹²¹.

Телеграмма в Политбюро ЦК ВКП(б) с предложением высших партийных и советских руководителей Сибирского края «произвести [на] территории Сибири принудительные отчуждения [в] порядке займа хлебных излишков крупных хлебопроизводителей, саботирующих хлебозаготовки», была направлена еще в разгар дискуссий по вопросу хлебозаготовок на партконференции 27 февраля. В рамках займа предполагалось изъять от 15 до 18 млн пудов зерна. В эту категорию попадало 6–8 % крестьянских хозяйств края. «Срок расплаты за отчужденный хлеб: деньгами через год, хлебом через 2–3 года». В случае отказа предоставить государству «заем» должен был последовать денежный штраф в размере пятикратной стоимости несданного хлеба, а в «отдельных случаях» — конфискация всего имущества с высылкой на три года. 10 % отчужденного хлеба предлагалось оставлять на местах для снабжения продовольствием и семенами бедняцких хозяйств. «Эти мероприятия рассматриваем как стимул оживления и подъема хлебозаготовок, для чего считаем необходимым опубликовать в Сибири немедленно законодательный акт»¹²².

Политбюро категорически отклонило сибирское предложение о принудительном хлебном займе, которое было воспринято как повторение аналогичного предложения, выдвинутого «левой» оппозицией накануне XV съезда ВКП(б)¹²³. 11 марта И. В. Сталин направил С. И. Сырцову и Р. И. Эйхе письмо, в котором ставилась задача формирования хлебозаготовок¹²⁴. Это послание было написано не в обычной, свойственной генсеку жесткой, ультимативной форме. Stalin не приказывал своим адресатам, угрожая отстранением от должно-

сти, а обращался к ним с товарищеской просьбой, спокойно, но не без драматизма объясняя сложившуюся ситуацию. «Из материалов по хлебозаготовкам за последние пятидневки февраля и первую (а также вторую) пятидневку марта видно, что темп заготовок, поднявшийся у вас одно время, начинает опять падать¹²⁵. Я знаю, что у вас принимаются все необходимые меры для поднятия заготовок. Я знаю, что серьезных работников у вас сравнительно меньше, чем в некоторых других областях. У меня нет поэтому основания упрекать вас. Тем не менее должен сказать, что, если вы не сделаете всего того, что только можно предпринять в данный момент для усиления темпа заготовок, мы наверняка сядем.

Мы не можем ввозить хлеб, ибо валюты мало. Мы все равно не ввезли бы хлеба, если бы даже была валюта, так как ввоз хлеба подрывает наш кредит за границей и усугубляет трудности нашего международного положения. Поэтому надо обойтись без ввоза хлеба во что бы то ни стало. А сделать этого невозможно без усиления заготовок. У нас даже поговаривают о том, чтобы в случае дальнейшего падения заготовок взять из местных запасов необходимое количество хлеба. Можете из этого судить, до чего серьезно положение с хлебом. Можно было бы мириться так или иначе с положением, если бы не было хлеба в стране. Но все утверждают, и это утверждение никем еще не опровергнуто, что хлеб есть в стране. Нужно только суметь его взять.

До конца года вам остается еще заготовить 30 миллионов пудов. В феврале удалось вам заготовить 8 миллионов. Ясно, что при таком темпе заготовок плана вам не выполнить. Ваша цифра вероятных заготовок до конца года в 100 миллионов пудов явным образом недостаточна. Надо вести курс, по крайней мере, на 110 миллионов пудов, т. е. надо заготовить еще до конца заготовительного года 25 миллионов пудов. Я знаю, что дело это очень трудное. Но другого выхода нет. Надо принять все законные меры обуздания спекулянтовских и кулацких элементов для того, что выполнить это задание. Другого выхода нет. <...> Нужно всем вам разъехаться на места, мобилизовать все основные силы для усиления хлебозаготовок и остаться на местах до создания нового перелома в заготовках. Имейте в виду, что времени осталось вам мало. Имейте также в виду, что нам дорог теперь каждый новый миллион пудов».

В письме также утверждалось, что предлагаемый сибирским руководством «принудительный хлебный заем» «не дает выхода, так как на деле он обязательно должен выродиться в сплошную конфискацию. Это не годится. Нужно нажать на спекулянско-кулацкие элементы деревни, используя все законные пути». Более законным, а главное, политически более эффективным, нежели принудительный заем, методом нажима на «спекулянско-кулацкие элементы» Сталину по-

казалось поступившее от имени Уральского обкома ВКП(б) предложение о доведении заготовительного задания до села с последующим возложением большей его части на зажиточную часть крестьянства.

Уральская инициатива

На Урале хлебозаготовки в первом полугодии 1928/29 г. проходили более чем успешно. Так же, как и в Сибири, их темпы обеспечивали высокий урожай зерновых, увеличение закупочных цен и наращивание налоговой нагрузки на деревню. По данным облторготдела, хлеба в регионе за сентябрь – декабрь 1928 г. заготовили в 2 раза больше, чем за аналогичный период предыдущего года, и в 1,2 раза больше, чем в сентябре – декабре 1926 г.¹²⁶ Выполнение утвержденного наркомторгом СССР для Уральской области годового плана на 31 января 1928 г. составляло 66 % (табл. 3. 3).

Таблица 3.3

Ход централизованных хлебозаготовок 1928/29 г. в Уральской области (по месяцам)

Месяц	Объем заготовок, тыс. пудов	К 1927/28 г., в %	Выполнение годового плана на конец месяца, в %
1928 г.			
Июль	940	75,6	2,2
Август	372	37,8	3,1
Сентябрь	3122	265,7	10,6
Октябрь	8224	358,9	30,2
Ноябрь	5719	304,7	43,8
Декабрь	9162	367,7	65,6
1929 г.			
Январь	4564	103,1	65,5
Февраль	3740	92,5	73,2
Март	7164	154,5	87,8
Апрель	1320	153,7	90,5
Май	141	31,2	90,8
Июнь	1981	59,5	94,8
Итого за год	46 451	147,3	

Источники: Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы: В 5 т. 1927–1939. М., 1999. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929. С. 514; Ежегодник хлебооборота. № 3. Ч. 1. С. XV; Ч. 2. С. 9; Ежегодник хлебной торговли. № 2: 1927/28 г. М., 1929. Ч. 1. С. 4.

Примечания: 1) В таблице приведены данные Наркомторга СССР без учета маслосемян и гарнцевого сбора. 2) Ржаная и пшеничная мука учтены в переводе на зерновые единицы. 3) Выполнение плана хлебозаготовок до декабря 1928 г. включительно рассчитано от первоначального варианта годового задания в 42 млн пудов, с января 1929 г. – от годового задания, увеличенного во второй половине кампании до 49 млн пудов.

Согласно вышеуказанному решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 января 1929 г. годовой план для Уральской области был увеличен с 42 до 49 млн пудов, т. е. на 7 млн пудов. Несмотря на существенное повышение заготовительного задания, руководство области достаточно оптимистично оценивало перспективы кампании. Однако подобные ожидания не оправдались. Темпы заготовок в начале 1929 г. стали падать. В январе хлеба в регионе заготовили в два раза меньше, чем в декабре. В феврале снижение объемов заготовок продолжилось.

В условиях нарастания продовольственного кризиса в стране Центр жестко потребовал от регионального руководства увеличить размеры поступления хлеба. В ответ на это требование от представителей местных органов власти стали поступать предложения о переходе к «новым методам» хлебозаготовок, базовым принципом которых должно стать возложение на крестьян определенных заготовительных заданий. В ряде мест сельские функционеры, не дожидаясь указаний вышестоящих органов, приступили к разверстке заготовительных планов.

25 января 1929 г. секретарь Курганского окружкома ВКП(б) Баландин, выступая на совещании по заготовкам, привел пример одного из РИКОв, который довел до подчиненных ему сельсоветов «контрольные цифры» сдачи хлеба и предложил распределить их между отдельными дворами. В связи с этим секретарь окружкома заявил, что обсуждать и принимать заготовительные задания на сельских сходах нельзя, *«потому что эти действия буквально неправомочные»*. В ответ на прозвучавшие со стороны участников совещания требования «новых методов» заготовок, которые бы обеспечили выполнение плана, Баландин сказал, что *«основным методом должна быть мобилизация общественного внимания к хлебозаготовкам, поднятие массовой разъяснительной работы среди широких масс крестьянства»*¹²⁷.

Однако уже в начале второй декады февраля 1929 г. «неправомочным» экспериментированием в сфере заготовок занялось областное руководство. 11 февраля заведующий облторготделом Марков, вы-

ступая на заседании бюро Челябинского окружкома ВКП(б), предложил довести планы хлебозаготовок до отдельных сельсоветов и поселков. «На первых порах» данные действия следовало апробировать в нескольких районах, а затем распространить на другие. Члены бюро окружкома согласились с данным предложением и решили «как опыт» разверстать годовой план хлебосдачи между сельсоветами и деревнями в двух районах округа¹²⁸.

17 февраля бюро Ишимского окружкома ВКП(б) обязало РИКи довести свои планы заготовок на февраль до сельсоветов. Руководству Чистоозерного района предлагалось «в виде опыта довести февральский план хлебозаготовок (через сельсоветы и заготовителей) до отдельных общин, не допуская в то же время разверстки плана среди отдельных домохозяев»¹²⁹. 22 февраля, вернувшись к вопросу о хлебозаготовках, бюро Ишимского окружкома предложило райкомам партии обязать хлебозаготовителей «распределить по согласованию с райисполкомами и сельсоветами свои плановые задания между отдельными селениями». При этом вновь подтверждался запрет разверстки «данной цифры со стороны сельсоветов между группами или единичными крестьянскими хозяйствами»¹³⁰.

Поселенная разверстка стала внедряться и в других зернопроизводящих округах Уральской области. Число районов, на которые она распространялась, постоянно увеличивалось, а задания стали доводиться не только до села, но и до участка. Возлагаемые на села задания обсуждались на общих сельских и участковых сходах, собраниях бедноты, женщин, молодежи и т. п. Для контроля за выполнением планов и «выявления злостных зажимщиков» создавались комиссии содействия хлебозаготовкам, инициирующие объявление таковым «общественного бойкота». Материалы на ограниченное число «наиболее злостных агитаторов против сдачи хлеба» передавались в ОГПУ¹³¹.

Однако доведение заготовительного задания до села, без его подворной разверстки, оказалось недостаточно эффективным. Сдача небольшого количества зерна («подачка» — по определению сельских функционеров) позволяла крестьянам не попасть в число «саботажников» хлебозаготовок и в то же время сохранить в хозяйстве большую часть необходимых запасов. В связи с этим уральские власти «признали необходимым более конкретную постановку перед крестьянством вопроса о его обязательствах перед страной» и приступили к подворной разверстке.

8 марта бюро Шадринского окружкома ВКП(б) предложило нижестоящим инстанциям разбить поселенные планы на две части. Одна из них должна была выполняться середняками «по линии массовой коллективной сдачи» («красные обозы»), а вторая — «по линии

индивидуальной заготовки среди зажиточной части села методами организованного и усиленного общественного и экономического воздействия. Беднота из поселенного плана исключалась. Его разделение на две части надлежало сопровождать установлением комиссией содействия хлебозаготовкам фиксированных объемов сдачи зерна для каждого крестьянского двора, их обсуждением на заседаниях комиссий содействия «при широком участии бедняцко-батрацкого актива и при максимальном использовании советских и кооперативных учетных данных (поселенные списки, заготовительные ведомости и др.)». Предварительное задание каждому крестьянскому двору, который привлекался к участию в коллективной сдаче в рамках «красного обоза», должно было составлять не менее 2 ц. «Это обстоятельство должно быть строго учтено во всей подготовительной работе и практической вербовке хлеба, чтобы самым решительным образом избежать ложных обозов, подачек со стороны крупных держателей хлеба. Крупные держатели хлеба из середняков могут быть привлечены к коллективной сдаче лишь при условии подписки и реализации ими количества хлеба, соответствующего мощности этих хозяйств. Явных зажимщиков и кулаков к коллективной сдаче допускать не следует. Излишки последних должны быть привлечены к сдаче индивидуальным порядком»¹³².

Принятие поселенных планов в сочетании с жестким административным нажимом на деревню показало свою эффективность. В тех районах Курганского округа, в которых применялись данные меры, за четвертую пятидневку февраля заготовили 94 тыс. пудов, за пятую — 98 тыс., за шестую — 150 тыс., за первую пятидневку марта — 140 тыс., за вторую — 358 тыс. пудов. В Ишимском округе перечисленные пятидневки дали соответственно 64, 68, 70, 95 и 161 тыс. пудов¹³³.

В начале второй декады марта 1929 г. прибывший в Свердловск секретарь ЦК ВКП(б) Л. М. Каганович в целом одобрил уральский опыт. 13 марта бюро Уральского обкома компартии приняло решение распространить метод доведения плана до села и двора на всю область. Данная система принималась не на всю кампанию, а должна была действовать до начала весеннего сева. Участвующий в заседании Каганович выступил в прениях и был избран в комиссию по доработке проекта постановления по вопросу о хлебозаготовках¹³⁴.

В третьем пункте его окончательной редакции местным органам Наркомторга предлагалось: «производимые ими расписания хлебозаготовительных плановых заданий по районам и селам проводить в строгом соответствии со следующими указаниями:

а) Открытая инициатива проведения твердого планового задания по хлебозаготовкам по селам или деревням должна принадлежать не непосредственно представителям хлебозаготовительных

организаций или органов власти, а исходить от общественных организаций (группы бедноты, актив) и проводиться через общие собрания граждан.

б) При проведении принятого общим собранием граждан поселенного плана хлебозаготовок необходимо выделить кулацкую верхушку села от всей остальной массы – крестьянства, с тем чтобы возложить на нее определенные обязательства по сдаче хлеба государству либо через общие собрания граждан, либо по поручению этого последнего через особую комиссию.

в) Остающееся сверх обязательств, возложенных на кулака, количество хлеба, принятое по плану на данное селение, распределяется общим собранием граждан между остальной массой крестьянства в порядке самообязательства.

При этом вся эта работа должна сопровождаться усиленным и энергичным развертыванием агитации и мобилизации пролетарского общественного воздействия на основную массу крестьянства»¹³⁵.

В принятом постановлении принципиально новым по сравнению с предшествующей практикой применения «новых методов» являлось положение о необходимости приписывания инициативы принятия поселенной развертки «общественным организациям». Если судить по стенограмме заседания бюро, то его автором являлся Л. М. Каганович¹³⁶. Подобная отсылка, по его мнению, позволяла скрыть чрезвычайный характер «новых методов» хлебозаготовок, определив их не как декретируемые государством, а как принимаемые по инициативе бедняцко-середняцкого актива и не выходящие за рамки законности меры «общественного воздействия» на держателей хлеба.

При этом существует вероятность того, что данные корректизы могли основываться и на упомянутом выше предложении секретаря Каменского окружкома ВКП(б) IV Сибирской конференции. И. В. Сталин в письме руководителям Сибирского края от 11 марта (см. выше) также сообщал им о планируемом скором («на днях») приезде Кагановича в Сибирь¹³⁷. Факта присутствия последнего в Новосибирске мы не зафиксировали. Тем не менее его вполне могли очно или заочно познакомить с ходом обсуждения вопроса о выработке новых методов хлебозаготовок на краевой партконференции, в том числе и с предложением о «демократической разверстке», которое затем, лишившись неприемлемого определения, попало в постановление Уральского обкома.

Возможно, что Л. М. Кагановичу принадлежит еще одна поправка в решении Уральского обкома от 13 марта. В соответствии с ней «определенные» заготовительные задания следовало возлагать только на кулаков. В вышеупомянутом постановлении Шадринского окружкома от 8 марта и аналогичных решениях других окружкомов

ВКП(б) Уральской области подобные задания получала зажиточная часть села, в состав которой помимо кулаков включались и так называемые зажиточные середняки.

14 марта Каганович в шифротелеграмме на имя И. В. Сталина процитировал основные положения данного постановления, обозначив их как поступившие от имени Уральского обкома ВКП(б) предложения «нового метода» ведения хлебозаготовок. Stalin попытался провести решение об этом через Политбюро путем опроса. Однако А. И. Рыков, который воспринял предлагаемый метод «общественного давления на держателей хлеба» как закамуфлированную попытку перехода к чрезвычайным мерам, настоял на их гласном обсуждении¹³⁸.

Несмотря на то, что в Центре решение вопроса было на некоторое время отложено, «новые методы» заготовок начали внедряться и в других регионах. 18 марта бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) обязало «районные организации» установить для каждого села план хлебозаготовок. План подлежал обсуждению на «собрании бедноты с активом середняков», на сельском сходе и утверждению сельсоветом и райисполкомом. При разверстке поселенного задания «основную» его часть надлежало возложить «на кулацкую часть деревни – наиболее крупных и злостных держателей хлеба» (не более 5 % от общего числа крестьянских дворов). Размер возлагаемого на них задания должен был быть проработан «на собрании бедноты с привлечением середняцкого актива», утвержден и проведен сельсоветом. В случае невыполнения задания, а также «безрезультатности» бойкота и других «мер общественного воздействия» «в отдельных случаях» (не более одного-двух хозяйств на сельсовет) «в отношении злостных держателей хлеба – кулаков, располагавших запасами свыше 1000 пудов», разрешалось применить ст. 107 УК РСФСР, «проводя решения об этом через общие собрания бедноты с активом середняков». Рассмотрение возбуждаемых дел ограничивалось трехдневным сроком. 25 % изъятого хлеба подлежало распределению среди бедноты. К сдаче оставшейся части поселенного плана следовало «привлечь остальных имеющих хлебные излишки крестьян. Для этого необходимо добиться решения общего собрания граждан»¹³⁹.

Возможно, что руководители Нижне-Волжского края, принимая подобное решение, основывались на уральском опыте, дополнив его указанием на меры принуждения. Однако мы не исключаем и того, что к идеи разверстки они пришли самостоятельно и так же, как на Урале, поэтапно. Во всяком случае, на XVI партконференции представляющий нижневолжскую парторганизацию М. И. Хлоплянкин заявил, что «новые методы» заготовок в регионе начали применяться «примерно с февраля месяца»¹⁴⁰.

20 марта состоялось заседание Политбюро, обсудившее «предложение т. Кагановича о мерах усиления хлебозаготовок»¹⁴¹. Несмотря на «решительные возражения» Н. И. Бухарина, А. И. Рыкова и М. П. Томского¹⁴², большинством голосов данное предложение было поддержано. При этом текст принятого решения отличался от пропущенной выше выдержки из постановления Уральского обкома (подпункты «а», «б», «в» и заключительное предложение третьего пункта) лишь небольшими редакционными поправками. «Новый метод» хлебозаготовок было решено применить в Казахстане, Сибири и на Урале¹⁴³.

5. Сибирский вариант

Дальнейшее падение темпов хлебозаготовок в начале 1929 г. привело к обострению продовольственного кризиса в потребляющих и недородных регионах СССР. В столице и других городах была введена карточная система на хлебопродукты и ряд других продовольственных товаров. В этих условиях Центр все более жестко стал требовать от региональных руководителей форсирования заготовок. В ответ снизу настаивали на применении «новых методов» проведения кампании. Руководство Сибирского края выдвинуло идею получения зерна посредством «принудительного хлебного займа» у «крупных хлебопроизводителей». Более эффективным И. В. Сталину показалось поступившее от имени Уральского обкома ВКП(б) предложение о доведении заготовительных заданий до села. При этом принятие поселенного плана следовало изображать как утверждаемую на сходе инициативу со стороны бедняцко-середняцкого актива. Большую часть плана на том же сходе или по его поручению решением комиссии содействия хлебозаготовкам надлежало возложить на зажиточных крестьян. Оставшаяся часть плана распределялась между остальными селянами (прежде всего середняками) «в порядке самообязательства». 20 марта 1929 г. Политбюро ЦК ВКП(б) одобрило уральскую инициативу и предложило применить ее в Казахстане, Сибири и на Урале.

После получения документа из Москвы бюро Сибкрайкома ВКП(б) 21 марта принимает резолюцию о проведении «твёрдых заданий по заготовкам для отдельных селений в порядке добровольном (по инициативе бедноты, актива)»¹⁴⁴. 22 марта соответствующая директива Сибкрайкома была направлена окружкомам ВКП(б). В ней содержался ряд положений, отсутствующих в постановлении Политбюро. «Твёрдые задания» по сдаче хлеба должны были возлагаться не на «кулацкую верхушку села», а на «кулацко-зажиточную часть крестьянства», т. е. и на зажиточных середняков. Принципиально важное

значение имел и предлагаемый руководством Сибирского края способ принуждения зажиточных крестьян к выполнению заготовительных заданий. Для не выполнивших таковые следовало увеличить ставку самообложения (досамообложение) на сумму, кратную (от двух до пятикратной) цене несданного хлеба. Кроме того, крайком предложил в случае отсутствия кворума на сельском сходе в тот же день назначать повторный сход, считая его решение правомочным «при любом числе присутствующих»¹⁴⁵. Таким образом, сибириаки расширили контингент хозяйств, на которые разверстывались «твёрдые задания» и дополнили предлагаемый Политбюро метод хлебозаготовок эффективным инструментарием, необходимым для его реализации.

Идея расширенного контингента и кратного штрафа ранее уже была сформулирована в предложениях Сибкрайкома о «принудительном хлебном займе» (см. выше). При этом практика кратного штрафа была позаимствована из действующего права. Ст. 60, 61 и 62 Уголовного кодекса РСФСР в редакции 1927 г. предусматривали наложение по решению суда штрафов за сокрытие объектов обложения от учета, неуплату налогов и сборов в установленный срок, отказ от выполнения повинностей в одно-, двух- или трехкратном размере от невыполненных работ или невнесенных платежей. В 1928 г. уровень налоговой нагрузки на деревню существенно вырос. С тем, чтобы не допустить расширения масштабов сокрытия объектов обложения, предельный размер штрафов за подобное деяние, как указывалось выше, увеличили до десятикратного. При этом «десятикратку» следовало использовать как исключительную меру наказания. Однако местные власти прибегали к ней настолько часто, что это вызвало массовое недовольство крестьянства. В создавшихся условиях законодатель решил снизить максимальный лимит штрафа до пятикратного. Положение о сельхозналоге на 1929/30 г., в котором подтверждалось указанное снижение пределов штрафа, было опубликовано накануне проведения сибирской крайпартконференции¹⁴⁶, обсуждавшей вопрос о «принудительном хлебном займе». В связи с этим идеологи последнего ограничились пятикратным пределом штрафа.

Использование в законодательстве кратного штрафа не означало, что правом его наложения мог воспользоваться сельский совет. Сумма налагаемого им административного взыскания ограничивалась 1 руб.¹⁴⁷ Данный лимит обошли, обратившись к так называемому досамообложению. В соответствии с постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 4 октября 1928 г. общая сумма самообложения по каждой деревне не должна была превышать 25 % оклада сельхозналога текущего года¹⁴⁸. Исходя из этого, жители многих селений осенью 1929 г. приняли решение о самообложении в размерах более низких, чем законодательно установленный максимум. После этого перед

местными властями поставили задачу добиться повсеместного увеличения его суммы до максимального лимита. В январе 1929 г., как указывалось выше, Политбюро и СНК СССР «в изъятие из действующих законов» повысили для восточных регионов страны предельные размеры самообложения до 50 % от суммы сельхозналога. Вслед за этим началась кампания по досамообложению. Затем в ряде окружей Сибирского края последовало очередное повышение лимита для деревни в целом или только для ее зажиточной части. Для подворной раскладки принятой сходом очередной суммы создавались комиссии содействия самообложению, на которые затем и была возложена задача «кратирования».

Из законодательства, связанного с самообложением, пришел и другой принцип сибирского варианта «нового метода» хлебозаготовок. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 7 января 1928 г. предоставило местным властям право в случае отсутствия кворума на посвященном введению самообложения общем собрании в тот же день созывать повторный сход, обладающий полной правомочностью при любом числе участников. Осенью 1928 г. эта норма была официально отменена¹⁴⁹. Но когда перед сибирским руководством встала задача в срочном порядке добиться от сельских сходов принятия поселенных заготовительных планов, к ней обратились вновь.

Дополнения, внесенные в Сибири в разработанный на Урале и одобренный Политбюро метод хлебозаготовок, были настолько принципиальными, что позволили И. В. Сталину на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) определить его как «урало-сибирский»¹⁵⁰. В конце 1920-х гг. использовалось и другое, закрепившееся затем в сибиреведческой исследовательской литературе, название «урало-сибирского метода» — «завьяловский»¹⁵¹. 22 марта «Советская Сибирь» сообщила о соответствующей инициативе жителей некоего села Завьялово Новосибирского округа, «приветствовала» ее и призвала распространить на другие села региона. В помещенной на первой странице газеты пространной статье¹⁵² утверждалось, что в настоящее время основная масса товарного хлеба сконцентрирована в кулацких хозяйствах. «Злостные держатели хлеба — кулаки — смеются над нашими планами и упорно не желают продавать хлеб государству. Они предпочитают накоплять хлеб, чтобы иметь возможность спекулировать им. Они насмехаются над постановлением бедноты и бедняцко-середняцкого актива о необходимости продать хлеб государству. В лучшем случае кулак продает муку на частный рынок по бешеной спекулятивной цене.

Бедняки и середняки постановляют, а кулак и в ус не дует. «Чрезвычайные меры отменены, — говорил кулак с. Завьялово, — что вы мне сделаете? Хочу — продам, хочу — сгною». Можно ли терпеть подоб-

ные издевательства кулаков? Можно ли позволить кулакам ставить под угрозу снабжение хлебом центрально-промышленных районов? Нет, довольно нянчиться с кулаками, довольно упрашивать. Пора заставить его выполнить волю абсолютного большинства советской деревни. Для этого вовсе не придется прибегать к воскрешению чрезвычайных мер, которыми козыряет кулак. Надо только дать возможность сельской общественности действительно воздействовать на кулака, принудить его продать хлеб, а не умолять его и не “пужать пугалом”, которого он совершенно не боится.

О том, какими мерами надо воздействовать на кулака, говорит нам местный опыт одного из сел Новосибирского округа. Здесь решение бедняцко-середняцкого актива о необходимости полностью выполнить план хлебозаготовок было, как и повсюду, проведено через общее собрание граждан. Но на общем собрании решение это было принято не для очистки совести, как это часто бывает, а для практического действия. На том же собрании, на котором была принята резолюция, была также избрана комиссия для проведения этой резолюции в жизнь.

Комиссия немедленно приступила к работе. Выделила список всех кулаков и крепких держателей хлеба и распределила между ними 65 процентов] количества хлеба, которое осталось в селе заготовить. Остальные 35 процентов] середняки распределили между собой. Всех обязали указанное каждому лично количество хлеба продать немедленно. Ни органы власти, ни заготовители участия в этом не принимали. Действовала сама сельская общественность.

Результаты оказались блестящими. Хлеб немедленно стал поступать на заготовительные пункты. Сначала кулаки, конечно, стали отпираться: у них-де хлеба нет.

— А куда вы дели хлеб? — спросили отпирающихся.

— Продали на частном рынке.

— А значит, вы получили спекулятивную цену. Тогда мы вас досамообложим.

И действительно, провели на двух кулаков дополнительное самообложение в пятикратном размере и пригрозили взыскать немедленно в бесспорном порядке. Кулаки вначале думали, что это только очередное “пужание”, но когда они убедились, что это вполне реальная угроза, привезли на заготпункты требуемое количество хлеба.

— Где ж ты хлеб взял? — спросили одного такого кулака. — Ведь ты брехал, что продал.

— Так я вновь купил на рынке. Раньше продал, а теперь купил.

— Ну, то-то. Надо было продавать вовремя, а то вы, гады, думали, с вами шутки шутят.

Эту местную инициативу можно вполне приветствовать. Другие села должны применить эти мероприятия у себя. <...>.

Надо только не впадать в административный разж. Надо твердо соблюдать классовые позиции. Надо суметь отделить кулацко-зажиточную часть деревни и помочь бедняцко-середняцкой части принудить первых продать хлеб, выполнить возложенный на них размер заготовки.

Эти твердые меры против кулаков надо проводить только вместе с сельской общественностью.

У нас абсолютно нет времени ждать. Надо оставшееся время использовать не для "раскачки", а для непосредственного действия.

Даешь хлеб!

Нет сомнений в том, что публикация в краевой газете являлась пропагандистским прикрытием решения Политбюро от 20 марта. Как в нем и требовалось, идея принятия поселенного плана и его подвальной раскладки изображалась как местная самодеятельность. Но вряд ли изображенная в «Советской Сибири» картина вообще основывалась на реальном событии. Как указывалось выше, заседание бюро Сибкрайкома, на котором были выработаны общие принципы реализации постановления Политбюро, состоялось 21 марта. После его завершения требовалось время на согласование текста директивы окружкомам с отсутствующими в Новосибирске членами бюро (в частности, с Р. И. Эйхе)¹⁵³. Именно поэтому в условиях жесткого цейтнота ее направили на места только 22 марта. В тот же день утром вышел и вышеупомянутый номер газеты. Следовательно, сельский сход мог собраться только 21 марта, что представляется практически невероятным. Территориальная же привязка официальной презентации нового метода к Завьялову связана с наличием в Новосибирском округе двух сел с данным названием¹⁵⁴. «Советская Сибирь» не случайно не указала район, в котором находился искомый населенный пункт. Читатели газеты из одного Завьялова могли подумать, что речь идет о другом селе, и наоборот.

Статья в «Советской Сибири» о завьяловском опыте решала не только пропагандистскую задачу, но и имела характер своеобразной директивы местным органам власти. Именно в газете впервые была обнародована еще одна неотъемлемая составная часть урало-сибирского метода: пропорция разделения поселенного плана на две части (65 % — на кулаков и зажиточных, 35 % — на середняков). Эта или близкие к ней пропорции использовались затем местными органами власти¹⁵⁵.

Естественно, что власти не стали ждать, когда крестьяне других деревень самостоятельно поддержат «завьяловскую инициативу». Округа, а затем районы получили «твёрдые заготовительные задания», выполнить которые надлежало до 15 апреля (ориентировочного начала весенней распутицы). Задания были сопоставимы с объемами

недовыполнения годового плана по состоянию на 20 марта. Непосредственно в деревню была направлена армия уполномоченных, задачей которых было навязывание крестьянам поселенных планов и их подворная разверстка.

Советская Сибирь. 1929. 24 марта

Схему внедрения «нового метода» хлебозаготовок можно проиллюстрировать на примере Новосибирского округа и Бердского района того же округа. На внеочередном заседании бюро Новосибирского окружкома ВКП(б) 22 марта на основе директивы бюро крайкома от того же числа (см. выше) было принято решение о применении «новой меры». Для выполнения решения бюро окружкома была создана «пятерка» в составе секретаря окружкома, председателя окрисполкома, заведующих орграспредом и агитационно-пропагандистским подотделом окружкома, заместителя полномочного представителя ОГПУ. Пятерка закончила организационно-подготовительную работу к 24 часам 22 марта. Уполномоченные окружкома выехали на места 23 и 24 марта. Агитационно-пропагандистский отдел разослал через выехавших уполномоченных проект постановления райсоветов советов о хлебозаготовках и подробный материал для докладов на районных инструктивных совещаниях, собраниях бедноты и общих собраниях граждан. «Дополнительные указания пересыпались по телефону без всякой задержки». Большинство райкомов компартии также закончили инструктаж и рассылку уполномоченных в 1–2 дня.

Расширенное заседание бюро Бердского райкома состоялось 24 марта. На нем избрана районная «тройка». Инструктивное сове-

щание вызванных из сел и посылаемых в села работников проведено 25 марта в 14 часов. Уполномоченные выехали в закрепленные за ними деревни в конце дня и ночью. Собрания сельских ячеек ВКП(б) и ВЛКСМ, а затем бедняцкие собрания в селах «с активом, с лучшими средняками» прошли 26 марта, общие собрания граждан — 27–28 марта. В течение трех дней после этого большинство избранных на сходах комиссий содействия произвели подворную разверстку¹⁵⁶.

Как указывалось выше, в директиве Сибкрайкома от 22 марта в качестве меры воздействия на зажиточных крестьян, не выполнивших разверстанного на их хозяйства заготовительного задания, предлагалось досамообложение в пределах от двух- до пятикратного. Однако на практике чаще всего использовалась пятикратка, которая стала основным способом воздействия на зажиточных крестьян, не выполняющих заготовительного задания. Взыскание «дополнительного самообложения» надлежало проводить в бесспорном порядке в трехдневный срок. Пятьдесят процентов от поступивших средств передавалось ККОВ* для последующего кредитования бедноты. Уплата штрафа не освобождала от необходимости выполнения задания. В циркуляре Сибкрайкома от 9 апреля разъяснялось, что кратирование допустимо только в отношении хозяйств, сумма годового облагаемого сельхозналогом дохода которых превышает установленную для каждого округа норму (от 500 до 650 руб.). При распродаже описанного имущества в первую очередь надлежало продавать хлебопродукты, включая семенное зерно, «[в]о вторую очередь — прочее имущество, оставляя минимум средств производства, [в] отдельных, особо злостных случаях возможна полная распродажа, исключая домашнюю обстановку»¹⁵⁷. По неполным данным 13 округов Сибирского края, к маю 1929 г. в связи с отказом от сдачи разверстанного объема зерна или ее задержкой было описано около 8 тыс. крестьянских хозяйств. Имущество 4,2 тыс. из них распродали¹⁵⁸.

Кратирование не должно было применяться к крестьянам, принявшим заготовительное задание «в порядке самообязательства». С целью «побуждения» к вывозу хлеба их следовало вызывать «для отчета» на заседания сельсоветов или комиссий содействия хлебозаготовкам.

В целом высоко оценив итоги применения «кратного досамообложения» в конце марта — начале апреля 1929 г., июньский пленум Сибкрайкома ВКП(б) указал на следующие ошибки, допускаемые местными властями «в практическом осуществлении методов заготовок»: а) «применение в отдельных случаях кратного обложения к зажиточным и кулакам, продавшим ранее госзаготовителям и коопе-

* Комитет крестьянских обществ взаимопомощи. — В. И.

рации свой хлеб, т. е. применение репрессий без всякой связи с обязательством выполнения заданий по хлебозаготовкам»; б) «массовое и единовременное применение в отдельных селениях к большому количеству хозяйств кратного обложения, описей и продаж имущества вместо постепенного применения этих мер, начиная с наиболее богатых кулацких хозяйств, злостно не выполняющих заданий по продаже хлеба»; в) «недостаточное использование мер общественного воздействия на середняков, задерживающих продажу хлеба (стенгазеты, соревнование, разъяснительная работа, отчет перед сельсоветом или общим сельским собранием и т. п.), и попытки вместо этих мер применить по отношению к середняку мер принуждения наравне с кулаком»¹⁵⁹.

Рассматривая историю становления урало-сибирского метода, нельзя не согласиться с оценкой, данной В. П. Даниловым: «Практика применения новых репрессий, получившая у крестьян название “кратирование”, открывала новый этап в процессе раскулачивания, начатый с использования 107 статьи УК РСФСР. Ликвидация хозяйств, попавших в разряд кулацких, приняла открытый и законченный характер, поскольку никакое хозяйство не могло выдержать пятикратного изъятия средств, когда и однократное задание для него было непосильным <...> Конфискация хлебных запасов, а часто и производственного имущества, считавшаяся “перегибами и извращениями” местных властей, с введением “кратирования” стала нормой и даже прямым требованием официальной политики»¹⁶⁰.

На Урале широко применяемое в Сибири кратирование в марте – апреле 1929 г. не использовалось. Базовым методом давления на несдатчиков там по-прежнему был бойкот, масштабы которого существенно расширились. Применялся не только индивидуальный, но и коллективный бойкот. Так, 4 апреля бюро Челябинского окружкома ВКП(б) в связи с отказом жителей с. Белоярского Миасского района принять поселенный план хлебозаготовок решило «лишить их снабжения промтоварами, сельхозмашинами и кредитами». Потребительское общество и сельскохозяйственное товарищество в селе закрывались, а имеющиеся в них промтовары и сельхозмашинны подлежали передаче в соседнее село. По другим сельсоветам распределялись причитающиеся с. Белоярскому по плану кредитные ресурсы. С его жителей «в срочном порядке» надлежало взыскать не только просроченные, но и непросроченные ссуды¹⁶¹.

В ряде сел так называемые методы общественного воздействия на несдатчиков приобрели совершенно одиозный характер. Заведующий облторготделом Марков на бюро обкома ВКП(б) 26 марта 1929 г. приводил такие примеры: «Для бойкотирования постановляют не прикупивать, не здороваться. На ворота вывешивают плакаты и в случае исчезновения таковых – штрафуют. В результате семья

без перерыва дежурит у ворот. Запрещают иметь огонь и свет и в случае, если хозяин затопит печку, приходят и заливают. Окна заставляют, в избах темно, и это называется бойком на свет. Запрещают иметь воду, накладывают бойком на колодец. Около колодца стоит беднота, а кулак смеется и говорит: «Пусть подежурит шантрапа». Это особенно массовое явление в Троицком округе. Какие еще применяются методы бойкота — детей исключают из школ. Постановляют отбирать землю и выселять, не пускать ни в одно учреждение. Не разговаривают, в некоторых случаях запрещают выходить из ограды, и если нужно бойкотируемому только по делам, то ходят только с понтым. Запрещают принимать от бойкотируемого молоко на маслозаводах. На воротах вешают плакаты со следующей надписью: «Не ходи ко мне, я враг советской власти». Мажут ворота и окна дегтем. Лишают медицинской помощи. Вот примерно в основном методы заготовок на местах с отклонениями в ту или другую сторону. В некоторых округах применяются еще более оригинальные средства заготовок. В Челябинском округе, где выполнено в одном районе на 100 % план хлебозаготовок и в другом районе — там применялся метод заготовки оркестром. 12 чел. арестантов исправдома мобилизовали на хлебозаготовки, которые играют на инструментах. Зажимщиков хлеба привозят на общие собрания, причем собрания бывают по 800 чел. и проходят на улицах, потому что не помещаются в здание. Зажимщиков хлеба приводят на собрание, водят по деревне, показывают в деревне до начала собрания, на собрание приходит оркестр, всех зажимщиков садят на скамью, вызывают поодиночке в президиум и спрашивают: везешь хлеб или нет? В случае положительного ответа играют туш, фотографируют и записывают на красную доску. В случае отрицательного ответа бьют в барабан, не фотографируют и записывают на черную доску. В некоторых местах устраивается таким образом: на сцене устраивается доска — я враг советской власти, хлеба не сдаю. К этой доске ставят зажимщика хлеба. Он постоит полчаса на глазах у всего народа и говорит: «Траждане, пустите, как-нибудь найду хлеб». Тогда они доску снимают»¹⁶².

Широкое распространение подобных перегибов вынудило бюро Уральского обкома 26 марта призвать окружные парторганизации принять меры «по ликвидации имеющихся перегибов и извращений»¹⁶³. При этом выступивший на заседании бюро первый секретарь обкома И. Д. Кабаков заявил, что прекратить следует лишь «варварские способы нажима», а общее давление на деревню должно быть продолжено. «Без этого мы хлеба не получим». По мнению Кабакова, «перегибы» явились «результатом того, что общественность в деревне не нашла культурных форм воздействия на этот слой крестьянства, который не подчиняется деревенской общественности, они допускают

их потому, что больше ничего не могли придумать. Наши партийные организации на местах подняли волну, но не сумели указать способы, которые гарантировали бы это дело»¹⁶⁴. В принятом по итогам заседания бюро постановлении окружкомам предлагалось «максимально использовать оставшиеся до распутицы 2–3 недели для усиления хлебозаготовок, поставив боевой задачей к 10 апреля полностью выполнить годовой план»¹⁶⁵.

Помимо бойкота на Урале принимались решения об исключении из земельного общества и лишение земельного надела зажиточных крестьян, не выполняющих заготовительные задания¹⁶⁶. 28 марта бюро Тюменского окружкома ВКП(б) предложило комфракции окрисполкома «утвердить решения общих собраний крестьян и президиумов РИКОв по вопросу об исключении из земельных обществ злостных несдатчиков хлебных излишков (кулаков)»¹⁶⁷.

Индивидуальный и коллективный «бойкот» широко применялся и в Сибири. Н. И. Бухарин в выступлении на апрельском (1929 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) привел следующую выдержку из опубликованной в иркутской окружной газете «Власть труда» директивной статье председателя окрсоюза потребительской кооперации: «Там же, где само население не оказывает содействия по вскрытию злостных держателей хлеба и не принимает участия в бойкоте их, там проводятся бойкоты целых сел, участков и тех потребобществ, которые находятся на этих участках. На этих участках должны бойкотироваться не отдельные лица, а все живущие в этом районе»¹⁶⁸.

В циркуляре прокурора Сибирского края, направленном на места 30 апреля, указывалось, что при проведении бойкота «были допущены такие способы и методы, которые граничат с явным преступлением. Так, довольно распространено пришивание к дому бойкотируемого досок с различного рода надписями, вроде: “здесь живет враг советской власти, злостный держатель хлеба” и т. п., причем в некоторых местах изготовление таких досок возлагалось на самого же бойкотируемого, в других же за изготовление доски с бойкотируемого взыскивалась установленная плата. При этом на бойкотируемого возлагалась ответственность за сохранность прибитой к его дому доски. Организовывались различного рода карнавалы с явным извращением, допуская при этом такого поведения участвующих в карнавалах, которое носило просто хулиганский характер (кошачье мяуканье у дома бойкотируемого, собачий лай и т. п.). В одном из селений комсомольская организация с ведома местных партийных и советских органов устроила похоронную процессию над кулаком с гробом, отпеванием и проч.»¹⁶⁹

В бюллетене крайпрокуратуры в числе наиболее характерных случаев «извращения линии партии в области хлебозаготовок» были

приведены следующие примеры: «В начале апреля с/г уполномоченный Сибкрайсоюза Гречанин, прибыв в с. Тесь Минусинского округа, на собрании с[ель]//с[овета], проходившего совместно с активом, предложил ходить группами в дома к держателям хлебных излишков, в которых нещадно производить курение табака, харкать на пол, приносить на обувь побольше грязи. С[ель]//совет и актив это мероприятие одобрили. Разбились на несколько групп по 20–30 чел. Потребительное общество выдало бесплатно для “окуривания” махорки. Группы, захватив черные доски с фамилиями держателей хлебных излишков, входили в дом, объявляли, что они пришли с “иконой”, начинали усиленно курить, харкать на пол, сбивать с обуви на пол грязь и через продолжительное время уходили в другой дом, прибив у оставленного дома принесенную черную доску.

Другой уполномоченный того же союза, Матюхов, в с. М[ала]я Иня того же округа такие же обходы совершил во главе целой демонстрации в 150–200 чел. с гармошкой и частушками: “Побьем кулака, разорим середняка”. Имелись случаи обмазывания ворот дегтем»¹⁷⁰.

Помимо бойкота и кратного досамообложения, которые имели внеправовой характер, для наказания зажиточных крестьян, откладывающих от выполнения заготовительных заданий, использовались соответствующим образом интерпретированные нормы права. Наркомюст РСФСР, несмотря на очевидную натянутость предлагаемого толкования, санкционировал применение в данном случае ст. 61 УК РСФСР¹⁷¹, предусматривающей ответственность за «отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение». Однако в силу того, что указанная статья предполагала недостаточное, с точки зрения местных властей, наказание¹⁷², а также возможность кассации приговора, масштабы ее применения в марте – апреле 1929 г. были минимальными. На «второстепенное значение применения 61 ст. УК, которая в случае жесткого применения является неизмеримо слабее пятикратного самообложения» обращали внимание подведомственных органов Сибирский краевой суд и крайпрокуратура. В направленном 5 апреля на места разъяснении указывалось, что «в отличие от прошлогодней хлебозаготовительной кампании, где судебная репрессия по 107 ст. УК имела решающее значение, в эту хлебозаготовительную кампанию главный репрессивный удар должен быть сделан по общественной линии в виде самообложения за невыполнение общественной повинности, доходящего до пятикратного размера стоимости подлежащего сдачи хлеба»¹⁷³.

В Сибири первую часть ст. 61 (штраф, взыскиваемый в административном порядке) использовали в тех случаях, когда сельсовет «по тем или иным причинам» не мог «реализовать постановление схода о

выполнении плана хлебозаготовок с последующим увеличением самообложения до пятикратной стоимости несданного хлеба»¹⁷⁴.

Судебное преследование, предусмотренное 2-й и 3-й частями указанной статьи, началось в регионе с санкций Л. М. Кагановича. Прибыв в конце марта в Новосибирск, он предложил в дополнение к уже применяемым в Сибири мерам организовать на местах ряд судебных процессов по ст. 61 УК РСФСР¹⁷⁵. Их основной задачей являлось не столько наказание ограниченного количества «кулаков-саботажников»¹⁷⁶, сколько публичная демонстрация поддержки действий местных властей, указание на «их полнейшую законность»¹⁷⁷.

Помимо ст. 61 УК председатель краисуда и крайпрокурор рекомендовали использовать ст. 58–10 (*«в тех случаях, когда налицо имеются, безусловно, все признаки контрреволюционной агитации»*) и ст. 107 (*«в отношении городских и сельских торговцев хлеба, скупающих и продающих хлеб по повышенным ценам»*)¹⁷⁸.

Несмотря на официальное ограничение «нового метода» заготовок территорией Урала, Сибири и Казахстана, они использовались и в других регионах. 27 марта бюро Нижне-Волжского крайкома ВКП(б) принимает решение, за основу которого берется постановление Политбюро от 20 марта, дополненное используемыми в Сибири инструментами его реализации (пятикратным досамообложением и необязательностью кворума на повторном сходе). Не забыли руководители Нижнего Поволжья и используемую ими ранее ст. 107 УК РСФСР. Так же, как и в вышеупомянутом постановлении крайкома (см. выше), ее можно было применять к одному-двум хозяйствам на сельсовет при условии наличия в них запасов зерна не менее тысячи пудов¹⁷⁹.

Примененная на Урале поселенная и подворная разверстка заготовительных заданий в сочетании с широкомасштабным политическим и экономическим прессингом на деревню оказалась достаточно эффективной. За март зерна в области заготовили в 1,9 раза больше, чем в феврале – 7 млн 164 тыс. пудов. Это был самый высокий показатель в стране. Удельный вес региона в общесоюзном объеме хлебосдачи составил около 25 %¹⁸⁰. Зав. облторготделом Марков на IX областной партийной конференции в связи с этим заявил: «Это означает, что мы на Урале справились с вопросом хлебозаготовок в марте месяце и что мы кулака на хлебозаготовительном фронте победили»¹⁸¹.

В Сибири в связи с более поздним обращением к «новому методу» его результаты оказались скромнее. По оперативным данным Сибкрайторготдела, пятая пятидневка марта 1929 г. дала 806 тыс. пудов, шестая – 1112 тыс., первая пятидневка апреля – 1665 тыс., вторая – 1200 тыс., третья – 900 тыс., четвертая – 990 тыс. пудов¹⁸². В марте хлеба в регионе заготовили на 30 % меньше, чем в феврале. В целом по стране итоги применения чрезвычайных мер также не привели к

существенному наращиванию темпов заготовок. Их объемы увеличились лишь в последней декаде марта: 4,2 млн пудов в четвертой пятидневке, 5,1 млн — в пятой и 6,4 млн пудов — в шестой. С начала апреля заготовки начали снижаться: 5,4 млн пудов в первой пятидневке, 4,3 млн — во второй, 3,2 млн пудов — в третьей¹⁸³. За март зерна в стране собрали на 4 % меньше, чем в феврале, в апреле — на 33,5 % меньше, чем в марте (см.: Приложение, табл. VI). На Урале объем заготовок в апреле упал по сравнению с предыдущим месяцем в 5,4 раза.

Поведение крестьянства

Урало-сибирский метод хлебозаготовок встречал противодействие со стороны крестьянства на всех этапах его реализации. Достаточно широкое распространение получили попытки отказа сельских сходов от принятия поселенных планов или сокращения их размеров. В информационной сводке Новосибирского окружкома ВКП(б) от 7 апреля 1929 г. сообщалось, что «*тактика держателей хлеба в деле срыва подготовительной работы*» по приведению «нового метода» хлебозаготовок сводилась: а) к бойкоту собрания «(неявка или явка в пьяном виде)»; б) попыткам срыва собраний «*выкриками, шумом, спорами с отдельными бедняками, требованиями, чтобы батраки и бедняки на собраниях не голосовали*»; в) отказе от голосования предложений и резолюций; г) отказе от получения извещений о вывозе излишков; д) «*дискредитации* членов комиссий по содействию хлебозаготовкам: «*голодранцы*», «*вас можно купить за пятак*», «*самозванцы*», «*решайте, не решайте, а все равно не повезу*»¹⁸⁴.

О том, как в ряде случаев проходили сельские сходы, можно судить по сообщению уполномоченного Новосибирского окружкома Козьмина¹⁸⁵: «*Пришлось срочно поехать в одно из соседних сел (поселок Самарский), откуда наши уполномоченные «бежали», обескураженные дружным и крикливым отпором крестьян. Передам наблюдения и выводы, которые получены, так сказать, с передовой линии, «из окопов». Наши уполномоченные 28 [марта] собрали там бедноту. На деле собирались все, кому могли грозить неприятности по хлебным делам. Беднота молчала, остальные кричали. В итоге все-таки выбрали от имени бедняцкого собрания комиссию, которой и поручили наметить проект самораскладки. Так обстояло дело, когда приехал я в этот поселок. Собрали еще раз бедноту, изолировавшись от нежелательных (на квартире у одного бедняка). Беднота дружно и откровенно говорила, тут же раскладывая всю почти долю плана на 15 наиболее крепких и не сдавших хлеб хозяйств, условившись дружно выступать и защищать эту наметку. С этим и пошли на общее собрание. Как оно проходило?*

1) Оно тянулось (с одним этим вопросом) с 9-ти до 2-х часов ночи. Фактически дело шло о взятии "измором" (с нашей стороны).

2) Лишь 2–3 избедняков осмелились выступить, остальные (и опять не все) ограничиваются репликами по адресу "кулацких слез", пререкаются вполголоса. Голосуют боязно и примерно процентов на 50.

3) Общую линию бедноты поддерживают немногие из средняков. Главная масса их упорно отказывается от активного участия в решении вопроса, умывает руки под лозунгом: "а кто мерил у него излишки?"

4) Зажиточные (стоявшие в списке) зовут в амбар, клянутся, что излишки до фунта свезены, квитанции не взяты по недопониманию их важности для дальнейших расчетов.

Персональное обсуждение списка вылилось в нечто, подобное процедуре всенародного прощения, окончившееся "мировой". "Пусть говорит, сколько сам может свести". — "20 пудов". — "Ну так что ж тут сделаешь, кто же ему может прибавить больше". Исход собрания (я в этом почти уверен) определился усталостью, которая "разморила" большую часть исправных^{*}(относительно) сдатчиков. Когда на поступивший вопрос одного из сдатчиков: "А ведь они (т. е. мы) не отстанут от нас, пока не добьются своего?" — мы ответили, что да, не отстанем и добьемся, что в срок и полностью план будет выполнен, приняли предложение: к 15-ти намеченным хозяйствам подстегнуть еще 15–25 и разбить между ними план. Дополнили бедняцкую комиссию еще двумя средняками и на том закончили. Может быть, ошибочным было заносить в список так много хозяйств. Выделение 3–4–5 крепких хозяйств, на которых было бы остановлено внимание собрания, м[ожет] б[ыть], привело бы к несколько иной группировке сил. Но в данной конкретной обстановке на 4–5 хозяйств легла бы очень небольшая доля плана (300–400 пудов из 1600 пудов), что и побудило сознательно пойти на расширение списка».

В ряде сел крестьяне оказали более активное сопротивление. По сообщению полномочного представителя ОГПУ по Сибирскому краю Л. М. Заковского, «массовые выступления, в последнее время охватившие ряд населенных пунктов в новых округах, увеличились. С 27 марта по 7 апреля зарегистрировано 18 случаев, с 8 по 11 апреля зафиксировано 20 случаев. Усилился террор и распространение листовок. Массовые волнения принимают более организованные формы»¹⁸⁶.

В качестве примера массового выступления Заковский привел события в с. Михайловском Бийского округа. 10 апреля в деревне «произошла опись и опечатывание амбаров у 30 хлебодержателей, причем из них 15 хозяйств оказалось среди бедняков». 6 крестьян «за сопротивление описи имущества» были арестованы. После окончания работы комиссии, производившей опись, к сельсовету подошла «тол-

на мужчин и женщин в количестве до 400 чел.», требовавшая освобождения арестованных, снятия описей имущества и печатей с амбаров. «В результате настойчивых требований выступавших арестованные кулаки были освобождены (толпа устроила им торжественную встречу), с амбаров также были сняты печати. Весь день 10 апреля крестьяне демонстрировали по селу, не давая работать заготовителям».

11 апреля возле сельсовета собралось до 500 крестьян, которые требовали немедленного прекращения бойкота, продажи имущества и возвращения проданного хлеба и имущества. После обеда участники митинга разошлись. В 8 часов вечера возле сельсовета вновь собралось до 900 жителей села, в том числе 700 женщин. *«Собравшиеся самовольно открыли митинг, избрали президиум, утвердили повестку дня».* На митинге были приняты следующие требования:

1. Немедленно прекратить хлебозаготовки.
 2. Немедленно возвратить конфискованный хлеб и имущество.
 3. Немедленно возвратить владельцам ранее конфискованные мельницы.
 4. Бойкоты снять.
 5. Отменить дифференцированный пай и его урегулировать на равных началах для всех, пай снизить.
 6. Уравнять ЕСХН с тем, чтобы платили все одинаково, и отменить индивидуальный налог.
 7. Разогнать коммуны или отобрать у них занимаемую землю и выгнать их в горы.
 8. Восстановить в правах всех лишенных права голоса.
 9. Срочно снабдить продуктами и хлебом нуждающееся население.
 10. Избрать комиссию для проверки действий комиссии по выявлению излишков хлеба (комиссия была избрана из восьми человек кулаков-лишенцев и подкулачников). Эти требования можно с полным основанием расценить как программу движения крестьян против аграрной политики большевистского режима. На митинге была избрана делегация из трех человек для поездки в окрисполком с целью отстоять выдвинутые требования.
- «Во время митинга из толпы бросались выкрики: “Долой Советскую власть”. Кроме того, группа крестьян, покинув митинг, ворвалась в помещение школы, вытащила на улицу председателя селькомиссии по разверстанию контрольных цифр Алексинцева (члена ВКП(б)) и его жену и избила их.

Вечером 11 апреля было сорвано собрание пленума сельсовета, толпа ворвалась в помещение и разогнала собравшихся. Группой крестьян в то же время была отобрана купленная для коммуны лошадь, которая тут же, на площади, передана “от имени народа” кулаку-владельцу.

Толпа была настолько возбуждена, что никакие разъяснения-уговоры не давали результатов, с распоряжениями сельсовета и РИКа крестьяне не считались. Беднота и батраки в большинстве своем принимали участие в волнениях. Работники местных совпарторганизаций были настроены панически, так как некоторых толпа пыталась избить». Из Бийска в Михайловку было направлено несколько функционеров и отряд милиции, которым 12 апреля выступление удалось подавить. «Арестовано 14 кулаков-лишенцев – руководителей выступления. Проведено бедняцкое собрание на всех участках, где вынесены постановления о возобновлении хлебозаготовок и привлечении к ответственности организаторов выступления»¹⁸⁷.

Обеспокоенный ситуацией в Сибири, зам. председателя ОГПУ Г. Г. Ягода потребовал от Л. М. Заковского немедленно отправить в неблагополучные округа дополнительные силы, добиться предотвращения массовых выступлений, провести операции по изъятию потенциально опасных элементов и «зачинщиков» выступлений¹⁸⁸. Открытые выступления протеста в регионе удалось подавить. Поселенные планы в итоге были приняты в подавляющем большинстве сельских населенных пунктов края¹⁸⁹.

Согласно принятой в советской историографии схеме, урало-сибирский метод осуществлялся по инициативе и при активном участии трудящихся масс деревни, прежде всего бедноты. Абсолютное большинство среднего крестьянства поддерживало мероприятия советской власти. Части зажиточных середняков были свойственны «колебания», и в ряде случаев они блокировались с кулаками. Так называемые подкулачники находились и в среде бедноты. Кулаки оказывали проведению хлебозаготовок ожесточенное сопротивление.

При всей идеологической заданности этой схемы она имеет больше реальных оснований, нежели бытующее в современной историографии мнение о том, что деревня выступала против политики большевистского режима единым фронтом. Деревня не была едина. Невозможно отрицать в ней наличие социальной дифференциации и социальных противоречий между имущественными группами крестьянства. В сибирской деревне глубина имущественного расслоения, а следовательно, и степень социальных противоречий была выше, чем в ряде других регионов страны. Кроме того, в рамках сибирского крестьянства достаточно остро проявлялись и иные типы межгрупповых противоречий. Массовое аграрное переселение в начале XX в. привело к тому, что большинство сел региона населяли обособленные группы, самоидентифицирующиеся по времени вселения в Сибирь и место выхода, в том числе представители различных субэтносов и даже этносов. Каждая группа обладала своим набором традиций, специфическими чертами менталитета. Их абсорбция еще не была завершена.

Противоречия между различными группами отчасти имели социальный характер. Так, имущественная дифференциация проходила по линии переселенец — старожил. Старожильческие хозяйства в большинстве своем были более зажиточными, нежели переселенческие.

Обострению социальных противоречий способствовало и наличие в сибирской деревне достаточно большого количества так называемых неприписанных крестьян, которыми являлись самовольные переселенцы, не получившие от государства или общину своего земельного участка. Абсолютное большинство из них либо были батраками, либо имели небольшое хозяйство на арендованной земле. Во время Первой мировой войны контингент неприписанных селян пополнился за счет беженцев. В 1921–1922 гг. в регион хлынул поток беженцев из пораженных голodom районов Поволжья.

Неприписанные крестьяне и «голодобеженцы» представляли собой наиболее социально обездоленную часть населения. Если столыпинские переселенцы привозили с собой часть имущества и получали от правительства реальную помощь для обзаведения хозяйством на новом месте, то стихийные мигранты приходили в Сибирь практически без всякого имущества. Под давлением советского государства они приписывались к общинам и получали наделы. Но они не могли обрабатывать их собственными силами, поскольку не располагали ресурсами для покупки рабочего скота и сельскохозяйственного инвентаря. Помощь, оказываемая им в период «военного коммунизма», была недостаточной, а после введения нэпа ее фактически свернули. Кредиты получали более зажиточные селяне, способные обеспечить их возврат. Землеустройство стало платным. Кампания кредитной и иной помощи бедноте развернулась только в конце 1920-х гг., но ее эффективность оказалась достаточно низкой. Более того, несмотря на усилия властей, в 1927 г. в Сибирском крае остались неприписанными 275 тыс. сельских жителей¹⁹⁰.

Таким образом, сибирское крестьянство в конце 1920-х гг. имело в своей среде группу, многие представители которой были недовольны существующим в деревне социальным строем, негативно относились к своим более зажиточным соседям и содействовали проведению аграрной политики советского государства, так как искренне считали, что она будет способствовать улучшению их материального благосостояния. Обострению социальных противоречий в деревне способствовала проводимая властями политика подкупа бедноты, ее натравливания на зажиточное крестьянство.

Несмотря на это, часть деревенской бедноты публично отказывала большевистскому режиму в содействии, открыто поддерживала зажиточных односельчан и участвовала в акциях протesta. Особенно энергичное противодействие хлебозаготовительной политике совет-

ской власти бедняки оказывали в тех селах и районах, в которых в результате ее осуществления сложилось тяжелое продовольственное положение, в первую очередь сказывавшееся на наименее состоятельной части деревни.

Наиболее активное сопротивление советское государство встречало со стороны зажиточного крестьянства. При этом в основе их противостояния с существующим режимом лежала не классовая ненависть к государству диктатуры пролетариата, а конкретные мероприятия этого государства, направленные на политическую изоляцию и экономическое вытеснение сельской буржуазии. Не мог не вызвать протеста состоятельной части крестьянства и урало-сибирский метод. Крайней формой протesta являлся индивидуальный террор (убийства, покушения на жизнь, поджоги) в отношении сельских активистов. В первом полугодии 1929 г., согласно официальным данным, в Сибирском крае было зафиксировано 529 кулацких террористических актов, большая часть из которых была связана с хлебозаготовками; за тот же период 1928 г. — 204, 1927 г. — 107¹⁹¹.

Между крайними социально-политическими полюсами находилось своеобразное «болото», к которому принадлежала абсолютно большая часть жителей деревни. Его представители, исходя из того, что новый метод хлебозаготовок непосредственно их не задевал, либо формально поддерживали действия властей, либо ограничивались непубличными высказываниями против них.

Более того, к активному сопротивлению были способны далеко не все зажиточные крестьяне. Большинство из них прибегало к пассивным формам протеста. Наиболее социально значимым из них являлось так называемые самораскулачивание. В условиях нарастания налогово-податного давления зажиточные крестьяне потеряли стимулы к ведению товарного хозяйства и стали сокращать производство сельхозпродукции до потребительских норм, приводя в соответствие с ним и размеры, и структуру посева, и количество скота в своих хозяйствах.

Одним из распространенных способов самоликвидации зажиточных хозяйств становится бегство из деревни. 27 февраля уполномоченный Сибкрайсоюза потребкооперации по хлебозаготовкам в Ребрихинском районе Барнаульского округа в своем письме председателю краисоюза сообщал: «Кулак и отдельные бойкотируемые средняки, почувствовав силу этого бойкота, начинают ликвидировать свое хозяйство и уезжают в другие округа, в с. Ребрихе выехало, кажется, до десятка таких семейств, при мне выехало из села две кулацких семьи, один кулак с. Ребрихи, Зацепин, продал все имущество и хотел уехать ночью, не заплатив самообложения, но сельсовету удалось его придержать и заставить уплатить самообложение в сумме

70 руб., заплатив самообложение, он сегодня в 12 часов выехал из дома незаметно (живет в центре села), а на окраине у одного из жителей устроил целое гульбище — пьяное и выехал только к вечеру, большинству удается избежать всяких платежей “надувательных” паев и “излишков”, незаметно продавая имущество, уезжать ночью, едут преимущественно в Бухтарму, Казахскую ССР и Кузнецкий округ. В общем, получается кулацкое бегство»¹⁹².

В итоге удельный вес дворов, относимых официальной статистикой к категории «мелкокапиталистических», в Сибирском крае сократился с 6,7 % весной 1927 г. до 1,8 % весной 1929 г.¹⁹³ В дальнейшем в течение года масштабы самоликвидации зажиточных хозяйств и их бегства из деревни еще более усилились.

6. Очередной виток «чрезвычайщины»

В начале 1929 г. сталинское большинство в Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение вновь перейти к чрезвычайным методам ведения хлебозаготовок. 20 марта оно обязало органы управления Урала, Казахстана и Сибири произвести повсеместное распределение поселенных планов хлебосдачи между дворохозяйствами. Большая часть плана возлагалась на зажиточные хозяйства. В Сибири основным способом воздействия на зажиточных крестьян, не выполняющих заготовительные задания, стало так называемое кратирование (увеличение ставок самообложения на сумму, кратную цене несданного хлеба).

Внеэкономические меры стимулирования хлебозаготовок, как это изначально и задумывалось, свернули с началом весеннеї посевной кампании. 17 апреля из Новосибирска в округа была направлена циркулярная телеграмма, в которой предлагалось «[с] двадцатого апреля все силы бросить [на] посевную кампанию, прекратить применение кратного обложения». При этом подчеркивалось, что «хлебозаготовки обычными методами должны продолжаться»¹⁹⁴. Темпы заготовок в регионе снизились. В пятой пятидневке апреля они составили 952 тыс. пудов, в шестой — 705 тыс. пудов¹⁹⁵. В целом же за апрель хлеба в Сибирском крае собрали на 14 % больше, чем в марте. На 1 мая годовое региональное задание было выполнено на 82 %. Снижение объема заготовок и исчерпание товарных запасов хлеба в крестьянских хозяйствах стимулировали дальнейший рост рыночных цен. В апреле 1 ц пшеницы на городских базарах юго-западной части региона стоил 8 руб. 48 коп., в мае — 12 руб. 33 коп. Ее государственная заготовительная цена в мае составляла в Сибири 6 руб. 40 коп. за ц¹⁹⁶.

Итоги применения нового метода были подведены на апрельском (1929 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б). Н. И. Бухарин,

А. И. Рыков и М. П. Томский, основываясь на сообщениях с мест, настаивали на том, что реализация уральской инициативы привела, как они и предполагали, к введению чрезвычайных мер («своебразной проразвертки “в порядке общественной инициативы”»)¹⁹⁷. А. И. Рыков, в частности, заявил: «Трудно сказать, сколько бы мы заготовили хлеба, если бы не было чрезвычайных мер. Но совершенно ясно, что никаких десятков миллионов пудов чрезвычайные меры нам не дали. Мы ввели и осуществили чрезвычайные меры ради получения очень ничтожного количества хлеба, такого количества хлеба, которое никакой не только решающей, но вообще значительной роли играть в нашей стране не может. И это — при огромных отрицательных последствиях чрезвычайных мер по отношению к урожаю и заготовкам следующего года»¹⁹⁸.

Данная позиция встретила резкую критику со стороны остальных членов Политбюро и региональных лидеров¹⁹⁹. Так называемые правые обвинялись в том, что они сознательно преувеличивают масштабы допущенных в деревне перегибов, которые не имеют массового характера и своевременно исправляются. В целом же чрезвычайные меры в деревне не применяются, а решения о принятии поселенных планов, их подворном распределении и наказании саботажников принимаются сельской общественностью. Однако для И. В. Сталина главное достоинство урало-сибирского метода заключалось вовсе не в этом. Он «является единственно правильным методом», поскольку в его рамках «в дело организации хлебозаготовок втягивается все село. Село дифференцируется политически, и в ходе этих заготовок <...> мы создаем свою политическую армию в деревне». А то, что этот метод «ведет к некоторому, частичному, применению чрезвычайных мер, это безусловно. Без этого нам в этом году не обойтись». Признав при этом наличие перегибов, генеральный секретарь ЦК ВКП(б) заявил, что на этом основании нельзя «охаять всю политику»²⁰⁰. В исправленный вариант стенограммы своей речи Stalin добавил утверждение, что он против перегибов, против того, чтобы «удары, направляемые против кулаков, задевали середняков»²⁰¹.

Обнародованные на пленуме факты массовых перегибов, сообщения ОГПУ о нарастании социальной напряженности в деревне вынудили власти одернуть наиболее зарвавшихся исполнителей общественного давления. Требование «дать категорические директивы на места о необходимости пресечения каких бы то ни было нарушений революционной законности в проведении хлебозаготовительной кампании» содержалось в постановлении СНК РСФСР от 9 апреля 1929 г., которое было передано из Наркомюста РСФСР «для сведения и исполнения» всем областным, губернским и краевым прокурорам²⁰².

30 апреля прокурор Сибирского края потребовал от своих подчиненных пресечения допускаемых на местах в ходе хлебозаготовительной кампании грубых нарушений революционной законности. В их числе прежде всего называлось «кратное досамообложение» середняцких хозяйств. Данная акция должна была применяться только к кулакам. Таким образом, фактически дезавуировалось положение директивы Сибкрайкома ВКП(б) от 22 марта 1929 г., предусматривающее кратирование в том числе и не выполнивших твердых заданий хозяйств зажиточных середняков. Крайпрокурор предложил окружным прокурорам «во всех случаях, когда досамообложению с распродажей имущества подвергся середняк и имущество его продано с торгов», поставить вопрос о возвращении проданного имущества или возмещения его стоимости. «Причем мероприятия эти должны носить постепенный характер, с тем чтобы они не могли отрицательно отразиться на ходе хлебозаготовок. Без опротестования может быть оставлена в отдельных случаях продажа имущества лишь в отношении крепкой середняцкой части при наличии злостного уклонения от продажи хлеба».

В циркуляре также отмечалось «повышение активности кулачества, которая в отдельных местах выражается в открытых сопротивлениях проведению мероприятий советской власти, при этом кулак использует для этих целей женщин, подбивая их на активные выступления». Органам прокуратуры в связи с этим следовало «твёрдо и решительно пресекать кулацкую активность, возбуждая немедленно уголовное преследование по соответствующим ст. ст. УК. Расследование этих дел должно проводиться в срочном порядке и получать срочное рассмотрение в суде с вынесением жестких мер репрессий. Классовое сопротивление кулачества должно получить жесткий классовый отпор через судебные органы»²⁰³.

И. В. Сталин на апрельском (1929 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), обосновывая политическую целесообразность применения урало-сибирского метода хлебозаготовок в марте — апреле, заявил о возможности после окончания посевной кампании вновь вернуться к подобным мерам²⁰⁴. Менее чем через месяц после завершения пленума возможность превратилась в реальность. 3 мая Политбюро ЦК ВКП(б) решило «примененные на Урале методы хлебозаготовок путем организации общественной поддержки мероприятий по выполнению плана хлебозаготовок со стороны бедняцко-середняцких масс распространить после окончания сева на все производящие районы, за исключением неурожайных округов Украины и Северного Кавказа»²⁰⁵.

На 1 мая 1929 г. годовой план хлебозаготовок в целом по стране был выполнен на 72 %. До конца кампании добиться его полного вы-

полнения даже с применением чрезвычайных мер представлялось абсолютно невозможным. В то же время потребность в зерне возросла. Часть накопленных в марте — апреле государственных резервов была использована для пересева погибших на Украине озимых. Крайне напряженным оставалось продовольственное положение в городах и потребляющих районах. Ситуацию необходимо было стабилизировать, так как неудовлетворенный спрос на хлеб мог осложнить начало предстоящей заготовительной кампании и отрицательно сказалась на ее результатах в целом. В связи с этим СТО 7 мая принял обязательное минимальное задание по заготовкам продовольственных культур на май, июнь и июль 1929 г. в размере 55 млн пудов²⁰⁶. Срок окончания кампании, таким образом, переносился на месяц.

Советская Сибирь. 1929. 28 мая

Сообщив в регионы по прямому проводу о плане хлебозаготовок на предстоящие три месяца, нарком торговли СССР А. И. Микоян предложил довести заготовительное задание до села. Поселенное задание должен был принять сельский сход. Задача подворной разверстки возлагалась на особую комиссию, в состав которой избирались представители «бедняцкого [и] середняцкого актива». При распределении задания по отдельным хозяйствам надлежало выделить кулацкую верхушку, возложив на нее определенные обязательства по

хлебосдаче. Оставшиеся объемы распределялись между «остальной частью крестьянства». «Граждане, не выполняющие постановления общего собрания или особой комиссии, должны привлекаться к суду или подвергаться другим видам взысканий (денежный штраф и пр.)»²⁰⁷.

Выполняя данное указание, руководители регионов европейской части страны, прежде всего, ориентировались на сибирский опыт, устанавливая пятикратный штраф за несвоевременное выполнение заготовительного задания. Подобная практика вызвала возражение со стороны прокурора РСФСР Н. В. Крыленко, ограничившего в своей директиве возможности сельских советов, а также действующих при них комиссий содействия хлебозаготовкам наложением административного штрафа в размере 10 руб. При этом он указал на то, что 10-рублевый штраф установлен «в порядке допускаемого по закону расширения прав сельсоветов в отдельных случаях». Обоснование же пятикратного штрафа ссылками на закон о самообложении безосновательно, «ибо он жестко и исключительно предусматривает самообложение, во-первых, денежное, во-вторых – на специальные нужды села: школы, больницы и т. д., а отнюдь не на хлебную разверстку»²⁰⁸.

В свою очередь, позиция прокурора РСФСР встретила жесткую критику со стороны региональных лидеров. Первый секретарь Северо-Кавказского крайкома А. А. Андреев в телеграмме И. В. Сталину настаивал на праве применения пятикратки, поскольку отказ от нее «лишает возможности успешного выполнения заданного плана хлебозаготовок»²⁰⁹.

Возникшая коллизия была решена путем приведения правовых норм в соответствие с требованиями политической целесообразности. В конце июня Политбюро ЦК ВКП(б) решило изменить соответствующие положения российского и украинского законодательства²¹⁰. Исходя из этого, ВЦИК и СНК РСФСР, «идя навстречу многочисленным ходатайствам бедняцко-середняцких масс районов хлебного производства и в целях обуздания кулацко-спекулянтских элементов», приняли постановление, предоставившее сельсоветам право взыскивать в административном порядке штраф до пятикратного размера с хозяйств, не выполняющих утвержденную сельским сходом подворную разверстку²¹¹. Соответствующим образом изменилась и ст. 61 УК РСФСР²¹².

В Сибири исправления законодательства ждать не стали. 17 мая Сибрайком ВКП(б) обязал окружкомы немедленно начать подготовительные работы по усилению хлебозаготовок на основе данных в конце марта – начале апреля директив, «взяв твердый курс [на] полное внедрение принятых селами планов». «Нажим [на] хлебозаготовки» предлагалось осуществить сразу же после окончания весеннего сева, восстановив применение кратного досамообложения «[в]

отношении кулацкой верхушки деревни, злостно уклоняющейся [от] выполнения принятых планов». Всю работу надлежало вести «[под] знаком вовлечения бедняцко-середняцких масс, [а] также широкого использования методов соревнования, стенгазет [и] тому подобное». В директиве крайкома особо подчеркивалось, что «весь удар должен прийтись только [по] кулаку, не задевая середняков»²¹³.

Решение о выведении зажиточных середняков из-под кратного досамообложения встретило протест со стороны местных функционеров. Секретарь Бийского окружкома ВКП(б) И. А. Спиров заявил, что он не согласен с линией крайкома в данном вопросе. «Я считаю, что нужно это кратное самообложение применять и в отношении к верхушке середняка, крепкого середняка. Хлеб находится не только у кулака, но он в значительной части находится и у крепкого середняка и вообще у середняка»²¹⁴.

Отношение уральских властей к среднему крестьянству оказалось менее щепетильным, нежели у сибирских. 23 мая, выступая на заседании обкома ВКП(б), посвященного возобновлению чрезвычайных методов ведения хлебозаготовок, И. Д. Кабаков поставил задачу нажать на середняка. «Теперь кулак побит и середняка в порядке самообязательства надо заставить участвовать в социалистическом строительстве». О том, что обкомом на места даны директивы «на более жесткое осуществление мероприятий, связанных с выполнением самообязательств середняцким населением деревни», Кабаков сообщил в письме И. В. Сталину²¹⁵.

Минимальное заготовительное задание на май – июль для Сибирского края составляло 12 млн пудов, в том числе 9 млн пудов продовольственных культур²¹⁶, которое развертывалось по округам, районам, селам, дворам. 3 июня очередной пленум крайкома призвал «все местные организации обеспечить полное выполнение установленных заданий заготовок по каждому округу, мобилизовав на проведение этой работы максимальное количество краевых и окружных работников в помощь низовым органам»²¹⁷.

11 июня бюро Сибкрайкома ВКП(б), отметив «совершенно недостаточный темп хлебозаготовок по краю, не обеспечивающий выполнение заданий», предложило окружкам: 1) «Добиться решительного перелома в работе по хлебозаготовкам в окружных и низовых органах». 2) «Обеспечить систематическое руководство» в вопросах: а) «более решительного развертывания массовой работы среди бедноты, бедняцко-середняцкого актива, в частности среди женщин и комсомола»; б) «применения репрессий (кратного обложения, описей и продаж), ликвидируя ошибки (перегибы и извращения) низовых органов»; в) «немедленного расследования и ликвидации каждого случая открытого срыва плана заготовок, нападения на сельских активистов

и т. п., командающим на места происшествий представителей окружных организаций». Кроме того, бюро крайкома признало «совершенно недопустимым все еще наблюдающиеся случаи ограничения базарной торговли хлебом» и предложило окружкомам «немедленно отменять такие ограничения»²¹⁸.

Советская Сибирь. 15 июня

Директивы были приняты к исполнению. В деревню вновь направилась армия уполномоченных, в задачу которых входило навязывание крестьянам поселенных планов. Планы либо возобновлялись с возможным пересмотром в сторону увеличения, либо принимались заново. На местах поднялась новая волна «чрезвычайщины». Практически сразу же начались описи и продажи имущества. В Рубцовском округе с 1 по 10 июня описано 191 хозяйство, продано — 130 («в числе проданных 8 середняцких, 1 бедняцкое отписано»). В Барнаульском округе «обложено кратным и продано около 100 кулацких хозяйств». В Канском районе одноименного округа описано 54 хозяйства, продано 12²¹⁹.

В ход пошли не только апробированное в марте — апреле кратирование, но и ранее категорически отвергнутая для применения в отношении держателей хлеба ст. 107 УК РСФСР. 22 июня Сибкрайсуд и крайпрокуратура направили на места циркуляр²²⁰, в котором

указывалось, что «за последнее время в процессе усиления хлебозаготовок и в результате более активной борьбы бедняцко-середняцкого актива и батрачества за сдачу хлеба государству выявлен ряд случаев злостного сокрытия кулаками хлеба в специально сделанных хлебных ямах. Подобные действия кулаков, являющиеся, в сущности, одним из проявлений активного противодействия мероприятиям правительства в области хлебозаготовок и сводящиеся к злостному, в целях повышения цен, сокрытию хлеба (сопровождающемуся зачастую порчей этого хлеба), должны встретить решительный отпор со стороны карательных органов». В связи с этим предлагалось «в случаях установления злостного сокрытия большого количества хлеба, когда это сокрытие производится посредством специальных приспособлений (например, хлебные ямы и проч.), привлекать виновных к уголовной ответственности по 107 ст. УК». Ее применение разрешалось «исключительно лишь в отношении наиболее злостных кулаков и при установлении элементов злости сокрытия значительного количества хлеба (300–400 пудов)». «Как правило, дел по 107 ст. УК не может быть более 1 и 2-х в районе».

Усилившееся давление на сельских функционеров вновь спровоцировало волну перегибов. Наибольший резонанс приобрели события в Шипуновском районе Рубцовского округа. «Шипуновское дело» расследовалось заместителем прокурора Рубцовского округа²²¹ и комиссией окружкома и окружной контрольной комиссией²²², являлось предметом специального рассмотрения на совместном заседании бюро Рубцовского окружкома и президиума окружной контрольной комиссии²²³ и на бюро Сибкрайкома ВКП(б)²²⁴. Пространная информация о нем 20 сентября 1929 г. была опубликована в краевой газете «Советская Сибирь».

В конце июня секретарь Шипуновского райкома ВКП(б) Данилов в связи с невыполнением плана летних дозаготовок принял решение о проведении 48-часовых так называемых ударников в селах Урлапово, Зеркалы, Быково, Нечунаево, Хлопуново, Баталово, Коробейниково и Шипуново. Ударники проводили оперативные тройки, превращенные затем в боевые штабы. В оперативные тройки и боевые штабы входили районные и окружные работники, сельские функционеры.

Ударник в с. Зеркалы заключался в проведении беспрерывного собрания, в котором участвовали все женщины и мужчины из хозяйств, официально относимых к категории бедняцких и середняцких. Участники собрания были обязаны требовать «один от другого немедленно продаж и излишков хлеба, и раскрытия середняцких ям, в которые они попрятали хлеб».

Ударник длился в итоге около 4 суток. «Первые 2-е суток крестьянство, за исключением женщин, домой совершенно не отпуска-

лось, пищу дети приносили им туда, т. е. на кварталы, в ночное время спать на кварталах никому не разрешалось, по истечении 48 часов крестьянство было на ночь распущено домой, но ввиду того, что боевой штаб ударник продлил на неопределенное время, т. е. до полного выполнения плана хлебозаготовок, наутро вновь все население было собрано на кварталы, которые опять, дополнительно к 48-часовому ударнику, сидело на собраниях еще две суток, последние двое суток крестьянство для принятия пищи и сна утром и вечером распускалось по домам на 2 часа».

«Кулаки села в количестве 65 человек были собраны все вместе и держались при “штабе” около 4-х суток, без роспуска домой для принятия пищи и сна, а для того, чтобы они в ночное время не спали, заготавливали между собой хлеб, “боевым штабом” были назначены “комиссары”, которые за ними наблюдали». Комиссары беспрерывно требовали у них сдачи хлеба. «Были случаи, когда к кулакам направляли и середняков, которые упорно отговаривались, что у них хлеба нет. За время проведения ударника 15 середняков сидело вместе с кулаками до тех пор, пока не соглашались продать хоть сколько-нибудь хлеба». Во время ударника в Зеркалах выявили 30 ям со спрятанным зерном, собрали около 12 тыс. пудов хлеба, тогда как «намечали взять» 30 тыс. пудов.

Аналогичным образом прошли ударники и в других перечисленных селах. Следует отметить, что данные акции проходили в самое оптимальное время для заготовки сена на зиму. «Мобилизованные, особенно женщины, кричали: пришел, видимо, конец света. Такого издевательства еще не было. На собраниях плакали». «С ударника выносили на носилках истомленных и обморочных». Помимо устных требований о сдаче хлеба активисты занимались окапыванием дворов крестьян, не выполнивших план, прибивали к домам кулаков черные доски. «У бедноты забирали купленный хлеб».

В районном центре ст. Шипуново на ударник была мобилизована часть рабочих и служащих. От них также требовали сдачи хлеба. «На квартальных собраниях со стороны крестьян были выкрики: “Несколько сот пудов хлеба по плану заготовок разверстать между служащими и заставить их выполнить план хлебозаготовок наравне с остальным крестьянским населением. Если же у них хлеба нет, то предложить купить и сдать на ссыпные пункты”».

Трагическим следствием ударника стала смерть 58-летнего крестьянина-середняка из пос. Ново-Алейского Зеркальского сельсовета Ф. Четырина. 26 июля его вместе с другими жителями вызвали «в поселковую комиссию и на собрание актива поселка», где предложили вывезти на заготпункт 40 пуд. зерна. Четырин в тот же день сдал 19 пудов, оставив для питания не более 5 пудов. 27 июля Четы-

рин «был вторично вызван активом, настойчиво потребовавшим от него сдать оставшее количество по раскладке, т. е. 21 пуд. При этом говорили: “У тебя хлеб спрятан в яме” (яма фактически не обнаружена)». Четырин отказался выполнить данное требование, заявив, что у него осталось только 5 пудов, необходимых для питания семьи. «Несмотря на это, Четырин наравне с остальными гражданами не выпускался с собрания больше суток, на котором почувствовал себя плохо». 28 июля больной Четырин «активом был передан в специально созданную комиссию из кулаков для лучшей обработки и нажима, с требованием, чтобы кулацкая комиссия заставила Четырина вывезти 21 пуд хлеба. Кулацкая комиссия Четырина держала недолго, т. к. последний говорил плохо и не в состоянии был стоять на ногах». После этого он был отвезен домой, где вскоре умер «от сильного нервного потрясения»²²⁵.

Как указывалось выше, для расследования «Шипуновского дела» руководством Рубцовского округа была создана специальная комиссия. Итоги ее работы были заслушаны 26 августа на совместном заседании бюро окружкома и президиума окружной контрольной комиссии ВКП(б), в резолюции которого отмечались допущенные руководством района «политические извращения линии партии, выразившиеся в грубом нарушении революционной законности и извращении классовой линии по отношению к середняку». Было решено распустить бюро Шипуновского райкома и комфракцию райисполкома, «основных руководителей района снять с ответственных постов и лишить их права в течение 2-х лет занимать ответственные должности и объявить им строгие выговоры с предупреждением», «объявить строгие выговоры с предупреждением всем районным работникам-партийцам, руководившим “оперативными тройками”, “боевыми штабами”». Бюро Сибкрайкома 3 сентября утвердило данное решение.

Несмотря на законные и незаконные методы давления на крестьянство, план дозаготовок по Сибирскому краю был выполнен на 60 %. В мае удалось собрать 2,5 млн пудов, в июне — 3,1 млн, в июле — 1,7 млн пудов. Товарных запасов хлеба у сибирских крестьян уже не было. У них отбирали страховые и даже необходимые продовольственные запасы.

В итоге с июля 1928 г. по июль 1929 г.²²⁶ включительно в Сибирском крае, по сведениям Сибкрайторготдела, в централизованном порядке было заготовлено 104 851 тыс. пудов хлебопродуктов и маслосемян. Выполнение увеличенного во второй половине кампании годового плана по Сибири в целом составило 86,2 %, по юго-западным округам — 83,3, по северо-восточным округам — 91,7 %. Первоначальное региональное годовое задание было выполнено на

97,1 % (по юго-западу — на 90,3 %, по северо-востоку — на 112,9 %). Удельный вес юго-западных округов в общем объеме хлебозакупа неизначительно сократился (менее чем на 1 %). Гарнца по краю собрали за год 8968 тыс. пудов (см. табл. 3.2). Удельный вес кооперативных заготов организаций в централизованных заготовках зерна вырос с 75,1 % в 1927/87 г. до 86,5 % в 1928/29 г. Прирост произошел в основном за счет Сибполеводсоюза, доля которого увеличилась с 29,6 до 36,0 %. Увеличение по Сибполеводсоюзу составило 2,2 п. п. По данным Наркомторга СССР, сдача зерна колхозами региона составила 10 767 тыс. пудов, совхозами — 151 тыс. пудов (см.: Приложение, табл. VII).

В целом по СССР объем государственных плановых заготовок зерновых культур в 1928/29 г. составил 594,6 млн пудов, в том числе централизованные хлебозаготовки — 506,7 млн пудов, гарнцевый сбор — 87,9 млн пудов (см.: Приложение, табл. IX). Окончательный вариант годового плана централизованных хлебозаготовок был выполнен на 78,8 %²²⁷. Удельный вес Сибири в общем объеме составил 19,8 % (увеличение по сравнению с предыдущим годом на 7,6 п. п.), Урала — 9,2 (+4,2 п. п.), Казахстана — 10,9 (+7,6 п. п.), Нижнего и Среднего Поволжья — 20,1 (+8,6 п. п.), ЦЧО — 5,9 (-6,5 п. п.), Северного Кавказа — 9,6 (-2,9 п. п.), Украины — 16,4 % (-22,9 п. п.). Удельный вес восточных регионов (Урала, Сибири и Казахстана) в целом вырос с 20,5 до 40 %, юго-западных (Северного Кавказа, ЦЧО и Украины) — снизился с 64 до 32 % (см.: Приложение, табл. VIII). За пределы СССР было вывезено всего 26 144 тыс. пудов зерновых, маслосемян и продуктов их переработки (в 1,8 раза меньше, чем в 1927/28 г. и в 7,2 раза меньше, чем в 1926/27 г.) (см.: Приложение, табл. X). По данным Наркомторга СССР, децентрализованные заготовки зерновых в целом по стране составили 64,1 млн пудов. Удельный вес государственных и кооперативных заготов организаций в приобретении товарного хлеба равнялся 82 %²²⁸.

Таким образом, осенью 1929 г. в СССР начался очередной хлебозаготовительный кризис. В отличие от предыдущего его причиной стал не отказ крестьян сдавать хлеб государству по низким ценам, а неурожай в основных зернопроизводящих районах страны — на Украине, Северном Кавказе и в ЦЧО. Однако так же, как и кризис 1927/28 г., он разрешался чрезвычайными методами. 20 марта Политбюро ЦК ВКП(б) обязало органы управления Урала, Казахстана и Сибири произвести повсеместное распределение поселенных планов хлебосдачи между дворохозяйствами. Большая часть плана возлагалась на зажиточные хозяйства. В начале мая аналогичную директиву получили другие хлебопроизводящие регионы СССР. А летом новый метод хлебозаготовок, получивший наименование урало-сибирского, получил законодательное оформление.

Примечания

- ¹ КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК М., 1984. Т. 4. С. 350, 351, 353.
- ² РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 121. Л. 21.
- ³ Там же. Д. 118. Л. 84. В 1927/28 г. размеры собранного сельхозналога в целом по СССР составили 375 млн руб. // См.: Ильиных В. А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне в 1924–1928 гг. // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 178.
- ⁴ См.: Ильиных В. А. Налого-податное обложение сибирской деревни. Конец 1920 – начало 1950-х гг. Новосибирск, 2004. С. 15–16.
- ⁵ Похозяйственный принцип обложения в 1925/26–1926/27 гг. в порядке эксперимента применялся на Украине.
- ⁶ В 1927/28 г. в годовой облагаемый доход входила лишь фиксированная часть подобных заработков. Так, в налогооблагаемую базу включалось от 40 до 75 % дохода от сдачи в наем сельхозинвентаря // См.: Ильиных В. А. Налого-податное обложение сибирской деревни. С. 25.
- ⁷ В 1927/28 г. 20 % от общей суммы сельхозналога в крае надлежало уплатить не позднее 15 ноября, следующие 35 % – 1 января, еще 30 % – 15 февраля и последние 15 % – не позднее 1 апреля // Там же. С. 12.
- ⁸ Облагаемая база от сельхозпроизводства в так называемых трудовых крестьянских хозяйствах продолжала рассчитываться по нормам вмененной доходности, определяемым для каждой союзной республики, а затем АССР, края (области), округа, района. Считалось, что эти нормы существенно ниже реального дохода, получаемого крестьянами от указанных объектов обложения.
- ⁹ Гущин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1929–1932 гг.). Новосибирск, 1972. С. 151–152.
- ¹⁰ Политика раскрепощения в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940 гг. С. 52.
- ¹¹ Ильиных В. А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне... С. 181, 183.
- ¹² ГАНО. Ф. Р–6. Оп. 2 а. Д. 13. Л. 9, 21, 30.
- ¹³ См.: Данилов В. П. Советская налоговая политика в доколхозной деревне // Октябрь и советское крестьянство. 1917–1927 гг. М., 1977. С. 188.

- ¹⁴ СЗ СССР. 1928. № 24. Ст. 212. Беднота. 1928. 11 мая; 1929. 1 марта.
- ¹⁵ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 970. Л. 90; Ф. П-2. Оп. 2. Д. 248. Л. 24.
- ¹⁶ Там же. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 970. Л. 90; Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 88. Л. 5.
- ¹⁷ Там же. Ф. Р-6. Оп. 2 а. Д. 10. Л. 10; Беднота. 1929. 1 марта.
- ¹⁸ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 2 а. Д. 10. Л. 50, 150, 291 об.
- ¹⁹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 400.
- ²⁰ СУ РСФСР. 1928. № 126. Ст. 806.
- ²¹ Ильиных В. А. Сельскохозяйственный налог в сибирской деревне... С. 178. В целом по СССР сумма выплат по сельхозналогу выросла с 375 до 400 млн руб.
- ²² Известия. 1928. 21 апр.
- ²³ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 353.
- ²⁴ СУ РСФСР. 1928. № 44. Ст. 400.
- ²⁵ Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание: Документы и материалы : В 5 т. 1927–1939. Т. 1: май 1927 – ноябрь 1929. М., 1999. С. 355.
- ²⁶ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 353.
- ²⁷ СЗ СССР. 1928. № 37. Ст. 339; КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 322.
- ²⁸ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 192. Л. 226–227.
- ²⁹ Хлебозаготовительная политика Советского государства в Сибири в конце 1920-х гг. Новосибирск, 2006. С. 57.
- ³⁰ СЗ СССР. 1928. № 61.
- ³¹ На Украине озимые погибли на площади около 4 млн га, в целом по СССР – 8,3 млн га // Ежегодник хлебооборота. № 3: за 1928/1929 г. М., 1929. С. XII.
- ³² Экономическое обозрение. 1929. № 1. С. 111.
- ³³ Хлебозаготовительная политика Советского государства... С. 96.
- ³⁴ Ежегодник хлебооборота. № 3: за 1928/1929 г. С. XIV, XVII; Экономическое обозрение. 1929. № 1. С. 111, 112.
- ³⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 28. Л. 28–33.
- ³⁶ Советская Сибирь. 1928. 18 сент.
- ³⁷ ГАНО. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 9. Л. 68–69 об.
- ³⁸ Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 235. Л. 269.
- ³⁹ ГАНО. Протоколы заседания президиума Сибкрайисполкома. 1928. Протокол № 1–178.
- ⁴⁰ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 450. Л. 2.

⁴¹ ГАНО. Протоколы заседания президиума Сибкрайисполкома. 1928. Протокол № 17–194.

⁴² ГАНО. Ф. Р–1073. Оп. 1. Д. 25. Л. 322.

⁴³ Экономическое обозрение. 1929. № 1. С. 114.

⁴⁴ Табл. 3.1; Ежегодник хлебной торговли. № 2: 1927/28 г. М., 1929. Ч. 2. С. 10.

⁴⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 450. Л. 1.

⁴⁶ В заседаниях периодически созываемого совещания, как правило, принимали участие руководящие работники крайисполкома, крайторгтдела и заготовительных организаций. Кроме того, на его заседания могли приглашаться представители Сибкрайкома ВКП(б), транспортных и других организаций и учреждений. С ноября 1928 г. данное собрание получило название совещания по хлебозаготовкам. Подобные совещания собирались и в округах.

⁴⁷ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 593. Л. 20.

⁴⁸ РГАЭ. Ф. 5240. Оп. 9. Д. 451. Л. 13 об., 15. Во второй декаде октября в Сибири централизованный хлебозакуп составил 10 826 тыс. пудов, в третьей – 6962 тыс. пудов, в первой, второй и третьей декаде ноября – 4755, 6172 и 4741 тыс. пудов соответственно.

⁴⁹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 450. Л. 1.

⁵⁰ Экономическое обозрение. 1929. № 1. С. 115. Базарные цены крестьянских привозов на 1 декабря 1928 г. выросли по сравнению с 1 декабря 1927 г.: по ржи – в потребляющей полосе РСФСР на 180 %, в производящей полосе РСФСР – на 106 %; по пшенице – в производящей полосе на 30,5 %; по овсу – в потребляющей полосе на 40 %, в производящей – на 27 % // Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1929. № 2. С. 9.

⁵¹ Хлебозаготовительная политика Советского государства... С. 96; Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 442. Общий объем плана централизованных хлебозаготовок, в который было включено задание по закупкам семян подсолнечника, составил 672 млн пудов.

⁵² Ежегодник хлебооборота. № 3. С. XV. Годовой план хлебозаготовок для Украины составлял 102 млн пудов, Средне-Волжской области – 72 млн, Казахстана – 70 млн, Северо-Кавказского края – 69 млн, Нижне-Волжского края – 52 млн, Уральской области – 42 млн, ЦЧО – 40 млн пудов.

⁵³ СЗ СССР. 1928. № 61. Ст. 555.

⁵⁴ ГАНО. № 67. Ст. 613.

⁵⁵ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 696. Л. 5–6.

- ⁵⁶ Там же. Протоколы заседания президиума Сибкрайисполкома. 1928. Протокол № 13–190.
- ⁵⁷ Воспользоваться своим правом расходовать 15 % гарнцевого сбора на нужды бедноты местные власти, в конечном итоге, не смогли. Еще до наступления весны, 6 февраля 1929 г. президиум Сибкрайисполкома, исходя из правительственной директивы, принял решение снизить отчисление от гарнцевого сбора на местные нужды с 15 до 10 % // Там же. Протокол № 26–203.
- ⁵⁸ Там же. Протокол № 14–191.
- ⁵⁹ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 464.
- ⁶⁰ ГАНО. Ф. П–19. Оп. 1. Д. 235. Л. 304–305.
- ⁶¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 450. Л. 2.
- ⁶² Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1928. 15 авг.; 27 сент., 12 окт., 15 нояб., 9 дек.; 1929. 10 янв.
- ⁶³ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 696. Л. 175.
- ⁶⁴ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 450. Л. 2.
- ⁶⁵ Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1929. № 9–10. С. 7.
- ⁶⁶ Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 45; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 35.
- ⁶⁷ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 597. Л. 28–29.
- ⁶⁸ Рыков первоначально поставил вопрос о необходимости импорта от 80 до 100 млн пудов зерна, а затем настаивал на ввозе 50 млн пудов // Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. С. 493.
- ⁶⁹ Там же. С. 178–181.
- ⁷⁰ Там же. С. 493–494, 251–253.
- ⁷¹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 28. Л. 201.
- ⁷² Доказательством завышенности плановых заданий в Сибири является тот факт, что, несмотря на применение в конце марта – первой половине апреля и в конце мая – июне 1929 г. чрезвычайных методов хлебозаготовок (урало-сибирского метода) (см. ниже), первоначальный заготовительный план в крае был выполнен на 97 %. Выполнение повышенного задания составило 86 % // ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 432. Л. 195.
- ⁷³ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 494.
- ⁷⁴ Там же. С. 511. Годовой план для Казахстана увеличивался с 70 до 80 млн, Уральской области – с 42 до 49 млн, Средне-Волжской об-

ласти — с 72 до 80 млн, Нижне-Волжского края — с 52 до 55 млн, Башкирской АССР — с 20 до 25 млн пудов. Большую часть дополнительно собранного в восточных регионах страны зерна предполагалось направить не потребителям, а в «секретный неприкосновенный хлебный фонд» // Там же. С. 513–514, 518.

⁷⁵ Ежегодник хлебооборота. № 3. С. XV.

⁷⁶ В предыдущий период размеры паевых взносов в потребкооперацію были одинаковыми для всех крестьянских хозяйств. В начале 1929 г. они были поставлены в зависимость от состоятельности крестьянского хозяйства. При этом сумма паевого взноса для менее состоятельных крестьян оставалась прежней, а для более состоятельных — повышалась. Во второй половине 1929 г. на систему дифференцированных паев переводилась и сельскохозяйственная кооперация.

⁷⁷ Беднота. 1929. 30 янв.

⁷⁸ ГАНО. Ф. Р–2. Оп. 4. Д. 28. Л. 227; Д. 33. Л. 159; Оп. 2. Д. 432. Л. 195.

⁷⁹ Там же. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 12–13; 14–15; 16; Ф. Р–2. Оп. 4. Д. 28. Л. 241–244.

⁸⁰ Там же. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 14.

⁸¹ Там же. Д. 593. Л. 13.

⁸² Там же. Протоколы заседания президиума Сибкрайисполкома. 1929. Протокол № 26–203; № 27–204.

⁸³ О контрактации подробнее см. в § 1 главы 4.

⁸⁴ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 16.

⁸⁵ Там же. Л. 12; Ф. Р–2. Оп. 4. Д. 28. Л. 241–244. Лица, лишенные избирательных прав по социальным признакам («нетрудовые» доходы, наем рабочей силы «с целью извлечения прибыли»), не подлежали призыву в Красную Армию, а зачислялись в так называемое тыловое ополчение. Помимо этого они облагались специальным «военным» налогом // Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 797.

⁸⁶ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 13; Ф. Р–18. Оп. 1. Д. 1261. Л. 43.

⁸⁷ Там же. Ф. Р–2. Оп. 2. Д. 348. Л. 28; Оп. 1. Д. 3078. Л. 106.

⁸⁸ Там же. Ф. Р–42. Оп. 1. Д. 322. Л. 301.

⁸⁹ Там же. Ф. Р–2. Оп. 1. Д. 2847. Л. 17 об.

⁹⁰ 5 января 1929 г. в газете была помещена заметка о «хлебной демонстрации» в с. Воронцово-Александровском Терского округа. Участники демонстрации (1500 жителей села) несли плакат: «Вредители Советской власти, сдавшие хлеб спекулянту, загладьте свою вину».

За демонстрантами следовала «закупочная комиссия». *«И почти не было двора, который отказался бы от продажи излишков».* 11 января газета сообщила о том, что в Ростовском округе принято решение *«заносить на черную доску тех пайщиков, которые продают хлеб спекулянтам по повышенной цене».*

⁹¹ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 593. Л. 12.

⁹² Там же. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 28. Л. 220.

⁹³ Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 310. Л. 25.

⁹⁴ Там же. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1261. Л. 43.

⁹⁵ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 696. Л. 199.

⁹⁶ Там же. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 28. Л. 261; Ф. П-18. Оп. 1. Д. 1261. Л. 42.

⁹⁷ Там же. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 34. Л. 11.

⁹⁸ Там же. Л. 9–10.

⁹⁹ В докладной записке прокурора Рубцовского округа краевому прокурору от 15 марта 1929 г. сообщалось, что в Усть-Козлухе *«на бедняцкое собрание вызвали 46 держателей хлеба, из них кулаков 16 человек, креп[ких] средняков 25 и средняков 2, маломощных средняков 3 и вручили им черный флаг с надписью “ВОТ ЗЛОСТНЫЕ ДЕРЖАТЕЛИ ХЛЕБА, ИЗ-ЗА КОТОРЫХ ЛИШАЮТ КООПЕРАЦИЮ ТОВАРОВ”*, причем при вручении флага кулак КОНОБЕЙСКИЙ ударил вручавшего флаг учителя, кулака связали и отвели в сельсовет, следующие кулаки уже на сопротивлялись, а взяли флаги и пошли по селу, а сзади с красным знаменем пошла беднота. При этом карнавале присутствовал секретарь райкома тов. ФЕДОТОВ и на вопрос уполномоченного КОПЫЧЕВА: *“Законно ли это?”* – ФЕДОТОВ ответил: *“НЕ НАШЕ ДЕЛО. ЭТО ДЕЛАЕТ БЕДНОТА. МЫ НЕ МОЖЕМ ВМЕШИВАТЬСЯ”*. В II-й Карповке это проделывали несколько иначе? Там вызвали на бедняцкие собрания кулаков и предлагали взять в руки флагжок по выбору, всего было два флагжка, один с надписью: *“Я ДЕРЖУ ХЛЕБ ДЛЯ СВИНЕЙ”*, другой: *“ДЕРЖУ ХЛЕБ – ДРУГ ЧЕМБЕРЛЕНА”* // Там же. Оп. 2. Д. 384. Л. 11.

¹⁰⁰ Прокурор Рубцовского округа сообщал: *«Мазание дегтем происходило таким образом: выбирались в селе несколько держателей хлеба и писалось дегтем крупными буквами на воротах, что такой-то злостный держатель хлеба имеет излишек столько-то пудов, этот метод применялся в селах Усть-Козлухе, Маралихе и Харлове. Инициатор этого метода председатель окрисксполкома тов. ТОКАРЕВ».* (Там же).

¹⁰¹ В докладной записке окрпрокурора содержалась следующая информация о событиях в Усть-Козлухе: *«1-го марта в Усть-Козлухе*

было бедняцкое собрание, где секретарь райкома тов. ФЕДОТОВ на выкрики, что в церкви свили кулаки контрреволюционное гнездо и что надо церковь отнимать, сказал, что можете постановить и через общее собрание провести церковь отдать под школу, тут же, на этом собрании постановлено: «ПЕРЕДАТЬ ЦЕРКОВЬ ПОД ШКОЛУ».

2-го марта проводится собрание комсомола и беспартийной молодежи, присутствуют 140 человек, где постановляют отдать церковь под школу — эти постановления разнеслись по селу.

3-го марта, как раз в воскресенье, все старики и старухи и часть молодежи повалили в церковь столько, как никогда. Председатель сельсовета САНЬКОВ и уполномоченный окрискполкома КОПЫЧЕВ решили послать своих ребят узнать, что будет говорить поп. В начале послали двух человек, но один вернулся и говорит, что он ничего не понимает, что говорит поп, тогда председатель сельсовета САНЬКОВ посыпает председателя ККОВ ЧЕПУШТАНОВА, члена партии, чтобы тот через отверстие по лестнице пробрался над алтарь и там все будет слышать. ЧЕПУШТАНОВ так и сделал, взял лестницу и в ограде церкви приставил к стене и хотел лезть. В это время вышел из церкви староста церковный, заметив его, спросил, что он делает, он ответил, что лезет за голубями, староста говорит ему, что там голубей нет, а что они на колокольне, сказав это староста ушел в церковь и сказал, что вот уже лезут за снятием крестов. Женщины моментально высыпали из церкви и стянули с лестницы ЧЕПУШТАНОВА, в это время подошли 4 человека сельсполнителей, которые вступили в пререкание и бросились к сторожу, который закрывал церковь, отнять ключи, тут получилась свалка, женщины защищали и не давали отнять ключей и заявили, что церковь не отдадут, если даже им придется умереть. Копычев через старосту несколько раз предлагал разойтись толпе, но они не слушались, отдал распоряжение сельсполнителям разогнать водой, так и сделали, бросились к пожарной машине, но она не действовала — замерзшая была, стали отогревать около двух часов и потом с бочкой воды подъехали к женщинам и начали поливать их, женщины же сжалась в тесную кучу и стояли под водой, что умрем, но церкви не отдадим.

Вылив одну бочку, поехали за другой, но тут КОПЫЧЕВ образумился и прекратил, и тогда толпа ушла домой.

После этого, в тот же день, собирается сельский совет и выполняет постановление о изъятии церкви через постановление общего собрания граждан и после этого проведены квартальные собрания, на которых присутствовало 674 чел. Всего избирателей 1090 и плюс к тому 60 чел. лишенных [избирательных] прав, таким образом, согласие имелось немногим более половины граждан». (Там же. Л. 12).

¹⁰² Там же. Оп. 4. Д. 28. Л. 223–224.

¹⁰³ В резолюции ноябрьского (1928 г.) пленума ЦК ВКП(б) особо подчеркивалось «огромное принципиально-политическое значение того факта, что партии и Советской власти удалось с достаточной быстрой перевести заготовки с методов чрезвычайных мер на нормальные методы хлебозаготовок» // КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 372.

¹⁰⁴ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 5 а. Д. 49. Л. 58.

¹⁰⁵ Там же. Оп. 2. Д. 402. Л. 42 об.

¹⁰⁶ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 559–560.

¹⁰⁷ Как ломали нэп. Т. 4. С. 6; Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1929. № 9–10. С. 12.

¹⁰⁸ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 28. Л. 242; Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 16.

¹⁰⁹ Там же. Ф. П–18. Оп. 1. Д. 1261. Л. 41.

¹¹⁰ Там же. Ф. П–2. Оп. 7. Д. 483. Л. 28.

¹¹¹ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1929. 3 марта; 24 марта; 25 апр.; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 57.

¹¹² Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 495; ГАНО. Ф. П–2. Оп. 7. Д. 485. Л. 27–28; Ф. Р–42. Оп. 1. Д. 322. Л. 300; Ф. П–18. Оп. 1. Д. 1259. Л. 553 об.

¹¹³ Там же. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 348. Л. 260.

¹¹⁴ Там же. Ф. П–18. Оп. 1. Д. 1259. Л. 553–554.

¹¹⁵ См.: там же. Оп. 2. Д. 344. Л. 67, 82, 94; Д. 346 а. Л. 256, 298, 336; Д. 348. Л. 31, 107, 147, 269.

¹¹⁶ Там же. Д. 348. Л. 107.

¹¹⁷ См.: там же. Д. 346 а. Л. 316–317, 290.

¹¹⁸ Там же. Д. 344. Л. 103.

¹¹⁹ Там же. Д. 346 а. Л. 354–355.

¹²⁰ Там же. Д. 348. Л. 278, 283, 284.

¹²¹ Там же. Оп. 7. Д. 485. Л. 17.

¹²² Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 557.

¹²³ Как ломали нэп. Т. 4. С. 80, 321, 718.

¹²⁴ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 432. Л. 79.

¹²⁵ С 1 по 5 февраля в крае заготовили 1280 тыс. пудов, с 6 по 10 февраля — 1469 тыс., с 11 по 15 февраля — 1571 тыс., с 16 по 20 февраля — 1442 тыс., с 21 по 28 февраля — 2345 тыс., с 1 по 5 марта — 1120 тыс., с 6 по 10 марта — 1033 тыс. пудов // Бюллетень

Новосибирской товарной биржи. 1929. 7 февр., 14 февр., 24 февр., 3 марта, 7 марта, 17 марта.

¹²⁶ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 131. Л. 9.

¹²⁷ Там же. Д. 87. Л. 65, 67.

¹²⁸ Там же. Д. 457. Л. 140.

¹²⁹ Там же. Д. 139. Л. 8.

¹³⁰ Там же. Л. 10.

¹³¹ Там же. Л. 10; Д. 26. Л. 114, 120; Д. 139. Л. 8, 10, 15; Д. 450. Л. 20, 129.

¹³² Там же. Д. 457. Л. 81.

¹³³ Там же. Д. 26. Л. 115.

¹³⁴ Там же. Л. 107. В заседании бюро обкома также принимал участие зам. наркома торговли СССР Г. В. Чухрица.

¹³⁵ Там же. Л. 109–110.

¹³⁶ Доклады Кагановича также стенографировались, однако по принятым в те годы правилам хранения документов высших должностных лиц были изъяты из общей стенограммы и отправлены в Москву. В фондах РГАСПИ данный документ выявить не удалось. Основанием для определения автора упомянутой поправки является застенографированный призыв секретаря Уральского обкома Кабакова учесть замечания Кагановича при подготовке постановления бюро // ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 26. Л. 118.

¹³⁷ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 432. Л. 79.

¹³⁸ Как ломали нэп. Т. 4. С. 329, 716, 719. Рыков в своем выступлении на апрельском (1929 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), касаясь аргументации сторонников сделанных от имени Уральского обкома предложений об «активных общественных мерах давления на держателей хлеба в целях усиления хлебозаготовок», говорил: «Рассуждали так, что будет только активное воздействие общественности, наши люди будут организовывать для этого общественность, в первую очередь бедняков и сельский актив, и этим дело ограничится. Со стороны органов власти по этим рассуждениям не должно применяться никаких принудительных мер. Они, дескать, останутся в стороне. Когда вопрос ставился так, я тогда же указал, что в наших условиях совершенно невозможно. Органы власти неизбежно будут вовлечены в эту кампанию и неизбежно будут применять принудительные меры в соответствии с этой кампанией» // Там же. С. 334.

¹³⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3761. Л. 44–45.

- ¹⁴⁰ Шестнадцатая конференция ВКП(б). Апрель 1929 г.: Стеногр. отчет. М., 1962. С. 174.
- ¹⁴¹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 731. Л. 4.
- ¹⁴² Как ломали нэп. Т. 4. С. 291.
- ¹⁴³ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 805.
- ¹⁴⁴ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 34. Л. 17, 18.
- ¹⁴⁵ Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 310. Л. 44.
- ¹⁴⁶ См.: Известия. 1929. 21 февр.
- ¹⁴⁷ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 615.
- ¹⁴⁸ СЗ СССР. 1928. № 126. Ст. 806.
- ¹⁴⁹ СУ РСФСР. 1928. № 8. Ст. 73; № 126. Ст. 806.
- ¹⁵⁰ Как ломали нэп. Т. 4. С. 673.
- ¹⁵¹ В источниках сибирского происхождения весны 1929 г. данный метод также назывался «новой мерой хлебозаготовок» или «новым методом хлебозаготовок».
- ¹⁵² Данной статье были предпосланы подзаголовки: «Довольно нянчиться с кулаком и утрашивать его продать хлеб»; «Сельская общественность села Завьялова сумела принудить кулаков свезти хлеб на заготпункты»; «К злостным держателям хлеба они применили самообложение в пятикратном размере»; «Берите пример с завьяловцев. Надо выполнить план хлебозаготовок на 100 процентов».
- ¹⁵³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 34. Л. 13.
- ¹⁵⁴ На территории Новосибирского округа располагалось два села с названием «Завьялово» — в Бердском и Гутовском районах, расположенных соответственно в 85 и 128 км от Новосибирска // Список населенных мест Сибирского края. Новосибирск, 1928. Вып. VI: Новосибирский округ. № 241, № 541.
- ¹⁵⁵ В директиве Барнаульского окружкома ВКП(б) предлагалось возложить «твердые задания между держателями хлеба из числа зажиточно-кулацкой части крестьянства от двух третей до трех четвертей всего плана (65–75 %)» // ЦХАФАК. Ф. 4. Оп. 4. Д. 20. Л. 59.
- ¹⁵⁶ ГАНО. Ф. П-18. Оп. 1. Д. 995. Л. 37–38.
- ¹⁵⁷ Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 310. Л. 44; Ф. Р-42. Оп. 1. Д. 317. Л. 25–25 об.
- ¹⁵⁸ Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 179.

¹⁵⁹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 374. Л. 112.

¹⁶⁰ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 60–61.

¹⁶¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 457. Л. 154.

¹⁶² Там же. Д. 26. Л. 144–144 об. О подобных приемах бойкота сообщал на апрельском (1929 г.) пленуме ЦК и ЦКК А. И. Рыков, ссылавшийся на информацию заведующего Уральским облторготделом Маркова // Как ломали нэп. Т. 4. С. 330–331.

¹⁶³ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 26. Л. 152.

¹⁶⁴ Там же. Л. 151 об.

¹⁶⁵ Там же. Л. 142.

¹⁶⁶ Сообщения о решениях «деревенской общественности» лишить «злостных зажимщиков» земельного надела и их исключении из земельного общества стали появляться в областной газете с начала третьей декады февраля // Уральский рабочий. 1929. 20, 24, 27 февр.

¹⁶⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 210. Л. 125.

¹⁶⁸ Как ломали нэп. Т. 4. С. 173.

¹⁶⁹ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 31.

¹⁷⁰ Там же. Л. 72.

¹⁷¹ Как ломали нэп. Т. 4. С. 332.

¹⁷² Ст. 61 УК РСФСР имела следующее содержание: «[Ч. 1.] Отказ от выполнения повинностей или производства работ, имеющих общегосударственное значение, в первый раз [влечет] административное взыскание, налагаемое соответствующим органом власти в пределах, установленным; [Ч. 2.] во второй раз – принудительные работы на срок до шести месяцев или штраф в размере тех же повинностей и работ. [Ч. 3.] Те же действия, совершенные группой лиц по предварительному соглашению, – лишение свободы или принудительные работы на срок до одного года или штраф в двойном размере тех же повинностей и работ» // Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 47.

¹⁷³ ГАНО. Ф. Р–1063. Оп. 1. Д. 4. Л. 63.

¹⁷⁴ Там же. Ф. Р–5. Оп. 1. Д. 21. Л. 42.

¹⁷⁵ Там же. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 34. Л. 34.

¹⁷⁶ В циркуляре краисуда и крайпрокуратуры указывалось на то, что «в пределах района может быть возбуждено не более 1–2-х дел по 61 ст. УК» // Там же. Ф. Р–5. Оп. 1. Д. 21. Л. 43. В разосланной на места 29 марта директиве Славгородского окружкома и окрисполкома предлагалось «проводить не более 3–5 судебных процессов на

район (по 61 ст. УК) по отношению особо злостных держателей хлеба, уклоняющихся от исполнения постановления общих сходов. Села, в которых должны быть проведены судебные процессы], намечаются тройкой после того, как будут выявлены действительно отъявленные злостные кулаки – держатели хлеба, особо используя в этих целях информацию уполномоченного ГПУ» // Там же. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 3581. Л. 11.

¹⁷⁷ Там же. Ф. Р–5. Оп. 1. Д. 21. Л. 42.

¹⁷⁸ Там же.

¹⁷⁹ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 21. Д. 3761. Л. 52–53.

¹⁸⁰ Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 1, 9.

¹⁸¹ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 1. Л. 106.

¹⁸² Советская Сибирь. 1929. 27 марта, 2, 7, 12, 17, 23 апр.

¹⁸³ Как ломали нэп. Т. 4. С. 345.

¹⁸⁴ ГАНО. Ф. П–18. Оп. 1. Д. 995. Л. 41.

¹⁸⁵ Там же. Л. 40–41.

¹⁸⁶ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 606. Заковский сообщал только о наиболее крупных выступлениях. Их общее количество было значительно большим. Только в Бийском округе с 30 марта по 13 апреля массовые выступления крестьянского протesta были зафиксированы в 36 селах. В них приняли участие 6344 чел. (ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 386. Л. 284).

¹⁸⁷ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 606, 619–620; ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 386. Л. 284–285.

¹⁸⁸ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 606.

¹⁸⁹ Там же. С. 605.

¹⁹⁰ Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 45.

¹⁹¹ Гущин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества... С. 184.

¹⁹² ГАНО. Ф. Р–42. Оп. 1. Д. 322. Л. 298.

¹⁹³ Согласно данным сибрайстатуправления, полученным на основе обработки весенней гнездовой динамической переписи 1927 г., 9,8 % крестьянских дворов в Сибирском крае относились к «пролетарским» (батрацким), 20,4 – к «полупролетарским» (бедняцким), 63,1 – к хозяйствам «простых товаропроизводителей (середняцким) (в том числе к зажиточным середняцким – 13,2 %), 6,7 % – к мелкокапиталистическим (кулацким) // Сибирский

край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 212–213. Обработанная по аналогичной методике гнездовая перепись 1929 г. зафиксировала следующее соотношение социальных групп сибирской деревни: пролетариат – 8,8 %, полупролетариат – 20,2, мелкотоварные производители – 69,1, мелкокапиталистические производители – 1,8 % // Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийными съездами: Стат. сведения по сельскому хозяйству СССР за 1927–1930 гг. М., 1931. С. 67.

¹⁹⁴ ГАНО. Ф. Р–1228. Оп. 1. Д. 836. Л. 64.

¹⁹⁵ Советская Сибирь. 1929. 27 апр., 8 мая.

¹⁹⁶ Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1929. 28 июня; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 57.

¹⁹⁷ Как ломали нэп. Т. 4. С. 80, 170, 171, 330–332.

¹⁹⁸ Там же. С. 345.

¹⁹⁹ См.: там же. С. 110, 122, 371, 385, 413.

²⁰⁰ Там же. С. 673 674.

²⁰¹ Там же. С. 493.

²⁰² Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 609.

²⁰³ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 32.

²⁰⁴ Как ломали нэп. Т. 4. С. 673.

²⁰⁵ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 3. Д. 738. Л. 9.

²⁰⁶ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 614.

²⁰⁷ Там же. С. 613.

²⁰⁸ Там же. С. 615–616.

²⁰⁹ Там же. С. 617.

²¹⁰ Там же. С. 658.

²¹¹ СУ РСФСР. 1929. № 60. Ст. 589.

²¹² Ст. 61 УК РСФСР в новой редакции имела следующее содержание: «*Отказ от выполнения повинностей, общегосударственных заданий или производства работ, имеющих общегосударственное значение, [Ч. 1.] в первый раз [влечет] штраф, налагаемый соотвествующим органом власти в пределах до пятикратного размера стоимости наложенного задания, повинности или работ; [Ч. 2.] во второй раз – лишение свободы или принудительные работы до одного года. [Ч. 3.] Те же действия, совершенные группой лиц по предварительному соглашению с оказанием активного сопротивления органам власти в проведении повинности, заданий или работ, – лишение свободы на срок до двух лет с конфискацией всего или ча-*

сти имущества с выселением из данной местности или без такового» // Уголовный кодекс РСФСР. М., 1930. С. 34.

²¹³ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3560. Л. 20.

²¹⁴ Там же. Оп. 2. Д. 351. Л. 225.

²¹⁵ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 87. Л. 49; Д. 63. Л. 45.

²¹⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3560. Л. 20.

²¹⁷ Там же. Оп. 4. Д. 374. Л. 111.

²¹⁸ Там же. Д. 34. Л. 75–76.

²¹⁹ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 697. Л. 85–86.

²²⁰ Там же. Ф. Р-1063. Оп. 1. Д. 4. Л. 67.

²²¹ Там же. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 38. Л. 268–269; Оп. 2. Д. 422. Л. 178–180.

²²² Там же. Оп. 2. Д. 422. Л. 149–152.

²²³ Там же. Л. 146–148.

²²⁴ Там же. Оп. 4. Д. 437. Л. 98.

²²⁵ Там же. Оп. 2. Д. 422. Л. 181.

²²⁶ Полученный в июле 1929 г. в ходе дозаготовок хлеб учитывался в рамках кампании 1929/30 г.

²²⁷ Годовой план по Средне-Волжскому краю был выполнен на 69 %, по Нижне-Волжскому краю — на 84, по ЦЧО — на 84, по Уралу — на 95, по Северному Кавказу — на 69,5, по Казахстану — на 87, по Украине — на 82 % // Ежегодник хлебооборота. № 3. С. XV.

²²⁸ Там же. С. XVII.

ГЛАВА IV

КАМПАНИЯ 1929/30 г.: «БЛИЦКРИГ» НА ХЛЕБНОМ ФРОНТЕ

1. Выбор силового сценария

Концепция проведения хлебозаготовительной кампании 1929/30 г. основывалась на интерпретированном И. В. Сталиным и его сторонниками опыте двух предыдущих кампаний. Выступая на апрельском (1929 г.) объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б), генсек заявил: *«Дело состоит в том, что – как видно, как показывает опыт двухлетней нашей работы по заготовкам, – что нам надо взяться вплотную за организацию заготовок, надеяться больше на самотек, на так называемые законы рынка, на так называемую игру цен на рынке нельзя. Двухлетний опыт заготовок показывает, что мы можем заготовить миллионов 300–350 без особого напряжения, а 100–150 млн пудов приходится брать организационным порядком»*¹.

Выводы, сделанные своим патроном, повторил на июньском (1929 г.) пленуме Сибкрайкома ВКП(б) Р. И. Эйхе, сменивший на посту первого секретаря крайкома С. И. Сырцова, отзванного в Москву: *«Опыт двух лет должен нас чему-то научить. Что мы имели в течение этих двух лет, в течение этого года и прошедшего? Мы наблюдали такую картину, что примерно половину наших заготовок мы берем в порядке самотека, а вторую половину нам уже приходится выжимать»*. В связи с этим Эйхе призвал в наступающем году не ориентироваться на самотек, а *«готовиться к тому, чтобы своевременно нажать на те слои крестьянства, которые саботируют хлебозаготовки из года в год»*².

3 июля 1929 г. Эйхе направил в адрес окружкомов циркулярное письмо, в котором указал на то, что опыт хлебозаготовительных кампаний 1927/28 и 1928/29 гг. выявил *«ряд больших недочетов в подготовке кампаний, что приводило в течение года к необходимости применения иных методов заготовок, переподготовке низовых органов, перестройке заготовительного аппарата. В конечном итоге, таким образом, удавалось добиваться определенных результатов в хлебозаготовках, однако перестройка работы в разгар кампании требовала*

значительно большей затраты и сил, и средств». Исходя из этого, секретарь крайкома призвал своих подчиненных, «используя опыт прошлых хлебозаготовок, так подготовиться к кампании, чтобы по возможности, не допуская повторения ошибок»: а) «обеспечить продажу государству всех излишков хлеба всеми слоями деревни»; б) «сломить сопротивление кулака, который, несомненно, и в предстоящую кампанию попытается сорвать план хлебозаготовок, задерживая свои излишки»; в) «обеспечить успешный ход заготовок в начале кампании и окончание хлебозаготовок в возможно ранний срок»³.

В директиве Наркомторга от 4 июля предлагалось «максимальное количество хлеба заготовить в первую половину кампании, во всяком случае, львиную долю годового плана закончить выполнением до весны». Сибкрайком ВКП(б) в начале июля предложил окружкам добиться завершения заготовок «примерно в феврале – марте» 1930 г., а в конце месяца установил более точный срок — «не позднее 1 марта». В конце июля Политбюро поставило задачу закончить выполнение годового заготовительного задания в южных регионах — до января, в остальных регионах — до февраля. Исходя из данной установки, Сибкрайком перенес искомый срок с 1 марта на 1 февраля⁴. Красноярский и Каменский окружкомы ВКП(б) решили выполнить годовой план к 1 января⁵.

В 1929/30 г. планировалось существенно увеличить объемы и удельный вес так называемых организованных заготовок (хлебосдачи совхозов и колхозов, гарнцевого сбора, поступления зерна в порядке контракционных договоров)⁶. Кроме того, летом 1929 г. был введен натуральный сбор зерна за уборку и обмолот крестьянского и колхозного хлеба машинами МТС, прокатных пунктов, других государственных, кооперативных и общественных организаций и учреждений (уборочно-обмолотный сбор)⁷.

Приоритетное значение уделялось контрактации, масштабы которой существенно выросли. В СССР в 1928 г. контрактация яровых посевов охватила 2,6 млн га (4,3 % посевной площади), озимых — 4,9 млн (16,2 %), в 1929 г. яровых — 15,4 млн (25,4 %), озимых 13 млн га (42,8 %). В 1929 г. в Сибирском крае законтрактовали 23,5 % от общей площади посева зерновых (в 1928 г. — 4 %)⁸.

В конце 1920-х гг. порядок контрактации претерпел существенные изменения. Контрактация — договор, по которому производитель берет на себя обязательство поставить заготовителю оговоренный объем сельхозпродукции, а последний обязывается проавансировать будущие поставки или предоставить в кредит материально-технические ресурсы, необходимые для ее производства (семена, орудия труда, агротехнические услуги и т. п.). В СССР с 1922 г. контрактовались технические культуры. На XV съезде ВКП(б) была поставлена задача

перехода к массовой контрактации всех видов сельскохозяйственной продукции, в том числе зерновых⁹. Контрактация рассматривалась как более надежный метод централизованных заготовок, нежели рыночные («рассевые») закупки.

В 1928 г. контрактация яровых зерновых имела незначительные размеры и ограничивалась сортовыми посевами основных продовольственных культур, а также ячменя, используемого в качестве сырья для пивоваренной промышленности. Договоры непосредственно с единоличными хозяйствами не заключались. В качестве контрагентов выступали только «организованные посевщики»: колхозы, простейшие производственные кооперативы (машинные, семенные, зерновые и др.), земельные общества, которые в рамках контракционного договора конституировались как посевые товарищества. Контрактантам выдавались денежные авансы и чистосортные семена в форме натуральной ссуды.

В озимую кампанию 1928 г. большая часть сортовых семян стала выдаваться в обмен на рядовые; контрактовались не только сортовые посевы, наряду с авансовой вводилась безавансовая контрактация. Контрактантам, не получающим авансов, выплачивались надбавки к конвенционной закупочной цене за «срочность» (поставки зерна в оговоренные договором сроки) и «партионность» (доставку на пристанционный приемный пункт крупной партии). Выдаваемые авансы «во всех возможных случаях» должны были использоваться для коллективного приобретения сельхозрудий. Хозяйство, не выполнившее своих обязательств по срокам поставки, которые не должны были превышать двух месяцев с начала уборки, выплачивало неустойку, не освобождавшую его от сдачи хлеба. В договоры включались пункты, обязывающие контрактантов расширить посевную площадь, осуществить рекомендованный для данного района набор агромероприятий (агроминимум), ввести «элементы обобществления».

В яровую кампанию 1929 г. масштабы безавансовой и несортовой контрактации существенно расширились. Контрактантам получали преимущественное право на агрообслуживание, получение производственных кредитов и натуральной семенной ссуды, а также льготы по сельхозналогу за выполнение агроминимума. Кредиты должны были погашаться путем зачета стоимости сданного хлеба. Были введены обязательные промежуточные сроки и дифференцированные по имущественному признаку нормы сдачи зерна. Так, например, в Сибири законтрактовавшие без получения аванса посевы ржи бедняцкие хозяйства обязывались сдать с одного гектара 1,6 ц зерна, середняцкие — 2,5, зажиточные — 3,3 ц. Данные нормы рассматривались как минимальные, их выполнение «вовсе не означало, что контрактант свободен в распоряжении остальной частью урожая»¹⁰.

В озимую кампанию 1929 г. удельный вес авансовой и безобменной сортовой контрактации еще более сократился. Семенной ссудой без обязательного обмена на рядовые семена обеспечивалось лишь 25 % сортовой контрактации. В Сибири без авансов планировалось законтрактовать 300 тыс. га зерновых, с выдачей таковых – 80 тыс. га¹¹. Семенная ссуда и авансы предназначались только для колхозов, бедноты и середняков. Их выдача зажиточным крестьянам, даже при условии заключения договора с земельным обществом в целом, была запрещена.

«Для облегчения борьбы с кулачеством и преодоления его сопротивления мероприятиям по социалистической реконструкции сельского хозяйства» контрактационные договоры с земообществами должны были утверждаться на общем собрании их членов бедняцко-середняцким большинством. Затем обязательства по производству и сдаче продукции распределялись между всеми дворами, «учитывая мощность их хозяйств». Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом, что давало право преследовать не выполняющие ее хозяйства по ст. 61 УК РСФСР. Вводилась коллективная ответственность за невыполнение договорных обязательств. В погашении денежной неустойки за несвоевременную поставку зерна должны были участвовать все члены производственного кооператива или земельного общества. В постановлении ЦК ВКП(б) от 26 августа 1929 г. «Об основных итогах и очередных задачах в области контрактации зерновых посевов»¹², в соответствии с которым в практику вводилась круговая порука, ставилась задача сокращения и постепенного устранения денежного авансирования.

21 июня 1929 г. СНК СССР принял постановление «Об организации хлебозаготовок и хлебоснабжении в 1929/30 г.»¹³, в котором констатировалось, что «система построения хлебозаготовительного аппарата, установленная на 1928/29 г., в основном себя оправдала» и поэтому существенным изменениям не подлежала. Основными плановыми заготовительными организациями на территории РСФСР оставались АО «Союзхлеб», «Хлебоцентр» и Центросоюз. «Союзхлебу» следовало заготавливать зерно, главным образом, на своих мельницах, элеваторах и ссыпных пунктах при железнодорожных станциях и пристанях. Вести заготовку через свою агентуру непосредственно в сельской местности ему разрешалось «в определенных районах и в определенные периоды» с «особого» разрешения Наркомторга СССР. На «Союзхлеб» также возлагалась приемка зерна от совхозов и сбор гарнца. Потребкооперация вела сбор хлеба в глубинке (через сельпо), а также рассевые заготовки на принадлежащих ей элеваторах и мельницах и уже имеющихся в ее распоряжении пристанционных и пристанских пунктах. Открытие новых заготовительных пунктов ей

запрещалось. Заготовка хлеба, произведенного колхозами и иными производственными кооперативами, а также сбор законтрактованного хлеба возлагались на хлебную кооперацию, которая не должна была вести рассевых закупок. Заготовленный хлеб кооперативные заготоворганизации обязывались сдавать «Союзхлебу».

В ряде регионов (ЦЧО, Северном Кавказе, Средне-Волжском и Нижне-Волжском краях, Татарии, Башкирии, Украине) основные заготоворганизации должны были формировать не только фонд централизованного снабжения, но и фонды децентрализованного снабжения, который образовывался за счет установленных Наркомторгом СССР процентных отчислений от общего объема их заготовок. Из децентрализованных фондов производилось снабжение «отдельных городов, не вошедших в план централизованного снабжения». Снабжение «мелких городских поселений непромышленного типа» должно было осуществляться из местного рыночного оборота. С этой целью к хлебозаготовкам, помимо основных заготоворганизаций, с разрешения региональных торготделов допускались мельничные тресты, инвалидные и кустарно-промышленные кооперативы, имеющие хлебопекарни, а также рабочие и транспортные потребительские кооперативы, не снабжаемые в плановом порядке. Наряду с основными заготовителями к заготовкам бобовых культур на экспорт были допущены Госторг РСФСР (Зерногосторг) и Укргосторг.

СНК СССР также принял решение сохранить на 1929/30 г. заготовительные цены на уровне, установленном в прошлую кампанию, допуская лишь их незначительную корректировку с целью устранения значительной ценовой разницы между соседними регионами.

Директивные органы как в Центре, так и в регионах увязывали успех кампании с мероприятиями по «регулированию» платежеспособного спроса сельского населения. Одним из стимулов активизации хлебосдачи должно было стать увеличение налоговой нагрузки на деревню. В первую очередь это касалось зажиточных крестьян, в порядок обложения которых сельскохозяйственным налогом вносились существенные изменения¹⁴. Кулацкие хозяйства стали делить на «явно кулацкие» и «наиболее богатые» из них. Все они без исключения лишались права на налоговые льготы, предоставляемые середнякам и беднякам. Обложению в индивидуальном порядке подлежали только «наиболее богатые кулацкие хозяйства». Их удельный вес следовало довести до 3 % от числа крестьянских дворов в СССР.

Дворы, причисленные в разряд кулацких, обязывались внести всю предъявленную им к уплате сумму единого сельскохозяйственного налога к 1 октября текущего года. Неуплата должна была караться немедленной описью и продажей имущества. На основании законо-

дательно установленного лимита местные органы власти получили конкретные задания по выявлению кулаков.

С 1929 г. мужчины призывного возраста из кулацких семей, которые не служили в специально созданных для лиц, лишенных избирательных прав, частях тылового ополчения (будущих стройбатах), привлекались к уплате «специального» военного налога с граждан, зачисленных в тыловое ополчение¹⁵.

Существенно увеличивая налоговую нагрузку на хозяйства, относимые в разряд кулацких, власти накануне 1929/30 окладного года публично заявили о намерении заметно снизить размеры обложения сельхозналогом бедноты и середняков. Однако уменьшив размеры единого сельскохозяйственного налога¹⁶, большевистский режим компенсировал свои потери за счет других платежей. Предельные размеры самообложения повышались с 35 до 50 % оклада сельхозналога¹⁷. Значительно увеличивались членские и целевые взносы в фонды кресткомов, паевые и вступительные взносы в кооперацию. Сельские кооперативы получили «контрольные цифры по сбору паевых капиталов», за невыполнение которых могло последовать достаточно серьезное наказание кооперативных функционеров. Продолжалось усиленное выколачивание из деревни государственных займов, покупать облигации которых была вынуждена и освобожденная от других налогов и сборов беднота.

В итоге сумма основных платежей (сельхозналога, самообложения, обязательного окладного страхования, паевых взносов в кооперацию и госзаймов), предъявленных сельскому населению Сибирского края, выросла в 1929/30 г. по сравнению с предыдущим годом почти на треть. Распространенным явлением стала принудительная мобилизация денежных средств жителей деревни в сберегательные кассы, план сбора которых увеличился в два раза¹⁸.

Содействовать успеху хлебозаготовок должно было и улучшение товаровснабжения зернопроизводящих регионов. 11 июня СНК СССР предложил Наркомторгу и Центросоюзу СССР «принять меры к максимальному насыщению хлебозаготовительных районов промышленными товарами в первом и втором кварталах 1929/30 сельскохозяйственного года в соответствии с качественным характером крестьянского спроса и хлебозаготовительной мощностью отдельных районов». С этой целью следовало образовать специальный резерв дефицитных промтоваров на сумму в 50 млн руб. Помимо этого в хлебозаготовительных районах осуществлялось бронирование дефицитных товаров на сумму в 45 млн руб. ВСНХ и ЭКОСО союзных республик должны были принять меры к увеличению производства и реализации дефицитных промтоваров крестьянского спроса¹⁹.

Президиум Сибкрайисполкома в своем постановлении от 14 августа предложил торгующим организациям: 1) «Учесть необходимость усиления оборотов по продаже в районах с ранним поступлением хлеба». 2) «В плане завоза дефицитных товаров предусмотреть наибольшее обеспечение товарами сельских хлебных районов, допуская в момент развертывания кампании недоснабжение товарами городских рынков (за исключением горняцких и промышленных районов)». 3) «Направлять товары в округа в полном соответствии с ходом хлебозаготовок, производя снабжение товарами отдельных заготовительных районов и кооперативов в строгой зависимости от выполнения порайонных и поселенных планов хлебозаготовок, при этом из дефицитных товаров необходимо на местах выделять фонд для первоочередного снабжения в целях поощрения селений и отдельных сдатчиков хлеба, выдвигающихся на соревнование по хлебозаготовкам». При продаже товаров внутри села товары в первую очередь следовало отпускать тем хозяйствам, «которые аккуратно выполняют свои обязательства по сдаче заготовителям хлеба. При проведении этого порядка товаровснабжения должна быть установлена броня товаров для снабжения бедноты»²⁰.

Параллельно с организационной подготовкой кампании велась работа над годовым хлебозаготовительным планом. Площадь посева зерновых культур в СССР в 1929 г. выросла по сравнению с предыдущим годом на 4 %. Однако условия для созревания хлебов в ряде регионов страны оказались не вполне благоприятными. На Украине сильные морозы вызвали гибель посевов озимой пшеницы, которые весной 1929 г. пришлось пересевать. Озимые пострадали также в Среднем Поволжье, Татарии и Башкирии. Продолжительная летняя засуха поразила восточные регионы — Среднее Поволжье, Урал, Казахстан, Юго-Западную Сибирь. В то же время в ЦЧО был собран высокий урожай. Более высокой по сравнению с предыдущим годом оказалась урожайность на Украине, Северном Кавказе, Нижнем Поволжье. Урожай, таким образом, переместился с восточных в южные и центральные районы. Более развитая заготовительная и транспортная инфраструктура в этих районах облегчала общие условия ведения заготовок.

По предварительным данным, валовой сбор зерновых в СССР в 1929 г. должен был несколько повыситься²¹. Однако ситуация на востоке продолжала ухудшаться, и зерна в итоге было собрано на 2,2 % меньше, чем 1928 г. При этом производство главной товарной культуры — пшеницы снизилось на 14 % (см.: Приложение, табл. I).

В этих условиях специалисты ЦСУ рекомендовали уменьшить общесоюзное годовое заготовительное задание по сравнению с предыдущим годом. В пользу этого предложения говорило не толь-

ко сокращение валового сбора, но и осуществленное в 1928/29 г. изъятие у производителей страховых запасов, а также напряженное положение на потребительском хлебном рынке. Однако их доводам не вняли. Стalinское руководство собиралось взять хлеба столько, сколько оно считало необходимым. Разработанный летом 1929 г. ориентировочный план централизованных заготовок зерновых (без учета осуществляемых по плану Наркомторга СССР отчислений в децентрализованные фонды) был намечен в размере 700 млн пудов, а утвержденный в середине сентября его окончательный вариант был увеличен до 736,5 млн, в том числе основных продовольственных культур (пшеницы и ржи) – до 410 млн пудов. План предыдущей кампании составлял 643 млн пудов, фактическая заготовка зерновых – 506,7 млн, пшеницы и ржи – 323,6 млн пудов. По гарнцевому сбору в 1929/30 г. планировалось собрать 113,1 млн пудов (сбор 1928/29 г. – 87,9 млн пудов)²². В отличие от предыдущей кампании в общесоюзный государственный план хлебозаготовок были включены потребляющая полоса РСФСР, Белоруссия и Закавказье. Комментируя данное решение, член коллегии Наркомторга СССР М. А. Чернов писал: «Эти районы хотя и нуждаются во ввозе значительного количества хлеба из производящих районов, но в них, наряду с большим количеством бедноты, нуждающейся в хлебе, имеется значительное количество кулацких хозяйств, обладающих значительными хлебными излишками»²³. 100 млн пудов из заготовленных в течение года основных продовольственных культур предполагалось использовать для создания государственного «неприкосновенного запаса»²⁴.

В Сибири прирост посевных площадей оказался значительно выше, чем в среднем по стране. За год общая площадь посевов зерновых культур в крае выросла на 10,2 %, площади под пшеницей – на 12,9 % (см.: Приложение, табл. II).

Однако перспективы предстоящей кампании в Сибири осложнялись неурожаем в юго-западных округах. Особенно сложная ситуация сложилась в Рубцовском, Славгородском и Каменском округах, которые были охвачены сильным недородом. Урожайность зерновых в Западной Сибири в целом в 1929 г. составила 4,3 ц/га, что в два раза уступало показателю 1928 г. (8,6 ц/га). В Восточной Сибири урожайность была незначительно выше (10,3 против 10,1 ц/га)²⁵. Однако прирост производства зерна на востоке региона в полной мере компенсировать потери не мог. В течение лета оценки урожая постоянно ухудшались. В середине июля 1929 г. ожидаемый валовой сбор зерновых культур определялся в 380 млн пудов, в конце августа – в 370 млн пудов, а по итоговым данным составил 319 млн пудов, что на 30 % уступало показателям предыдущего года²⁶.

Первоначальный план централизованных хлебозаготовок и гарнцевого сбора, который в начале августа 1929 г. был предложен Наркомторгом СССР для Сибири, составлял 80 млн пудов²⁷. 15 сентября, исходя из оценки состояния урожайности, бюро Сибкрайкома ВКП(б) решило обратиться в Политбюро ЦК ВКП(б) с просьбой утвердить для Сибири план заготовок хлебопродуктов и маслосемян в размере 53 млн пудов и сбор гарнца – 10 млн пудов²⁸.

В направленном 16 сентября от имени секретаря крайкома и председателя краисполкома письме в ЦК ВКП(б)²⁹ указывалось, что рассчитанное по более низким, чем обычно, нормам расхода на потребление населения деревни и корм скота положительное сальдо хлебо-фуражного баланса региона определяется в 57,5 млн пудов. «Однако резко пониженный урожай, большая нестабильность его в отдельных округах, районах и отдельных селах создают условия для большого внутри-крестьянского оборота. С другой стороны, резкое сокращение планового снабжения тарифицированного населения, снятие со снабжения ряда городов увеличивает неорганизованный спрос и снижает сальдо села». Несмотря на это, «исходя из необходимости дать напряженный план», сибирское руководство признало возможным принять утвержденный на бюро крайкома 15 сентября план заготовок в размере 63 млн пудов «как максимальный». В данный объем была также включена закупка 3 млн пудов маслосемян.

Авторы письма «со всей ответственностью» заявляли, что данный план является для края максимальным и напряженным. «Выполнение его потребует большей, чем даже в прошлом году, мобилизации всех сил сибирской парторганизации, исключительного внимания к руководству хлебной кампанией. Всякое увеличение указанного нами максимального плана хлебозаготовок будет нереально». Более того, обязательным условием его исполнения является выделение дополнительных объемов хлебопродуктов из централизованных фондов для снабжения населения крупных городов, промышленных, лесозаготовительных, маслодельных, льноводческих районов и северных окраин. Общая потребность Сибирского края в централизованном снабжении составляет 23 млн пудов. «Необходимо утверждение этой заявки полностью, что даст возможность удовлетворить лишь основные потребности. Мелкие города, второстепенные нужды будут удовлетворяться в порядке неорганизованных внеплановых заготовок. Всякое сокращение планового снабжения неизбежно вызовет увеличение спроса, рост рыночных цен и затруднит заготовки».

Успех хлебозаготовок также зависит от «организованности» бедноты. «Для этого надо освободить ее от необходимости пойти за хлебом к кулаку. Потребность бедноты, конечно, не может быть полностью удовлетворена государством, но установленных 10 % отчис-

лений гарнцевого сбора на эти нужды явно недостаточно». В связи с этим Сибкрайком и крайисполком предложили увеличить долю этих отчислений до 20 %.

Несмотря на достаточно убедительные аргументы сибирского руководства в пользу радикального сокращения годового плана, Центр уменьшил его всего лишь на 5 млн пудов. При этом парткомам пораженных неурожаем регионов, включая Сибкрайком, было предложено прекратить продолжающееся митингование по поводу размеров хлебоуражного баланса³⁰.

21 сентября бюро Сибкрайкома приняло утвержденное Политбюро ЦК ВКП(б) годовое заготовительное задание в размере 75 млн пудов *«к руководству и исполнению»* и поручило созданной на том же заседании комиссии *«срочно разверстать план по округам»*³¹. 22 сентября в адрес окружкомов ВКП(б) *«по проводу»* ГПУ была направлена директива крайкома, в которой сообщалось об утверждении по окружной разверстки годового плана хлебозаготовок. В связи с этим заявлялось, что крайком не будет принимать *«никаких протестов, ходатайств [и] возражений против установленных планов»*. Окружкомам запрещалось *«рассмотрение аналогичных вопросов местных органов»*³². 1 октября крайком потребовал от нижестоящих парткомов исключать из партии и предавать суду коммунистов, *«пытающихся продолжать митингование о невозможности выполнения плана»*³³.

Годовой план централизованных заготовок зерновых культур³⁴ по Сибирскому краю на 1929/30 г. составлял 63 700 тыс. пудов. Сибконтрора «Союзхлеба» обязывалась заготовить 3700 тыс. пудов, Сибкрайсоюз потребкооперации – 25 000 тыс., Сибполеводсоюз – 35 000 тыс. Годовой план по юго-западным округам составил 26 430 тыс. пудов (фактическая заготовка 1928/29 г. – 70 060 тыс. пудов), по северо-восточным округам – 37 270 тыс. пудов (в 1928/29 г. – 34 462 тыс. пудов). Годовое задание по сбору гарнца составляло 11 300 тыс. пудов³⁵. Как указывалось выше, выполнить региональный план централизованных заготовок надлежало к 1 февраля 1930 г. При этом до 1 декабря 1929 г. план должен был быть выполнен на 70 %³⁶. Кроме указанных планов на 1929/30 г. по округам были разверстаны задания по сбору законтрактованного хлеба (34 000 тыс. пудов) и план его сдачи колхозами (10 000 тыс. пудов в первоначальном и 11 600 тыс. пудов в окончательном варианте годового задания)³⁷.

Корректировка метода

Выполнить задачу максимального форсирования темпов кампании можно было только на основе разверстки заготовительных заданий. 27 июня Политбюро, рассмотрев вопрос «Об организации хле-

бозаготовок и хлебоснабжения в 1929/30 г.», сочло «целесообразным установление порядка доведения плановых заданий по хлебозаготовкам до отдельных сел и деревень»³⁸. Однако вопрос о конкретных методах, обеспечивающих выполнение поселенных планов, в том числе и о целесообразности подворной разверстки, длительное время оставался открытым.

Данная проблема обсуждалась на пленуме Сибкрайкома еще в начале июня 1929 г. Свою идею на нем вновь высказал секретарь Каменского окружкома ВКП(б) Н. П. Крылов³⁹. Он считал, что заготовительное задание с установлением обязательных сроков сдачи нужно доводить до каждого крестьянского двора, а не только кулацкого. Однако его в очередной раз обвинили в проталкивании идеи разверстки. Кроме того, если довести план до середняцких и бедняцких дворов, то в случае его невыполнения к ним нужно будет применить репрессии. А это, по мнению ряда участников обсуждения, является неприемлемым с политической точки зрения. Более того, большинство выступающих согласилось с тем, что план не следует возлагать даже на зажиточных середняков. Решили ограничиться лишь кулацкими хозяйствами, доводя до них заготовительное задание «в порядке принудительного договора». В отношении же середняков «необходимо создать такую обстановку и так воздействовать на середняка, чтобы он сам и своевременно этот хлеб повез на наши ссыпные пункты»⁴⁰.

4 июля нарком торговли СССР А. И. Микоян информировал руководителей регионов о том, что правительством приняты предложения Наркомторга о необходимости доведения годовых заготовительных заданий до районов и отдельных сел. При этом Микоян указал, что вопрос о конкретных методах, «обеспечивающих выполнение этих планов», окончательно не решен, директива об этом будет выработана «на основе изучения практики отдельных районов» и в связи с этим предложил своим корреспондентам представить свои соображения по данной проблеме⁴¹.

В свою очередь Сибкрайком провел аналогичный опрос окружков. Большая часть из них сочла необходимым доводить заготовительные задания до кулацкого двора. Красноярский окружком считал, что применять данную меру следует лишь после того, как иные методы («быстрое взыскание всех платежей и задолженностей») окажутся недостаточными. Рубцовский окружком предложил установить подворные планы всем «держателям хлебных излишков». Минусинский окружком высказался «за применение проводившегося в кампании 28/29 г. метода предъявления твердого обязательства кулаку и кратного обложения путем постановления общих собраний граждан и в 29–30 г. с той только разницей, что не применять

метода самообязательства к среднякам, применяя к среднякам методы экономического воздействия, вплоть до объявления товарного бойкота»⁴².

30 июля, обсудив предложения с мест, Сибкрайком ВКП(б) решил отказаться от идеи принудительного договора с кулацкими хозяйствами и принял резолюцию, согласно которой сельсоветы обязывались одновременно с принятием поселенного плана осуществлять разверстку обязательного задания «для каждого отдельного кулацкого хозяйства»⁴³. В то же время крайком не принял конкретного решения о том, как добиться выполнения остальной части поселенного плана.

1 августа первый секретарь Сибкрайкома Р. И. Эйхе направил председателю СНК РСФСР С. И. Сырцову письмо, в котором сообщал о двух сформулированных на бюро крайкома предложениях о порядке заготовок. Одно из них представляло собой достаточно громоздкую комбинацию урало-сибирского метода и кооперативной разверстки. Сначала следовало разверстать часть поселенного плана на кулацкие хозяйства, затем заключить договор низового кооператива с сельским обществом на поставку остальной его части с указанием размеров сдачи по каждому хозяйству. В том случае, если договор будет заключен на меньший объем или часть хозяйств откажется его выполнять, надлежало собрать сельский сход, на котором официально возложить заготовительные задания на отдельных сдатчиков. В случае его невыполнения применить «экономические, общественные, административные или судебные меры воздействия по 61 статье». Второе предложение исходило из необходимости «сохранить весенний метод заготовок» в чистом виде. Сам Эйхе придерживался последнего варианта, «боясь потери времени и темпа»⁴⁴.

Точка зрения Р. И. Эйхе победила, и через полмесяца в Сибири решили остановиться на урало-сибирском методе. 15 августа бюро крайкома приняло резолюцию⁴⁵, в которой сельсоветы обязывались, помимо установления обязательных заданий для кулацких хозяйств, проводить «через утверждение общих собраний граждан, пользующихся правом голоса, подворный план хлебозаготовок для всех крестьянских дворов, имеющих хлебные излишки».

В резолюции особо подчеркивалось, что «подворные планы хлебозаготовок подлежат обязательному выполнению в сроки, установленные сельсоветом». При этом «в отношении кулацких хозяйств, уклоняющихся от выполнения хлебозаготовительных планов, по мере необходимости должны применяться соответствующие меры административно-судебного воздействия (бойкот, 61 ст. УК и т. п.)». Применение подобных мер к бедняцким и середняцким хозяйствам

признавалось недопустимым. «Необходимо в порядке общественного контроля добиться от каждого крестьянина бедняка, середняка, обладающего хлебными излишками, стопроцентного выполнения принятых по самообязательству планов. В этих целях необходимо организовать массовое участие бедноты и середняков в социалистическом соревновании на первоочередную досрочную и полную продажу государству хлебных излишков».

Центральное руководство также не сразу пришло к выводу о необходимости полномасштабного введения урало-сибирского метода. Так, еще в конце июля ЦК ВКП(б) предлагал возлагать заготовительные задания только «на тех кулаков, которые будут отказываться от продажи своего хлеба государству»⁴⁶. Однако медленный темп хлебозаготовок в конце лета – начале осени (см. ниже) привел к изменению данной позиции. 13 сентября ЦК обязал региональные парткомы в сжатые сроки установить «твердые задания» по хлебосдаче кулацко-зажиточным (а не только кулацким) хозяйствам⁴⁷.

В то же время Центр предостерег местные органы власти отдачи обязательных заданий иным категориям крестьянства. В директиве Политбюро от 23 сентября содержалось следующее указание: «*Ввиду отдельных попыток истолковать решение ЦК о доведении хлебозаготовительных заданий до кулацкого двора в расширенном смысле, а именно в смысле доведения обязательного плана до середняцкого двора, предупредить все партийные организации заготовительных районов о недопустимости такого истолкования решения ЦК*»⁴⁸.

Поскольку подобное распоряжение вступало в противоречие с ранее данными установками сибирских властей на тотальную разверстку поселенных планов, Сибкрайком выступил с соответствующим разъяснением. 26 сентября в адрес окружкомов ВКП(б) был направлен циркуляр⁴⁹, в котором указывалось, что «*постановление ЦК от 23 сентября [в] ряде мест неверно понято как запрещение проводить определенные задания середняцким хозяйствам [в] порядке самообязательств. <...> директива ЦК, предупреждающая антисередняцкие перегибы, ни [в] коем случае не отменяет всей установленной ранее системы доведения планов до села, до двора. Необходимо строго соблюдать директивы [о том], что задания середняцким хозяйствам определяются лишь через общие собрания [в] порядке добровольных самообязательств, не допуская применения [к] середнякам кратности штрафов, 61 статьи и других санкций, определяющих обязательность плана для кулака*». Одновременно с этим крайком предложил возложить обязательные заготовительные задания на все кулацкие хозяйства, в том числе и на те, которые не облагаются в индивидуальном порядке, а также на наиболее зажиточные дворы, не относящиеся к категории кулацких. Общее число дворов, получивших

твёрдые задания, не должно было превышать 7–9 % всех крестьянских хозяйств округа.

Решение о правовом обеспечении подворной разверстки было принято еще на заседании Политбюро 27 июня 1929 г. Данное решение надлежало «*оформить в законодательном порядке от имени СНК РСФСР и ВЦИКа*»⁵⁰. На следующий день указанные органы советской власти приняли постановление⁵¹, предусматривающее административное (штраф «до пятикратного размера наложенных постановлением общего схода или комиссией сельсовета обязательств с применением в случае отказа продажи с торгов имущества») или уголовное преследование по ст. 61 УК РСФСР крестьян, не выполняющих утвержденных сельским сходом заготовительных заданий или противодействующих их исполнению. В том же нормативном акте оформлялось еще одно решение Политбюро. 25 % из взыскиваемых «*в указанном порядке у злостных кулаков штрафов и сумм от продажи*» надлежало выделять в фонды помощи бедноте «*данного села или района*»⁵².

Следует отметить, что так называемое новое издание урало-сибирского метода имело одно принципиальное отличие от весеннего варианта. В документах центральных и региональных органов власти не упоминалась необходимость выдавать принятие поселенного плана как инициативу общественных организаций деревни. План официально доводился до каждой деревни, а затем подлежал широкому обсуждению на собраниях бедняцко-середняцкого актива и сельских сходах и утверждению последнего. В то же время в рамках кампании 1929/30 г. продолжала действовать норма о необязательности кворума при рассмотрении вопроса о принятии поселенного плана и его распределении на повторном сельском сходе.

Непосредственный контроль за реализацией урало-сибирского метода в деревнях возлагался на сельские комиссии по содействию хлебозаготовкам. В соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) от 29 июля «Об организационно-партийной работе в связи с предстоящей новой хлебозаготовительной кампанией»⁵³ предлагалось «*в самом начале кампании* создать подобные комиссии при каждом сельсовете «*путем выбора на общих бедняцко-середняцких собраниях*». «*Эти комиссии должны иметь особое наблюдение над сдатчиками хлеба из кулаков, решительно борясь с кулаками и спекулянтами, пытающимися сорвать хлебозаготовки*». Комиссии должны были разверстывать индивидуальные заготовительные задания, «*организовывать наём и воздействие сельской общественности*» на хозяйства, уклоняющиеся от их выполнения, и применять в отношении таковых «*через сельсоветы соответствующие меры воздействия на основе революционных законов*».

2. Борьба с «самотеком» (заготовки в I квартале)

В рамках подготовки кампании 1929/30 г. была поставлена задача существенно увеличить объемы заготовок и за счет жесткого внешнеэкономического давления на зажиточные слои деревни добиться выполнения годового плана в предельно сжатые сроки. Обеспечить выполнение данной цели должен был урало-сибирский метод хлебозаготовок, под который была подведена законодательная база. В Сибири ситуация осложнялась сильным недородом в основных зернопроизводящих районах. Несмотря на это, регион получил завышенное заготовительное задание.

Усилия по форсированию заготовок предпринимались с самого начала кампании. В начале третьей декады июля, еще до окончательного утверждения годового регионального заготовительного задания, Наркомторг СССР установил для Сибири план централизованных заготовок на июль – сентябрь в размере 10,5 млн пудов. Еще 2,5 млн пудов зерна должно было поступить по гарнцевому сбору. За тот же период 1928 г. в регионе в условиях значительно более высокого урожая плановые заготовки составили 8,2 млн пудов (см. табл. 3.1).

А. И. Микоян в телеграмме заведующему Сибкрайторготделом обязал его «принять все меры [к] выполнению данного плана». С этой целью надлежало мобилизовать сельскую общественность, «проводя массовую разъяснительную работу на селе и оказывая мерами общественного и экономического порядка давление на зажиточных крестьян, задерживающих продажу хлеба основным заготовителям»⁵⁴.

С тем чтобы направить максимально возможные объемы зерна в руки основных заготовителей, предпринимались меры по свертыванию рыночной торговли. 15 августа Политбюро ЦК ВКП(б) решило «дать директиву органам ОГПУ о проведении решительных мер репресий в отношении городских и связанных с городами спекулянтов хлебных продуктов». Дополнительные мероприятия «по обузданию хлебной спекуляции» должны были предпринять Наркомторг, НКПС, ЦК профсоюза железнодорожников и водников⁵⁵.

17 августа нарком торговли СССР потребовал от наркомторгов и торготделов хлебопроизводящих районов «принять меры к остановке потока спекулянтов и мешочников в производящие районы»⁵⁶. 21 августа заместитель председателя ОГПУ М. А. Трилиссер предложил региональным представительствам «в случае необходимости» провести массовые операции «по привлечению к ответственности» спекулянтов хлебом, к которым относились и продающие свое зерно кулаки. Следствие по данным делам надлежало завершать «не более, чем в недельный срок». С целью предотвращения мешочничес-

ства требовалось не допускать выдачи низовыми советскими органами рабочим, кустарям, крестьянам и другим категориям населения удостоверений на право покупки хлеба, привлекая к судебной ответственности должностных лиц, выдающих подобные документы⁵⁷. 28 августа Трилиссер приказал полномочным представителям, начальникам облотделов и окротделов ОГПУ заострить внимание «всей сети информации [в] городе [и] деревне на вопросе выявления городских скупщиков хлеба [в] деревне, их связей с деревенскими специулянтами, кулаками». «Во всех выявленных семью случаях скупки хлеба частником» надлежало немедленно принять оперативные меры к прекращению их деятельности⁵⁸.

В постановлении Политбюро от 15 августа содержалось требование установления жесткого контроля за деятельностью работников заготовительных органов, руководителей колхозов и совхозов⁵⁹. 26 августа Нарком юстиции РСФСР Н. М. Янсон обязал органы прокурорского надзора «немедленно отстранять от работы и привлекать к строжайшей уголовной ответственности тех работников заготовительного аппарата, кои не приняли необходимых мер для подготовки кампании (отсутствие сырьевых пунктов, инвентаря, весов, тары, квалифицированных работников, несвоевременное финансирование заготовок, волокита по приему хлеба на сырьевых пунктах и т. п.), нарушающих дисциплину в применении хлебных цен, заготовителей, ведущих между собой преступную конкуренцию и не применяющих мер решительного понуждения к лицам, уклоняющимся от выполнения договоров контрактации».

«К строжайшей уголовной ответственности как кулаков и хлебных специулянтов за срыв цен и подрыв работы плановых заготовителей» по требованию Янсона следовало также привлекать «руководителей тех совхозов и колхозов, которые станут сбывать хлеб на сторону или задерживать его в своих амбара»⁶⁰. В циркуляре ОГПУ от 28 августа особое внимание предлагалось уделить «вскрытию связей хлебных скупщиков по колхозам, совхозам»⁶¹.

30 сентября полпред ОГПУ по Сибири Л. М. Заковский сообщил в Москву, что с начала заготкампии по 30 сентября по линии его ведомства в крае арестовано: «кулаков – 110, специулянтов города – 47, специулянтов села – 9, служащих госкоопорганизаций – 17, руководителей колхозов – 9, прочих – 13, в том числе 11 попов за агитацию против хлебозаготовок»⁶².

Таким образом, репрессивный механизм был запущен уже в самом начале кампании. Однако масштабы репрессий на местах не удовлетворяли центральное руководство. 29 августа Политбюро отметило «медлительность выполнения, а в некоторых случаях и непроведение на деле» директив «по борьбе с хлебной специуляцией,

с конкуренцией между хлебозаготовителями и со случаями задержек в сдаче хлеба совхозами и колхозами и продажи ими хлеба на сторону»⁶³. 17 сентября начальник экономического отдела ОГПУ предложил «усилить работу по выявлению элементов, срывающих ход хлебозаготовок и хлебоснабжения, как частника, городского перекупщика, кулака, так и должностных лиц, спекуляций на транспорте и злоупотреблений со сдачей хлеба колхозами и совхозами»⁶⁴.

ИНЫ ТОВАРНЫХ ИЗЛИШКОВ ХЛЕНДЖНЫ ПРОДАТЬ ГОСУДАРСТВУ

хлеб государством
вульском округе
хлеб государству.
хлеба колхозами

РОДАЖУ
ИКУ

АВТОМАШИНЫ
НА ПЕРЕВОЗКИ
ХОЗОДОГО ХЛЕБА

изделия из Сибири
запасы, что 10 октября в Чите
того, 33 грузовых автомашин
поступили в золотой земли на
11 октября открытым
хлеба из зерна и зерновых
изделий в запасы для
Иркутской области, а также
из 10 машин—передали
запасы «Сибирь Комбайны»,
Чита. В Сибирь приехал
и 10 трестовских машин. В
работе в автомашин. И
запасы из машины 1200 тонн
в зерновых.

СКОВЛЕНИЕ ХЛЕБА
НА ГУЛЮНЬМ С ПУНТИХ

16. (Ваня кирп.) Чрезвычай-
ной заготовки хлеба на гулюн-
и. Поставлено Черный
План 300 пудов, и в

ТОЛЬКО КУЛАН ДОВОЛЕН ТАКИМ НОЛХОЗОМ.

ПОДЖИГАТЕЛИ ВОИНЫ

Советская Сибирь. 1929. 13 сент.

СИБИРЬ РЕШИТ НА ПУТЬ

КАПИТАЛЬНОЕ ВЛОЖЕНИЕ В
154 МИЛЛИОНОВ РУБЛЕЙ ВМ
БУДУТ ПРОЛОЖЕ

МЕСТНЫЙ БЮДЖЕ

ДЕНЬ УРОЖАЯ И КОЛЛЕКТИВИЗАЦИЯ

МОСКВА, 11. (ТАСС). Погребет в про-
шлом «День урожая и кол-
лективизация» в Сибири. На
этот раз в Бийске, Барнауле, Красноярске и
других городах пройдет и за Уралом
в Иркутске, Красноярске и за Уралом.

На Украине празднике пройдет в
дни колхозного республиканского съезда, который состо-
ится в Кремле.

Ленобласть празднует планету 250
тысяч поголовья лошадей. Всего в области построены 320
населенных пунктов, занесенных в реестр колхозов.

В Удмуртии праздники будут про-
веденны в земельных и хлебозаготовительных
районах, где уже начаты работы по колхозизации.

Центрально-Черноземный, ЦР
и Краснодарский края начнут свои ме-

В большинстве регионов европейской части страны централизованные заготовки в первом квартале 1929/30 г. проходили не- было высокими темпами. В августе 1929 г. зерна было собрано в 1,7 раза больше, чем в рекордном до этого августе 1927 г. В сентябре заготовки в СССР вновь существенно превысили предшествующий максимум и достигли 220,8 млн пудов (см.: Приложение, табл. IV, VI). Главными факторами успеха стало свертывание рыночной торговли и жесткие меры внеэкономического давления на крестьянство.

В Сибири, напротив, хлебозаготовки разворачивались крайне медленно. В августе в регионе удалось заготовить в централизованном порядке всего лишь 393 тыс. пудов зерна. Еще около 300 тыс. пудов поступило по гарнцевому сбору (табл. 4.1). К концу месяца выполнение установленного Наркомторгом СССР для региона квартального плана составило немногим более 20 %⁶⁵.

**Ход плановых заготовок хлебопродуктов в 1929/30 г. в Сибирском крае
(по месяцам)**

Месяц	Централизованные заготовки		Гарнцевый сбор		Общие итоги тыс. пудов
	тыс. пудов	выполнение годового плана на конец месяца, в %	тыс. пудов	выполнение годового плана на конец месяца, в %	
1929 г.					
Июль	1664	2,6	273	2,4	1937
Август	393	3,2	299	5,1	692
Сентябрь	3799	9,2	1065	14,5	4743
Октябрь	27 141	51,8	1329	26,2	28 470
Ноябрь	19 219	82,0	1302	37,8	20 521
Декабрь	10 066	97,8	1389	50,1	11 455
1930 г.					
Январь – март	1700	100,5	3408	80,2	5114
Апрель – июнь	297	101,0	1119	90,1	1416
Итого	64 280	101,0	10 184	90,1	74 465

Источники: Ежегодник хлебооборота. М., 1932. № 4–5: За 1929/30 и 1930/31 гг. Ч. 2. С. 82, 86; ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 787. Л. 8.

Примечания: 1) В таблице приведены данные НКТ СССР. 2) Ржаная и пшеничная мука учтены в переводе на так называемые зерновые единицы.

Второй секретарь Сибкрайкома ВКП(б) Р. Я. Кисис, объясняя в письме в ЦК ВКП(б) причины провала августовских заготовок, писал: «*В Сибири, как районе позднего созревания хлебов, заготовки обычно развертываются только с середины сентября, в августе, в разгар полевых работ, в связи с исчерпанием излишков, заготовки ежегодно замирают, также падают заготовки гарнцевого сбора в связи с остановкой большинства мельниц на ремонт. В текущем году недород в Сибири, а также дождливая погода в августе значительно ухудшили все эти условия*»⁶⁶. Негативно на результатах хлебозакупа сказывался острый дефицит промтоваров крестьянского спроса. Из Славгородского округа сообщали, что «*в большинстве потребительских обществ, кроме спичек и галош, ничего нет*». А в Крутинском районе Омского округа потребительская кооперация не могла обеспечить селян солью, табаком, галошами, ведрами⁶⁷.

Однако никакие ссылки на объективные причины Центр более не принимал. 29 августа Политбюро ЦК ВКП(б) отметило слабый ход хлебозаготовок в ряде регионов страны, включая Сибирь. Несмотря

на небывало высокие темпы заготовок, ЦК ВКП(б) в утвержденной 5 сентября директиве указал, что в целом удовлетворительный ход хлебозаготовок не обеспечивает выполнения годового плана в установленные сроки. В связи с этим партийные организации «хлебозаготвляющих районов» обязывались «использовать все возможности для усиления темпа хлебозаготовок, мобилизовать все силы, не проявлять слабохарактерности и мягкотелости в проведении решительных мер репрессий в отношении городских и связанных с городом спекулянтов хлебными продуктами и в других мероприятиях по хлебозаготовкам»⁶⁸.

Согласно установленному Наркомторгом заданию в сентябре в Сибири в централизованном порядке надлежало заготовить 7,5 млн пудов зерна⁶⁹, что на четверть превышало результаты того же месяца 1928 г. С начала сентября объемы заготовок в регионе стали нарастать. В первой, второй и третьей пятидневке месяца зерна в Сибири заготовили соответственно в 1,9, 1,5 и 2 раза больше, чем в предыдущей⁷⁰. Однако достигнутые темпы не обеспечивали выполнение календарного задания и вызывали недовольство со стороны центральных органов власти.

13 сентября ЦК ВКП(б) в постановлении «О мероприятиях по усилению хлебозаготовок» признал «темп хлебозаготовок первой и второй пятидневок сентября совершенно неудовлетворительным и не обеспечивающим выполнение сентябрьского плана заготовок». В числе особенно отстающих регионов, бюро обкомов и крайкомов которых «поставили на вид», была названа Сибирь⁷¹. 20 сентября Политбюро, вновь обратившись к ситуации на хлебном фронте, объявило ряду региональных парткомов, включая Сибкрайком, выговор за «неподготовленность и слабый темп хлебозаготовок»⁷².

Реагируя на критику Центра, краевые органы, в свою очередь, требовали форсирования заготовок от окружных властных структур. 9 сентября в адрес секретарей окружкомов и председателей окрисполкомов по проводу ГПУ был направлен циркуляр крайкома и крайисполкома⁷³, в котором указывалось, что «на местах не осознана необходимость максимально быстрой реализации урожая». С целью исправления ситуации адресатам следовало в срочном порядке провести следующие мероприятия:

1) «Командировать руководящий окружной актив [в] районы [с] поручением форсировать уборку, обмолот [и] сдачу хлеба, раскачать районный сельский актив, провести жестокую борьбу [с] бездеятельностью хлебозаготовительных аппаратов».

2) Еще до установления годовых планов «добиться проведения обязательных предварительных заданий для кулацких хозяйств в счет будущего товарного годового плана».

3) «Добиться немедленного усиления поступления гарнцевого сбора путем установления твердого контроля [за] работой мельниц [со] стороны РИКов, сельсоветов, бедноты, привлекая [к] суду [за] злостное закрытие мельниц, несдачу гарнца».

4) Потребовать от колхозов сдать в сентябре не менее половины «товарных излишков; строго выполнять директиву ЦК о привлечении колхозов, задерживающих сдачу хлеба или продающих на сторону, [к] ответственности как за вредительство, обман пролетарского государства».

5) «Развернуть широкую кампанию за досрочное выполнение договоров контрактации».

6) «Развернуть энергичную работу [по] мобилизации денежных средств [в] деревне (займы, вклады, паи кооперации, досрочное поступление сельхозналога, страхование, возврат ссуд, прочие)».

7) «Проверить выполнение директив по использованию товарных фондов для усиления заготовок (выделение дефицитных товаров [для] первоочередного снабжения соревнующихся селений, колхозов, отдельных сдатчиков, не допуская индивидуального товарообмена)».

8) «Строго выполнить директивы ЦК [о] жесткой борьбе [с] хлебными спекулянтами, [а] также конкуренцией хлебозаготовителей».

15 сентября Сибкрайком ВКП(б) в своем циркуляре вновь отметил «совершенно неудовлетворительную организацию кампании», указав на то, что ставшие результатом «преступной медлительности» низкие темпы хлебозаготовок в начале сентября совершенно не обеспечивают выполнения месячного плана. «Вместо развертывания массовой работы, мобилизации бедноты [в] районах продолжаются бесчисленные исчисления балансов, вместо практического выполнения сентябрьского плана хлебозаготовок ожидают годовой план и бездействуют, ссылаясь [на] его отсутствие. Кулацкая агитация [о] невозможности заготовки не только не встречает отпора, [но] местами поддерживается некоторыми низовыми организациями». В связи с этим крайком обязал окружкомы «безоговорочно» и «немедленно» выполнить директиву от 9 сентября⁷⁴. 22 сентября после утверждения на бюро крайкома годового регионального заготовительного задания и его распределения по округам секретарям окружкомов была направлена директива, обязывающая их «в установленный срок» завершить поселенную и подворную разверстку заготовительных заданий⁷⁵.

24 сентября в решение проблемы активизации заготовок единым фронтом включились руководители правоохранительных и карательных органов Сибири. Председатель краисуда, крайпрокурор, полпред ОГПУ и начальник крайадмдела подписали совместный приказ № 1⁷⁶. В нем указывалось, что «в целях создания решительного пе-

релома» в ходе хлебозаготовок необходимо «наряду с другими мероприятиями сейчас же широко развернуть судебно-административную репрессию, жестко ударив ею, с одной стороны, по кулаку и спекулянту за скопку и продажу хлеба, с другой – по бездеятельности и бюрократизму заготовительного аппарата, по ажиотажу между заготовителями и пассивности некоторых звеньев местных органов власти в деле содействия хлебозаготовкам».

Окружным адмитделам и отделам ГПУ надлежало в первую очередь: *«а) Принять все меры к выявлению указанных выше преступных явлений для постановки через прокуратуру судебных процессов как в отношении кулаков-спекулянтов, так и разгильдяев и бюрократов в советском аппарате, срывающих хлебозаготовки. б) Обеспечить особую срочность (не более трех дней) расследования этих дел и достаточность исследования основных улик для возможности вынесения обвинительного приговора с тем, чтобы не допускать направления в суд неосновательных дел».*

Окрпрокурорам было приказано: 1) *«В недельный срок через уголовный] розыск и при содействии О[кружного] О[тдела] ГПУ выявить спекулянтов и кулаков, занимающихся скопкой хлеба для перепродажи, и провести по ним судебные процессы по 107 ст. УК, в том числе пять-шесть из них – обязательно в показательном порядке».*

2) *«Сейчас же приступить к проведению на местах судебных процессов по 2 и 3 ч.ч. 61 ст. УК в отношении кулаков, не сдавших в срок хлебные излишки по произведенной раскладке».*

3) *«Немедленно ознакомиться со всеми материалами о ходе хлебозаготовок и на основе выявленных фактов «ажиотажа между заготовителями, преступной неподготовленности и бездеятельности заготовительного] аппарата (тара, складские помещения, ссыпные пункты, непринятие мер к поступлению хлеба от колхозов и т. д.), а также и местных органов власти в деле доведения плана до двора, использования экономических рычагов (налог, заем и др[угие] сборы) провести в недельный срок несколько судебных процессов.*

4) *«Особо тщательно совместно с окрторгом проверить, как идет сдача хлеба колхозами, коммунами и совхозами, и при выявлении злоупотреблений (продажа хлеба на вольный рынок), неосновательной задержки хлеба, разгильдяйства и халатности в организации своевременной сдачи хлеба (поздний обмолот и др.) возбудить уголовное преследование против руководителей этих организаций с немедленным снятием в нужных случаях с работы и провести ряд судебных процессов».*

5) *«Немедленно проверить поступление хлеба по контрактации и в целях стимулирования сдачи хлеба по договорам предложить соответствующим контрактирующим организациям немедленно начать*

предъявление к контрагентам (сначала к кулакам и зажиточной части судебных исков».

Окружные суды, в свою очередь, должны были «обеспечить внеочередное рассмотрение возбуждаемых по данной директиве дел с тем, чтобы дела разрешались в суде в срок не более трех дней».

Однако начавшийся усиливаться в третьей декаде сентября силовой нажим на деревню на итогах заготовок сказалось не успел. Месячный план централизованных заготовок был выполнен на 51 %. Сибирь значительно отставала от остальных хлебопроизводящих регионов страны, включая Урал и Казахстан, как по абсолютным, так и по относительным показателям.

1 октября бюро Сибкрайкома констатировало существенное невыполнение календарного плана, назвав основной причиной допущенного отставания «потери для развертывания кампании 2–3–х недель сентября вследствие сосредоточения внимания как партийных организаций, так и исполкомов на разговорах о хлебоффуражном балансе. Эти разговоры оказались орудием в руках враждебных нам элементов, пытающихся защитить кулацкий хлеб от пролетарского государства»⁷⁷.

Несмотря на значительное недовыполнение календарных заготовительных планов в августе и сентябре, Наркомторг СССР предъявлял региону завышенные требования по вывозу хлеба. Подобный подход привел к возникновению в регионе продовольственного кризиса. 15 августа А. И. Микоян потребовал от крайторготдела отгрузить на Дальний Восток 600 вагонов муки. К 1 сентября край мог располагать всего лишь 600 вагонами «подвижного хлеба». При этом потребность в хлебе крупных сибирских городов, шахтерских поселков, транспортников и золотодобытчиков составляла 557 вагонов. Полпред ОГПУ Л. М. Заковский в письме в Центр в связи с этим заявил: «Если со стороны Наркомторга требования на вывоз не будут ограничены в рамках фактического наличия, то Сибирь в ближайшее время может стать перед необходимостью ввоза хлеба со всеми вытекающими отсюда последствиями по снабжению армии, а также рабочих районов, в каковых в связи с продовольственными затруднениями положение в данное время весьма напряженное»⁷⁸.

В письме секретаря Сибкрайкома Р. И. Эйхе и председателя крайисполкома С. М. Кузнецова в ЦК ВКП(б) от 10 октября сообщалось⁷⁹, что в условиях дефицита хлеба в региональном централизованном фонде плановое снабжение «могло производиться только в ограниченных размерах и только ограниченного количества пунктов городских и рабочих районов, причем даже и удовлетворение этих потребительских пунктов могло быть в очень ограниченных размерах. Целый ряд мелких городов был снят со снабжения полностью, в ряде других горо-

дов была принята на плановое снабжение лишь очень небольшая часть потребителей. Наконец с 1-го октября введены заборные книжки».

Недород в основных хлебопроизводящих округах и меры по ограничению частной торговли хлеба привели к минимизации рыночного предложения хлеба. Спрос на хлеб в условиях сокращения контингента населения, снабжаемого в плановом порядке, напротив, вырос. Базарные цены на зерно в этих условиях резко повысились. 1 октября на барнаульском рынке центнер пшеницы стоил 25 руб. 95 коп., пшеничной муки — 38 руб. 16 коп., ржи — 18 руб. 31 коп., овса — 17 руб. 9 коп., в шахтерской Анжерке — 21 руб. 35 коп., 28 руб., 15 руб. 25 коп. и 15 руб. соответственно. Центнер пшеничной муки на базарах Новосибирска продавался за 56 руб. 25 коп., Омска — за 70 руб. 30 коп., Иркутска — за 73 руб. 30 коп. Государственные заготовительные цены на пшеницу, рожь и овес в регионе составляли 6 руб. 4 коп., 4 руб. 15 коп. и 3 руб. 54 коп.

Проблема хлебоснабжения в сельской местности стояла не менее остро, чем в городах. Секретарь Коловынского райкома ВКП(б) и председатель райисполкома 27 сентября в письме в окружком и окриском, в частности, сообщали: «*Подвоз муки на базаре ничтожный и ниже 8 руб. [за пуд] не спускается. По базару каждую субботу толпы женщин с мешочками ждут, пока крестьянин привезет воз. Чтобы его разделить. РИК осаждают часто. <...> Вопрос о снабжении служащих, кустарей (работающих в общих мастерских) стоит остро. Пример: служащие д[...] городка (нисшие) получают 16 р[уб.] в месяц [и], а мука на рынке 8 р[уб.]. да и нет ее. Учитель на селе не находит хлеба. Врач (Вьюнской больницы) заявил, что если хлеба давать не будут — уйду с работы. Как быть и что предпринимать?!*»⁸⁰

Бюро Сибкрайкома ВКП(б), 8 октября рассмотрев вопрос о рабочем снабжении, наряду с решением о сокращении контингента тарифицированного населения и категорического запрета внепланового расходования хлеба, решило в очередной раз (см. выше) обратиться в ЦК ВКП(б) с просьбой об увеличении объемов рабочего снабжения для региона. Кроме того, перед Центром вновь был поставлен вопрос о повышении нормы отчисления от гарнцевого сбора на нужды бедноты с 10 до 20 %⁸¹. С просьбами об увеличении норм отчисления из гарнцевого сбора обращались руководители других регионов СССР. Однако все они были отклонены⁸².

Несмотря на то, что объемы хлебозаготовок в октябре и ноябре резко выросли, продовольственная ситуация в Сибири оставалась напряженной. В сводке крайкома от 12 декабря сообщалось о связанных с недостатком хлеба акциях протesta сельских служащих. «*В Минусинском округе 25 учителей Курагинского р[айона] подали заявление в РИК с требованием хлеба, т. к. на базаре нет, иначе просят увольнения. В Ачинском округе в Березовском р[айоне] служащие*

РИКа на собрании постановили: требовать хлеба, в противном случае оставить работу. В Бирюльском районе милиционеры подали заявление об уходе со службы». В той же сводке содержалась информация о фактах заболеваний на почве голода переселенцев, прибывших в Ачинский округ⁸³.

3. Механизм ускорения

Хлебозаготовки в Сибири в I квартале 1929/30 г. проходили с существенным отставанием от разверстанных на регион Центром повышенных плановых заданий. Основной причиной низких темпов поступления хлеба являлся сильный недород зерна в основных производящих районах края и связанное с неблагоприятными погодными условиями затягивание уборки.

Следует также отметить, что местные власти в августе не могли в полной мере использовать потенциал урало-сибирского метода, который должен был стать базовым методом хлебозаготовок. В соответствии с указаниями Сибкрайкома ВКП(б) доводить план до села и двора следовало только после утверждения окончательного варианта годового регионального заготовительного задания и его разверстки по округам и районам. Действия же тех окружкомов ВКП(б) (Ачинского, Каменского и Бийского), которые, не дожидаясь этого, дали во второй половине августа директиву о подворной разверстке, были признаны «политически ошибочным мероприятием, потому что установление твердого окончательного окружного плана может вызвать пересмотр подворных планов»⁸⁴.

Однако уже в начале сентября директивные органы региона изменили свою позицию. Как указывалось выше, 9 сентября крайком и крайисполком обязали секретарей окружкомов и председателей окрисполкомов добиться доведения предварительных заготовительных заданий до хозяйств, относимых к категории кулацких, еще до установления годовых планов. Эти задания должны были равняться «всем хлебным излишкам» подобных хозяйств⁸⁵. 13 сентября Сибкрайком получил предписание ЦК ВКП(б) к 1 октября завершить установление «твёрдых заданий» «по продаже хлеба кулацко-зажиточными хозяйствами основным заготовителям»⁸⁶.

15 сентября во исполнение директивы ЦК Сибкрайком ВКП(б) направил в адрес окружкомов циркуляр, в котором содержалось требование «независимо [от] времени получения годового плана хлебозаготовок, закончить не позднее первого октября установление обязательных заданий для кулацких хозяйств, установив для них жесткие краткие календарные сроки сдачи основным заготовителям излишков хлеба»⁸⁷.

22 сентября после утверждения крайкомом годового регионального заготовительного задания и его поокружной разверстки, секретарям окружкомов была направлена директива⁸⁸, включающая механизм урало-сибирского метода. Окружные комитеты компартии обязывались: 1) «Точно [и] в установленный срок довести до села план хлебозаготовок, установив личную ответственность секретарей райкомов [и] председателей райисполкомов за срочность доведения планов до села, принятие его сельскими сходами, командировать для этой цели [в] деревню необходимое количество работников окружного [и] районного актива [с] конкретными заданиями, точными сроками исполнения».

2) «Обратить основное внимание на правильность распределения заданий [по] плану хлебозаготовок между кулацкими [и] зажиточными хозяйствами, с одной стороны, и остальной частью села. Кулацким и зажиточным хозяйствам должны быть установлены объявленные обязательные задания [в] полном размере их товарных излишков. Остальная часть плана распределяется непосредственно [на] сельском сходе [в] порядке самообязательств [на] остальные группы крестьянских хозяйств. Как [по] обязательным заданиям кулацким и зажиточным хозяйствам, так [и по] самообязательствам должно быть указано количество продовольственных культур, сроки выполнения планов».

3) «Немедленно после принятия плана хлебозаготовок сельским сходом установить через комиссии содействия [и] основных заготовителей строгое наблюдение за продажей хлеба селом основным заготовителям [в] установленные сроки, обязать в первую очередь проследить выполнение заданий кулацкими и зажиточными хозяйствами, применяя [к] кулакам за всякое отступление от выполнения заданий установленные репрессии».

1 октября бюро Сибкрайкома обязало низовые органы власти закончить предъявление «твёрдых» обязательных заданий кулацким и зажиточным хозяйствам «во всех без исключения случаях» не позднее 5-го октября. Изъятие хлеба надлежало начать «немедленно со дня предъявления» и завершить в течение 10 дней, но не позднее 15-го октября⁸⁹.

8 октября Сибкрайком ВКП(б) в переданной по проводу ГПУ директиве предложил окружкам в тех случаях, когда сельский сход отказывается от принятия поселенного плана, не дожидаясь повторного собрания, давать кулацким и зажиточным хозяйствам обязательное задание по хлебосдаче «немедленно приказом сельсовета через комиссию содействия»⁹⁰.

В начале октября была произведена поокружная разверстка плана по сбору хлеба от кулаков в размере 15 млн пудов (23,5 % от общего

объема централизованных заготовок), в том числе по юго-западным округам — 6,8 млн (25,7 %), по северо-восточным — 8,2 млн пудов (22,0 %). Наиболее высокое задание (в относительных величинах) получили Новосибирский (30,2 %), Омский (27,0 %) и Славгородский (26,7 %) округа⁹¹.

Большинство округов рапортовало о принятии поселенных планов и их подворной разверстке в сроки, близкие к определенным крайкомом. В ряде районов этот процесс затянулся. Так, по данным прокуратуры, в части селений Славгородского, Каменского, Томского, Минусинского и Ачинского округов «дворовые задания кулацким хозяйствам не были даны и к 15 октября»⁹². Ряд округов сообщал, что им удалось избежать отказов сельских сходов от принятия подворной разверстки. В других округах зафиксировано лишь незначительное число отказов. Так: в Томском округе их было 16, в Иркутском — 14, Каменском — 12, в Красноярском — 10. Возможно, что это были заниженные данные. Но и там, где подобные инциденты имели место, «во всех этих случаях при вторичных собраниях планы приняты»⁹³.

Мониторинг кампании по проведению подворной разверстки выявил достаточно большое количество допущенных на местах недочетов. С одной стороны, они заключались в существенно превосходящем рекомендуемый уровень удельном весе дворов с обязательными заданиями или в даче хозяйствам нереальных заданий. Так, в Башталакском районе Бийского округа на 5,25 % дворов, отнесенных к зажиточно-кулацким, возложили выполнение 45 % районного плана. В Новосибирском округе были отмечены случаи, когда 80 % поселенной разверстки получали 7–8 хозяйств. Причем установление завышенных заданий иногда инициировались не уполномоченными, а самими крестьянами: «Остальным легче будет»⁹⁴. Подобные ошибки исправлялись.

Однако основные усилия директивных органов были направлены на борьбу с иного рода «извращениями»: заниженными размерами заданий или недостаточным, по их мнению, числом дворов, таковые получивших. Так, в ряде сел они не устанавливались так называемым зажиточным хозяйствам, а ограничивались лишь отнесенными к категории кулацких. Данные действия местных властей определялись как проявления «правого уклона» со всеми вытекающими для уличенных в нем сельских функционеров последствиями. Задание исправить ошибки получили округа, в которых «твердые задания» были даны до окончательного утверждения годового плана, а удельный вес хозяйств, их получивших, признавался недостаточным. Подобное предписание получил Славгородский округ, в котором удельный вес «твердозаданцев» первоначально составлял 5 % от общего числа крестьянских хозяйств⁹⁵.

Результатом постоянно проводимой работы над ошибками стало увеличение общего объема твердых заданий и числа хозяйств, их получивших. Так, в Минусинском округе на 11 октября, 1 ноября и 10 декабря они были разверстаны соответственно на 3162, 3581 и 5094 дворов, а их размер составлял 682, 970 и 1056 тыс. пудов. В Славгородском округе удельный вес обязательных заданий в годовом плане хлебосдачи вырос с 15 до 37 % при краевом задании в 26,7 %. Своего рода «рекорд» был поставлен в Барабинском округе, где «твердозаданцев» обязали сдать 345 тыс. пудов при краевом задании в 100 тыс. пудов⁹⁶. По данным на середину декабря, в целом по Сибирскому краю обязательные задания общим объемом в 20 021 тыс. пудов получили 111 532 крестьянских хозяйств (7,3 % от их общего количества). Максимальный удельный вес «твердозаданцев» имел Славгородский округ (10,1 % дворов), минимальный – Барабинский округ (3,6 %) (табл. 4.2). Сумма фактически разверстанных заданий на треть превышала краевой план⁹⁷. На одно хозяйство в среднем приходилось 152 пуда⁹⁸.

Сопротивление крестьянства хлебозаготовительной политике осуществлялось теми же методами, что и весной 1929 г. Однако их соотношение изменилось. Количество массовых волнений сократилось. В сводке центрального аппарата ОГПУ с начала кампании по 4 ноября ОГПУ в Сибири зафиксировано 12 подобных выступлений⁹⁹. Основной их формой оставалось противодействие вывозу зерна из деревни. Активное участие в продовольственных беспорядках принимала беднота, наиболее остро ощущавшая нехватку хлеба. Так, в с. Нижний Кучук Благовещенского района Славгородского округа беднота «с криком “Не дадим государству ни фунта, сами голодаляем” разобрала привезенные кулаками в потребобщество 70 пудов хлеба». «После проведения разъяснительной работы беднота осознала сделанную ею ошибку»¹⁰⁰.

Таблица 4. 2

Обложение крестьянских хозяйств Сибирского края твердыми заданиями в кампанию 1929/30 г.

Округ / регион	Хозяйства, получившие твердые задания			Твердые задания		
	всего	от общего числа дворов, в %	в т. ч. подвергнутых «пятикратке»	разверстально, тыс. пуд.	выполнено, тыс. пуд.	от объема централизованных заготовок, в %
Омский	16 677	9,1	944	1314	1314	32,1
Славгородский	8500	10,1	989	1107	782	26,5
Барабинский	3772	3,6	449	345	290	33,6

Округ / регион	Хозяйства, получившие твердые задания			Твердые задания		
	всего	от общего числа дворов, в %	в т. ч. подвергнутых «пятикратке»	разверстано, тыс. пуд.	выполнено, тыс. пуд.	от объема централизованных заготовок, в %
Новосибирский	10 302	7,4	908	1071	1030	32,3
Каменский	5416	6,5	1101	550	319	17,1
Барнаульский	9980	8,0	987	1300	936	22,7
Бийский	12 045	9,0	1254	1775	1775	33,3
Рубцовский	5000	6,1	2210	1521	946	24,8
Юго-запад края	71 692	7,7	8877	8983	7392	28,2
Томский	5667	4,9	494	1380	1320	26,4
Кузнецкий	3801	4,9	855	890	632	17,6
Ачинский	5832	7,9	922	1994	1378	23,2
Красноярский	4852	8,0	353	1417	1372	33,4
Минусинский	5094	8,4	715	1056	960	33,1
Хакасский	1734	9,1	113	140	128	32,4
Канский	6000	7,5	1040	2191	1976	21,6
Иркутский	6860	8,0	958	1970	1685	27,4
Северо-восток края	39 840	7,0	5482	11 038	9451	25,4
Сибирский край	111 532	7,3	14 359	20 021	16843	26,5

Источники: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3566. Л. 363; Д. 3509. Л. 211об.; Оп. 2. Д. 385. Л. 98; Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 272–273.

Примечания: 1) Данные о числе хозяйств, получивших твердые задания, объеме их разверстки и выполнении по Красноярскому округу — на 25 декабря, Омскому, Барбинскому, Новосибирскому, Каменскому, Рубцовскому, Томскому, Ачинскому, Иркутскому округам — на 20 декабря, Славгородскому, Барнаульскому, Бийскому, Кузнецкому и Минусинскому округам — на 10 декабря, по Хакасскому и Канскому округам — на 5 декабря 1929 г. По Рубцовскому и Канскому округам в источнике даны ориентировочные сведения. 2) Данные о числе хозяйств, подвергнутых «пятикратке», по Томскому округу — на 21 января, по остальным округам — на 26 января 1930 г. 3) Данные об объеме централизованных заготовок — на 20 января 1930 г. 4) Без учета сведений по Ойротии и Киренскому округу.

Массовым явлением стало сокрытие хлеба в ямах. Выросли масштабы бегства зажиточных крестьян из деревни. Увеличилось число террористических актов. По данным той же сводки ОГПУ, в связи

с хлебозаготовками в регионе произошло 100 терактов, в том числе 11 убийств, 7 ранений, 15 покушений, 23 поджога, 40 избиений, 4 случая имущественного вредительства¹⁰¹. Всего во втором полугодии 1929 г., согласно официальным данным, в Сибирском крае было зарегистрировано 606 кулацких террористических актов¹⁰².

В оперативной сводке полномочного представительства ОГПУ по Сибирскому краю от 7 ноября сообщалось: «Террор, убийства, поджоги, сопротивление со стороны кулацко-зажиточной части села фиксируются всеми округами: в Омском округе, Тарском районе, д. Мартюшово убита активистка – учительница Разгуляева. В Павлоградском районе, с. Неверовка, группой кулаков тяжело избит член хлебозаготовительной комиссии бедняк Любченко, в Новоомском районе, ст. Степной кулак Дмитриев пытался застрелить председателя сельсовета, будучи замеченым, бежал из квартиры, оказал вооруженное сопротивление, отстреливаясь до утра. В Барнаульском округе, Тальменском районе, пос. Новояловке призывниками убит секретарь ячейки РКП(б). В Томском округе, Поломошинском районе, с. Сосновом остроге сожжен нардом, в том же районе, с. Иткарь председателем ККОВ сожжено два зарода хлеба. В Красноярском округе, Новоселовском районе, с. Ящущево было облито керосином и подожжено здание сельсовета, в Муртинском районе, с. Михайловке [у] бедняка-активиста, члена комиссии по хлебозаготовкам, сожжен хлеб в количестве 7000 снопов»¹⁰³.

Действия, квалифицируемые как саботаж хлебозаготовок, фиксировались властями и со стороны руководителей ряда колхозов, которые пытались скрыть реальные размеры посевых площадей и валового сбора, затягивали обмолот и продажу зерна, стремились реализовать его на вольном рынке, распределяли большую часть урожая среди колхозников. Так, например, «Коммуна “Заря свободы” Новосибирского округа включила в баланс несуществующих 50 чел. и такое же количество скота и увеличила нормы потребления, вывела нормы свободного хлеба в 30 пуд., имея фактически товарного хлеба 1000 пуд.». «Трудовая артель того же округа скрыла 20 десятин посева, обнаруженнего при проверке составленного с дефицитом хлебного баланса». «Балаганский куст колхозов Иркутского округа, “торгуюсь” с колхозсожюзом, предлагал 1000, 3000, 5000, 8000 пуд., а когда на него нажали и поставили вопрос о роспуске, дал обещание сдать 15 000 пуд.». Краевой прокурор объяснял подобные факты «засоренностью» колхозов «классово чуждыми элементами, «предпринимательскими стремлениями»¹⁰⁴.

Ответом большевистского режима на крестьянский протест являлись репрессии, которые приобрели беспрецедентный размах. В первую очередь они обрушились на жителей деревни, относимых властя-

ми к категории кулаков и зажиточных. «Антикулацкие» репрессии должны были обеспечить выполнение заготовительных заданий в возможно более короткие сроки.

С тем, чтобы не допустить разбазаривания зерна до завершения кампании по подворной разверстке, в конце сентября – начале октября в Сибири было проведено около 200 процессов по ст. 107 УК РСФСР, «приостановивших выброску хлеба из деревни на вольный рынок». Всего в Сибири до конца декабря по ст. 107 осудили 422 человека¹⁰⁵.

Следует отметить, что в кампанию 1929/30 г. уголовному преследованию по данной статье Уголовного кодекса подлежали не только спекулянты. Ее разрешалось применять «и в отношении тех кулаков, у которых хлеб в значительном размере будет найден запрятанным в землю или вообще будет установлена особо злостная форма укрытия хлеба»¹⁰⁶. Найденное в яме зерно, которое принадлежало хозяйствам, получившим твердое задание, подлежало конфискации вне зависимости от того, выполнено оно или нет. Если владельцами спрятанного являлись хозяйства, относимые к категории середняцких или бедняцких, то по отношению к ним местным органам власти следовало руководствоваться следующими указаниями Сибкрайкома¹⁰⁷. У середняков, не исполнивших взятое самообязательство, надлежало «забирать [в] счет задания соответственное количество хлеба, [в] тех случаях, когда спрятанные запасы превышают размеры самообязательств, [в] качестве меры воздействия применять через постановление комиссий содействия увеличение самообязательства не более как на пятнадцать процентов». У бедняков, не выполнивших самообязательства, зерно отбиралось только в том случае, если будет доказано, что «спрятанный ими хлеб принадлежит кулацко-зажиточным слоям». Кроме того, в отношении бедняков и середняков, спрятавших хлеб в ямы и не выполнивших самообязательств, следовало «принимать меры общественного воздействия, доказывая необходимость выполнения обязательств перед государством». Если середняцкое или бедняцкое хозяйство полностью рассчиталось с государством, то обнаруженное зерно не отбиралось, а его владельцам разъяснялся «вред порчи хлеба при зарывании [в] ямы».

Основным инструментом наказания крестьян, не выполняющих твердые задания, являлась ст. 61 УК РСФСР. 5 октября Р. И. Эйхе по проводу ГПУ потребовал от секретарей окружкомов «сломить кулацкое сопротивление», предложив для этого «немедленно организовать в основных хлебозаготовительных районах 2–3 открытых процесса над кулаками, злостно не выполняющими обязательных заданий. <...> Привлечь [к] суду необходимо наиболее ярких представителей кулачества, имеющих значительные излишки хлеба, ведущих контрреволюционную агитацию, замешанных [в] кулацким терро-

ре, лишенных прав, обложенных индивидуально, с тем чтобы была применена максимально возможная мера репрессий — конфискация имущества и высылка, [в] отдельных случаях — расстрел. Процессы должны быть обеспечены широкой массовой работой среди бедноты [и] середняков, [с] тем чтобы [с] их стороны была безусловная поддержка этих репрессий. Показательные процессы должны широко, умело освещаться [в] печати, создавая общественное мнение [о] неизбежности поражения кулака»¹⁰⁸.

Сельская правда. 1929. 29 авг.

Председатель крайсуда отдал своим подчиненным приказ «немедленно» приступить к проведению показательных процессов по ст. 61 УК РСФСР, рассматривая таковые «в день их поступления». Остальные дела, связанные с хлебозаготовками, надлежало завершать в трехдневный срок. В середине октября в деревне находилось более половины работников суда и прокуратуры. К 20 октября в их активе уже насчитывалось около тысячи дел по ст. 61, а к концу месяца — 1933¹⁰⁹.

В начале декабря, по сведениям крайпрокуратуры¹¹⁰, число осужденных составляло 4536 чел.; 584 из них было подвергнуто судебному штрафу, 1013 приговорено к принудительным работам, 2939 — к лишению свободы (в том числе 1501 — на срок свыше 1 года). Высылка в качестве меры наказания была применена к 1715 осужденным к лишению свободы. В 1773 случаях имущество привлеченных к судебной и административной ответственности подлежало конфискации. Штраф в качестве дополнительной меры социальной защиты наложили на 584 осужденных. Административный штраф должны были уплатить 9090 дворохозяев.

К концу декабря на территории Сибирского края по ст. 61 УК РСФСР (по неполным сведениям) в связи с хлебозаготовками было подвергнуто судебному преследованию 4976 чел., 1995 из них приговорено к высылке¹¹¹. По данным на 26 января 1930 г., пятикратное обложение применили к 14 359 хозяйствам, что составляло 13 % от числа дворов, получивших обязательное заготовительное задание. В Каменском округе удельный вес подобных дворов достигал 20 %, в Кузнецком — 22,5, в Рубцовском округе — 44 %¹¹².

Пятикратка еще до официального провозглашения лозунга ликвидации кулачества как класса стала инструментом раскулачивания. По сведениям Сибкрайкома, разорение 24,8 % хозяйств из общего числа раскулаченных в регионе к середине 1930 г. стало следствием применения пятикратного обложения. В некоторых округах мероприятия, проводимые в рамках исполнения постановления ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. «О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации», являлись лишь дополнением к пятикратке и конфискации имущества по судебным решениям по 61-й и другим статьям УК РСФСР¹¹³.

От конфискации имущества не освобождало и самораскулачивание. 19 ноября на страницах «Советской Сибири» краевой прокурор на основании ст. 17 общесоюзного Положения о взимании налогов и ст. 271 Гражданского процессуального кодекса РСФСР¹¹⁴ разоблачил новый маневр зажиточно-кулацкой части деревни, представители которой, «чтобы не продавать государству хлебные излишки по доведенному до их двора плану, уклониться от уплаты сельскохозяйственного налога и др. видов недоимок, после окончания полевых работ распродали или раздали на сохранение родственникам и соседям свое имущество, оставив в наличии то, что не подлежит продаже». В связи с этим крайпрокурор разъяснил, что данные законодательные акты «по отношению к кулацко-зажиточной части, распродавшей свое имущество», соблюдаются не будут¹¹⁵. «Кулаки, допустившие такие мошеннические действия, будут привлекаться по 2 ч. 169 ст. УК 116, карающей лишением свободы до 5 лет с конфискацией имущества». Крестьяне, «взявшись на сохранение имущество кулаков, не уплативших недоимку», обязывались в сугубый срок сообщить об этом в сельсовет. В противном случае они подлежали преследованию по той же статье УК «как соучастники в мошенничестве».

Соответствующие меры были приняты для предотвращения срыва распродажи конфискованного имущества. Согласно указаниям крайпрокуратуры и крайфинуправления в том случае, если таковое не удалось продать на первых торгах, оно подлежало реализации хозяйственным порядком. При этом допускалась продажа недвижимого имущества ККОВ, коммунам и сельхозартельям в рассроч-

ку на шесть месяцев, а сложные сельхозмашины, племенной скот и сельхозпродукты передавались государственным и кооперативным учреждениям¹¹⁷.

Осенью 1929 г. существенно увеличились масштабы применения ст. 58 УК РСФСР. 3 октября Политбюро ЦК ВКП(б) потребовало от ОГПУ и наркоматов юстиции РСФСР и УССР «принять решительные и быстрые меры, вплоть до расстрелов, против кулаков, организующих террористические нападения против совпартработников и другие контрреволюционные выступления». По распоряжению ОГПУ к открытым антисоветским выступлением в деревне относились не только «групповые и массовые выступления», но и «срывы кампаний и собраний». 5 октября Наркомюст РСФСР разрешил «в отдельных случаях, когда действительно требуется немедленная реакция», проводить репрессии против контрреволюционных элементов не в судебном порядке, а через органы ОГПУ. На внесудебное рассмотрение продолжали направляться «все дела по предупреждению антисоветских выступлений в деревне и дела по контрреволюционным организациям»¹¹⁸.

По сведениям центрального аппарата ОГПУ на 4 ноября, в Сибири за контрреволюционные выступления в связи с хлебозаготовками арестовали 845 человек. К концу декабря, по неполным данным, в крае по ст. 58 УК РСФСР в рамках заготовительной кампании был осужден 401 житель деревни. Из них к высшей мере приговорили 145 чел.

В значительной степени репрессии применялись и в период организованных хлебозаготовок. 16 октября бюро Сибкрайкома ВКП(б) предложило «в течение двухдневного срока предъявить иски [в] судебном порядке, по крайней мере, [к] нескольким контрактантам на район [из] числа не выполнивших своих обязательств». Возбужденные дела надлежало рассматривать в течение 24 часов. К началу декабря в крае по факту невыполнения договоров контрактации было рассмотрено 1577 исков и 429 уголовных дел¹¹⁹. По отношению к контрактантам, «виновным в злостном невыполнении договора», уголовные дела возбуждались по ст. 131¹²⁰ и 2-й части ст. 169 УК РСФСР. В директивах крайпрокуратуры по данному вопросу подчеркивалось, что безавансовость контрактации не может служить основанием для освобождения от ответственности, сдача законтрактованного хлеба не освобождает «от сдачи остального товарного хлеба (кулацкими хозяйствами в порядке выполнения обязательного задания, а середняцкими – в порядке самообязательства)». Гражданские иски к нарушителям контрактационных договоров надлежало рассматривать в двухдневный, а дела, возбужденные по ст. 131 УК, – в трехдневный срок. К уголовной ответственности по ст. 111 и 2-й части ст. 112 УК

РСФСР¹²¹ следовало также привлекать «должностных лиц, проявивших бездеятельность в сборе законтрактованного хлеба»¹²².

16 октября бюро Сибкрайкома потребовало принятия решительных мер к колхозам, отказывающимся от сдачи хлеба. Таковые подлежали роспуску, лишению государственного кредитования, привлечению к налогообложению по нормам, предусмотренным для единоличных хозяйств¹²³. Крайпрокуратура, в свою очередь, предложила местным прокурорам в случае роспуска колхозов «ставить вопрос об уголовной ответственности как официальных, так и неофициальных руководителей (членов — кулаков, влиявших на дела коллектива), инкриминируя им организацию лжекооперативов или использование кооперативной формы в целях личной наживы». К 1 декабря в крае было распущено 56 колхозов, 124 руководителя хозяйств привлечены к дисциплинарной и 139 — к уголовной ответственности¹²⁴ (по ст. 111 или 112 УК РСФСР как должностных лиц или по ст. 169 «при установлении признаков обмана»). Параллельно проводилась кампания по чистке колхозов от «кулацких и других антисоветских элементов»¹²⁵.

В конце октября усилилось репрессивное обеспечение сдачи гарнцевого сбора. 22 октября краевой суд и крайпрокуратура потребовали от торговцев и райисполкомов наложения на нарушителей законодательства в данной сфере «максимальных» штрафов и принудительного взыскания. К концу декабря в крае в административном порядке наказали 1008 владельцев частных и 176 работников «общественных» мельниц, в судебном — 655 и 86 чел. соответственно. 13 мельников приговорили к высылке. По неполным данным, 269 частных мельниц было конфисковано. При этом конфискованные мельницы передавались в общественный сектор¹²⁶.

В качестве меры, обеспечивающей выполнение календарных заготовительных планов, местные функционеры по-прежнему достаточно широко прибегали к несанкционированным вышестоящими инстанциями противозаконным действиям. При этом перегибы касались не только не выполняющих твердые задания зажиточных крестьян, но и менее состоятельных держателей хлеба, поскольку иных, более эффективных, средств заставить их сдать хлеб в счет самообязательств у сельских функционеров не было.

В сводках крайкома и крайпрокуратуры сообщалось о многочисленных случаях грубого произвола. Так, в с. Ая Алтайского района Бийского округа «уполномоченный округа Луконин и местный [уполномоченный] арестовали кулаков и 2-х середняков, избивали их, устраивали инсценированные расстрелы, загоняли в речку, обливали холодной водой, садили в темный холодный подвал и таким “методом” добивались подписки о сдаче излишков»¹²⁷.

В Фунтиковском сельсовете Чистюньского района Барнаульского округа, несмотря на распродажу 18 хозяйств, «кулацкий» план остался невыполненным на 10 тыс. пуд. «Эта часть была переложена на середняков и бедноту, в связи с чем последовал нажим:

а) середняков Гутова и Кузьмина вызвали ночью в сельсовет на допрос. При допросе наставляли наган и делали искусственный выстрел ударом пружины, они падали, а участники этого дела кричали: "промах" и становили еще... До этого раздели, собираясь вырезывать из спины ремни, колоть шилом живот и т. д.

Дальше приказывали: "Если не сдадите хлеба, то будем ставить на горячую плиту".

Проданных кулаков и выгнанных из дома приказывали не пускать на квартиру, если кто пустит, тот будет продан.

При ночном допросе кулакам закладывали в рот наган и поворачивали.

Кулаков и средняков заставляли ходить гусиным шагом вокруг сельсовета.

Выводили кулаков и средняков на кладбище ночью для расстрела, а когда вели, в это время чакали затвором. Приведши на кладбище, приказывали им стоять ночь до утра.

Продавшие ранее кулацкие хозяйства, и они находятся арестованными в РИКе — двух кулацких жен, более красивых, посадили в каталажку, а грудные ребята были дома, их приносили кормить в каталажку.

Арестованным писали письма комиссии с принуждением на половое сношение, если согласны будете, то вас освободим.

Бедняка Шумова при допросе избили и принудили вывезти весь хлеб.

2 середняков — семей красноармейцев Мартюковых подвергли аресту, заставили насильно вывезти хлеб.

Кулака Стугина приказывали беднякам бить, они были, а потом повели уполномоченные в гумно и заставили копать яму, после поставили в яму, сделав холостой выстрел»¹²⁸.

Несмотря на публичное осуждение факта организации летом 1929 г. в Шипуновском районе «ударников» и «боевых штабов» по проведению хлебозаготовок (см. гл. III, § 6), аналогичные формы давления на крестьян продолжали практиковаться в ходе кампании 1929/30 г.

В начале ноября в Тогульском районе Бийского округа после получения райкомом ВКП(б) и районными уполномоченными по хлебозаготовкам выговора от окружкома за невыполнение календарных планов секретарь райкома дал установку: «Довольно разговаривать, надо работать». После этого сельские комиссии содействия хлебо-

заготовкам были объявлены «штабами». Штабы проводили массовые аресты и конфискацию хлеба.

В с. Топтушка работа главного штаба при сельсовете и районных штабов на участках «была переведена на беспрерывку и нажим на держателя хлеба был направлен, главным образом, в ночное время. В течение 2 дней и ночей крестьянам совершенно не давали спать, например, одного крестьянина-середняка в течение одной ночи вызвали по очереди из одного штаба в другой несколько десятков раз.

Несмотря на проведение такого “нажима” на держателя хлеба, все же хлеб поступал слабо. Тогда главным штабом была дана директива о производстве массовых обысков с выгребанием хлеба, в результате чего был выграблен хлеб середняцких и бедняцких хозяйств.

Ко времени введения “военного положения” по распоряжению райкома в Топтушку была переброшена “особая ударная бригада” из 20 чел. коммунаров коммуны “Большевик”, бывшей главной силой штабов.

Из главного штаба окружные уполномоченные давали следующие распоряжения: “Штабу 5-го района. Тем гражданам, которые отказываются выполнять (читай: сдавать хлеб), оказывать личную помощь: открыть амбар, нагрести мешки и отправлять мешки на [заготовительный] пункт без разговоров. Асеев, Сухих”¹²⁹.

Борьба с перегибами фактически началась только после того, как судьба кампании была предопределена. До этого все ограничивалось лишь предупреждением о недопустимости доведения обязательного плана до середняцкого двора. И лишь 5 ноября в решении Политбюро ЦК ВКП(б) было записано поручение секретарю ЦК Л. М. Кагановичу и председателю СНК РСФСР С. И. Сырцову «по вопросу о перегибах местных организаций при хлебозаготовках составить проекты писем отдельным районам по отдельным конкретным случаям»¹³⁰.

Нам не известно, было ли направлено подобное письмо в адрес Сибкрайкома. Но касающееся перегибов циркулярное письмо от имени последнего было отправлено в адрес окружкомов Сибирского края лишь 8 декабря¹³¹. В нем указывалось, что партийные организации в ходе кампании должны были, «проводя решительный и жесткий нажим на кулака, срывающего заготовки, одновременно <...> столь же решительно бороться с антисередняцкими перегибами и извращениями нашей линии, когда массовая работа и революционная законность заменяется по отношению к середняку административным командованием». Тем не менее «отдельные случаи» антисередняцких перегибов в практической деятельности местных органов власти зафиксированы. Далее в письме перечислялись «факты вопиющего нарушения элементарных основ революционной законности», которые были «недавно вскрыты Бийским окружко-

мом», включая информацию о приведенных выше примерах действий штабов в Тогульском районе и уполномоченных по хлебозаготовкам в с. Ая Алтайского района.

В заключительной части циркулярного письма крайком предупредил, «что за невнимательное отношение к извращениям партийной линии в отношении середняка, нарушений революционной законности будут приниматься самые решительные меры воздействия», и обязал их «по каждому конкретному факту перегибов проводить немедленно соответствующие меры исправления».

Выколачиванию хлеба из деревни способствовали и экономические рычаги, как то: сельскохозяйственный налог, самообложение, иные платежи. 3 октября ЦК ВКП(б) потребовал от региональных парткомов «принять меры к усиленному сбору всех причитающихся платежей по единому сельхозналогу, страхованию, ссудам и по выполнению контрольных цифр по распределению на селе займа индустриализации. В октябре – ноябре провести самообложение и собрать причитающиеся по самообложению суммы»¹³².

Как указывалось выше, законодательно установленный максимальный лимит самообложения на 1929/30 г. устанавливается в размере 50 % оклада сельхозналога. В ряде округов данный лимит был превышен. В Ойротской автономной области, Хакасском, Канском, Барнаульском и Каменском округах он составлял соответственно 85, 62, 61, 53 и 51 % от суммы налога¹³³.

Летом 1929 г. в Сибири началась кампания по выявлению хозяйств, которые относятся к категории кулацких, для последующего обложения «наиболее богатых» из них в индивидуальном порядке (см. выше). «Ориентировочный контингент» хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке, в Сибирском крае должен был составить 3,5 % от общего числа крестьянских дворов, а всех «явно кулацких» дворов – 4 %¹³⁴. К началу октября финансовые органы края обнаружили 61,9 тыс. хозяйств, отнесенных к кулацким (4 % от общего числа хозяйств), 43,6 тыс. (2,8 %) из них обложили индивидуально. Подобные результаты учета не удовлетворяли ни краевое, ни центральное руководство. По мнению ревизовавшего Сибрайфин управление старшего инспектора Наркомата финансов РСФСР М. В. Яковleva, число хозяйств, облагаемых в индивидуальном порядке в крае, можно было довести до 50 тыс. При этом он считал, что в Сибири насчитывается до 150 тыс. кулацких хозяйств¹³⁵.

Поиск кулаков продолжился. К 15 декабря в крае обнаружили 68,1 тыс. кулацких хозяйств (4,4 %), провели индивидуальное обложение 51,5 тыс. из них (3,3 %)¹³⁶. Налог на одно индивидуально облагаемое хозяйство в 1929/30 г. (в территориальных рамках будущего Западно-Сибирского края) составил 239,5 руб., а на одно трудовое

хозяйство — 16,4 руб. На 1 февраля 1930 г. кулаки уплатили 41 % сорванной в Сибирском kraе суммы сельскохозяйственного налога¹³⁷.

13 сентября ЦК ВКП(б) предложило местным органам власти «развернуть кампанию по досрочной уплате сельхозналога»¹³⁸. Реагируя на указание Центра, бюро Сибкрайкома в своей директиве 22 сентября предложило местным партийным и советским органам добиваться того, чтобы сельский сход, принимающий поселенный план, одновременно выносил постановление, «обязывающее кулацкие хозяйства досрочно, немедленно, не позднее первых чисел октября, уплатить полностью все налоги, сборы (сельхозналог, страхплатежи, самообложение 50 процентов, военный налог, налог [на] лишенцев взамен сельсполнителей, все недоимки [по] разным платежам). [В] случае неуплаты применять репрессии за неисполнение решений сходов». На этих же собраниях надлежало выносить решения о досрочной уплате всех налогов и сборов остальными хозяйствами «[в] порядке самообязательства, увязывая эту работу [с] необходимостью финансирования дела индустриализации, размещения третьего займа»¹³⁹.

3 октября в округа был направлен циркуляр краевого суда и крайпрокуратуры, в котором указывалось, что «неисполнение кулацкими хозяйствами постановлений общих собраний о досрочном внесении ими всех налогов и сборов служит основанием для применения к данной категории плательщиков тех же мер, каким они подвергались бы при уклонении от внесения налогов и сборов в сроки, установленные законом, т. е. принудительного взыскания и ответственности по 60 и 61, § 1, ст. УК». В то же время «невыполнение постановлений общих собраний о досрочном внесении налогов и сборов остальными плательщиками в порядке самообязательства не должно служить основанием для применения принудительного взыскания и др[угих] репрессивных мер. В случае отказа от выполнения постановлений общих собраний этой категорией плательщиков к ним могут быть применены только меры общественного воздействия»¹⁴⁰.

16 октября президиум Сибкрайисполкома отдал распоряжение «о досрочном взыскании ссуд, выданных сельскохозяйственной кредитной кооперацией лицам, лишенным избирательных прав, кулакам, лжекооперативам, а также и ссуд, используемых не по назначению». Согласно требованиям крайсуда и крайпрокуратуры дела о досрочном взыскании ссуд надлежало рассматривать в трехдневный срок¹⁴¹.

4. Досрочное завершение кампании

Основной целью хлебозаготовительной кампании было ее завершение в предельно сжатые сроки. Для этого надлежало преодолеть

психологию самотека и форсировать заготовки уже в I квартале. Однако собранные основными заготоворганизациями в конце лета – начале осени в Сибири объемы зерна не обеспечивали достижение поставленной цели. Выполнение регионального годового плана централизованных заготовок к концу сентября составляло 9,2 %. Ситуацию коренным образом должно было исправить полномасштабное включение механизма урало-сибирского метода и усиление репрессий в отношении саботажников хлебосдачи, острое которых должно было быть направлено на зажиточные слои деревни.

План централизованных заготовок для Сибирского края на октябрь был принят в размере 30 млн пудов. Колхозы Сибири должны были в течение месяца завершить выполнение годового задания по хлебосдаче. При этом колхозы юго-западных округов должны были рассчитаться с государством до 15 октября, а северо-восточных округов – до 1 ноября. На хозяйства, отнесенные к категории зажиточно-кулацких, удельный вес которых следовало довести до 7–9 % от общего числа крестьянских дворов, разверстывалась половина регионального месячного задания – 15 млн пудов. Собрать твердые задания надлежало до 15 октября¹⁴². Утвердив региональное плановое заготовительное задание на октябрь, крайком потребовал выполнить его «полностью и безоговорочно». «Бездейственности и разгильдяйству должен быть положен конец»¹⁴³.

В октябре темпы хлебосдачи стали нарастать. За первую пятидневку месяца в крае заготовили 1729 тыс. пудов (140 % от предыдущей), за вторую – 2877 тыс. пудов (166 %), за третью – 3580 тыс. пудов (124 %)¹⁴⁴. Однако выйти на плановые объемы сбора хлеба в течение первой половины октября не удалось. Месячное задание на 15 октября было выполнено на 27 %.

Руководство Сибирского края контролировало положение на хлебном фронте и постоянно подстегивало темпы заготовок. 8 октября бюро крайкома заявило, что «первая пятидневка октября не дала необходимого перелома». 11 октября президиум Сибкрайисполкома поставил на вид Славгородскому, Барнаульскому, Рубцовскому, Ачинскому и Минусинскому окрисполкамам за «слабое развертывание кампании». 12 октября бюро Сибкрайкома, рассмотрев вопрос «Об итогах 2-й пятидневки октября» объявило выговоры бюро Каменскому, Минусинскому, Рубцовскому и Славгородскому окружкам и поставило на вид Иркутскому окружному ВКП(б)¹⁴⁵.

На заседании бюро Сибкрайкома 16 октября 1929 г. результаты хлебозаготовок были признаны «совершенно неудовлетворительными». Ни в одном округе края не удалось добиться завершения сдачи твердых заданий. Не выполнялись договоры о поставках законконтрактованного зерна. Сбор гарнца составил менее трети от плана на

октябрь. От колхозов поступило всего лишь 16 % от запланированного на месяц объема хлебосдачи. Виновными были названы окружные парткомы и окрисполкомы, которые «не организовали работу, обеспечивающую выполнение октябрьского задания, [и] продолжают свою неорганизованность, неповоротливость, пассивность прикрывая объективными условиями, ссылаясь [на] плохую погоду». В связи с этим бюро крайкома предупредило секретарей окружкомов и председателей окрисполкомов Барнаульского, Славгородского, Каменского, Рубцовского, Минусинского и Канско-Ачинского округов, «что [в] случае, если [в] четвертую пятидневку ими не будет достигнуто резкое увеличение поступления хлеба, они будут привлечены [к] партийной ответственности». Руководители остальных округов предупреждались, «что они также будут привлечены [к] партийной ответственности при рассмотрении четвертой пятидневки [в] случае, если результаты следующей пятидневки не будут доведены [до] таких размеров, которые бы обеспечивали выполнение полностью октябрьского плана». Кузнецкий и Бийский окружкомы получали выговор «[за] снижение результатов хлебозаготовок [в] третью пятидневку, что явилось вследствие благодушия результатами первых двух пятидневок».

Советская Сибирь. 1929. 10 окт.

В направленной после заседания бюро крайкома в адрес секретарей окружкомов директиве, наряду с установками об ускорении сбора кулацкого, колхозного и контрактованного зерна, особо подчеркивалась необходимость проведения массовой работы со средним и бедным крестьянством. Предлагалось «проводить широкие собра-

ния [под] лозунгом “Эту пятидневку каждый середняцкий, бедняцкий двор должен быть сдатчиком хлеба [в] счет самообязательств”, организовать давление [на] крестьян-бедняков, середняков, [не] продавших весь причитающийся [с] них хлеб государству, на отдельных крестьян». Кроме директивы на места командировались ответственные краевые работники. Р. И. Эйхе отправился в Омский, председатель СибКК-РКИ Ф. Ф. Ляксуткин — в Кузнецкий, его заместитель А. И. Бочков — в Красноярский и Канский округа¹⁴⁶.

Во второй половине октября рост объемов заготовок в регионе продолжился. Четвертая пятидневка дала 5331 тыс. пудов (+49 %), пятая — 6286 тыс. пудов (+18 %), шестая — 6945 тыс. пудов (+10,5 %)¹⁴⁷. В целом за месяц в Сибири в централизованном порядке, по данным Наркомторга СССР, было заготовлено 27 141 тыс. пудов зерна. Этот показатель на 12 % превосходил предыдущий максимум для данного месяца, который был достигнут в октябре гораздо более урожайного 1928 г. (см.: Приложение, табл. V). По оперативным сведениям Сибкрайторготдела, к 1 ноября выполнение годового плана по краю в целом составило 50,4 %, по юго-западным округам — 57,5 % (табл. 4.3). Фактические объемы хлебосдачи были еще больше, так как в 1929/30 г. в засчет выполнения государственного плана шел лишь тот хлеб, который кооперативные заготовители сдавали «Союзхлебу». Соответственно находящееся на глубинных ссыпных пунктах зерно формально заготовленным не считалось.

Таблица 4.3

**Ход плановых заготовок хлебопродуктов в 1929/30 г. в Сибирском крае
(по округам)**

Округ / регион	На 1.11. 1929 г.	На 1.01. 1930 г.		
	централизован- ные заготовки	гарнцевый сбор	централизован- ные заготовки	в том числе контракта- ция
I. Заготовки хлебопродуктов (тыс. пудов)				
Омский	2958	733	4082	1958
Славгородский	1550	412	2896	1738
Барабинский	721	449	859	359
Новосибирский	2260	491	3166	1374
Каменский	1100	379	1840	976
Барнаульский	2315	481	4065	1179
Бийский	2571	446	5295	2574
Рубцовский	1749	417	3734	2013
Юго-запад края	15 224	3807	25 939	12 171
Томский	3063	385	4995	2173

Округ / регион	На 1.11. 1929 г.	На 1.01. 1930 г.		
	централизован- ные заготовки	гарнцевый сбор	централизован- ные заготовки	в том числе контракта- ция
Кузнецкий	1803	202	3536	1748
Ачинский	3102	256	5897	3648
Красноярский	1489	211	4113	2541
Минусинский	724	159	2676	1013
Канский	1853	335	9106	6129
Иркутский	3055	329	6140	3374
Северо-восток края	16 959	1877	36 847	20 810
Сибирский край	32 183	5684	62 786	32 980
II. Выполнение годового плана (%)				
Омский	79,8	56,3	110,3	75,2
Славгородский	51,6	54,9	96,5	64,3
Барабинский	144,0	64,1	171,6	105,6
Новосибирский	85,2	42,6	119,4	65,4
Каменский	47,1	56,5	78,9	65,4
Барнаульский	51,4	41,8	90,3	45,3
Бийский	51,3	44,6	105,8	98,9
Рубцовский	36,8	55,3	78,6	74,5
Юго-запад края	57,5	50,9	98,1	71,0
Томский	63,7	55,0	104,0	88,3
Кузнецкий	51,4	44,9	101,0	80,5
Ачинский	50,8	51,1	96,6	123,6
Красноярский	40,7	60,1	112,6	125,7
Минусинский	20,5	41,8	76,0	101,2
Канский	40,9	51,5	101,1	194,4
Иркутский	49,2	41,2	99,0	119,5
Северо-восток края	45,4	49,0	98,8	123,2
Сибирский край	50,4	50,3	98,5	96,9

Источники: ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3511. Л. 34; Оп. 2. Д. 432. Л. 23, 24; Жизнь Сибири. 1929. № 11–12. С. 26.

Примечания: 1) В таблице приведены оперативные данные Сибкрайторготдела.
2) Ржаная и пшеничная мука учтены в чистом виде.

Несмотря на беспрецедентно высокие объемы заготовок, месячное задание осталось недовыполненным на 8 %. Это вызвало недовольство бюро Сибкрайкома, рассмотревшего 1 ноября вопрос «О вы-

полнении октябряского хлебозаготовительного плана»¹⁴⁸. В качестве отрицательных результатов месяца на заседании бюро были названы: отставание в выполнении заготовительных планов Минусинского, Рубцовского, Славгородского и Каменского округов; «относительно крупный недобор хлеба по кулацко-зажиточному сектору»; «значительное невыполнение плана заготовок по колхозам»; «слабое выполнение договоров по контрактации»; «крайне недостаточное поступление гарнцевого сбора».

План сбора гарнца за октябрь был выполнен на 65 %. Выполнение контрактационных договоров на поставку хлеба на 1 ноября составляло 54 %. Колхозы сдали за октябрь 2,8 млн пудов зерна (46,7 % месячного плана). Недобор по «твёрдым заданиям» определялся в 30–35 %. Минусинский округ выполнил годовой план централизованных хлебозаготовок на 20,5 %, Рубцовский округ – на 36,8, Каменский округ – на 47,1 %, Славгородский округ – на 51,6 %. В Славгородском округе были самые низкие в Сибири показатели выполнения твердых заданий (28 % на 20 октября)¹⁴⁹.

Указание крайкома на отрицательные моменты в хлебозакупках в крае в значительной степени были связаны с тем, что Центр, «исходя из фактического хода хлебозаготовок», перенес завершение кампании на более ранние сроки. Централизованные заготовки за октябрь в целом по стране достигли рекордного уровня в 291,3 млн пудов. В связи с этим 26 октября Политбюро ЦК ВКП(б) обязало парторганизации Украины, ЦЧО, Средне- и Нижне-Волжского краев, Крыма, Татарской и Башкирской АССР, Урала, Закавказья и Средней Азии «закончить выполнение годового плана хлебозаготовок к 1 декабря». 29 октября директиву о форсировании заготовок получили Северо-Кавказский, Казахстанский и Сибирский крайкомы. На Северном Кавказе план по сбору продовольственных культур надлежало выполнить не позднее 1 декабря, а по всем зерновым – не позднее 1 января. Конечный срок выполнения годового задания для Казахстана и Сибири был установлен на 1 января 1930 г.¹⁵⁰ Как указывалось выше, ранее было принято решение завершить кампанию в южных регионах до января, в остальных регионах – до февраля.

В решении Политбюро от 5 ноября разъяснялось, что «выполнение в срок хлебозаготовительного плана не включает в себя гарнцевого сбора», который должен был осуществляться в течение всего заготовительного года. После выполнения годового плана централизованной хлебосдачи заготовки предлагалось продолжать «в порядке самотека». Региональные парткомы предупреждались «о недопущении ликвидационных настроений и самоуспокоения в связи с успешным ходом хлебозаготовок в ряде районов и о необходимости добиться выполнения плана хлебозаготовок в установленные ЦК сроки»¹⁵¹.

Руководство Сибирского края решило завершить кампанию в еще более сжатые сроки, нежели этого требовало Политбюро. Очередной пленум Сибкрайкома 1 ноября принял постановление о выполнении годового плана централизованных хлебозаготовок «не позднее 15 декабря». При этом абсолютно большую часть объема зерна, оставшегося до его выполнения, — 29,4 млн пудов — планировалось собрать в ноябре¹⁵². В утвержденном в тот же день постановлении бюро крайкома указывалось на необходимость «в кратчайшие сроки» добиться выполнения твердых заданий и обеспечить «немедленную» сдачу колхозами «товарных излишков». Однако главным резервом, который должен был обеспечить завершение кампании к указанному сроку, в постановлении было названо выполнение «обязательств (контрактация) и самообязательств, принятых бедняцко-середняцкой частью крестьянства. Правильная организация работы комиссий содействия в этом направлении, создание местного деревенского актива из числа бедняков и середняков, полностью выполнивших свои контрактационные договоры и самообязательства, общественная проверка выполнения договоров и самообязательств должны приковать исключительное внимание партийных и советских организаций на селе»¹⁵³.

Несмотря на призывы крайкома сохранить «достигнутый в конце октября напряженный темп хлебозаготовок», объемы хлебосдачи в ноябре стали уменьшаться. За первую пятидневку собрали 6008 тыс. пудов (86,5 % от предыдущей), за вторую — 4185 тыс. пудов (70 %), за третью — 3084 тыс. пудов (74 %). К 15 ноября месячное задание по централизованным заготовкам было выполнено на 43 %, по сдаче за контрактованного зерна — на 47, сбору гарнца — на 24 %¹⁵⁴.

16 ноября в округа по проводу ГПУ направлена директива крайкома и крайисполкома, в которой указывалось, что «третья пятидневка ноября дает провал [в] темпе хлебозаготовок, [в] большинстве округов [в] первую половину ноября не обеспечено выполнение месячного плана. Особенно преступно снижают [в] течение трех последних пятидневок округа, не выполнившие своего годового плана, что показывает — [в] этих округах успокоились достигнутыми результатами [и] считают, [что] дальше работа пойдет самотеком. Такому разгульдяйству должен быть положен конец». В связи с этим окружкомы и окрисполкомы обязывались: а) «добиться восстановления темпа, обеспечивающего выполнение полностью ноябрьского плана»; б) «ни на один день не прекращать нахождение на кулака, в большинстве районов не выполнившего твердого задания»; в) в округах, выполнивших годовое задание, «не устанавливая новых планов», проверить, разверстаны ли твердые задания на все кулацкие и зажиточные хозяйства, «не допуская ни одного случая, чтобы кулак ускользнул от

обязательного задания»; г) «на деле проверить выполнение договоров контрактации, обязав контрактанта немедленно выполнить заключенный договор»¹⁵⁵.

17 ноября Президиум Сибкрайисполкома в связи с невыполнением месячного задания по сбору гарнца обязал сибконтору «Союзхлеба» «немедленно» взыскать с владельцев мельниц всю задолженность по нему за предыдущие годы. Окрисполкомы должны были «через райисполкомы и сельсоветы проверить выполнение обязательств по гарнцевому сбору, применяя все меры воздействия на уклоняющихся владельцев мельпредприятий». Кроме того, крайторготделу предлагалось лишить округа, слабо выполняющие план хлебозаготовок и гарнцевого сбора, «права использования 10 проц[ентов] отчислений от гарнцевого сбора на местные нужды до выполнения календарного плана»¹⁵⁶.

Несмотря на грозные окрики и усиление репрессий (в ноябре общее число осужденных в связи с хлебозаготовками увеличилось по сравнению с октябрем почти на треть¹⁵⁷), объемы поступления зерна в счет централизованной хлебосдачи во второй половине ноября продолжали снижаться. Четвертая пятидневка дала 2756 тыс. пудов (−11 %), пятая – 2341 тыс. пудов (−15 %), шестая – 1898 тыс. пудов (−19 %)¹⁵⁸.

В целом за месяц в Сибири в централизованном порядке, по данным Наркомторга СССР, было заготовлено 19 219 тыс. пудов зерна. Этот показатель на 31 % превосходил предыдущий максимум для данного месяца (см.: Приложение, табл. V). При этом завышенное месячное задание, по оперативным данным крайторготдела, было выполнено лишь на 69 %. Невыполнение плана объяснялось тем, что большую часть хлеба из деревни уже «выкачали», а бездорожье препятствовало подвозу уже заготовленного зерна на базовые ссыпные пункты. План по более урожайным северо-восточным округам, в которых санный путь установился раньше, был выполнен на 77,5 %, а по юго-западным – только на 53 %. Выполнение ноябрьского плана по сбору гарнца составляло в целом по краю 49 %, по юго-западным округам – 41 %¹⁵⁹.

Несмотря на исчерпание ресурсов, давление на местных функционеров, а соответственно и на жим на деревню не ослабевали. 27 ноября Сибкрайком обязал парткомы округов, не выполнивших годовое заготовительное задание: а) «не допускать демобилизацию работников, командированных на хлебозаготовки, перебросить их в отставшие районы для развертывания широчайшей массовой работы»; б) «решительно усилить судебные репрессии по отношению [к] кулаку, исходя из того, что не сдавшие до сих пор хлеба кулаки являются самыми злостными»; в) «закончить не позднее 5 декабря проверку выполнения договоров контрактации [и] продажи хлеба колхозами»;

г) «обеспечить полное поступление гарнцевого сбора, организовав с привлечением батраков проверку всех мельниц, предав суду злостных несдатчиков гарнца, также укрывателей действительной производительности мельниц»¹⁶⁰.

8 декабря Сибкрайком, осудив в своем циркулярном письме антисередняцкие перегибы в Бийском округе (см. выше), одновременно потребовал от окружкомов «максимально усилить массовую работу среди бедняцко-середняцких масс за немедленное выполнение ими 100 % самообязательств и по контрактации». Они также обязывались, «не ослабляя общественного и репрессивного нажима на кулака», добиться «(независимо от 100 % выполнения плана селом или районом) полного выполнения твердых обязательств кулаками и зажиточными»¹⁶¹.

В начале декабря темпы заготовок в Сибири за счет вывоза хлеба из глубинных пунктов увеличились. Первая пятидневка декабря принесла 3002 тыс. пудов, или в 1,6 раза больше, чем завершающая пятидневка ноября. На территории региона установился стабильный санный путь. В отстающих округах была введена обязательная трудгужповинность. В Бийском округе это привело к 13-кратному приросту объемов хлебосдачи. За вторую пятидневку месяца в счет централизованных заготовок поступило 2479 тыс. пудов, что также существенно превышало показатели последних пяти дней ноября¹⁶².

К середине декабря годовой план централизованных заготовок в регионе был практически выполнен. По оперативным данным, на 15 декабря его выполнение составляло 94,6 %, а с учетом зерна, находящегося на глубинных пунктах, — 101,1 %¹⁶³. После этого в соответствии с указаниями Политбюро от 5 ноября (см. выше) централизованные заготовки в большинстве округов края перешли в режим так называемого самотека. Тем не менее до конца года в Сибири шла «зачистка» невыполненных обязательств по отдельным округам и районам, твердым заданиям, контрактации, колхозам. Особое внимание руководство края уделяло вывозу зерна из глубинки. 17 декабря президиум крайисполкома обязал окрисполкомы привлекать к судебной ответственности виновных в его задержке¹⁶⁴. Продолжался нажим на мельпредприятия по линии гарнцевого сбора.

По оперативным данным на 31 декабря 1929 г., на территории Сибирского края без учета гарнцевого сбора заготовили 62,8 млн пудов хлеба, что составляло 98,5 % годового задания. План по сдаче законтрактованного зерна был выполнен на 97 %, по сбору гарнца — на 50,3, по твердым заданиям — на 84 %¹⁶⁵. Кулацкие и зажиточные хозяйства на 20 января 1930 г. сдали в счет выполнения «твердых заданий» 16 843 тыс. пудов (26,5 % от общего объема централизованной заготовки) (см. табл. 4.2).

В январе 1930 г. в СССР началась кампания, многократно более значимая для правящего режима, — массовая коллективизация. Централизованные хлебозаготовки свелись к минимуму. В январе — марта в Сибирском крае они составили 1700 тыс. пудов (2,6 % от годового итога), в апреле — июне — 297 тыс. пудов (0,5 %). В начале года в счет заготовок в основном шел хлеб, который продолжал вывозиться из глубинки, весной и в начале лета заготов организации приобретали оставшиеся в колхозах и у единоличников весьма незначительные товарные запасы. В счет сбора гарнца за вторую половину заготовительного года в регионе поступило 4527 тыс. пудов (44,5 % годового итога) (см. табл. 4.1).

В итоге с июля 1929 г. по июнь 1930 г. включительно в Сибирском крае, по сведениям Наркомторга СССР, в централизованном порядке было заготовлено 64 280 тыс. пудов хлебопродуктов (в 1,6 раза меньше, чем в 1928/29 г.). Выполнение годового плана составило 100,9 %. По контрактационным договорам от объединенных в простейшие производственные кооперативы единоличных хозяйств поступило 33 993 тыс. пудов (53 % централизованных заготовок). Хлебосдача колхозов составила 9436 тыс. пудов (14,7 %), совхозов — 238 тыс. пудов (0,4 %). Удельный вес кооперативных заготов организаций в заготовках зерна вырос с 86,5 % в 1928/29 г. до 95 % в 1929/30 г. При этом доля Сибкрайсоюза сократилась с 50,6 до 29 %, а Сибполеводсоюза — выросла с 36 до 66 %. Удельный вес юго-западных округов в централизованных заготовках за I и II кварталы составил 41 % (в 1928/29 г. по данным на конец года 67 %). Гарнца по краю за год собрали 10 184 тыс. пудов (90,1 % годового плана) (см.: Приложение, табл. VII; табл. 4.3).

В целом по СССР объем государственных плановых заготовок зерновых культур в 1929/30 г. составил 981,8 млн пудов, в том числе централизованные хлебозаготовки, включая осуществляемые по плану Наркомторга СССР отчисления в децентрализованные фонды, — 841,3 млн пудов (без отчислений — 804 млн), гарнцевый сбор — 140,4 млн пудов. От совхозов поступило 23,9 млн пудов (2,8 % общего объема централизованных заготовок), от колхозов — 92,2 млн пудов (11,0 %), по контрактационным договорам от объединенных в простейшие производственные кооперативы единоличных хозяйств — 180,9 млн пудов (21,5 %).

Годовой план централизованных хлебозаготовок был перевыполнен на 9,2 %. Перевыполнение было достигнуто за счет высоких результатов Украины (118,7 % годового плана), ЦЧО (110 %) и Урала (113 %). Доля Сибири в централизованных заготовках составила 7,6 % (снижение по сравнению с предыдущим годом на 12,2 п. п.), Урала — 4,1 (−5,1 п. п.), Казахстана — 4,3 (−6,6 п. п.), Нижнего и Сред-

nego Поволжья — 12,2 (−7,9 п. п.), ЦЧО — 11,6 (+5,7 п. п.), Северного Кавказа — 11,1 (+1,5 п. п.), Украины — 33,1 % (+16,7 п. п.). Удельный вес восточных регионов (Урала, Сибири и Казахстана) снизился с 40 до 16 %, юго-западных — вырос (в основном за счет Украины) с 32 до 56 %¹⁶⁶. Осенью 1929 г. фактически возобновился экспорт хлебопродуктов, который в два предыдущих года был сведен к минимуму. За 1929/30 г. из СССР было вывезено 81 429 тыс. пудов зерновых и зернобобовых, что превышало показатели 1927/28 и 1928/29 г. соответственно в 2,5 и 16,7 раз, но почти в 2 раза уступало показателям 1926/27 г. (см.: Приложение, табл. X).

Осуществленный осенью 1929 г. широкомасштабный политический, административный и экономический нажим на деревню позволил государству форсировать хлебозаготовки и добиться не только выполнения годового плана в беспрецедентно короткие сроки, но и его перевыполнения. Несмотря на некоторое снижение валового сбора зерновых, плановые заготовки хлеба, включая гарнцевый сбор, в СССР в 1929/30 г. выросли по сравнению с 1928/29 г. почти в 1,7 раза. Данный прирост был достигнут за счет существенного увеличения доли отчуждаемого у производителей хлеба¹⁶⁷. При этом изымался не только товарный хлеб, но и часть необходимого продукта. Развязанные в ходе кампании репрессии против зажиточного крестьянства стали своеобразным прологом раскулачивания. Достижение большевистским режимом в ходе кампании поставленных перед ее началом целей создало у Сталина и его окружения, а также региональной партийной элиты уверенность в возможности успешного решения задач форсированной коллективизации.

Примечания

¹ Как ломали нэп: Стенограммы пленумов ЦК ВКП(б). 1928–1929 гг. М., 2000. Т. 4: Объединенный пленум ЦК и ЦКК ВКП(б) 16–23 апреля 1929 г. С. 672–673. При правке стенограммы своей речи Stalin уточнил: «Остальные 150 млн пудов приходится брать в порядке организованного давления на кулацкие и зажиточные слои деревни». В правленый вариант текста он также включил следующий призыв: «Нужно, прежде всего, ликвидировать психологию самотека как вредную и опасную вещь. Нужно организовать хлебозаготовки. Нужно мобилизовать бедняцко-середняцкие массы против кулачества и организовать их общественную поддержку мероприятиям советской власти по усилению хлебозаготовок» // Там же. С. 491.

² ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 344. Л. 203.

³ Там же. Д. 374. Л. 101.

⁴ Там же. Ф. Р-47. Оп. 1. Д. 697. Л. 111; Ф. П-2. Оп. 2. Д. 374. Л. 101; Оп. 4. Д. 37. Л. 57; Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 665; Советская Сибирь. 1929. 20 авг.

⁵ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 374. Л. 59.

⁶ В соответствии с окончательным вариантом годового плана (см. ниже) от совхозов предполагалось получить 30 млн пудов зерна (3,5 %), от колхозов — 100 млн (11,8 %), по контракционным договорам с объединенными в простейшие производственные объединения единоличными хозяйствами — 190 млн (22,4 %), по гарнцевому сбору — 113 млн пудов (13,3 %). В 1928/29 г. цифры по сдаче зерна были соответственно 5,1 млн, 25,4 млн, 8,8 млн и 87,9 млн пудов, что составляло 0,9, 4,3, 1,5 и 14,8 % от общего объема плановых заготовок // Ежегодник хлебооборота. № 4–5: За 1929/30 и 1930/31 гг. М., 1932. Ч. 1. С. 25; № 3: За 1928/1929 г. М., 1931. С. 15.

⁷ СЗ СССР. 1929. № 47. Ст. 411; СУ РСФСР. 1929. № 55. Ст. 544.

⁸ Экономическое обозрение. 1930. № 1. С. 111; Социалистическое строительство СССР: Стат. ежегодник. М., 1935. С. 332; Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму (Социально-экономическое развитие сибирской деревни в годы социалистической реконструкции народного хозяйства. 1926–1937 гг.). Новосибирск, 1973. С. 177.

⁹ КПСС в резолюциях... Т. 4. С. 301.

¹⁰ Хлебоцентр. 1929. № 20. С. 12; Информационный бюллетень «Союзхлеба». 1929. № 107. С. 3.

¹¹ Хлебоцентр. 1929. № 18. С. 3, 4.

¹² Правда. 1929. № 18. С. 3, 4.

¹³ СЗ СССР. 1929. № 44. Ст. 385.

¹⁴ Там же. № 12. Ст. 102; СУ РСФСР. 1929. № 29. Ст. 302.

¹⁵ СЗ СССР. 1929. № 28. Ст. 252.

¹⁶ В Сибирском крае общая сумма платежей по сельхозналогу в 1929/30 г. снизилась по сравнению с предыдущим годом на четверть и составила 26,2 млн руб. // ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1517. Л. 63.

¹⁷ СУ РСФСР. 1929. № 68. Ст. 665.

¹⁸ ГАНО. Ф. Р-6. Оп. 1. Д. 1517. Л. 2, 64.

¹⁹ Там же. Ф. П-2. Оп. 2. Д. 374. Л. 103 об.

²⁰ Советская Сибирь. 1929. 20 авг.

²¹ Экономическое обозрение. 1930. № 1. С. 28.

- ²² Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 678, 659, 694; Ежегодник хлебооборота. № 4–5. Ч. 1. С. 25; Приложение, табл. IX.
- ²³ Экономическое обозрение. 1930. № 1. С. 29.
- ²⁴ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 659.
- ²⁵ Гущин Н. Я. Сибирская деревня на пути к социализму. С. 458.
- ²⁶ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 613. Л. 96; Д. 697. Л. 121; Приложение, табл. II.
- ²⁷ ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 7. Д. 450. Л. 56.
- ²⁸ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 37. Л. 106. 8 сентября бюро крайкома «признало возможным» установить региональный план хлебозаготовок в размере 62 900 тыс. пудов // Там же. Л. 104.
- ²⁹ Там же. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 121–123 об.
- ³⁰ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 697.
- ³¹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 37. Л. 111.
- ³² Там же. Оп. 1. Д. 3560. Л. 43.
- ³³ Там же. Оп. 4. Д. 38. Л. 363.
- ³⁴ В отличие от предыдущих лет в региональные и общегосударственный годовой план централизованных хлебозаготовок на 1929/30 г. задание по закупке маслосемян не включалось.
- ³⁵ ГАНО. Протоколы заседания президиума Сибкрайисполкома. 1928. Протокол № 1–178.
- ³⁶ Бюллетень новосибирской товарной биржи. 1929. 10 окт.
- ³⁷ Жизнь Сибири. 1929. № 11–12. С. 25; ГАНО. Ф. Р–294. Оп. 1. Д. 507. Л. 20.
- ³⁸ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 658.
- ³⁹ 27 февраля 1929 г. Крылов в своем выступлении на IV Сибирской краевой партийной конференции предложил в качестве нового метода хлебозаготовок так называемую демократическую разверстку. См. выше.
- ⁴⁰ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 351. Л. 158, 173, 203–204, 240.
- ⁴¹ Там же. Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 697. Л. 111.
- ⁴² Там же. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 374. Л. 59–60.
- ⁴³ Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 56.
- ⁴⁴ Там же. Оп. 2. Д. 374. Л. 92.
- ⁴⁵ Там же. Оп. 4. Д. 37. Л. 71.
- ⁴⁶ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 666.
- ⁴⁷ Там же. С. 695.

- ⁴⁸ Там же. С. 808.
- ⁴⁹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 374. Л. 39.
- ⁵⁰ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 658.
- ⁵¹ СУ РСФСР. 1929. № 60. Ст. 589.
- ⁵² См.: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 806.
- ⁵³ Там же. С. 664–667.
- ⁵⁴ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 432. Л. 181.
- ⁵⁵ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 679.
- ⁵⁶ Там же. С. 680.
- ⁵⁷ Там же. С. 680–681.
- ⁵⁸ Там же. С. 691.
- ⁵⁹ Там же. С. 679.
- ⁶⁰ Там же. С. 686.
- ⁶¹ Там же. С. 691.
- ⁶² Там же. С. 711.
- ⁶³ Там же. С. 693.
- ⁶⁴ Там же. С. 697.
- ⁶⁵ Заготовки, проведенные в июле в ходе кампании 1928/29 г., учитывались в рамках кампании 1929/30 г.
- ⁶⁶ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 374. Л. 80.
- ⁶⁷ Там же. Оп. 1. Д. 3508. Л. 3.
- ⁶⁸ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 692.
- ⁶⁹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 37. Л. 96.
- ⁷⁰ Там же. Оп. 2. Д. 374. Л. 68.
- ⁷¹ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 695.
- ⁷² Там же. С. 697.
- ⁷³ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 374. Л. 77–78.
- ⁷⁴ Там же. Л. 74.
- ⁷⁵ Там же. Оп. 1. Д. 3560. Л. 43.
- ⁷⁶ Там же. Ф. Р–1061. Оп. 1. Д. 8. Л. 97–98.
- ⁷⁷ Там же. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 38. Л. 363.
- ⁷⁸ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 693–694.
- ⁷⁹ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 374. Л. 18–20.
- ⁸⁰ Там же. Ф. Р–1228. Д. 846. Л. 32.
- ⁸¹ Там же. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 39. Л. 4–5.

⁸² См.: Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 744.

⁸³ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 3509. Л. 149 об.

⁸⁴ Там же. Оп. 2. Д. 374. Л. 60.

⁸⁵ Там же. Л. 77.

⁸⁶ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 695.

⁸⁷ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 374. Л. 74.

⁸⁸ Там же. Оп. 1. Д. 3560. Л. 44.

⁸⁹ Советская Сибирь. 1929. 2 окт.

⁹⁰ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 374. Л. 28.

⁹¹ Там же. Оп. 1. Д. 3566. Л. 363.

⁹² Там же. Д. 3509. Л. 74.

⁹³ Там же. Л. 43, 27 об.

⁹⁴ Там же. Л. 27 об.

⁹⁵ Там же. Л. 41, 46; Оп. 2. Д. 39. Л. 35.

⁹⁶ Там же. Оп. 1. Д. 3509. Л. 72; Д. 3566. Л. 363; Оп. 2. Д. 39. Л. 35.

⁹⁷ Объем твердых заданий превышал краевой план их разверстки в Омском округе на 31 %, в Славгородском округе — на 38, в Барабинском округе — на 245, в Новосибирском округе — на 34, в Каменском округе — на 10, в Барнаульском округе — на 8, в Бийском округе — на 48, в Рубцовском округе — на 27, в Томском — на 25, в Кузнецком — на 27, в Ачинском — на 66, в Красноярском — на 136, в Минусинском — на 6, в Хакасском — на 40, в Канском — на 10, в Иркутском — на 31 % // Там же. Оп. 1. Д. 3566. Л. 363.

⁹⁸ Там же.

⁹⁹ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 744.

¹⁰⁰ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 3509. Л. 28.

¹⁰¹ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 743.

¹⁰² Гущин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества как класса в сибирской деревне (1926–1933 гг.). Новосибирск, 1971. С. 184.

¹⁰³ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 746.

¹⁰⁴ ГАНО. Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 97. Л. 10.

¹⁰⁵ Там же. Л. 6 об.; Ф. П–2. Оп. 1. Д. 3509. Л. 212 об.

¹⁰⁶ Там же. Ф. Р–1061. Оп. 1. Д. 8. Л. 97.

¹⁰⁷ Там же. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 3560. Л. 94.

¹⁰⁸ Там же. Л. 53.

¹⁰⁹ Там же. Ф. Р-1063. Оп. 1. Д. 4. Л. 101; Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 6 об.; Ф. П-2. Оп. 1. Д. 2571. Л. 252.

¹¹⁰ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 7 об.

¹¹¹ Требование о расширении практики высылок «как средства борьбы со злостными спекулянтскими элементами» содержалось в директиве ЦК ВКП(б) «О мерах по усилению хлебозаготовок» от 20 сентября 1929 г. // Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 697.

¹¹² ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3566. Л. 364 об.; Оп. 2. Д. 385. Л. 98.

¹¹³ Гущин Н. Я., Ильиных В. А. Классовая борьба в сибирской деревне (1920-е – середина 1930-х гг.). Новосибирск, 1987. С. 227. В Рубцовском округе по пятикратному обложению было раскулачено 2645 хозяйств, по судебным решениям – 185, по постановлению ЦК ВКП(б) от 30 января 1930 г. – 2103; в Кузнецком округе – 1483, 197 и 569 хозяйств соответственно.

¹¹⁴ Ст. 17 общесоюзного Положения о взимании налогов и ст. 271 ГПК РСФСР содержали перечень видов имущества, которое не разрешалось отчуждать в счет погашения налоговых недоимок.

¹¹⁵ 14 ноября 1929 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление об изменении ст. 17 Положения о взимании налогов, в соответствии с которым ряд пунктов перечня имущества, не подлежащего взысканию, не распространялся на кулацкие хозяйства. У подобных хозяйств в счет погашения недоимок с момента принятия данного законодательного акта разрешалось распродавать с торгов: а) «запас топлива и продуктов продовольствия, необходимый для членов семьи недоимщика и проживающих вместе с ним лиц, находящихся на его иждивении, на три месяца»; б) «продукты продовольствия для плательщиков единого сельскохозяйственного налога в количестве, необходимом до нового урожая»; в) «сельскохозяйственный живой и мертвый инвентарь в количестве на одно хозяйство: 1) одной сохи, 2) одного плуга, 3) одной бороны, 4) одной коровы, 5) одной лошади <...>; на корм скоту в количестве, потребном до сбора новых кормов»; г) «быков-производителей, если они обслуживают общественное стадо, и необходимое количество корма для каждой головы на срок, указанный в предыдущем пункте, а равно на молодняк рабочего скота в возрасте до 3 лет и телят до полутора лет в количестве не более одной головы на хозяйство»; д) «составляющие неотъемлемую принадлежность сельского хозяйства живые и хозяйственные постройки»; е) «не снятый урожай»; ж) «семена в количестве, необходимом для посева на обрабатываемой недоимщиком земле в текущем сельскохозяйственном году, и в скотоводческих хозяйствах – на количество скота, необходимое для

сохранения хозяйства». Фактически в перечне имущества, которое не подлежало взысканию в счет недоимок у хозяйств, относимых к категории кулацких, оставалось только «необходимое для недоимщика и лиц, состоящих на его иждивении, носильное зимнее и летнее платье, белье, обувь и другие необходимые предметы домашнего обихода» // СЗ СССР. 1929. № 71. Ст. 672.

¹¹⁶ Ст. 169 УК в части 1 предусматривала лишение свободы на срок до двух лет за «*злоупотребление доверием или обман в целях получения имущества или иных личных выгод (мошенничество)*», в части 2 — лишение свободы на срок до пяти лет с конфискацией всего или части имущества за «*мошенничество, имевшее своим последствием причинение убытка государственному или общественному учреждению*» // Уголовный кодекс РСФСР. М., 1929. С. 88.

¹¹⁷ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 9–9 об.

¹¹⁸ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 714, 716, 702.

¹¹⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 39. Л. 35; Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 10.

¹²⁰ Ст. 131 УК РСФСР предусматривала лишение свободы на срок не менее 6 месяцев с конфискацией всего или части имущества за «*неисполнение обязательств по договору, заключенному с государственным и общественным учреждением или предприятием, если при рассмотрении дела в порядке гражданского судопроизводства обнаружен злонамеренный характер неисполнения*» // Уголовный кодекс РСФСР. С. 75.

¹²¹ Статья 112 УК РСФСР гласила: «[Ч. 1.] *Злоупотребление властью, превышение или бездействие власти и халатное отношение к служебным обязанностям, если в результате их последовал развал руководимого должностным лицом центрального аппарата управления или таких же государственных аппаратов производства, торговли, кредита и транспорта, [влечет] лишение свободы со строгой изоляцией на срок не ниже двух лет.*

[Ч. 2.] Во всех остальных случаях злоупотребления властью или служебным положением, превышения власти или служебных полномочий, бездействия власти и халатного отношения к обязанностям, не подпадающих под признаки настоящей и предыдущих (109–111) статей, — принудительные работы на срок до одного месяца, или увольнение от должности, или лишение на срок до двух лет права занятия руководящей или ответственной должности, или возложение обязанности возместить причиненный вред, или общественное порицание» // СУ РСФСР. 1928. № 139. Ст. 907.

¹²² ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 10; Ф. Р-1061. Оп. 1. Д. 8. Л. 98.

¹²³ Положением о едином сельскохозяйственном налоге на 1929/30 г. предусматривался более льготный порядок обложения коллективных хозяйств по сравнению с индивидуальными. Коммуны с облагаемым доходом на едока, не превышающим среднего по району, получали скидку в 60 % исчисленной налоговой суммы, сельхозартели – 40, товарищества по совместной обработке земли – 20 %. Колхозам с превышением среднего уровня облагаемый доход устанавливался путем вычитания из среднерайонного 30 % для коммун, 25 % – для артелей и 20 % – для тозов // СЗ СССР. 1929. № 12. Ст. 102.

¹²⁴ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 11–11 об.; Ф. П-2. Оп. 4. Д. 39. Л. 34.

¹²⁵ См.: Коллективизация сибирской деревни. Январь – май 1930 г. Новосибирск, 2009. С. 406.

¹²⁶ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 4. Д. 44 а. Л. 64; Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 12–12 об.

¹²⁷ Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 310. Л. 179.

¹²⁸ Там же. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 20 об.

¹²⁹ Там же. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 310. Л. 179; Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 20.

¹³⁰ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 744.

¹³¹ ГАНО. Ф. П-19. Оп. 1. Д. 310. Л. 179.

¹³² Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 713.

¹³³ ГАНО. Ф. Р-47. Оп. 5. Д. 97. Л. 14 об. В целом по краю по состоянию на 1 декабря 1929 г. самообложение было принято в размере 41,6 % оклада сельхозналога.

¹³⁴ Там же. Оп. 1. Д. 940. Л. 38.

¹³⁵ Политика раскрепощивания в Сибири. Новосибирск, 2000. Вып. 1: Этапы и методы ликвидации крестьянского хозяйства. 1930–1940. С. 52.

¹³⁶ Там же. С. 12. На этом выявление кулаков не завершилось. К 15 марта число выявленных и облагаемых в индивидуальном порядке кулацких хозяйств увеличилось до 75,4 тыс. (4,9 % от общего числа крестьянских дворов в крае) и 63,3 тыс. (4,1 %) соответственно.

¹³⁷ Гущин Н. Я. Классовая борьба и ликвидация кулачества... С. 151.

¹³⁸ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 696.

¹³⁹ ГАНО. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 3560. Л. 45.

¹⁴⁰ Там же. Ф. Р-1027. Оп. 6. Д. 10. Л. 209–209 об.

¹⁴¹ Там же. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 44 а. Л. 63.

¹⁴² Там же. Оп. 1. Д. 3509. Л. 26; Советская Сибирь. 1929. 28 сент.

¹⁴³ ГАНО. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 38. Л. 363.

¹⁴⁴ Там же. Оп.1. Д. 3509. Л. 47.

¹⁴⁵ Там же. Оп. 2. Д. 374. Л. 28; Оп. 2. Д. 374. Л. 28; Ф. Р–47. Оп. 1. Д. 787. Л. 47; Ф. П–2. Оп. 4. Д. 40. Л. 77.

¹⁴⁶ Там же. Ф. П–2. Оп. 4. Д. 39. Л. 34–35, 30.

¹⁴⁷ Там же. Оп. 1. Д. 3509. Л. 47.

¹⁴⁸ Там же. Оп. 4. Д. 40. Л. 190–192.

¹⁴⁹ Там же. Л. 192; Ф. Р–47. Оп. 5. Д. 97. Л. 6, 9; Герман Е. Н. Хлебозаготовки в Сибири накануне коллективизации (кампании 1928/29 и 1929/30 г.) // Налоги и заготовки в сибирской деревне (1890–1920-е гг.). Новосибирск, 2004. С. 228; (табл. 4.3).

¹⁵⁰ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 737, 740; Приложение, табл. VI.

¹⁵¹ Трагедия советской деревни... Т. 1. С. 744. В том же решении Политбюро отменило постановление Средне-Волжского крайкома «о забронировании 600 тыс. ц пшеницы для семссуд» и отклонило его же предложение «о дополнительном отчислении из заготовок для бедноты, ограничившись отчислением установленных 10 % от гарнцевого сбора».

¹⁵² ГАНО. Ф. П–2. Оп. 2. Д. 352 а. Л. 689; Оп. 1. Д. 3509. Л. 68.

¹⁵³ Там же. Оп. 4. Д. 40. Л. 191.

¹⁵⁴ Там же. Оп.1. Д. 3509. Л. 68. Протоколы заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929. Протокол № 10–258.

¹⁵⁵ Там же. Д. 3560. Л. 93.

¹⁵⁶ Там же. Протоколы заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929. Протокол № 10–258.

¹⁵⁷ Там же. Д. 2571. Л. 252.

¹⁵⁸ Там же. Д. 3509. Л.68, 148.

¹⁵⁹ Там же. Л. 148.

¹⁶⁰ Там же. Оп. 2. Д. 374. Л. 2.

¹⁶¹ Там же. Ф. П–19. Оп. 1. Д. 310. Л. 180.

¹⁶² Там же. Оп. 1. Д. 3509. Л. 148.

¹⁶³ Там же. Протоколы заседаний президиума Сибкрайисполкома. 1929. Протокол № 14–262.

¹⁶⁴ Там же.

¹⁶⁵ Табл. 4.3; ГАНО. Ф. П–2. Оп. 1. Д. 3566. Л. 363; Д. 3509. Л. 211 об.

¹⁶⁶ Ежегодник хлебооборота. № 4–5. Ч. 1. С. 17, 90; *Мошков Ю. А.* Зерновая проблема в годы сплошной коллективизации сельского хозяйства СССР (1929–1932 гг.). М., 1966. С. 70; Приложение, табл. VIII, IX.

¹⁶⁷ Если в 1928/29 г. в рамках государственных плановых заготовок у них изымалось около 15 %, то в 1929/30 г. – около 23 % выращенного зерна // Ежегодник хлебооборота. № 4–5. Ч. 1. С. 25.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Процесс монополизации сибирского заготовительного рынка начался в период Первой мировой войны и завершился в 1920 г. Переход большевистского режима к новой экономической политике начался с отмены госмонополии на сельхозпродукцию. В период с весны по осень 1921 г. государство осуществило неудавшуюся попытку передать монополию на межрегиональный вненалоговый оборот хлебопродуктов потребительской кооперации, которой диктовались как способы заготовок (товарообмен), так и уровень цен (обменных эквивалентов). С осени 1921 по лето 1922 г. была проведена либерализация цен, демонополизация рынка, легализация частного капитала и частичное разгосударствление перерабатывающей промышленности. Содержание политики государственного регулирования рынка в период с лета 1922 г. по осень 1925 г. характеризуется рядом в целом безуспешных попыток его ремонополизации, административного устранения частника и перехода к директивному механизму образования цен. В период с конца 1925 по 1927 г. включительно рыночный механизм ценообразования был окончательно заменен директивным, а монополия на закупки хлеба фактически перешла в руки жестко централизованного государственно-кооперативного заготаппарата.

Преобладание в СССР в период нэпа административной тенденции в регулировании рынка над либеральной предопределялось, прежде всего, господством большевистского режима с его не претерпевшей принципиальных изменений доктринальной установкой на необходимость построения социализма как бестоварного общества с одной формой собственности. Допущение рыночных регуляторов в экономике рассматривалось как временное отступление, а дискуссии внутри правящей элиты сводились по существу лишь к определению сроков его завершения. Даже относимые к «правым» лидеры Коммунистической партии положительно оценивали фактическое восстановление государственной монополии на сельхозпродукцию и замену рыночного механизма ценообразования на директивный в 1926/27 г.

При этом степень антирыночных настроений у провинциальных элит была значительно выше, чем у центральной. Не составляла ис-

ключения и Сибирь, выбор управлеченческих решений партийного, советского и хозяйственного руководства которой исходил из установок на постоянную борьбу с «вылазками нэпа». Усиление административного вмешательства в экономику диктовалось и логикой самовоспроизводства сложившейся в СССР системы партийно-государственной власти. Магистральными направлениями ее развития являлись централизация, бюрократизация и расширение сфер непосредственного влияния.

К 1928 г., получив в собственность большую часть реализуемой крестьянством продукции, государство с января этого года стало стремиться к собственности на всю произведенную продукцию, а затем и к монополии на ее производство.

Экономической основой монополизации хлебооборота являлось наращивание неэквивалентности обмена между монополизировавшим оптовый хлебный рынок государством и деревней. Правящий режим в рамках поставленной им в повестку дня задачи сверхиндустриализации страны стремился максимизировать объемы получающего в свои руки зерна и одновременно минимизировать его закупочную цену. Это позволяло, с одной стороны, увеличить прибыльность и величину хлебного экспорта и тем самым нарастить импорт машин и оборудования, а с другой — удешевить централизованное снабжение потребителей внутри страны. Однако на пути осуществления подобных стремлений стояло крестьянство. Во-первых, крестьянское хозяйство, по определению, отличалось низкой товарностью. Во-вторых, селяне не желали продавать произведенное ими зерно государственным заготовителям и огосударствленной кооперации по низким ценам, а предпочитали либо найти более выгодных покупателей в лице частников, либо уменьшить объемы его реализации, увеличив внутрихозяйственное потребление, отложив сбыт или сократив производство.

Массовая задержка крестьянами реализации хлеба со стороны крестьян (хлебные стачки) вызывала сокращение объемов централизованных заготовок и ухудшение продовольственного снабжения населения потребляющих регионов и городов. В середине 1920-х гг. хлебные стачки купировались преимущественно экономическими мерами (сокращением экспорта, импортом зерна, хлебными и товарными интервенциями, повышением закупочных цен), что, однако, приводило к снижению темпов промышленного строительства. В 1927/28 г., в очередной раз столкнувшись с широкомасштабной задержкой продажи зерна его производителями, советские лидеры отказались поступиться намеченными индустриальными программами и приняли решение перейти к внеэкономическим методам отчуждения хлеба.

С этого времени начался интенсивный поиск, аprobация и законодательное оформление способов организации хлебооборота, гарантирующих сдачу государству зерна по установленным им ценам, а также вынуждающих крестьян за счет сокращения внутрихозяйственного потребления и страховых запасов увеличить товарный выход хлеба. Заметный вклад в разработку новых методов стимулирования и ведения хлебозаготовок внесла правящая элита Сибири.

Приехавший 18 января 1928 г. в Сибирь И. В. Сталин поддержал решение руководства региона о выборочном применении ст. 107 УК РСФСР к крупным держателям хлеба как к спекулянтам. Тем самым был дезавуирован базовый нэповский принцип, в соответствии с которым крестьянин имел право не только использовать произведенную продукцию для продажи, но и оставлять ее в своем хозяйстве. Государство вновь, как и в период «военного коммунизма», стало определять объемы хлебопродуктов, которые производитель мог оставлять себе и был обязан продать государству.

Большевистское экспериментаторство в сфере заготовок обеспечивалось насилием над крестьянством, расколом деревни по социально-имущественному признаку, жестким давлением на низовой аппарат и его чисткой от сторонников продолжения нэпа. Психологический прессинг, произвол местных функционеров, административный најим, судебное преследование, государственное насилие в форме прямых репрессий (арестов, высылок, расстрелов) обрушивались, прежде всего, на зажиточных крестьян. Составной частью борьбы с зажиточным крестьянством было натравливание на него бедноты, для чего использовался прямой подкуп (четверть конфискованного кулацкого хлеба распределялась между наименее состоятельными и в то же время лояльными власти жителями деревни), экономическое и налоговое льготирование, интенсивное «промывание мозгов». Государственное насилие отчасти задевало и среднее крестьянство. Однако большая часть середняков либонейтрализовалась угрозой применения к ним репрессий, либо агитационно-пропагандистскими методами перетягивалась на сторону режима.

Не меньшие масштабы, чем антикулацкие, приобретали репрессии против сельских партийных, советских и кооперативных работников. Ослабление темпов заготовок в районе или селе влекло их наказание в административном порядке, снятие с работы, исключение из партии, привлечение к судебной ответственности.

Чтобы лишить крестьян возможности продать зерно иным покупателям, власти занялись сворачиванием рыночных отношений. Частный капитал был вытеснен из межрегионального хлебооборота к началу 1927 г. В конце этого года началось изгнание частных торговцев из местного оборота. С 1929 г. торговля собственной продукци-

ей стала относиться к источникам «нетрудового» дохода и служила основанием для причисления хозяйства к категории кулацкого. Свой вклад в борьбу с рыночной стихией вносили местные власти, по собственному усмотрению закрывая базары, выставляя на дорогах к ним заградотряды, конфискуя предназначенные для реализации зерно, за-прещая его внутридеревенскую куплю-продажу.

В целях увеличения поступления зерна в свои руки государство постоянно обращалось к методам внеэкономического стимулирования хлебозаготовок. В первую очередь власти пытались убедить крестьян в необходимости его сдачи, что квалифицировалось как признак лояльности к существующему режиму, а несдача объявлялась контрреволюционным поведением. Агитировали крестьян на сходах, бедняцких и иных собраниях, в избах-читальнях, клубах, на дому. К этой работе привлекался весь деревенский актив, присланные в деревню уполномоченные, рабочие, комсомольские и красноармейские бригады, сельские специалисты, учителя и даже школьники. С несдатчиками проводили беседования в сельсоветах. При этом местные функционеры очень часто использовали в качестве мер убеждения угрозы оружием, избиения, несанкционированные обыски и аресты, лишение крестьян их законных прав, превращающееся в издевательство, психологическое давление.

В 1928 г. подобные действия были официально осуждены как «перегибы». Однако в начале следующего, 1929 г. часть из них послужила основой для санкционированной сверху и широко распространенной практики бойкота, заключающейся в занесении несдатчиков на черную доску, публичном объявлении их врагами советской власти, отказе от продажи им товаров в кооперативных лавках, пользовании общественными угодьями, помоле зерна, выдаче необходимых справок в сельсоветах и т. п.

В качестве единственного метода стимулирования хлебосдачи правящий режим активно использовал психологический эффект от репрессивных акций. Проводя их публично, государство запугивало жителей деревни, демонстрируя им свою решимость. Примером преимущественно воспитательной направленности репрессий может послужить выборочное применение к зажиточным крестьянам в первой половине 1928 г. ст. 107 УК РСФСР. Задев относительно небольшое число сельских жителей, открытые, с выездом на место преступления и широко освещаемые в прессе, процессы над кулаками, обвиненными в саботаже хлебозаготовок по этой статье, должны были внушить страх основным держателям хлеба — середнякам и вынудить их сдавать свое зерно.

Параллельно с апробацией внеэкономических стимулов в конце 1920-х гг. осуществлялся переход от коммерческого к налогово-

податному механизму организации хлебозаготовок. Его базовым принципом являлось разверстывание заготовительного задания. В первую очередь принцип разверстки был введен в практику планирования. План хлебосдачи в масштабах всей страны стал формироваться сверху вниз, а не наоборот, а его размеры определялись не на основе статистически обоснованной оценки возможностей зернового производства, а исходя из государственной надобности, сформулированной органами верховной власти. Разверстанные по регионам и приобретшие характер заданий, планы заготовок могли в течение года изменяться в сторону повышения. В качестве же вполне достаточного доказательства возможности их выполнения выступала убежденность в том, что хлеб в необходимом количестве в деревне есть.

Действующие на общегосударственном уровне принципы определения, раскладки и изменения заготовительных заданий повторялись региональными и местными властями. В начале 1928 г. в практике заготовительной деятельности появились районные планы хлебосдачи (до этого самым низшим уровнем территориального плана был окружной или уездный), которые затем распределялись между заготоворганизациями и сельскими кооперативами. Затем от раскладки по кооперативам власти перешли к распределению районных заданий между сельсоветами и деревнями. Более того, отмечались случаи, когда местные функционеры разверстывали заготовительные задания по дворам. Но в 1928 г. подворная разверстка была отнесена к разряду перегибов.

Однако уже весной 1929 г. подобные перегибы перешли в ранг официальной государственной политики. 20 марта Политбюро ЦК ВКП(б) обязало органы управления Урала, Казахстана и Сибири произвести повсеместное распределение поселенных планов хлебосдачи между дворохозяйствами, сделав выполнение разверстанных заданий обязательным. При этом подворную разверстку следовало выдавать за инициативу сельской общественности (бедняцких собраний, партийно-советского актива). Основы предлагаемого метода хлебозаготовок были разработаны и впервые применены на Урале. Участие в выработке этой идеологии принял Л. М. Каганович. Сибирьком ВКП(б) дополнил данный метод эффективным инструментарием, необходимым для его реализации.

В начале мая получивший название урало-сибирского метод заготовок распространили на другие хлебопроизводящие регионы СССР. А летом урало-сибирский метод был законодательно оформлен и признан основным методом проведения хлебозаготовок.

В соответствии с принципами организации хлебосдачи по урало-сибирскому методу решение о взятии селом обязательств по выпол-

нению разверстанного на него заготовительного задания принималось на общем собрании жителей, имеющих избирательные права, простым большинством голосов («бедняцко-середняцкое большинство»), после чего избранная там же комиссия содействия хлебозаготовкам определяла объемы зерна, обязательные для сдачи зажиточными хозяйствами. При этом разверстываемые на них задания, получившие название «твердых», должны были равняться всем выявленным в этих хозяйствах товарным излишкам и в совокупности составлять большую часть поселенного плана. Оставшаяся часть плана распределялась между остальными селянами (прежде всего, середняками) *«в порядке самообязательства»*. Проведенная таким образом подворная раскладка утверждалась сначала бедняцко-середняцким большинством сельского схода, а затем сельсоветом, приобретая тем самым официальный статус задания, имеющего *«общегосударственное значение»*. А неисполнение *«общегосударственных заданий»* преследовалось по ст. 61 УК РСФСР: от налагаемого в административном порядке штрафа, кратного размеру невыполненного задания, до тюремного заключения и даже выселения с постоянного места жительства в случае группового отказа или активного сопротивления органам власти. Впрочем, последнее могло подпадать под юрисдикцию ст. 58 УК РСФСР, предусматривающей наказание за *«контрреволюционные преступления»* и достаточно часто применяемой карательными органами в отношении саботажников хлебосдачи.

Параллельно с урало-сибирским методом происходило становление контрактационной системы. В СССР контрактация технических культур применялась с 1922 г. и представляла собой добровольный и взаимовыгодный договор между заготовителем (промышленным предприятием или кооперативным объединением) и производителем (единоличным хозяйством или колхозом), в соответствии с которым производитель брал на себя обязательство поставить заготовителю оговоренный объем сельхозпродукции, а последний обязывался проавансировать будущие закупки продукции или предоставить в кредит материально-финансовые ресурсы, необходимые для ее производства (семена, орудия труда, агротехнические услуги, денежные ссуды и т. п.).

В конце 1920-х гг. власти поставили задачу перехода к массовой контрактации всех видов сельскохозяйственной продукции, в том числе зерновых. В 1929 г. порядок контрактации претерпел существенные изменения. В соответствии с постановлениями органов верховной власти СССР и РСФСР в качестве ее контрагентов могли выступать только кооперативы, колхозы и земельные общества. Контрактационные договоры с земобществами должны были утверж-

даться на общем собрании их членов бедняцко-середняцким большинством. Затем обязательства по производству и сдаче продукции распределялись между всеми дворами, «учитывая мощность их хозяйств». Проведенная раскладка утверждалась сельсоветом, что давало право преследовать не выполняющие ее хозяйства по ст. 61 УК РСФСР. Вводилась коллективная ответственность за невыполнение договорных обязательств. Денежную неустойку за это должно было платить земельное общество в целом. Кроме того, наряду с авансовой вводилась безавансовая контрактация и ставилась задача постепенного устранения денежного авансирования контрактантов. Таким образом, контрактация превращалась в разновидность разверстки и приобретала характер натуральной подати.

Помимо заготовок в порядке урало-сибирского метода и контрактации, в конце 1920-х гг. часть зерна поступала в централизованный фонд в качестве гарнцевого сбора (изымаемой государством натуральной оплаты за помол зерна и переработку его в крупу).

Заготовительная политика Советского государства в конце 1920-х гг. в первую очередь была направлена на экономическое удушение зажиточных хозяйств. Однако заготовки были разорительными не только для кулаков, но и для других крестьян. Сдача зерна по государственным закупочным ценам прибыли не приносила, а иногда даже не покрывала производственные издержки. Более того, под давлением властей сельские жители были вынуждены наряду с прибавочным вывозить на заготовительные пункты и значительную часть необходимого продукта. Сверхнормативное изъятие хлеба оборачивалось ухудшением продовольственного обеспечения деревни. Нехватка продовольствия как результат централизованных заготовок стала ощущаться в сельской местности ряда районов Сибири уже летом 1928 г. В конце же 1929 г. на пороге голода стояли целые округа.

Принудительное изъятие хлеба вызвало со стороны части крестьянства сопротивление, проявляющееся в сокрытии зерна, отказе или затягивании его вывоза, самоликвидации хозяйства и бегстве из деревни, агитации против политики режима, актах индивидуального террора против представителей власти и ее сторонников, открытых массовых протестах.

Неэквивалентность обмена подрывала у крестьян стимулы к расширению хозяйства. Более того, в 1929 г. наметилось сокращение производства продукции растениеводства, которое в ближайшей перспективе могло смениться его падением. Причины подобного положения И. В. Сталин и его сторонники увидели не в собственной политике, а в исчерпании возможностей развития мелкотоварного крестьянского хозяйства. В связи с этим было принято решение форсировать колLECTIVИZацию деревни и в самые короткие сроки за-

менить мелкое крестьянское хозяйство крупным, а следовательно, и значительно более товарным, социалистическим.

Массовая коллективизация деревни вызвала снижение уровня аграрного производства. В то же время обеспечиваемый жестким внеэкономическим принуждением уровень отчуждения сельхозпродуктов («принудительная товарность») существенно вырос. Базовым инструментом сверхнормативного изъятия сельхозпродукции стали колхозы, манипулировать которыми было на порядок легче, нежели дисперсной массой крестьянских хозяйств. Колхозы, к которым в качестве фактически бесплатной рабочей силы прикреплялись бывшие крестьяне, с одной стороны, находились под жестким административным, финансовым и технологическим диктатом государства, а с другой – функционировали на принципах самоокупаемости, осуществлявшейся в условиях абсолютно неэквивалентного и принудительного обмена.

Колхозная система выполнила поставленные перед ней задачи тотальной мобилизации ресурсов для решения стоявших перед сталинским режимом геостратегических задач, но в то же время в силу неэффективности принудительного труда отличалась низким уровнем развития производительных сил.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Таблица I

Динамика зернового производства в СССР в 1920–1929 гг.

Год	Зерновые	В том числе		
		пшеница	ржь	овес
Посевная площадь (млн га.)				
1913	94,4	31,6	25,8	16,9
1920	87,0	27,7	23,8	14,9
1921	79,8	23,5	24,0	12,8
1922	66,2	14,4	23,0	9,5
1923	78,6	18,4	27,1	11,6
1924	82,9	22,0	28,1	12,0
1925	87,3	24,9	28,8	12,8
1926	93,7	29,4	28,5	15,3
1927	94,7	31,3	27,3	17,9
1928	92,2	27,8	24,6	17,2
1929	96,0	29,8	24,9	18,9
Урожайность (ц/га)				
1922	7,6	8,8/6,5	7,9	8,3
1923	7,2	8,8/5,7	7,3	7,2
1924	6,2	7,4/5,3	6,7	6,9
1925	8,3	7,9/9,3	7,9	9,0
1926	8,2	9,7/7,7	8,3	9,7
1927	7,6	8,7/5,9	8,9	7,3
1928	7,9	7,8/8,0	7,8	9,5
1929	7,5	7,9/5,9	8,2	8,3
Валовой сбор (млн пуд.)				
1922	3071,4	647,1	1109,3	475,6
1923	3454,8	749,7	1207,6	509,8
1924	3138,0	797,9	1149,6	543,3
1925	4423,7	1268,6	1388,9	703,3
1926	4690,5	1492,1	1444,4	906,0
1927	4413,9	1315,6	1475,6	800,4
1928	4476,2	1341,3	1178,3	1006,1
1929	4379,7	1152,6	1243,0	9609,3

Источники: Социалистическое строительство СССР. Ежегодник. М., 1935. С. 361; Социалистическое строительство СССР. Ежегодник. М., 1936. С. 280.

Примечания: 1) Урожайность ржи приведена по озимым посевам; пшеницы: в числителе — по озимым, в знаменателе — по яровым. 2) Сведения за 1913 г. даны в сопоставимых границах.

Таблица II

Динамика зернового производства в Сибирском крае в 1920–1929 гг.

Год	Зерновые	В том числе		
		пшеница	ржь	овес
Посевная площадь (тыс. га.)				
1913	6286	3186	877	1770
1920	6990	3633	765	2243
1921	5553	3043	740	1247
1922	4166	1846	744	851
1923	5086	1899	1030	978
1924	5281	2294	1252	1066
1925	6013	3075	1284	1252
1926	6884	3824	1033	1703
1927	7288	4100	931	1964
1928	7738	4440	980	1983
1929	8526	5012	1001	2076
Урожайность (ц/га)				
1913	Нет св.	6,7	6,1	8,1
1920	— ” —	3,3	5,2	Нет св.
1921	— ” —	3,7	5,5	4,5
1922	— ” —	5,2	6,9	6,7
1923	— ” —	5,4	8,1	6,6
1924	— ” —	6,6	8,4	7,6
1925	9,2	9,6	8,0	10,1
1926	9,1	8,2	8,4	10,5
1927	8,3	7,8	8,8	9,7
1928	9,7	9,4	9,6	18,6
1929	7,2	6,5	8,9	8,0
Валовой сбор (млн пуд.)				
1913	311,6	149,6	36,5	104,2
1920	245,0	Нет св.	Нет св.	Нет св.
1921	179,3	— ” —	— ” —	— ” —
1922	153,0	— ” —	— ” —	— ” —

Год	Зерновые	В том числе		
		пшеница	ржь	овес
1924	257,4	116,1	64,8	56,0
1925	337,2	173,5	59,8	78,3
1926	397,9	209,8	60,4	108,9
1927	354,4	197,1	48,1	98,4
1928	457,4	Нет свед.	Нет свед.	Нет свед.
1929	319,1	— " —	— " —	— " —

Источники: Сборник статистических сведений по Союзу ССР. 1918–1923. М., 1924. С. 124–127; Сборник статистико-экономических сведений по Сибирскому краю. Новосибирск, 1927. Вып. 1: Сельское хозяйство. С. 36–37; Сибирский край: Стат. справочник. Новосибирск, 1930. С. 298–299, 312; Статистический бюллетень (Новосибирск). 1927. № 9–10. С. 69, 89; Народное хозяйство СССР. Стат. справочник: 1932. М.; Л., 1932. С. 172–173; ГАНО. Ф. Р-12. Оп. 1. Д. 1105. Л. 7; Ф. П-2. Оп. 2. Д. 402. Л. 39 об.

Примечания: 1) Урожайность ржи приведена по озимым посевам; пшеницы — по яровым. 2) Сведения за 1913 г. даны в сопоставимых границах.

Таблица III

**Итоги централизованных закупок хлебопродуктов и маслосемян в Сибири
в 1924–1927 гг. по регионам, культурам и плановым заготов организациям
(тыс. пудов)**

Форма заготовок / культуры / заготовитель	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Общие итоги закупок			
Централизованные хлебозаготовки	48 603	52 157	80 244
В том числе Юго-запад края	20 986	28 190	64 189
Северо-восток края	27 617	23 967	16 056
Итоги закупок по культурам			
Пшеница	20 338	29 211	61 325
Рожь	19 243	10 387	9232
Овес	7112	9623	6838
Крупяные	615	809	587
Маслосемена	1295	2126	2263
Итоги закупок по заготов организациям			
Сибкрайсоюз потребкооперации	15 658	16 298	25 987
Сибсельскосоюз	3523	11 451	21 828
Транспортная потребкооперация	1199	1056	—
«Сибхлебопродукт»	16 159	15 250	24 537

Форма заготовок / культуры / заготовитель	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Сибторг	3257	4221	6971
Сибгосторг	3624	1403	—
Госбанк	4923	1138	—
Мельтресты	—	832	794
Росмасложирсиндикат	261	510	128

Источники: ГАНО. Ф. Р-659. Оп. 1. Д. 78; Ф. Р-12. Оп. 2. Д. 6; Бюллетень Новосибирской товарной биржи. 1927. 20 окт.; 6 нояб.; 13 нояб.

Примечание: Ежегодные сведения приводятся с начала сентября по август включительно.

Таблица IV

**Ход централизованных закупок хлебопродуктов и маслосемян в СССР
в 1923–1927 гг. (тыс. пудов)**

Месяц	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Июль	5785	4609	13 229	14 153
Август	15 812	28 138	58 604	47 555
Сентябрь	39 475	31 417	88 172	94 671
Октябрь	52 169	41 527	68 655	105 331
Ноябрь	36 911	38 048	50 199	103 311
Декабрь	32 805	47 055	57 038	97 145
Январь	23 518	31 147	50 641	60 643
Февраль	25 633	23 096	60 754	55 585
Март	17 940	23 998	50 705	43 477
Апрель	15 844	17 578	39 427	27 278
Май	13 220	12 904	27 334	19 175
Июнь	7387	14 040	19 593	18 655
Итого	325 113	313 601	584 351	686 978

Источники: Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 10. С. 59; № 11. С. 47–48; № 17. С. 30–31; № 18. С. 40–43.

Примечания: 1) В таблице приведены данные НКТ СССР. 2) В 1923/24 г. 16 184 тыс. пудов не распределено по месяцам.

Таблица V

Ход плановых заготовок хлебопродуктов в Сибири в 1927–1930 гг. (тыс. пудов)

Месяц	Централизованные хлебозаготовки			Гарнцевый сбор	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Июль	2059	1133	1664	20	273
Август	822	308	393	50	299
Сентябрь	1780	6015	3799	277	944
Октябрь	6770	24 194	27 141	673	1329
Ноябрь	6274	14 658	19 219	697	1302
Декабрь	9614	18 717	10 066	979	1389
Январь	8963	9353	1066	1175	1579
Февраль	19 213	8032	476	1505	1308
Март	12 760	5570	154	1627	521
Апрель	2439	6199	85	929	291
Май	1473	2640	110	535	416
Июнь	4230	3393	101	676	412

Источники: Ежегодник хлебной торговли. № 2: 1927/28 г. М., 1929. Ч. 2. С. 4; Ежегодник хлебооборота. № 3: За 1928/29 г. М., 1931. С. 3; № 4–5: За 1929/30 и 1930/31 гг. М., 1932. Ч. 2. С. 82, 84.

Примечания: 1) В таблице приведены данные НКТ СССР. 2) Все сведения — без учета маслосемян. 3) Ржаная и пшеничная мука учтена в переводе на так называемые зерновые единицы.

Таблица VI

Ход плановых заготовок хлебопродуктов в СССР в 1927–1930 гг. (тыс. пудов)

Месяц	Централизованные хлебозаготовки			Гарнцевый сбор	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Июль	17 375	5940	14 647	838	3009
Август	60 770	33 613	106 120	3225	11 160
Сентябрь	84 074	84 738	220 762	6138	18 028
Октябрь	65 099	104 048	291 316	7788	19 826
Ноябрь	42 151	59 359	124 227	7760	16 460
Декабрь	41 533	59 273	50 697	11 419	17 936
Январь	77 440	37 955	18 577	9381	15 308
Февраль	113 892	3048	7087	9905	12 072

Месяц	Централизованные хлебозаготовки			Гарнцевый сбор	
	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Апрель	14 322	19 444	1710	7063	5697
Май	17 934	10 666	635	5432	6330
Июнь	22 450	31 941	1506	6644	5544

Источники: Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 4; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 3, 17; № 4–5. Ч. 2. С. 82, 84.

Примечания: 1) В таблице приведены данные НКТ СССР. 2) Все сведения — без учета маслосемян. 3) Ржаная и пшеничная мука учтена в переводе на так называемые зерновые единицы.

Таблица VII

Итоги плановых заготовок хлебопродуктов и маслосемян в Сибирском крае в 1927–1930 гг. по видам заготовок, культурам и плановым заготовлениям (тыс. пудов)

Форма заготовок / культуры / заготовитель	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Общие итоги заготовок			
Централизованные хлебозаготовки	78 338	100 783	64 281
В том числе хлебосдача колхозов	нет свед.	10 767	9436
Хлебосдача совхозов	— ” —	151	238
Гарнцевый сбор	—	9142	10 184
Итого	78 338	109 925	74 465
Итоги централизованных заготовок по культурам			
Пшеница	57 403	68 115	33 172
Рожь	9582	12 948	12 643
Овес	8178	15 819	16 659
Прочие зерновые и зернобобовые	1271	3329	1807
Всего зерновых и зернобобовых	76 434	100 211	64 281
Маслосемена	1904	572	Нет свед.
Итоги централизованных заготовок по заготовлениям			
Сибкрайсоюз потребкооперации	35 699	51 035	18 651
Сибселькосоюз / Сибполеводсоюз	231 44	36 162	42 336
«Сибхлебпродукт» / «Союзхлеб»	14 647	13 580	3294
Сибторг	4540	—	—
Росмасложирсиндикат	308	6	—

Источники: Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 2, 3, 15; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 1, 4, 15, 124; № 4. Ч. 2. С. 80, 82, 90; ГАНО. Ф. Р-294. Оп. 1. Д. 507. Л. 20.

Примечания: 1) В таблице приведены данные НКТ СССР. 2) Ржаная и пшеничная мука учтены в переводе на так называемые зерновые единицы. 3) В 1927/28 г. гарнцевый сбор имел местное значение и в рамках плановых заготовок не учитывался. 4) В сведения о централизованных заготовках за 1928/29 г. включен только подсолнечник. 5) Данные за 1929/30 г. – без учета маслосемян.

Таблица VIII

Итоги централизованных заготовок хлебопродуктов и маслосемян в СССР в 1923–1930 гг. по основным производящим регионам (тыс. пудов)

Регион	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.
Заготовки хлебопродуктов и маслосемян				
ЦЧО	нет свед.	19 120	519 001	57 951
Нижнее и Среднее Поволжье	– ” –	16 865	54 164	95 186
Северный Кавказ	62 051	50 150	163 297	130 704
Урал	5143	39 399	26 316	35 239
Казахстан	1444	13 075	18 217	42 177
Сибирь	10 081	48 603	52 160	80 244
РСФСР	173 113	240 954	412 705	489 570
Украина	120 248	67 063	68 614	194 863
СССР	325 113	313 601	584 351	686 978
	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Заготовки хлебопродуктов				
ЦЧО	34 487	77 809	30 058	97 656
Нижнее и Среднее Поволжье	118 572	54 070	101 845	102 844
Северный Кавказ	115 492	78 634	48 642	93 672
Урал	34 477	31 525	46 451	34 813
Казахстан	38 929	20 734	55 413	35 971
Сибирь	54 571	76 434	100 211	64 280
РСФСР	453 446	379 635	416 070	531 366
Украина	190 737	246 561	83 215	278 620
СССР	646 521	627 195	506 712	841 317

Источники: Хлебный рынок и хлебный экспорт. 1927. № 10. С. 59; № 11. С. 47; № 18. С. 42; Ежегодник хлебной торговли. № 1: 1925/26 и 1926/27. М., 1928. Ч. 2. С. 9; № 2. Ч. 2. С. 3; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 1; № 4–5. Ч. 2. С. 80, 84.

Примечания: 1) В таблице приведены данные НКТ СССР. 2) Ржаная и пшеничная мука учтены в переводе на так называемые зерновые единицы.

Таблица IX

Итоги плановых заготовок хлебопродуктов в СССР в 1927–1930 гг. по видам заготовок, культурам и плановым заготоворганизациям (тыс. пудов)

Форма заготовок / культуры / заготовитель	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Общие итоги заготовок			
Итого	627 195	594 603	981 759
В том числе централизованные хлебозаготовки	627 195	506 712	841 317
Гарнцевый сбор	—	87 891	140 442
Итоги централизованных заготовок по культурам			
Пшеница	332 532	262 637	264 697
Рожь	163 655	60 918	175 583
Овес	45 503	93 285	206 476
Прочие зерновые и зернобобовые	85 505	89 872	194 561
Итоги централизованных заготовок по заготоворганизациям			
Центрсоюз	112 212	154 533	155 367
Хлебоцентр	91 194	159 564	323 028
МСПО	22 803	—	--
Вукоспилка	89 677	34 612	112 455
Сельгospодарь / Зерноцентр	82 498	25 841	130 762
Белсельсоюз	—	—	2210
«Хлебопродукт» / Союзхлеб	161 579	121 627	95 423
Кавхлеб	11 544	—	—
Сибторг	4433	—	—
Зерногосторг	—	—	670
Укрхлеб	51 316	—	—
Укргосторг	—	—	941
Азиахлеб	—	10 534	20 007

Источники: Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 3; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 1, 15; № 4–5. Ч. 2. С. 80, 81; 84, 90.

Примечания: 1) В таблице приведены данные НКТ СССР. 2) Ржаная и пшеничная мука учтены в переводе на так называемые зерновые единицы. 3) В 1927/28 г. гарнцевый сбор имел местное значение и в рамках плановых заготовок не учитывался. 4) Данные за 1929/30 г. – без учета маслосемян.

Хлебный экспорт в 1913 г. и 1920-е гг. (тыс. пудов)

Культура	1913 г.	1922/23 г.	1923/24 г.	1924/25 г.	1925/26 г.	1926/27 г.	1927/28 г.	1928/29 г.	1929/30 г.
Пшеница	213 219	1020	36 738	669	45 037	82 195	13 260	177	16 941
Рожь	46 450	26 166	83 183	4061	11 050	25 203	9053	1	14 396
Овес	36 604	1575	8578	169	1282	3285	2794	—	3767
Ячмень	239 718	4347	18 728	4375	49 153	26 266	2017	—	40 525
Прочие зерно- вые и зернобо- бовые	нет свед.	3297	16 560	14 178	17 054	16 690	5243	4695	5800
Всего зерновых и зернобобовых	650 880	36 404	163 787	23 452	123 577	153 639	32 386	4873	81 429
Маслосемена	нет свед.	183	3557	10 586	10 289	2185	233	422	нет свед.
Прочие куль- туры и продукты	— “ —	6996	17 403	30 262	32 802	31 542	14 568	20 849	— “ —
Итого	— “ —	43 584	182 247	54 048	161 465	187 366	47 187	26 144	— “ —

Источники: Ежегодник хлебной торговли. № 2. Ч. 2. С. 45, 46; Ежегодник хлебооборота. № 3. С. 35; № 4–5. Ч. 2. С. 30.

Причесания: 1) Сведения по пшенице приведены с учетом муки, переведенной в так называемые зерновые единицы; 2) За 1928/29 г. в графе «маслосемена» приведены данные об экспорте подсолнечника; 3) В графе «прочие культуры и продукты» даны сведения об экспорте жмыков, кормовой муки, отрубей, растительного масла в переводе на маслосемена и др.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Глава I. 1921–1927 гг.: от демонополизации хлебного рынка к восстановлению государственной монополии	27
1. Март 1921 г. – 1921/22 г.: по усеченной формуле	27
2. 1922/23–1923/24 гг.: парадоксы конъюнктуры	37
3. 1924/25 г.: в условиях ажиотажного спроса	49
4. 1925/26 г.: кампания несбывшихся надежд	65
5. 1926/27 г.: под знаком монополизации	81
Глава II. Кампания 1927/28 г.: объявленная хлебная стачка	103
1. Оптимистичный сценарий (подготовка и развертывание кампании)	103
2. Хлебозаготовительный кризис	111
3. Установление виновных	121
4. Сталин в Сибири	129
5. Ст. 107 УК РСФСР и другие инструменты «чрезвычайщины»	143
«Добровольно-принудительные» платежи	153
6. Колебания линии партии (весенне-летние заготовки)	157
Глава III. Кампания 1928/29 г.: урало-сибирский метод	184
1. Работа над ошибками	184
Реформирование налоговой системы	184
Планирование кампании	188
2. Успех на фоне кризиса (заготовки в первом полугодии)	193
3. «Сползание» к чрезвычайным мерам	202
4. Поиски «нового метода»	214
Уральская инициатива	219

5. Сибирский вариант	225
Поведение крестьянства	237
6. Очередной виток «чрезвычайчины».....	243
Глава IV. Кампания 1929/30 г.:	
«блицкриг» на хлебном фронте	268
1. Выбор силового сценария	268
Корректировка метода.....	277
2. Борьба с «самотеком» (заготовки в I квартале).....	282
3. Механизм ускорения.....	291
4. Досрочное завершение кампании.....	305
Заключение	325
Приложение	333

Научное издание

История сталинизма

Ильиных Владимир Андреевич

**Хроники хлебного фронта
(заготовительные кампании
конца 1920-х гг. в Сибири)**

Редактор *Г. М. Соколова*

Художественный редактор *А. К. Сорокин*

Художественное оформление *А. Ю. Никулин*

Технический редактор *М. М. Ветрова*

Выпускающий редактор *И. В. Киселева*

Компьютерная верстка *А. Ю. Титова*

Корректор *Г. М. Афанасьева*

ЛР № 066009 от 22.07.1998. Подписано в печать 22.04.2010.

Формат 60x90/16. Бумага офсетная № 1. Печать офсетная.

Усл. печ. л. 21,5. Тираж 2000 экз.

Заказ № 4169

Издательство «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН)

117393 Москва, ул. Профсоюзная, д. 82. Тел.: 334-81-87 (дирекция);

Тел./Факс: 334-82-42 (отдел реализации)

Отпечатано с готовых файлов заказчика в ОАО «ИПК

«Ульяновский Дом печати». 432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14